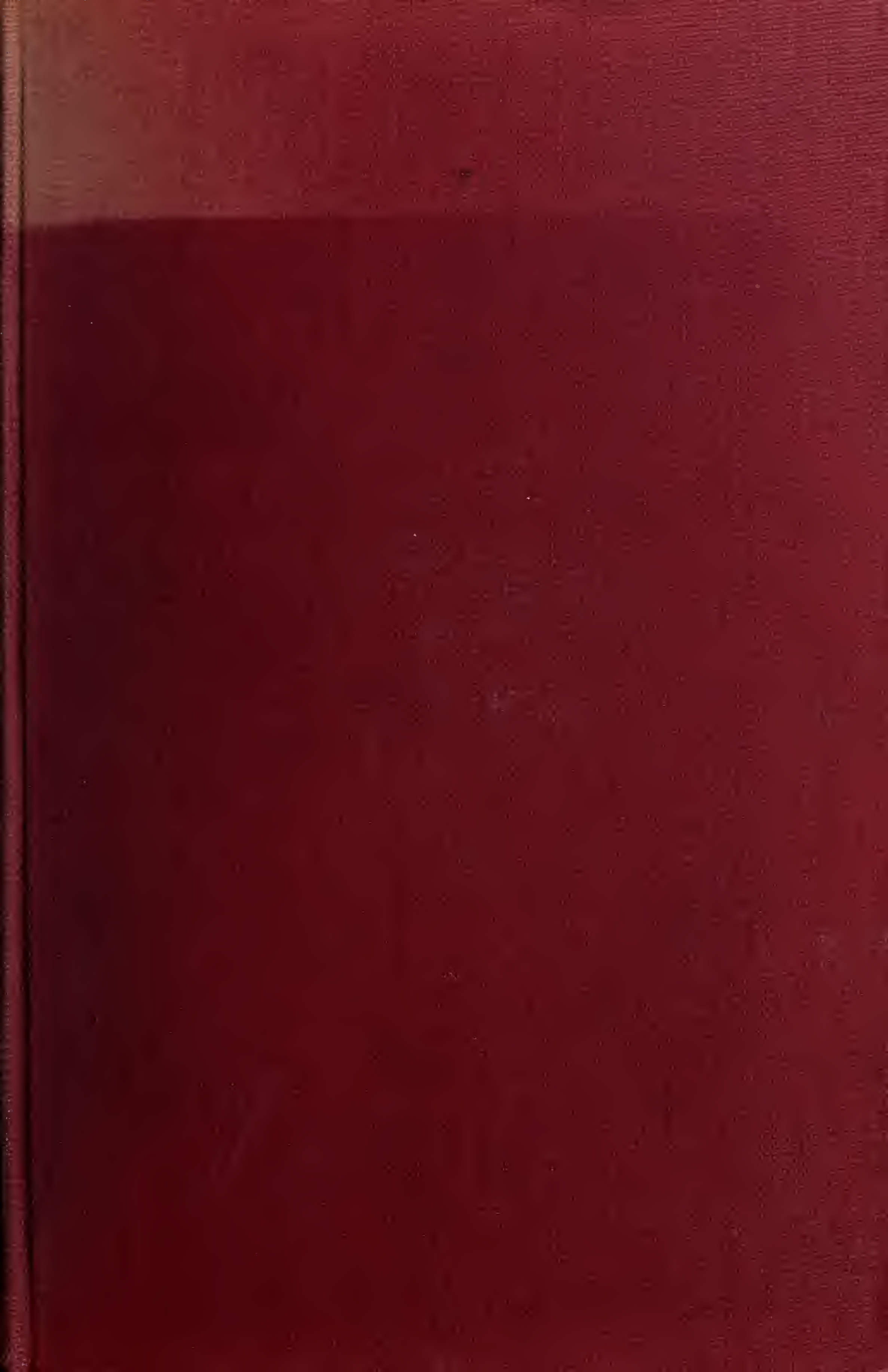
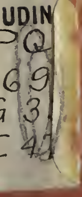

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

ИГО МОНАХОВЪ

или

РИМЪ ВЪ XIX СТОЛѢТІИ

РОМАНЪ

ДЖУЗІЕППО ГАРИБАЛЬДИ

съ приложеніемъ сочиненія профессора Франца Губера «Папы какъ истребители человѣческаго рода.»

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
Въ Типографіи М. Хана, Болотная. № 5
1870

ИГО МОНАХОВЪ

или

РИМЪ ВЪ XIX СТОЛѢТІИ

сочиненіе

ДЖІУЗЕППО ГАРИБАЛЬДИ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ Типографіи М. Хана, Болотная, д. № 5
1870

В. И.
Клочковъ
С.П.БУРГЪ
ЛИТЕЙН. ПР. 55.
КНИГОПРОДАВЕЦЪ-АНТИКВАРІЙ

ИГО МОНАХОВЪ.

I

КЛЕЛІА.

Одинъ знаменитый писатель назвалъ Римъ городомъ мертвыхъ, но можетъ ли быть смерть въ сердцѣ Италіи? Развалины Рима, прахъ его несчастныхъ сыновъ, дѣйствительно замуравлены въ могилы, но въ этихъ останкахъ столько жизни, что они могутъ еще пересоздать міръ! Римъ до сихъ поръ въ состояніи поднять цѣлые народы, какъ ураганъ вздымаетъ морскія волны, ибо не былъ ли онъ главою древней имперіи и не вся ли его исторія—исторія гигантовъ? Кто можетъ посѣщать его чудные памятники, посреди современнаго опустошенія, и не чувствовать въ своемъ сердцѣ любви ко всему прекрасному и порыва ко всему возвышенному, тотъ въ минуту своей смерти обратитъ свою низкую душу въ первобытный образовавшій ее земной прахъ. И что справедливо о городѣ, то справедливо и о народѣ. Никакія униженія не смогли уменьшить красоту дщерей Рима, красоту, увы! столь роковую для нихъ, и въ юной Клеліи, дочери транстеверскаго художника. Рафаэль нашелъ бы всю прелесть его возвышенной, небесной мадонны, соединенную съ той силой характера, которой отличались знаменитыя римскія женщины, носившія ея имя. Ей было только шестнадцать лѣтъ, но, не смотря на ея юность, ея величественная осанка напоминала древнихъ римскихъ матронъ; ея роскошные волоса были каштановые; ея темные глаза, обыкновенно выражавшіе нѣжность и

покой, при малѣйшемъ оскорбленіи метали молніеносныя искры. Отецъ ея былъ скульпторъ по имени Манліо, который, не смотря на свои пятьдесятъ лѣтъ, былъ здоровенный молодецъ, благодаря его дѣятельной и трезвой жизни. Его ремесло доставляло ему возможность поддерживать свое семейство въ довольствѣ, если не въ роскоши, и вообще онъ былъ на столько независимъ, на сколько можетъ быть независимъ гражданинъ въ странѣ, угнетаемой игомъ патеровъ. Жена Манліо, хотя отъ природы крѣпкаго сложенія, была слабаго здоровья, благодаря раннимъ лишеніямъ и постоянной сидячей жизни; она имѣла характеръ ангельскій, была счастьемъ и гордостью своего мужа и любима всѣмъ околодкомъ.

Клеліа была ихъ единственнымъ ребенкомъ, и весь народъ назвалъ ее Транстеверской Жемчужиной. Она наслѣдовала отъ матери своей не только красоту, но и ангельское сердце, а отъ отца его твердость и силу характера.

Это счастливое семейство жило на одной изъ улицъ, идущихъ отъ Сунгоры къ Монте-Джіаникало, близъ фонтана Марторо; и по несчастью для нихъ, они жили въ нашъ XIX вѣкъ, когда папство еще господствуетъ въ Римѣ.

Папа проповѣдуетъ, что Библія слово Божіе, и, однако, папскій престолъ окруженъ кардиналами, которымъ запрещенъ бракъ, не смотря на слова Св. Писанія „не добро человѣку жить единому“ и „женщина сотворена помощницей человѣку.“

Такимъ образомъ на перекоръ закону Божьему и человѣческому, бракъ запрещенъ духовенству, и громадное богатство, неограниченная власть и роскошная, праздная жизнь, всегда подвергали кардиналовъ всевозможнымъ соблазнамъ, и князья церкви постоянно представляли и представляютъ примѣръ разврата и распутства въ самыхъ ужасающихъ размѣрахъ. Такъ какъ духъ господъ отзывается всегда на всѣхъ слугахъ, то князья церкви вѣчно окружены людьми, готовыми поощрять пороки своихъ покровителей.

Красота Клеліи, по несчастью, обратила на себя вниманіе кардинала Прокопіо, самаго могущественнаго изъ прелатовъ и любимца его святѣйшества, которому онъ льстилъ въ лице и надъ которымъ за глаза смѣялся какъ надъ старымъ дуракомъ.

Утомленный своимъ постояннымъ обязательнымъ пребываніемъ

въ Ватиканѣ, онъ однажды позвалъ Джіани, своего клеврета, и объяснивъ ему, что онъ воспылалъ страстью къ Клеліи, приказалъ, во что бы то ни стало и какими бы то ни было средствами, похитить молодую дѣвушку и привести къ нему во дворецъ.

Въ исполненіе этого злодѣйскаго плана агентъ кардинала явился въ одинъ прекрасный февральскій вечеръ въ мастерскую синьора Манліо. Онъ, однако, долго колебался прежде, чѣмъ войти въ дверь, ибо, какъ всѣ ему подобные, онъ былъ низкій трусъ и съ ужасомъ представлялъ себѣ какіе страшные побои нанесетъ ему сильная рука скульптора, еслибъ только была извѣстна настоящая цѣль его прихода. Однако, спокойное выраженіе лица художника его немного успокоило, и, собравшись съ силами, онъ вошелъ въ дверь.

— Здравствуйте, синьоръ Манліо, сказалъ онъ вкрадчивымъ, мягкимъ голосомъ.

— Здравствуйте, отвѣчалъ художникъ, не поднимая головы, но продолжая разсматривать свои рѣзцы, ибо онъ ни мало не желалъ поощрять посѣщенія человѣка, въ которомъ онъ узналъ одного изъ прислужниковъ кардинала, хорошо слишкомъ ему извѣстнаго.

— Добраго вечера, синьоръ, снова началъ Джіани смиреннымъ тономъ и, замѣтивъ, что художникъ наконецъ, поднимаетъ голову, продолжалъ: — его преосвященство кардиналъ Прокопіо приказалъ передать вамъ, что онъ желаетъ имѣть двѣ небольшія статуи святыхъ для украшенія входа въ его молельню.

— А какой величины должны быть эти статуи? спросилъ Манліо.

— Я полагаю, что вамъ было бы лучше всего, синьоръ, отправиться самимъ къ его преосвященству во дворецъ посмотрѣть мѣсто, гдѣ онъ желаетъ поставить эти статуи, и переговорить съ нимъ объ ихъ рисункѣ.

Манліо закусилъ губу; ясно, предложеніе было ему не по вкусу; но какъ можетъ художникъ существовать въ Римѣ и поддерживать свое семейство въ довольствѣ безъ покровительства и заказовъ духовенства? Одно изъ самыхъ утонченныхъ орудій, которыми римская церковь поддерживаетъ свое господство надъ людьми, это покровительство изящныхъ искуствъ. Она всегда поручала первымъ итальянскимъ мастерамъ ваять статуи и писать картины, которыя внушали бы народу уваженіе къ проповѣдуемымъ ими уче-

ніямъ, принимая въ тоже время похвалы отъ всего христіанскаго міра за покровительство геніевъ и поощреніе художниковъ всѣхъ странъ поселяться въ Римѣ.

Манліо, однако, готовый сто разъ пожертвовать своею жизнью для блага своихъ возлюбленныхъ жены и дочери, подумалъ нѣсколько минутъ и наконецъ коротко отвѣтилъ:—я пойду.

Джіани низко поклонился и вышелъ, бормоча про себя: „первый шагъ сдѣланъ, теперь надо найти безопасный обсерваціонный пунктъ для Ченчіо.“

Ченчіо былъ сподручный Джіани, и кардиналъ поручилъ ему исполненіе второй части задуманнаго плана; но для этого надо было нанять комнату противъ мастерской Манліо. Это было не трудно, особливо въ означенномъ кварталѣ, ибо въ Римѣ, гдѣ патеры занимаются духовными потребностями народа и очень мало его свѣтскимъ благоденствіемъ, хотя никогда не забываютъ своихъ собственныхъ интересовъ, нищета всюду преобладаетъ (¹). Но еслибъ торговля незадерживалась насильственными мѣрами, то древняя дѣятельность

(¹) «Иностранцы, разсуждая о папскомъ вопросѣ, говоритъ Дици въ своей книгѣ «Римъ въ 1860 г.» всегда упоминаютъ какъ о безспорномъ фактѣ, что пребываніе папскаго двора въ Римѣ приноситъ громадную пользу городу въ матерьяльномъ отношеніи, каково бы ни было его нравственное вліяніе. Но мои личныя наблюденія заставляютъ меня сомнѣваться въ справедливости подобнаго мнѣнія. Еслибъ папа былъ удаленъ изъ Рима, или еслибъ было установлено свѣтское правительство, что въ сущности сводится къ одному, то число духовенства значительно уменьшилось бы, многіе монастыри и церковные доходы были бы уничтожены и нынѣшнее поколѣніе патеровъ и монаховъ сильно пострадало бы. Этотъ результатъ неизбѣженъ. Не при какомъ свободномъ правительствѣ городъ въ 170.000 жителей не могъ бы содержать 10.000 непроизводительныхъ тунеядцевъ на общественный счетъ; а таково положеніе Рима въ настоящую минуту. Каждые шестнадцать гражданъ, мужчины, женщины и дѣти, поддерживаютъ своимъ общимъ трудомъ одного патера. Вообще одна изъ любопытныхъ таинъ Рима какъ сотни патеровъ и монаховъ, которыми кишатъ всѣ улицы, ухитряются жить, но ключъ къ этой тайнѣ находится въ церквахъ. Въ каждой изъ нихъ, а ихъ всего 366, ежедневно служатъ до 20 или 40 службъ, а за каждую службу платятъ отъ 6 пенсовъ до 5 шилинговъ».

Рима могла бы быть возстановлена и даже соперничать съ дѣятельностью его въ самые цвѣтущіе дни древности.

Нанявъ удобную для его цѣли комнату, Джіани возвратился домой, весело распѣвая и не чувствуя ни малѣйшихъ упрековъ совѣсти. Онъ очень хорошо понималъ, что можно было получить отпущеніе грѣховъ за всякую низость, за всякое злодѣйство, сдѣланное на пользу святой матери церкви.

II.

АТТИЛІО.

Въ этой же улицѣ, напротивъ дома Манліо, находилась другая мастерская, занимаемая художникомъ по имени Аттиліо, пріобрѣвшемъ уже себѣ нѣкоторую знаменитость, не смотря на свои девятнадцать лѣтъ. Онъ работалъ большую часть дня, но, не смотря на все свое прилежаніе, никакъ не могъ удержаться, чтобъ не бросать время отъ времени взглядовъ, полныхъ любви, на окошко перваго этажа, гдѣ Клеліа обыкновенно сидѣла съ шитьемъ, подлѣ своей матери. Безъ ея вѣдома, даже почти безъ его вѣдома, она незамѣтно стала звѣздой его неба, прелестнѣйшей красой посреди всѣхъ красотъ Рима — его надеждой, его жизнью. И въ настоящую минуту Аттиліо, сидя у окна, пытливо слѣдилъ за всѣми движеніями агента кардинала. Онъ видѣлъ на лицѣ Джіани сомнѣніе и нерѣшительность и съ быстрымъ инстинктомъ влюбленнаго тотчасъ почуялъ что-то недоброе; подозрѣніе запало въ его сердце и страхъ за безопасность своей возлюбленной овладѣлъ имъ. Когда Джіани вышелъ изъ дома Манліо, Аттиліо тихо, незамѣтно, послѣдовалъ за нимъ, и, чтобъ отвратить всякое подозрѣніе, останавливался по временамъ у оконъ лавокъ и монументовъ, встрѣчающихся на каждомъ шагу въ вѣчномъ городѣ. Одной рукой онъ постоянно ощупывалъ кинжалъ, старательно спрятанный за пазухой, особливо онъ крѣпко сжималъ его рукоятку, когда Джіани входилъ въ дома и торговался о цѣнѣ комнаты.

Наконецъ Джіани достигъ великолѣпнаго Палаццо Корсини, гдѣ жилъ его господинъ, и исчезъ въ роскошномъ портикѣ; тогда

Аттиліо, прекративъ свое преслѣдованіе, повернулъ въ другую сторону.

— Такъ это кардиналъ Прокопіо, промолвилъ онъ про себя:— Прокопіо любимецъ папы, самый низкій и развратный изъ князей церкви!

И погруженный въ грустную думу, Аттиліо продолжалъ идти, самъ пе зная, куда.

III.

ЗАГОВОРЪ.

Привилегія рабовъ—составлять заговоры противъ своихъ угнетателей, ибо свобода даръ Божій, врожденное право человѣка. Поэтому итальянцы въ прошедшемъ и въ настоящемъ, угнетаемые различными игами, постоянно составляли заговоры; и такъ какъ деспотизмъ патеровъ и монаховъ самый ненавистный и унижающій изъ деспотизмовъ, то со времени этого владычества заговоры стали встрѣчаться чаще, чѣмъ прежде. Насъ хотятъ увѣрить, что папское правительство милосердое и что его подданные совершенно имъ довольны и всегда были имъ довольны. Но если это такъ, то почему тѣ, которые имѣютъ притязаніе быть представителями Христа на землѣ, представителями Того, кто сказалъ: „царство мое не отъ міра сего", почему они, со времени учрежденія свѣтской власти папъ, просили шестнадцать разъ французскаго вмѣшательства, пятнадцать разъ германскаго, семь разъ австрійскаго и три раза испанскаго, почему нынѣшній папа сохраняетъ свой престолъ, лишь благодаря вмѣшательству чужестранной державы?

И такъ, восьмаго февраля, ночью, было назначено собраніе заговорщиковъ. Заломъ для собранія былъ избранъ древній Колизей; и Аттиліо, вмѣсто того, чтобы возвратиться домой, вспомнилъ объ этомъ собраніи и отправился къ Campo Vaccino.

Ночь была темная; дулъ грозный сирокко, и черныя тучи сбѣгались со всѣхъ сторонъ. Нищіе, закутавшись въ свои лохмотья, искали убѣжища въ старинныхъ портикахъ дворцовъ и церквей.

Внутри этихъ зданій патеры пировали за роскошно убранными столами, уставленными дорогими явствами и рѣдкими винами. Нищіе извнѣ, патеры внутри — вотъ два класса, изъ которыхъ состоитъ римское населеніе. Но заговорщики ждутъ и предвидятъ тотъ день, когда патеры и нищіе будутъ одинаково явленіемъ прошедшаго.

Мало по малу вдали предъ глазами Аттиліо стала выдѣляться изъ мрака одинокая, черная масса древняго форума, этого величественнаго гиганта изъ существующихъ развалинъ. Онъ стоитъ и ежеминутно напоминаетъ городу рабовъ о ста вѣкахъ величія, которыхъ онъ, увы! пережилъ, онъ говоритъ ему, что, хотя Римъ покрытъ саваномъ смерти и позора, онъ еще не умеръ, не погибъ для народовъ, которыхъ создали его слава и цивилизація.

Въ этихъ славныхъ развалинахъ собирались заговорщики. Иностранцы обыкновенно выбираютъ прекрасную, лунную ночь для посѣщенія Колизея; но его слѣдуетъ видѣть во мракѣ, въ грозу, когда молнія освѣщаетъ его и громы небесные раздаются подъ его полуразвалившимися сводами. При такой обстановкѣ въ глухую февральскую ночь, заговорщики являлись одинъ за однимъ на древнюю арену гладіаторовъ.

Между тысячами отдѣленій, въ которыхъ римскій народъ собирался въ тѣ дни, когда его развращали сокровища побѣжденнаго міра, было нѣсколько болѣе обширныхъ, чѣмъ остальныя; вѣроятно, они были предназначены для патриціевъ и высшихъ сановниковъ, но время своей всеуничтожающей десницей превратило все это въ одну едва различаемую массу развалинъ. Нынѣ не существуетъ никакихъ сидѣній, украшавшихъ въ былое время Колизей, а только обломки камней указываютъ границы отдѣленій и скамьи. Въ одномъ изъ такихъ отдѣленій безмолвно собирались заговорщики, подозрительно посматривая другъ на друга съ помощью глухихъ фонарей. Входя въ Loggione, какъ они назвали эти развалины, они молча пожимали руку каждому новому пришельцу. Наконецъ раздался голосъ: „Поставлены ли вездѣ часовые?“ Другой голосъ съ противуположнаго конца отвѣчалъ: „Все обстоитъ благополучно.“ Въ тоже мгновеніе пламя факела, зажженнаго подлѣ перваго говорившаго, освѣтило сотни энергичныхъ лицъ, по преимуще-

ству молодыхъ и большинство которыхъ положительно не имѣло болѣе тридцати лѣтъ отъ роду.

Тамъ и сямъ начали мерцать другіе факела, тщетно стараясь побѣдить мракъ ночи. Католическое духовенство никогда не имѣетъ недостатка въ шпіонахъ и оно само обладаетъ большой способностью къ этому ремеслу. При такихъ обстоятельствахъ иностранцу могло бы показаться чрезвычайно неосторожнымъ собраніе заговорщиковъ въ какой бы то ни было части Рима; но не надо забывать, что въ вѣчномъ городѣ можно найти цѣлыя степи, и Campo Vaccino занимаетъ такое пространство, на которомъ можно было бы помѣстить всѣ знаменитыя развалины западной Европы. Къ тому же наемники св. церкви любятъ всего болѣе свою шкуру и оказываютъ услуги церкви болѣе изъ корыстолюбія, чѣмъ изъ вѣрности; потому и не любятъ рисковать своею жизнью. Къ тому же, по словамъ этихъ суевѣрныхъ трусовъ, въ развалинахъ Колизея обитаютъ легіоны привидѣній. Разсказываютъ, что однажды въ такую же ночь, какъ та, которую мы теперь описываемъ, два шпіона, посмѣлѣе своихъ товарищей, увидѣвъ свѣтъ въ развалинахъ, отправились туда, но были такъ перепуганы страшными привидѣніями, что бѣжали, потерявъ шляпы и шпаги. Привидѣнія были никто иные, какъ заговорщики, и разсказъ о злыхъ духахъ въ Колизеѣ не мало забавлялъ ихъ, когда, выходя, они споткнулись о потерянныя вещи шпіоновъ и услышали о всемъ происшедшемъ отъ одного изъ своихъ часовыхъ. Такимъ образомъ развалины Колизея стали гораздо безопаснѣе, чѣмъ улицы Рима, на которыя, по правдѣ сказать, ни одинъ честный человѣкъ не смѣетъ выдти послѣ сумерекъ.

IV.

СОБРАНІЕ ЗАГОВОРЩИКОВЪ.

Первый голосъ, раздавшійся въ ночномъ собраніи заговорщиковъ, былъ голосъ нашего знакомца Аттиліо. Этотъ юноша, не смотря на свои молодые годы, единогласно былъ избранъ въ предводители своими товарищами за его храбрость и высокія нрав-

ственныя качества, хотя, конечно, его добрый характеръ и прелестное, изящное обращеніе не мало содѣйствовали его популярности въ народѣ, который такъ дорого цѣнитъ эти качества. Что касается до его наружности, то Аттиліо соединялъ гордую энергію льва съ мужественной красотой Антиноя.

Прежде всего онъ окинулъ взоромъ все собраніе, чтобы убѣдиться, находится ли черная повязка на лѣвой рукѣ каждаго присутствующаго; это былъ признакъ принадлежности къ ихъ братству. Вмѣстѣ съ тѣмъ это служило и знакомъ траура по тѣмъ выродкамъ изъ римлянъ, которые хотя и желаютъ освобожденія своей страны, но ждутъ совершенія этого подвига отъ другихъ, зная очень хорошо, что это спасеніе не можетъ быть достигнуто иначе, какъ кровью и жертвами ихъ согражданъ.

— Два мѣсяца прошло, братія, началъ Аттиліо, съ тѣхъ поръ, какъ намъ обѣщали очищеніе Рима отъ иностраннаго войска, единственной поддержки папскаго владычества; но до сихъ поръ чужестранные солдаты толпятся на нашихъ улицахъ и подъ пустыми предлогами снова заняли прежнія позиціи, на которыя обѣщали никогда не возвращаться. И такъ, намъ измѣнили и намъ остается самимъ совершить дѣло нашего освобожденія. Мы слишкомъ терпѣливо выносили восемнадцать лѣтъ двойное ненавистное иго чужестранцевъ и монаховъ. Въ послѣднее время мы постоянно были готовы взяться за оружіе, но насъ удерживали совѣты гермофродитной партіи, называющей себя *умѣренной;* далѣе мы не можемъ ей довѣрять, члены этой партіи употребляютъ свою власть только для своего обогащенія, они грабятъ общественную казну и постоянно готовы входить въ сдѣлки съ чужестранцами и торговать народною честью. Наши друзья извнѣ готовы и осуждаютъ насъ за нашу медленность. Армія стоитъ за насъ, исключая немногихъ, побуждаемыхъ низкими разсчетами. Оружіе, ожидаемое нами, прибыло и находится въ вѣрномъ мѣстѣ. У насъ также обильный запасъ пороху и снарядовъ. При такихъ обстоятельствахъ дальнѣйшая медленность непростительна. Къ оружію, братья, къ оружію!

— Да, да, къ оружію, воскликнули триста заговорщиковъ.

Подъ тѣми же сводами, гдѣ раздавались голоса древнихъ римлянъ, совѣщавшихся о порабощеніи всего міра, новые римляне кля-

лись освободить порабощенный Римъ, или погибнуть съ оружіемъ въ рукахъ. Ихъ было всего триста, но не триста ли было товарищей у Леонида и не изъ трехъ сотъ ли человѣкъ состояло семейство Фабіевъ? И эти современные римляне точно также готовы были или сдѣлаться освободителями своей родины, или принять мученическій вѣнецъ. Они были правы, ибо что значитъ жизнь для раба въ сравненіи съ возвышенными стремленіями души, вѣчно побуждаемой благородными идеями?

Да спасетъ Господь Богъ такія души, да спасетъ онъ и тѣхъ, которые презираютъ возможностью сдѣлаться тиранами надъ своими согражданами! Какую цѣну можетъ имѣть жизнь для тирана? Вѣчные упреки совѣсти заставляютъ его дрожать при шелестѣ каждаго листа. Никакое внѣшнее величіе не можетъ вознаградить его душевныя страданія. Дай Господи, чтобы впослѣдствіи милосердный Богъ простилъ тѣмъ, которые никому не прощали, простилъ тиранамъ за пролитые ими потоки невинной крови!

— Счастливы мы, продолжалъ Аттиліо, что намъ суждено провидѣніемъ освободить Римъ, эту древнюю владычицу міра, послѣ столькихъ вѣковъ угнетенія и тираніи монаховъ. Я ни на минуту, друзья мои, не сомнѣвался въ вашей любви къ родинѣ, и вы ежедневно доказываете эту любовь, обучая военному искуству ввѣренныхъ вамъ людей въ различныхъ частяхъ города. Въ день битвы, который вскорѣ настанетъ, вы будете каждый командовать своимъ отрядомъ и имъ-то мы будемъ одолжены своей свободой. Монахи и патеры превратили первую націю въ свѣтѣ въ самую несчастную, въ самую презрѣнную, и наша любимая Италія стоитъ на низшей ступени общественнаго развитія. Наши папскіе властители проповѣдывали намъ вѣчно одно рабское смиреніе, тогда какъ они сами требуютъ, чтобы императоры цѣловали имъ ноги. Вотъ какъ они выказываютъ міру свое христіанское смиреніе, и хотя всегда проповѣдуютъ другимъ самоотреченіе и строгую жизнь, эти лицемѣры окружаютъ себя роскошью и всевозможнымъ развратомъ. Гимнастическія упражненія, конечно, полезны для физическаго развитія человѣка, но не для этой же цѣли римлянъ заставляютъ преклонять колѣна и цѣловать руку у каждаго проходящаго патера, такъ что удивительно, какъ весь нашъ народъ

не сталъ горбатымъ? Минута великаго боя настала, и бой этотъ святой! Мы хотимъ не только освободить нашу милую Италію, но весь міръ отъ ненавистнаго ига папства, которое вездѣ тормозитъ образованіе, поощряетъ невѣжество и распространяетъ всяческое нечестіе!

Вся рѣчь Аттиліо была произнесена въ глубокомъ мракѣ, но при послѣднихъ его словахъ, блескъ молніи освѣтилъ обширную площадь Колизея, словно вдругъ вспыхнули тысячи огней. Вслѣдъ за этимъ наступилъ мракъ еще чернѣе, чѣмъ прежде, и страшный ударъ грома потрясъ до основанія древнія развалины, такъ что голосъ Аттиліо на время былъ заглушенъ. Заговорщики не были трусы и всегда готовы встрѣтить смерть, въ какомъ бы видѣ она ни явилась, но при неожиданномъ воплѣ, раздавшемся не вдалекѣ, они инстинктивно выхватили свои кинжалы. Въ ту же минуту ворвалась въ ихъ среду молодая дѣвушка съ распущенными волосами и въ мокрой одеждѣ.

— Камилла! воскликнулъ Сильвіо, охотникъ за кабанами въ Компаніи: — бѣдная Камилла, до чего довели тебя злодѣи, угнетающіе насъ!

Въ эту минуту одинъ изъ часовыхъ вбѣжалъ въ кружокъ заговорщиковъ и громко объявилъ, что какая то молодая женщина открыла ихъ собраніе при неожиданномъ блескѣ молніи и бѣжала такъ быстро, что не могли они остановить ее, а стрѣлять не рѣшились. Услыхавъ восклицаніе Сильвіо, странное привидѣніе устремило на него свои пламенно сверкавшіе глаза и, огласивъ воздухъ жалобнымъ воплемъ, опустилось на землю у его ногъ. Въ слѣдующей главѣ, мы разскажемъ исторію этой несчастной дѣвушки, крики которой прервали рѣчь нашего героя.

V.

ДѢТОУБІЙСТВО.

Родившись поселянкой, бѣдная Камилла была одарена, какъ ея родная Италія, роковымъ даромъ красоты. Сильвіо, какъ мы уже сказали, былъ охотникъ за кабанами и часто въ своихъ странствова-

ніяхъ по Понтійскимъ болотамъ останавливался у добраго Марцелло, отца Камиллы, домикъ котораго стоялъ недалеко отъ Рима. Молодые люди полюбили другъ друга; Сильвіо сдѣлалъ предложеніе и, получивъ согласіе отца, сталъ женихомъ. Трудно себѣ представить зрѣлища прелестнѣе этихъ двухъ юныхъ созданій, когда они, сидя рука въ руку подъ тѣнью нависшихъ виноградныхъ лозъ, любовались великолѣпнымъ заходомъ солнца. Но это счастье продолжалось недолго. Однажды на охотѣ Сильвіо схватилъ гнилую горячку, столь обыкновенную въ Понтійскихъ болотахъ, и пролежалъ нѣсколько времени, такимъ образомъ свадьба была отложена на неопредѣленное время.

Между тѣмъ Камилла была слишкомъ прелестна и невинна, чтобы жить безопасно въ самомъ развратномъ городѣ всего міра; потому не удивительно, что агенты кардинала Прокопіо предназначили ее въ жертву своему господину. Она обыкновенно носила продавать фрукты на Піацу-Навона. Однажды какая то старуха, подъученная Джіани, посовѣтовала ей отнести свои фрукты во дворецъ кардинала. Старуха такъ любезно обошлась съ молодой дѣвушкой и обѣщала ей такую большую плату за плоды, что она согласилась. Конецъ этой исторіи нечего разсказывать; подобныя дѣла ежедневно повторяются въ Римѣ. Чтобъ скрыть отъ ея отца и жениха послѣдствіе ея паденія и доставить возможность кардиналу постоянно видѣться съ нею, клевреты его убѣдили Камиллу поселиться въ палаццо Корсини. Тамъ она родила, и ея несчастный ребенокъ былъ умерщвленъ, по приказанію его злодѣя отца. Это такъ подѣйствовало на бѣдную мать, что она лишилась разсудка и тайно была заключена въ сумасшедшій домъ. Въ ту самую ночь, когда заговорщики собирались въ Колизеѣ, Камилла успѣла бѣжать изъ своей темницы и долго блуждала по улицамъ прежде, чѣмъ забрела въ Колизей. Неожиданный блескъ молніи освѣтилъ часовыхъ, поставленныхъ у входа въ развалины, и молодая женщина по какому то инстинкту бросилась къ нимъ, какъ бы прося защиты; но они, принявъ ее за шпіона, хотѣли арестовать. Съ какой то сверхъестественной силой она вырвалась отъ нихъ и, бросившись въ средину развалинъ, упала къ ногамъ своего оскорбленнаго жениха.

— По истинѣ, время очистить нашъ городъ отъ этихъ злодѣевъ, воскликнулъ Аттиліо, когда Сильвіо окончилъ исторію несчастной жертвы одного изъ князей церкви, и, выхвативъ кинжалъ, онъ яростно потрясалъ его надъ своею головою.—Будь проклятъ тотъ римлянинъ, который не сознаетъ униженія своей родины и не обагритъ своего меча въ крови этихъ чудовищъ, превращающихъ нашу страну въ вертепъ разбойниковъ и почву ея въ клоаку!

— Да будетъ проклятъ! раздалось какъ эхо подъ открытыми сводами древняго цирка, и бряцаніе кинжаловъ служило страшной угрозой развратнымъ злодѣямъ, управляющимъ Римомъ.

— Этотъ ребенокъ, продолжалъ Аттиліо, обращаясь къ Сильвіо, ни въ чемъ не виноватъ, а виноваты злодѣи. Она нуждается въ покровительствѣ, и неужели ты откажешь ей въ своей помощи?

Сильвіо все еще пламенно любилъ Камиллу, которая, при видѣ его, стала тиха, какъ агнецъ; онъ молча укуталъ ее въ свой плащъ, вывелъ изъ Колизея и направился къ дому ея отца.

— Товарищи, продолжалъ Аттиліо: — я жду васъ 15-го у Теремъ Каракаллы. Будьте готовы употребить оружіе, если потребуется.

— Будемъ готовы! Будемъ готовы! воскликнули въ одинъ голосъ триста смѣльчаковъ, направляясь къ выходамъ изъ Колизея.

Черезъ нѣсколько минутъ въ древнихъ развалинахъ воцарилась всегдашнее мрачное безмолвіе.

Какая дикая, невѣроятная сказка, скажутъ, быть можетъ, нѣкоторые изъ нашихъ читателей, сидя у камина въ свободной Англіи. Но папство не владычествуетъ въ Англіи уже со временъ Іакова II, и она успѣла его забыть. Пускай они припомнятъ, что, когда въ 1848 г. по примѣру Франціи, революціонное движеніе распространилось по всей Европѣ, теперешній папа бѣжалъ въ одеждѣ простаго работника, и національное правительство впервые даровало Риму религіозную свободу — то первымъ распоряженіемъ Римской республики было выпустить на свободу всѣхъ монахинь и обыскать монастыри. Джіузеппо Гарибальди въ 1849 г. лично осмотрѣлъ каждый монастырь и присутствовалъ при всѣхъ обыскахъ. Во всѣхъ, безъ исключенія, онъ нашелъ орудія пытки и подземелія, назначенныя для принятія труповъ дѣтей. Статистическія данныя доказы-

ваютъ, что въ Римѣ болѣе, чѣмъ во всѣхъ городахъ на свѣтѣ, родится дѣтей внѣ брака и совершается дѣтоубійствъ.

Это иначе и быть не можетъ въ городѣ, наполненномъ неженатымъ духовенствомъ и нищимъ, невѣжественнымъ населеніемъ.

VI.

Арестъ.

Мы разстались съ Манліо въ ту минуту, когда онъ передалъ Джіани порученіе своего господина. Скульпторъ согласился на предложеніе кардинала и, повидавшись съ нимъ, приступилъ къ исполненію заказа. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней, ничто не возбуждало его подозрѣній, и дѣла, казалось, шли по прежнему. Изъ комнаты, нанятой Джіани, Ченчіо постоянно слѣдилъ за художникомъ, старательно обдумывая свой планъ. Наконецъ, однажды вечеромъ, когда скульпторъ былъ занятъ своей работой, Ченчіо вбѣжалъ въ его мастерскую и воскликнулъ взволнованнымъ, отчаяннымъ голосомъ:

— Ради Бога, укройте меня! меня преслѣдуетъ полиція. Увѣряю васъ, я не виновенъ ни въ какомъ преступленіи, я только либералъ и въ минуту злобы громко сказалъ, что уничтоженіе республики французскими штыками было убійствомъ свободы.

Съ этими словами Ченчіо хотѣлъ спрятаться за одну изъ статуй.

— Тяжелое теперь время, подумалъ Манліо: — нельзя довѣряться всякому; но я не могу и прогнать человѣка, котораго преслѣдуютъ за его политическія мнѣнія, и тѣмъ увеличить число несчастныхъ узниковъ папскихъ тюремъ. Онъ, кажется, порядочный человѣкъ и, переночевавъ здѣсь, онъ завтра будетъ въ состояніи бѣжать отъ преслѣдованій. Да, я его оставлю.

И Манліо, вставъ, провелъ мнимаго бѣглеца въ отдаленный уголъ своей мастерской и спряталъ его за большими кусками мрамора, ни мало не подозрѣвая, что онъ имѣлъ дѣло съ измѣнникомъ и шпіономъ. Но не успѣлъ онъ возвратиться къ своей работѣ, какъ у дверей дома остановился патруль, и солдаты проси-

ли позволенія войти для обыска, такъ какъ они видѣли, какъ въ эту дверь скрылся преслѣдуемый бѣглецъ. Бѣдный Манліо старался отвести подозрѣніе офицера и, не вѣдая, въ какую ловушку онъ попалъ, отвелъ солдатъ совсѣмъ въ противуположную сторону отъ мѣста, гдѣ былъ спрятанъ Ченчіо. Офицеръ, бывшій въ сообщничествѣ съ Ченчіо, зналъ, конечно, о его присутствіи тутъ, но долго проискалъ бы его, если бъ Ченчіо, при проходѣ сбира не схватилъ его за рукавъ.

— А, попался! воскликнулъ офицеръ съ мнимымъ торжествомъ и, обратясь къ Манліо, схватилъ его за воротъ и грозно прибавилъ:—извольте слѣдовать за мною въ трибуналъ; вы должны отдать отчетъ въ вашемъ преступленіи, въ укрывательствѣ злодѣя, возставшаго противъ правительства его святѣйшества.

Внѣ себя отъ негодованія Манліо бросилъ взглядъ вокругъ себя, какъ бы ища какое либо орудіе, чтобы разбить голову низкому предателю. Но въ эту минуту вбѣжала въ комнату его жена и прекрасная Клелія, испуганныя неожиданнымъ шумомъ. При видѣ любимаго человѣка въ рукахъ ненавистнаго сбира, онѣ не могли промолвить ни слова отъ испуга. Но офицеръ, увидавъ ихъ, тотчасъ перемѣнилъ тонъ и довольно любезно сказалъ:

— Не унывайте, синьоръ, утѣшьте вашихъ барынь; васъ недолго задержутъ. Вамъ только зададутъ нѣсколько вопросовъ, на которые вы, конечно, удовлетворительно отвѣтите.

Тщетно испуганныя женщины умоляли сбира оставить его жертву, и видя наконецъ, что ни мольбы, ни слезы ни къ чему не ведутъ, онѣ выпустили Манліо, котораго хотѣли было вырвать изъ рукъ полицейскихъ. Тогда художникъ, не желая унижаться предъ своими палачами, гордо вышелъ изъ мастерской, простившись знакомъ съ женою и дочерью.

VII.

НАСЛѢДСТВО.

Римская республика, установленная единогласнымъ и законнымъ желаніемъ народа, избрала генерала Гарибальди, 30-го іюня 1849 года, хранителемъ правъ народа и вручила ему всю исполнитель-

ную, власть, которую тріумвиры тотчасъ и передали ему. Это народное правительство было низвергнуто чужестраннымъ оружіемъ, послѣ героической борьбы за свободу. Первымъ дѣйствіемъ генерала Удино было послать французскаго полковника къ папѣ съ ключами Рима. Такимъ образомъ владычество патеровъ и монаховъ было возстановлено и съ ними снова воцарились въ вѣчномъ городѣ тиранія, роскошь, развратъ.

Эти достойные наставники, проповѣдуя римскимъ женщинамъ о Богѣ и небѣ, настаиваютъ особливо на томъ, что они одни могутъ доставить свободный пропускъ въ царствіе небесное. Освободить отъ суевѣрія этихъ несчастныхъ, обманутыхъ созданій, освободить ихъ изъ сѣтей святыхъ отцовъ — вотъ вопросъ жизни и смерти для Италіи. Это единственный путь для ея спасенія. Многіе скажутъ вамъ, что есть хорошіе патеры, но чтобы быть дѣйствительно хорошимъ человѣкомъ, патеръ долженъ сбросить съ себя свою ливрею. Эта ливрея не мундиръ ли всѣхъ подстрекателей разбойничества въ Италіи, не являлась ли она всегда путеводителемъ всѣхъ чужестранцевъ, попиравшихъ нашу землю.

Кромѣ этого, патеры, путемъ постоянныхъ обмановъ и хитростей злоупотребляя невѣжествомъ и суевѣріемъ народа, нажили громадныя богатства. Тѣ, которые стараются задержать наше развитіе, дѣлаютъ различіе между свѣтской властью, которую слѣдуетъ уничтожить, и духовной, которую, по ихъ словамъ, надо уважать, словно Антонелли, Скіатоне и Крокко духовные привратники, которые непремѣнно введутъ души людей въ царствіе небесное. Но каковъ источникъ этихъ богатствъ? Онъ двоякій. Во первыхъ, они собираютъ доходъ съ раскаянія, прощая всѣ грѣхи, какъ намѣстники Божьи на землѣ. Такимъ образомъ богачъ можетъ безопасно совершить какое ему угодно преступленіе, зная, что онъ имѣетъ средство получить отпущеніе грѣховъ, и твердо вѣря, что, уступивъ часть своего богатства духовенству, онъ легко избѣгнетъ Божьей кары. Во вторыхъ, существуетъ налогъ на предсмертную агонію. У смертнаго одра они ловкими угрозами ада и геены огненной запугиваютъ до того несчастныхъ своихъ жертвъ, что тѣ послушно оставляютъ матери церкви громадныя наслѣдства, а часто все свое достояніе, нарушая тѣмъ права своихъ законныхъ на-

слѣдниковъ, которые остаются нищими. Посмотрите на островъ Сицилію: половина его принадлежитъ духовенству и различнымъ монашескимъ братствамъ, пріобрѣвшимъ эти земли подобнымъ путемъ.

Но возвратимся къ нашему разсказу. Однажды вечеромъ, въ девять часовъ, въ декабрѣ мѣсяцѣ, человѣкъ, весь въ черномъ, пробирался по Піацѣ-Ротунды, великолѣпному памятнику древности, превращенномъ патерами въ орудіе ихъ корыстныхъ цѣлей. Одинъ видъ этого человѣка заставилъ бы содрогнуться всякаго, даже храбреца изъ Калатефимской тысячи. Закутанный въ черной рясѣ, покрывавшій еще болѣе черное сердце, сердце демона, человѣкъ этотъ шелъ на преступленіе, которое только патеръ могъ задумать и исполнить. Дѣйствительно это былъ патеръ. Онъ тихо, украдчиво пробирался къ роскошному дому Помпео и тамъ остановился на минуту, прежде чѣмъ постучать въ дверь. Онъ съ безпокойствомъ осмотрѣлся во всѣ стороны, какъ бы боясь, чтобъ не открылась его преступная тайна или, быть можетъ, колеблясь прибавить къ своему прежнему нечестію то страшное преступленіе, которое созрѣло въ его душѣ. Наконецъ онъ постучалъ. Дверь отворилась и привратникъ, узнавъ святаго отца Игнаціо, почтительно поклонился и посвѣтилъ ему по лѣстницѣ одного изъ великолѣпнѣйшихъ зданій Рима.

— Гдѣ сестра Флавія? спросилъ патеръ у перваго встрѣтившаго его лакея.

— У постели умирающей барыни, отвѣчалъ Сичіо неохотно, ибо онъ, какъ истый римлянинъ, мало сочувствовалъ чернымъ воронамъ, какъ онъ называлъ святыхъ отцовъ.

Отецъ Игнаціо, зная хорошо внутреннее расположеніе дома, поспѣшилъ къ комнатѣ умирающей и тихонько постучался. Старая монахиня быстро отворила дверь и многозначительно взглянула на патера. Было что-то страшное во взорѣ этихъ встрѣтившихся глазъ.

— Все кончено? спросилъ онъ шепотомъ, подходя къ постели умирающей.

— Нѣтъ еще, отвѣчала монахиня тѣмъ же тономъ.

Игнаціо, не говоря ни слова, вынулъ изъ кармана маленькую стклян-

*

ку и вылилъ что-то въ стаканъ. Потомъ съ помощію монахини онъ поднялъ больную и влилъ ей въ горло смертоносныя капли. Голова несчастной тяжело опустилась на подушки и самодовольная улыбка показалась на дьявольскомъ лицѣ патера. Онъ не произнесъ ни слова и, отойдя къ столу на другой конецъ комнаты, взялъ у сестры Флавіи бумагу, которую она достала изъ за пазухи.

Онъ схватилъ эту бумагу дрожащей рукой и прочтя ее съ безпокойствомъ, какъ бы желая убѣдиться въ исполненіи всѣхъ его желаній, спряталъ ее за пазуху и сказалъ обращаясь къ монахинѣ:

— Вы будете награждаены, моя добрая Флавія.

Эта бумага была завѣщаніе синьоры Виргиніи Помпео, матери храбраго Эмиліо Помпео, который былъ убитъ французской пулей при защитѣ Рима. Неутѣшная вдова не долго его пережила, и умирая оставила своего малолѣтняго сына на попеченіе бабушки синьоры Виргиніи, любившей безъ ума сироту Муціо, послѣдняго отпрыска благороднаго дома Помпео. Но по несчастью для него, отецъ Игнаціо былъ ея духовникомъ. Когда физическія и умственныя силы синьоры стали ослабѣвать, хитрый патеръ не щадилъ средствъ убѣдить ее написать завѣщаніе и, какъ священный долгъ, оставить большую сумму для поминовенія умершихъ, чѣмъ помочь имъ освободиться отъ мытарствъ чистилища. Синьора болѣла довольно долго и корыстолюбивый патеръ пожелалъ уничтожить первое завѣщаніе и добиться другаго, по которому она оставила бы все свое состояніе братству Св. Франциско де Паоло и назначила бы его своимъ душеприкащикомъ. Этотъ документъ былъ приготовленъ и врученъ сестрѣ Флавіи, которую онъ представилъ къ синьорѣ Виргиніи какъ сестру милосердія. Однажды утромъ она послала за патеромъ, извѣщая его, что настала удобная минута для подписи ложнаго документа. Онъ тотчасъ явился съ свидѣтелями и убѣдилъ умирающую женщину, что она должна прибавить статью къ завѣщанію, по которой она увеличивала даръ, сдѣланный въ пользу церкви. Несчастная подписала бумагу безчувственной рукой, которой водилъ злодѣй патеръ, и такимъ образомъ церковь пріобрѣла все ея состояніе, а ея внукъ остался нищимъ. Но, какъ

будто на зло хитрому патеру, къ вечеру синьорѣ стало лучше и онъ боясь, чтобы она не потребовала завѣщанія и не увидала обмана, рѣшился уничтожить возможность такого событія, отравивъ ее страшнымъ ядомъ.

Результатъ этого злодѣйскаго плана уже нами разсказанъ, и пока патеръ приводилъ въ исполненіе это низкое убійство, младенецъ Муціо мирно спалъ въ своей роскошной колыбели, не подозрѣвая, что въ эту минуту у него злодѣйски отнимали и покровительницу, и достояніе, — не подозрѣвая, что онъ завтра проснется лишеннымъ всего, нищимъ, безпомощнымъ сиротой.

VIII.

НИЩІЙ.

Восемьнадцать лѣтъ прошло со времени ужаснаго убійства синьоры Виргиніи, разсказаннаго въ прошлой главѣ. На той же самой Піацѣ, черезъ которую проходилъ отецъ Игнаціо, въ ту мрачную ночь стоялъ лацарони, гроціозно прислонившись къ колонѣ. Былъ февраль мѣсяцъ и бѣдный юноша по видимому слѣдилъ за заходящимъ солнцемъ. Нижняя часть его лица была скрыта плащемъ, но на сколько его было видно, — оно было прелестно, одно изъ тѣхъ благородныхъ лицъ, которое разъ увидавъ никогда не забываешь. Настоящій римскій носъ и блестящіе голубые глаза, которые могли бросать то нѣжный, то твердый, мужественный взглядъ — были главныя черты этого лица. Его широкія плечи даже скрытыя плащемъ доказывали такую мощную силу, съ которой неосторожно было бы вступать въ борьбу. Вообще, не смотря на нищенскую одежду, онъ могъ бы служить лучшей моделью для статуи римскаго атлета.

Неожиданный ударъ по плечу заставилъ обернуться юнаго нищаго, и увидавъ знакомое лицо Аттиліо, онъ радостно улыбнулся.

— А! это ты братъ, сказалъ онъ; ибо хотя между ними не

было никакого кровнаго родства, но по благородству чертъ ихъ можно было принять за братьевъ: такъ похожи другъ на друга всѣ храбрые римскіе юноши.

— Ты вооруженъ? спросилъ Аттиліо.

— Вооруженъ! повторилъ Муціо съ презрительной улыбкой:—конечно. Развѣ мой кинжалъ не единственное мое наслѣдіе? я люблю его такъ же страстно, какъ ты свою Клелію, а я свою лэди. Но дуракъ, продолжалъ онъ съ горькой улыбкой:—какое право имѣетъ любить нищій, отверженецъ общества? кто повѣритъ, что это рубище скрываетъ сердце, пылающее истинной страстью?

— Однако, отвѣчалъ Аттиліо:—мнѣ кажется, что хорошенькая чужестранка замѣчаетъ тебя.

Муціо ничего не отвѣтилъ и лице его снова омрачилось грустною думою; но Аттиліо, видя, что въ душѣ его друга подымается буря, тихо взялъ его за руку и сказалъ:—пойдемъ.

Муціо послѣдовалъ за нимъ, не говоря ни слова. Ночь быстро приближалась и на улицахъ уже рѣдко попадались прохожіе, только шаги чужестранныхъ патрулей нарушали безмолвную тишину города.

Патеры и монахи всегда рано исчезаютъ съ улицъ вѣчнаго города; они любятъ пользоваться въ своихъ богатыхъ жилищахъ всѣми благами сего міра послѣ проповѣдей другимъ о благахъ будущаго міра, и кромѣ того они не согласны рисковать своей драгоцѣнной шкурой ночью на улицахъ, не смотря на охрану чужестранныхъ головорѣзовъ. Дай Богъ, чтобъ скорѣе насталъ день, когда Римъ не будетъ нуждаться въ этой низкой охранѣ!

— Мы скоро освободимся отъ нихъ, сказалъ Аттиліо въ отвѣтъ на какое-то замѣчаніе Муціо, спускаясь съ Квиринальскаго холма, нынѣ называемаго Монте-Кавало, отъ знаменитыхъ статуй лошадей, этихъ образцовыхъ произведеній древняго греческаго искуства.

Остановясь между этими гигантскими статуями, юный художникъ вынулъ изъ кармана кремневое огниво и высѣкъ огня. Это былъ сигналъ Тремстамъ, изъ которыхъ нѣкоторые согласились помочь ему въ смѣлой попыткѣ освободить Манліо отъ незаконнаго ареста. На сигналъ тотчасъ откликнулись на другомъ концѣ

Піацы. Молодые люди пошли въ ту сторону, и вскорѣ ихъ встрѣтилъ солдатъ, принадлежащій къ отряду, занимавшему караулъ во дворцѣ. Онъ провелъ ихъ въ полускрытую дверь по узенькой лѣстницѣ въ маленькую комнату, занимаемую обыкновенно начальникомъ караула. Онъ оставилъ ихъ тутъ и поручилъ другому солдату принять ихъ; тотъ придвинулъ стулья къ столу, на которомъ стояла лампа, двѣ-три бутылки и стаканъ.

— Выпьемте друзья стаканчикъ Орвіето, сказалъ онъ: — въ такую глухую ночь это полезнѣе папскаго благословенія.

И онъ подалъ имъ стаканы полные вина.

— За успѣхъ нашего предпріятія! воскликнулъ Муціо.

— Аминь! отвѣчалъ Аттиліо, выпивая стаканъ однимъ глоткомъ. — Такъ Манліо переведенъ сюда, прибавилъ онъ, обращаясь къ Дентато: такъ звали его пріятеля, драгунскаго сержанта.

— Да, отвѣчалъ онъ: — его заперли прошлою ночью въ одинъ изъ нашихъ тайниковъ, словно этотъ невинный человѣкъ опасный злодѣй. Говорятъ, его скоро переведутъ въ замокъ Св. Ангела.

— Знаете ли вы по чьему приказанію его арестовали? спросилъ Аттиліо.

— По приказанію его преосвященства кардинала Прокопіо, по крайней мѣрѣ, такъ говорятъ. Вѣроятно, онъ старается удалить всѣ преграды къ осуществленію его злодѣйскихъ плановъ на счетъ Транстеверской Жемчужины.

При послѣднихъ словахъ Дентато, Аттиліо вздрогнулъ и, сжавъ рукоятку кинжала, воскликнулъ: — Когда мы приступимъ къ его освобожденію?

— Къ его освобожденію! отвѣтилъ онъ: — да насъ слишкомъ мало.

— Нѣтъ, продолжалъ Аттиліо: — Сильвіо обѣщалъ явиться сюда съ десятью изъ нашихъ и тогда мы безъ труда справимся съ монахами и сбирами.

— Если вы рѣшились освободить его сегодня, отвѣчалъ Дентато послѣ минутнаго размышленія: — то намъ лучше подождать нѣсколько часовъ и попытать счастья, когда тюремщики заснутъ или напьются. По счастью, мой офицеръ отлучился по сердечному дѣлу

и мы постараемся сдѣлать все, что можно, если ваши друзья подоспѣютъ во время.

Прежде чѣмъ онъ окончилъ эти слова, въ комнату вошелъ солдатъ и объявилъ о прибытіи Сильвіо.

IX.

ОСВОБОДИТЕЛЬ.

Прежде чѣмъ продолжать нашъ разсказъ, скажемъ нѣсколько словъ о замѣчательномъ фактѣ въ современномъ Римѣ: о поведеніи и храбрости римскихъ солдатъ.

Даже гарнизонъ отличается чрезвычайно мужественнымъ, воинственнымъ видомъ и индивидуальной силой характера. При защитѣ Рима въ 1849 г. всѣ артилерійсты были убиты при своихъ орудіяхъ и—вещь неслыханная!—раненые истекая кровью, продолжали сражаться до послѣдней крайности. 3-го іюня всѣ улицы были покрыты трупами убитыхъ и раненыхъ, и ни одна стычка послѣ взятія города не окончилась въ пользу иностранцевъ, гдѣ только римляне не были поглощены чрезмѣрною многочисленностью враговъ.

Такимъ образомъ католическое духовенство вполнѣ увѣрено, что въ случаѣ общаго возмущенія римская армія перейдетъ на сторону народа. Вотъ почему они принуждены нанимать чужестранныхъ головорѣзовъ и всѣ доходы намѣстника Христова расходовать на зуавовъ, оружіе и порохъ.

Сильвіо былъ встрѣченъ громкими изъявленіями радости и, поздоровавшись со всѣми, онъ сказалъ, обращаясь къ Аттиліо:

— Наши пришли, и я ихъ спряталъ за статуями: они ждутъ только сигнала.

— Мы съ Муціо отправимся къ тюремщику и отнимемъ ключи, воскликнулъ Аттиліо:—а вы, Дентато, проведите Сильвіо и его людей къ темницѣ Манліо и справьтесь съ часовыми.

— Быть по вашему, отвѣчалъ Дентато:—Сципіо (такъ звали драгуна приведшаго Сильвіо) проведетъ васъ въ комнату тюремщика. Но берегитесь синьора Панкальдо: съ такимъ дьяволомъ трудно справиться.

— Предоставьте это мнѣ, отвѣчалъ Атталіо, и поспѣшно вышелъ изъ комнаты, предшествуемый Сципіо и Муціо.

Попытка въ родѣ описываемой нами была бы невѣроятна во всякой другой странѣ, гдѣ болѣе уважаютъ правительство и его слугъ. Но въ Римѣ повиновеніе правительству очень слабо, ибо это правительство есть отрицаніе всего честнаго и справедливаго.

Дентато позвалъ людей Сильвіо и провелъ ихъ къ клѣтямъ арестантовъ, у дверей которыхъ стояли часовые. Сильвіо выждалъ ту минуту, когда первый часовой повернулся къ нему спиной, и, съ быстротою молніи бросившись на него, свалилъ его на землю, заткнувъ ему ротъ рукою. Шумъ этой стычки пробудилъ другихъ дремавшихъ часовыхъ; но прежде. чѣмъ они успѣли опомниться, уже люди Сильвіо перевязали ихъ. Въ эту самую минуту явились Аттиліо и Муціо, держа за воротъ тюремщика съ ключами.

— Отопри приказалъ Аттиліо.

Тюремщикъ повиновался. и они вошли въ большую комнату со сводами, по обѣимъ сторонамъ которой находились клѣти арестантовъ. Передъ дверями этихъ клѣтей находился только одинъ солдатъ и увидавъ вошедшихъ, онъ остановился въ недоумѣніи.

— Гдѣ синьоръ Манліо? спросилъ Аттиліо; и Панкальдо почувствовалъ, что юный художникъ стиснулъ его руку и выхватилъ кинжалъ.

— Манліо здѣсь, сказалъ онъ.

— Такъ выпустите его, произнесъ Аттиліо.

Испуганный тюремщикъ началъ отпирать замокъ, но руки его такъ дрожали, что прошло нѣсколько минутъ прежде чѣмъ засовъ былъ выдернутъ. Горя нетерпѣніемъ, Аттиліо оттолкнулъ Панкальдо и настежъ отворивъ дверь, воскликнулъ:—Манліо!

Представьте себѣ изумленіе и радость скульптора при видѣ Аттиліо и при мысли, что онъ освобожденъ отъ жестокаго и несправедливаго заточенія. Зная, что нельзя было терять ни минуту, Аттиліо поспѣшно обнялъ своего друга и приказалъ Муціо

запереть часоваго въ клѣти, гдѣ содержался Манліо; потомъ онъ присоединился къ остальнымъ своимъ товарищамъ, и, не выпуская изъ рукъ тюремщика, они направились къ выходнымъ дверямъ, мимо связанныхъ и бѣсновавшихся часовыхъ. Очутившись на улицѣ, они раздѣлились на мелкія группы и быстро разсѣялись по всѣмъ направленіямъ. Аттиліо, Муціо и Манліо повлекли за собою тюремщика съ завязанными глазами и ртомъ, и отпустили его только, когда имъ казалось, что ихъ товарищи были внѣ всякой погони. Бросивъ Панкальдо, они сами направились къ Саларійскимъ воротамъ, которыя ведутъ въ открытое поле.

X.

СИРОТА.

Провожая несчастную Камиллу изъ Колизея въ домъ ея отца, Сильвіо не промолвилъ ни одного слова. Съ отчаяніемъ въ сердцѣ онъ смотрѣлъ на нее, однако, съ нѣжнымъ состраданіемъ. Онъ чувствовалъ, что эта жертва обмана и насилія была сравнительно невиянна.

Они шли погруженные въ безмолвіе и горе. Со времени неожиданнаго исчезновенія Камиллы, Сильвіо ни разу не посѣтилъ ея отца и теперь приближаясь, къ дому, онъ почувствовалъ какое-то предчувствіе новаго несчастья.

Повернувъ съ большой дороги на тропинку, они услышали лай собаки. — „Фидо! Фидо!“ воскликнула Камилла съ такой радостью, какой она уже давно не испытывала; но неожиданно вспомнивъ свой позоръ, она остановилась и опустила глаза. Сильвіо прежде слишкомъ страстно любилъ ее, чтобъ теперь ненавидѣть даже за ея паденіе. Если онъ когда и чувствовалъ къ ней какую либо злобу, то ея неожиданное появленіе въ эту ночь, ея сумасшествіе отъ горя и раскаянья пробудили въ немъ что-то въ родѣ прежней любви, и онъ готовъ былъ теперь защитить ее противъ цѣ-

лой арміи. Онъ нѣжно поддерживалъ ее во время всего пути изъ Колизея и хотя молчалъ, но сердце его было полно самыхъ великодушныхъ мыслей; а она, опираясь на его мощную руку, отъ времени до времени подымала на него свой стыдливый взоръ, убѣждаясь по выраженію его глазъ, что онъ не презираетъ, а сожалѣетъ ее.

Теперь же, когда она остановилась, дрожа всѣмъ тѣломъ при лаѣ собаки, Сильвіо, боясь новаго припадка сумасшествія, взялъ ее за руку и впервые сказалъ:

— Камилла! это вашъ вѣрный Фидо привѣтствуетъ васъ: онъ узналъ ваши шаги.

Не успѣлъ онъ произнести эти слова, какъ собака выбѣжала изъ-за кустовъ и, остановившись на минуту въ нерѣшимости, бросилась къ Камиллѣ съ радостнымъ лаемъ и стала радостно прыгать передъ ней, стараясь лизать ей руки. Такая встрѣча могла тронуть и каменное сердце. Камилла залилась слезами и нагнулась, чтобъ приласкать собаку, но силы ей измѣнили и она упала безъ чувствъ на землю. Сильвіо покрылъ ее своимъ плащемъ, чтобъ предохранить отъ холоднаго утренняго воздуха, такъ какъ солнце уже вставало, а самъ отправился за ея отцемъ. Лай собаки поднялъ всѣхъ въ домѣ, и когда юный охотникъ приблизился къ нему, то увидѣлъ въ дверяхъ мальчика, смотрѣвшаго съ изумленіемъ и недовѣріемъ на столь ранняго посѣтителя.

— Марселино! воскликнулъ Сильвіо, и мальчикъ, услыхавъ знакомый голосъ, бросился къ нему и повисъ у него на шеѣ.

— Гдѣ твой крестный? спросилъ Сильвіо, но мальчикъ отвѣчалъ ему только слезами.

— Гдѣ Марцелло? повторилъ онъ.

— Онъ умеръ, произнесъ мальчикъ, всхлипывая.

— Умеръ! воскликнулъ Сильвіо, опускаясь на камень; крупныя слезы потекли по его мужественнымъ щекамъ и смѣшались со слезами ребенка, припавшаго къ его груди.

— О! Господи, воскликнулъ онъ въ отчаяніи: — зачѣмъ допускаешь Ты, чтобъ низкія страсти чудовища причиняли столько страданій такимъ благороднымъ созданіямъ? Еслибъ я не надѣялся, что наступитъ часъ освобожденія моей дорогой родины отъ

тираніи монаховъ, то я съ радостью пронзилъ бы свое сердце кинжаломъ. Свѣтъ солнца мнѣ опостылѣлъ!

Черезъ нѣсколько минутъ онъ однако очнулся и поспѣшилъ съ Марселино къ Камиллѣ, которую нашелъ погруженною въ тревожный сонъ.

— Бѣдная дѣвушка! промолвилъ Сильвіо, устремивъ взглядъ полный состраданія на ея блѣдное, изнуренное, но еще прекрасное лице:—бѣдная, погибшая сирота! зачѣмъ тебя будить? Ты и то слишкомъ скоро очнешься къ жизни слезъ, горя и раскаянья!

XI.

БѢГСТВО.

Мы оставили Аттиліо, Манліо и Сильвіо по дорогѣ къ предмѣстьямъ Рима. Аттиліо рѣшилъ, что домъ, занимаемый нѣкогда бѣднымъ Марцелло и гдѣ теперь еще жила Камилла, будетъ безопаснымъ убѣжищемъ для освобожденнаго скульптора, котораго едва можно было уговорить не возвращаться домой: такъ жаждалъ онъ обнять жену и дочь.

По дорогѣ къ избранному жилищу, каждый молчалъ, погруженный въ свою думу; Аттиліо съ безпокойствомъ вспоминалъ слова сержанта Дентато объ арестѣ Манліо, которыя подтверждали запавшее въ его голову при видѣ Джіани подозрѣніе, что кардиналъ злоумышлялъ погубить его несравненную Клелію. Послѣ нѣкотораго размышленія онъ передалъ Манліо свое подозрѣніе и тотъ, очнувшись отъ первой минуты изумленія и ужаса, согласился съ Аттиліо, что его подозрѣнія основательны и потому надо поспѣшить домой для спасенія его любимаго дѣтища отъ погибели. Но Аттиліо съ помощію Муціо убѣдилъ его скрыться на время въ домѣ Камиллы, обѣщая тотчасъ по его водвореніи въ новомъ жилищѣ отправиться къ Клеліи и предостеречь ее и мать о грозящей имъ опасности. Дѣйствительно Аттиліо, хотя юный

годами, былъ одаренъ искуствомъ убѣждать людей и руководить ими: здравая основательность его сужденій нерѣдко признавалась лицами гораздо его старшими. Поэтому не смотря на все свое нежеланіе разстаться съ милыми его сердцу, Манліо чувствовалъ, что онъ не могъ поручить никому лучше какъ этому благородному юношѣ заботы о безопасности своего семейства.

Уже разсвѣтало, когда они приблизились къ дому и за нѣсколько шаговъ услышали лай Фидо, какъ въ ночь прибытія Камиллы. Узнавъ голосъ Сильвіо, собака тотчасъ умолкла и Марселлино по прежнему встрѣтилъ ихъ у дверей. Поздоровавшись съ нимъ, Сильвіо спросилъ, гдѣ Камилла.

— Я вамъ покажу, отвѣчалъ мальчикъ и повелъ нашихъ друзей на ближній холмъ, съ котораго виднѣлось не въ далекѣ кладбище:—она тамъ постоянно цѣлый день съ утра до вечера, она плачетъ и молится на могилѣ своего отца. Вы ее тамъ найдете когда угодно.

Сильвіо не говоря ни слова пошелъ быстрыми шагами къ кладбищу, а другіе послѣдовали за нимъ въ нѣкоторомъ разстояніи. Черезъ нѣсколько минутъ они достигли свѣжей могилы, передъ которой стояла на колѣняхъ Камилла, вся въ черномъ. Она такъ была сосредоточена въ своемъ горѣ, что не замѣтила приближенія чужихъ. Сильвіо, глубоко тронутый этимъ зрѣлищемъ, не смѣлъ сказать ни слова и другіе также молчали. Наконецъ она встала и, ломая, руки въ отчаяніи дико воскликнула:

— О! батюшка, батюшка! Я, несчастная, васъ убила!

— Камилла! произнесъ шопотомъ Сильвіо, подойдя къ ней.

Она обернулась и взглянувъ на него съ какой-то нѣжной, но безсознательной улыбкой, точно видъ ея жениха услаждалъ ее горе, она молча пошла по направленію къ дому. Разсудокъ все еще не возвратился къ бѣдному созданію.

— Послушай, Камилла, сказалъ Сильвіо, догоняя ее и останавливая за руку: — я привелъ къ вамъ гостя, и если будутъ спрашивать кто онъ, то скажите, что это антикварій, изучающій римскія древности.

Такую роль Аттиліо убѣдилъ Манліо принять на себя до той поры пока они не составятъ новаго плана будущаго существованія.

Послѣ краткаго совѣщанія о необходимыхъ предосторожностяхъ, Аттиліо распрощался съ своими друзьями и возвратился въ городъ, съ негодованіемъ оставляя за собой это несчастное жилище старика, убитаго злодѣйскими ковами низкаго прелата.

XII.

ПРОШЕНІЕ.

Возвратимся теперь въ жилище скульптора. Прошло два дня со времени ареста Манліо и несчастное его семейство не имѣло о немъ никакихъ извѣстій; даже Аттиліо, отправившійся его отыскивать, еще не возвращался.

— Что они дѣлаютъ съ твоимъ отцемъ? спрашивала постоянно Сильвіа у дочери, заливаясь слезами: — хотя онъ либералъ, но никогда не якшался съ тѣми, которые могли бы его компрометировать. Онъ ненавидитъ патеровъ и они этого заслуживаютъ, но онъ никому этого не говорилъ, кромѣ меня.

Клеліа не плакала, но ея горе, быть можетъ, было еще сильнѣе горя ея матери; наконецъ сѣтованья послѣдней ей стали невыносимы и она воскликнула съ энергіей:

— Не плачь, матушка: слезы ни къ чему не ведутъ; мы должны дѣйствовать. Намъ надо разузнать, гдѣ заточенъ отецъ, и, какъ совѣтуетъ Монна-Орелія, мы должны постараться его освободить. Къ тому же Аттиліо отправился на поиски, и я увѣрена, что онъ не успокоится до тѣхъ поръ, пока не спасетъ его и насъ, если ужъ это не совершено до сей минуты.

Стукъ въ дверь прервалъ слова Клеліи; она побѣжала отворить ее и въ комнату вошла сосѣдка Монна-Орелія — старый, испытанный другъ семейства.

— Здравствуйте, сказала она съ веселой улыбкой.

— Здравствуйте, отвѣчала Сильвіа, отирая глаза и стараясь улыбнуться.

— Я принесла вамъ кое-что, сосѣдка, сказала Орелія: — я посовѣтовалась съ нашимъ другомъ Кассіо и онъ мнѣ написалъ на гербовой бумагѣ прошеніе на имя кардинала-министра объ освобожденіи Манліо. Онъ говоритъ, что вы должны подписать это прошеніе и лично подать его преосвященству.

Сильвіа взяла бумагу и сомнительно посмотрѣла на нее. Она чувствовала какое то инстинктивное отвращеніе послѣдовать совѣту сосѣдки. Какъ могла она пасть на колѣни передъ человѣкомъ, котораго презирала, и просить его милости? И однако, быть можетъ, жизнь ея мужа зависѣла отъ этого; быть можетъ, въ эту самую минуту онъ терпѣлъ лишенія, страданія, даже пытку. При этой мысли сердце ея содрогнулось и она сказала рѣшительно:

— Я подамъ это прошеніе.

Орелія предложила идти съ ней, и черезъ полчаса всѣ три женщины были на дорогѣ во дворецъ кардинала.

Въ тоже утро, въ десять часовъ, кардиналъ Прокопіо, какъ государственный министръ, былъ извѣщенъ квестеромъ Квиринала о бѣгствѣ Манліо. Велико было бѣшенство кардинала при столь непріятной вѣсти, и онъ приказалъ немедленно арестовать всѣхъ начальниковъ, офицеровъ и солдатъ, которымъ была поручена охрана тюрьмы въ предшествовавшую ночь.

Отпустивъ квестера, онъ велѣлъ позвать Джіани.

— Для какого черта, воскликнулъ онъ гнѣвно: — заперли Манліо въ Квириналѣ, а не отправили въ замокъ св. Ангела?

— Ваше преосвященство, отвѣчалъ Джіани подобострастно: — вамъ слѣдовало поручить такое важное дѣло мнѣ, а не шайкѣ дураковъ и подлецовъ, которыхъ можно купить за грошъ.

— Я развѣ тебя, болванъ, позвалъ для того, чтобъ слушать твои размышленія, воскликнулъ съ яростью кардиналъ. — Придумай своей картофельной башкой средство привести эту дѣвушку ко мнѣ во дворецъ, или веревка и раскаленные щипцы заставятъ тебя бросить хвастовство.

Джіани зналъ, что эта угроза была не пустая, и что, не смотря на всю невѣроятность такого факта, самыя ужасныя, невообразимыя пытки происходятъ ежедневно въ Римѣ въ настоящее

время. Смиренно преклоняясь передъ грозной бурей, презрѣнный уродъ,—ибо онъ принадлежалъ къ несчастнымъ, съ дѣтства уродуемымъ пѣвчимъ Сикстинской капелы,—сталъ ломать себѣ голову о лучшемъ способѣ исполнить прихоть своего господина.

— Посмотри на меня трусъ, если смѣешь, и скажи: питаешь ли ты надежду на успѣхъ послѣ стольких усилій и потраченныхъ денегъ.

— Я надѣюсь на успѣхъ, промолвилъ Джіани дрожащимъ голосомъ, едва смѣя поднять глаза на своего господина.

Въ эту минуту, къ его величайшей радости, раздался колокольчикъ и слуга въ кардинальской ливреѣ, войдя въ комнату, доложилъ, что три женщины желаютъ подать прошеніе его преосвященству. Кардиналъ махнулъ рукою Джіани, который поспѣшно удалился, и сдѣлавъ знакъ головой слугѣ, его преосвященство принялъ набожный видъ при входѣ въ комнату трехъ неожиданныхъ посѣтительницъ.

XIII.

ПРЕКРАСНАЯ ЧУЖЕСТРАНКА.

Римъ — музей изящныхъ искуствъ, великая всесвѣтная лавка рѣдкостей. Въ немъ собраны памятники древняго общества, развалины храмовъ, колонъ, статуй, образцы римскаго и греческаго художества, великія творенія Праксителя, Фидія, Рафаэля, Микель-Анжело и ста другихъ знаменитыхъ художниковъ. Фонтаны, изъ которыхъ возвышаются морскіе колосы, увы! въ развалинахъ бросаются вамъ въ глаза со всѣхъ сторонъ. Чужестранецъ пораженъ удивленіемъ и восторгомъ при видѣ всѣхъ этихъ гигантскихъ произведеній искуства, большая часть которыхъ свидѣтельствуетъ о великихъ битвахъ прошедшаго, изумительнаго вѣка. По милости патеровъ и монаховъ неописанныя красоты этихъ памятниковъ нарушаются безконечными символами суевѣрія, но все же

и въ такомъ видѣ они поражаютъ своей прелестью и великолѣпіемъ. Между этими-то остатками древности съ восторгомъ проводила цѣлые дни Джулія, прелестная дщерь Англіи. Она жила уже нѣсколько лѣтъ въ вѣчномъ городѣ и постоянно проводила почти все свое время набрасывая въ свой альбомъ все, что казалось ей, заслуживало вниманія. Микель-Анжело былъ ея любимымъ maestro и она сиживала цѣлыми часами передъ его колосальной статуей Моисея, стараясь срисовать это величественное чело, которое ей казалось чѣмъ то сверхъестественнымъ. Родившись и получивъ воспитаніе въ свободной и благородной Англіи, она добровольно оставила любимыхъ и любящихъ ее друзей, чтобъ жить среди предметовъ ея обожанія. Но неожиданно ея служеніе искуству было прервано другимъ чувствомъ, болѣе сильнымъ, чѣмъ любовь къ искуству. Она встрѣчала Муціо нѣсколько разъ въ мастерской скульптора Манліо и, не смотря на его нищенскій видъ, Джулія нашла подъ бѣдной одеждой натурщика ея идеалъ гордой расы квиритовъ.

Да! эта странная, юная англичанка любила нищаго Муціо. Онъ былъ нищій, но какое ей до этого было дѣло. А Муціо... зналъ ли онъ объ этой любви и раздѣлялъ ли ее? Да, онъ истинно ее любилъ, но, хотя отдалъ бы съ радостью за нее свою жизнь, никогда не выказывалъ, что замѣчаетъ ея вниманіе къ себѣ. Долго онъ жаждалъ случая оказать ей хоть малѣйшую услугу и наконецъ судьба сжалилась надъ нимъ. Однажды, за нѣсколько дней до ареста Манліо, Джулія возвращалась изъ мастерской художника въ сопровожденіи своей старой кормилицы, какъ вдругъ на нее бросились два пьяныхъ солдата и повлекли ее въ узкій, темный переулокъ прежде, чѣмъ Муціо, слѣдившій за нею издали, могъ поспѣть на помощь. Какъ только онъ успѣлъ ихъ догнать, онъ могучимъ ударомъ повергъ на землю одного изъ солдатъ, а другой обратился въ бѣгство. Испуганная Джулія съ неподдѣльнымъ чувствомъ поблагодарила своего избавителя и просила его проводить ее до ея дома. Муціо, конечно, съ радостью согласился быть ея проводникомъ и не помнилъ себя отъ счастья, когда Джулія на прощанье протянула ему руку съ восхитительной улыбкой. Съ этого вечера Муціо посвятилъ свой кинжалъ на защиту

прекрасной англичанки и поклялся, что никогда болѣе ее не оскорбятъ на улицахъ Рима.

Въ тотъ самый день, когда Сильвіа отправилась съ прошеніемъ во дворецъ Корсини, Джулія заѣхала въ мастерскую Манліо. Мальчикъ, прислуживавшій художнику, разсказалъ ей обо всемъ случившемся и пока она еще обдумывала услышанную грустную вѣсть, вошелъ Аттиліо и разсказалъ юной англичанкѣ объ освобожденіи Манліо. Когда онъ кончилъ свой разсказъ, то Джулія, въ свою очередь, передала ему все, что ей сказалъ мальчикъ о подачѣ прошенія кардиналу.

Аттиліо былъ очень взволнованъ этою вѣстью, и Джуліи едва удалось его уговорить не бѣжать тотчасъ во дворецъ Корсини, чтобъ выручить оттуда Сильвію и ея дочь. Это было бы чрезвычайно неосторожно и потому Джулія, имѣвшая свободный входъ во дворецъ во всякое время, предложила съѣздить къ кардиналу и узнать о причинѣ долгаго отсутствія матери и дочери. При этомъ она обѣщала тотчасъ же возвратиться и передать ему результатъ своей попытки.

Послѣ ухода Джуліи Аттиліо, изнемогая отъ усталости и волненія, послѣдовалъ совѣту Спартако и пошелъ отдохнуть; но прежде чѣмъ онъ заснулъ, мальчикъ разсказалъ ему подробно обо всемъ случившемся въ домѣ послѣ того, какъ онъ отправился выручать своего друга.

XIV.

СИЧЧІО.

Возвратимся снова къ 1849 г., къ тому роковому дню, когда юный Муціо былъ лишенъ законнаго наслѣдія своихъ предковъ.

Въ домѣ Помпіо былъ старый слуга Сиччіо, котораго мы уже видѣли; онъ служилъ въ этомъ домѣ дольше всѣхъ остальныхъ служителей, родился въ немъ и не разъ былъ осыпанъ милостями

своихъ господъ. За эти благодѣянія онъ отплатилъ самой преданной любовью сиротѣ Муціо, къ которому онъ былъ привязанъ какъ къ собственному ребенку. Онъ былъ добръ и простоватъ, но не на столько, чтобъ не замѣтить пагубнаго вліянія отца Игнаціо на свою госпожу, и потому онъ боялся, чтобъ хитрый патеръ не употребилъ своего вліянія во зло бѣдному ребенку. Но какъ могъ слуга открыто возстать противъ духовника своей госпожи, противъ духовнаго врача, противъ пастыря душъ? Какъ могъ Сиччіо выступить въ бой противъ всѣхъ духовныхъ орудій, противъ страшнѣйшаго изъ нихъ—исповѣди, этого хитраго средства патеровъ узнавать самыя священныя семейныя тайны и держать въ оковахъ суевѣрныхъ женщинъ?

Но отецъ Игнаціо зналъ о недовѣріи къ нему вѣрнаго слуги и потому черезъ нѣсколько дней послѣ смерти сяньоры Виргиніи онъ велѣлъ отпустить Сиччіо, который, однако, прежде, чѣмъ удалиться, успѣлъ подслушать слѣдующій разговоръ между отцемъ Игнаціо и сестрою Флавіей.

— Что же дѣлать съ ребенкомъ? спросила монахиня.

— Отправить его въ воспитательный домъ, тамъ, по крайней мѣрѣ, онъ не научится злу и ереси. Къ тому же мы всегда будемъ слѣдить за нимъ, сказалъ онъ, многознаменательно посмотрѣвъ на нее; она отвѣчала такимъ же взглядомъ, и Сиччіо, наблюдавшій за всей этой сценой изъ-за своей засады, навострилъ уши.

Онъ тотчасъ рѣшился не оставлять невиннаго, беззащитнаго ребенка на жертву злодѣямъ и черезъ нѣсколько дней послѣ своего отказа явился снова въ домъ подъ предлогомъ взять оставшіяся вещи. Воспользовавшись удобной минутой, онъ пробрался въ сумеркахъ въ дѣтскую и нашелъ тамъ бѣднаго ребенка, брошеннаго въ углу и плакавшаго отъ голода и холода. Сиччіо, взявъ его на руки, сталъ убаюкивать, и когда ребенокъ заснулъ, незамѣтно вынесъ его изъ дома на улицу и осторожно повезъ въ заранѣе приготовленную квартиру въ окрестностяхъ города. Чтобъ избѣгнуть подозрѣнія и преслѣдованія, Сиччіо скрылъ маленькаго Муціо въ узлѣ съ платьемъ, но, выѣхавъ за городъ, онъ разбудилъ ребенка и, отпустивъ экипажъ, заставилъ его идти рядомъ

съ собою. Такимъ образомъ онъ явился на приготовленную квартиру и представилъ хозяйкѣ Муціо какъ своего внука.

Во время жизни отца Муціо, бывшаго страстнымъ антикваріемъ, Сиччіо постоянно сопровождалъ его въ прогулкахъ по Риму и набрался многихъ свѣдѣній по исторіи римскихъ памятниковъ. Теперь онъ рѣшился примѣнить эти знанія и сдѣлаться настоящимъ чичероне, такъ какъ онъ не могъ идти въ услуженіе, не желая разставаться съ ребенкомъ. Плата, получаемая имъ за оказываемыя услуги иностранцамъ, была такъ недостаточна, что онъ едва могъ содержать себя и воспитанника. Однако, они просуществовали нѣсколько лѣтъ, хотя чѣмъ Сиччіо становился старѣе, тѣмъ ему было труднѣе добывать хлѣбъ. Наконецъ пришло время, когда онъ задалъ себѣ страшный вопросъ:—что̀ дѣлать, чѣмъ жить? Онъ взглянулъ на граціозную фигурку Муціо и свѣтлая мысль блеснула въ его головѣ. Да, онъ рискнетъ и отправится съ мальчикомъ въ городъ, гдѣ, онъ былъ увѣренъ, что художники будутъ очень рады такому натурщику. Попытка эта была сдѣлана, и Сиччіо былъ внѣ себя отъ счастья, что пятнадцатилѣтній Муціо возбудилъ всеобщій восторгъ между покровителями римскихъ ragazzi.

Впродолженіи нѣкотораго времени они жили почти въ довольствѣ. Сиччіо открылъ теперь юношѣ тайну его рожденія и то злодѣйство, которому онъ былъ обязанъ своимъ разореніемъ и настоящимъ нищенскимъ положеніемъ. Велико было негодованіе юноши къ злодѣямъ патерамъ и еще болѣе чувство благодарности къ Сиччіо за всѣ его заботы. Но съ этой минуты онъ рѣшительно отказался отъ ремесла натурщика. Отъ труда онъ, однако, не отказывался и часто даже исполнялъ должность носильщика, перенося большіе куски мрамора, ибо для своихъ лѣтъ онъ отличался необыкновенною силой. Онъ также иногда замѣнялъ Сиччіо, когда старику нездоровилось, и служилъ чичероне любознательнымъ путешественникамъ. Его юная красота часто побуждала путешественниковъ прибавлять ему на чай болѣе обыкновеннаго, но онъ не протягивалъ самъ руки и потому римскіе лацароне въ насмѣшку прозвали его синьоромъ.

Но настало время, когда Сиччіо сталъ такъ слабъ, что, не смотря на всѣ свои усилія, Муціо не могъ достаточно выработать для про-

кормленія ихъ обоихъ; потому онъ сталъ грустенъ и мраченъ. Однажды вечеромъ, черезъ нѣсколько дней послѣ приключенія съ Джуліей, Сиччіо сидѣлъ одинъ дома, когда вдругъ отворилась дверь и вошла въ комнату неизвѣстная женщина въ густомъ вуалѣ.

— Вотъ, достойный другъ, кое-что, которое можетъ вамъ пригодиться, сказала она, кладя на столъ тяжелый кошелекъ: — пользуйтесь имъ безъ всякаго стѣсненія и не старайтесь узнать мое имя; но если случайно и узнаете, то сохраните его въ тайнѣ.

Съ этими словами незнакомка вышла изъ комнаты, не давъ старику опомниться.

XV.

ДВОРЕЦЪ КОРСИНИ.

— Это по истинѣ небесный даръ, источникъ въ пустынѣ, подумалъ кардиналъ при видѣ вошедшихъ женщинъ:—Провидѣніе мнѣ служитъ лучше, чѣмъ окружающіе меня подлецы.

— Подайте прошеніе, громко сказалъ онъ, устремляя страстные взгляды на Клелію, смиренно стоявшую подлѣ матери.

Монна-Орелія, взявъ бумагу изъ рукъ Сильвіи и вставъ на колѣни, подала ее кардиналу.

— Та́къ вы жена Манліо, сказалъ онъ, взглянувъ на бумагу и обращаясь къ Ореліи: — вы жена человѣка, укрывающаго враговъ государства и его святѣйшества папы?

— Я жена синьора Манліо, ваше преосвященство, сказала Сильвіа, выступая впередъ: — эта же дама такъ добра, что согласилась засвидѣтельствовать передъ вашимъ преосвященствомъ, что ни мужъ мой, ни я, никогда не вмѣшивались въ политику и оба люди неоспоримой честности.

— Неоспоримой честности, повторилъ кардиналъ съ притворнымъ гнѣвомъ: — такъ зачѣмъ же вы, честные люди, укрываете у себя еретиковъ и государственныхъ преступниковъ; мало того — помогаете имъ бѣжать такимъ непростительнымъ образомъ?

— Бѣжать! воскликнула Клелiа, сохранившая до тѣхъ поръ присутствiе духа.—Такъ мой отецъ не заточенъ болѣе въ этомъ ужасномъ дворцѣ? прибавила она и ея прелестное лице озарилось радостью.

— Да, онъ бѣжалъ отсюда, отвѣчалъ кардиналъ: — но его скоро поймаютъ и ему придется отвѣчать за свое двойное преступленiе.

Эти слова убили только что возродившуюся надежду Сильвiи: отъ страха и волненiя она упала безъ чувствъ на руки дочери.

Кардиналъ, привыкшiй къ подобнымъ сценамъ, рѣшился воспользоваться этимъ случаемъ и, позвавъ слугъ, приказалъ отвести женщинъ въ другую комнату, гдѣ можно было привести въ чувство бѣдную Сильвiю.

— А, а, милая! сказалъ кардиналъ, оставшись одинъ и потирая руки: — ты не уйдешь отсюда, не заплативъ мнѣ выкупа.

Потомъ онъ послалъ за Джiани, который, узнавъ Клелiю, остался во дворцѣ, предчувствуя, что его услуги понадобятся.

— Что, синьоръ Джiани, сказалъ кардиналъ, когда онъ вошелъ въ комнату: Провидѣнiе заткнуло за поясъ твое хваленое искуство?

— Развѣ я не всегда повторяю вашему преосвященству, что вы родились подъ счастливой звѣздой, отвѣчалъ Джiани, тотчасъ смекнувъ, что милость кардинала къ нему возвратилась, ибо кардиналъ называлъ его синьоромъ только въ хорошемъ расположенiи духа.

— Ну, продолжалъ нечестивый князь церкви:—если Провидѣнiе помогаетъ мнѣ, то отъ тебя зависитъ Джiани довершить это дѣло. Ступай за этими женщинами и посмотри, чтобъ имъ оказали всевозможное уваженiе; когда же жена скульптора придетъ въ себя, то прикажи отцу Игнацiо позвать къ себѣ ее и ея прiятельницу подъ предлогомъ допросить ихъ на счетъ бѣгства скульптора. Устрой все такъ, чтобъ я могъ наединѣ поговорить съ несравненной Клелiей.

Низкiй слуга развратнаго господина молча поклонился и вышелъ, чтобъ привести въ исполненiе злодѣйскiй планъ кардинала.

Почти въ туже минуту дверь отворилась и слуга доложилъ, что англійская синьора желаетъ видѣть по дѣлу его преосвященство.

— Просите, сказалъ кардиналъ, съ удовольствіемъ потирая себѣ подбородокъ, не смотря на то, что это неожиданное посѣщеніе отсрочивало столь желанное свиданіе, онъ все же былъ очень радъ видѣть прекрасную англичанку.

Джулія поздоровалась съ нимъ, какъ съ хорошимъ знакомымъ, протянувъ ему руку по англійскому обычаю; кардиналъ отвѣчалъ нѣжнымъ пожатіемъ и разсыпался въ любезностяхъ.

— Чему я обязанъ неизрѣченному счастью принимать васъ снова подъ своимъ кровомъ? сказалъ онъ:—эта комната, освященная вашимъ недавнимъ посѣщеніемъ, получила въ моихъ глазахъ особую цѣну.

Джулія сѣла и серьезно отвѣчала на любезности кардинала, которыя ей видимо не понравились.

— Ваше преосвященство слишкомъ снисходительны. Вы знаете, что въ первый разъ я посѣтила вашъ дворецъ для того, чтобъ попросить у васъ позволеніе срисовать нѣкоторыя изъ украшающихъ эти залы художественныхъ произведеній. Но теперь я пріѣхала совершенно по другому дѣлу.

— А могу я спросить, въ чемъ заключается это дѣло, прелестная лэди? произнесъ кардиналъ, подвигая свое кресло къ ней, и снова нѣжно пожалъ ей руку.

Джулія съ негодованіемъ отодвинулась; когда же онъ снова подвинулъ свое кресло, то она вскочила и, видя, что онъ также хочетъ встать, воскликнула, бросая на него такой взглядъ, что онъ невольно вздрогнулъ:

— Вы забываетесь, ваше преосвященство, потрудитесь сидѣть или я уйду.

Пораженный гордымъ достоинствомъ юной англичанки, кардиналъ повиновался, и она продолжала:

— Я сегодня пріѣхала, чтобъ узнать, гдѣ находится жена и дочь скульптора Манліо, которыя, какъ я слышала, явились въ этотъ дворецъ нѣсколько часовъ тому назадъ для подачи прошенія вашему преосвященству.

— Да, онѣ были здѣсь, но ушли, промолвилъ Прокопіо, какъ только онъ оправился.

— А давно ли онѣ оставили ваше преосвященство?

— Только нѣсколько минутъ.

— Вѣроятно, онѣ уже вышли изъ вашего дворца.

— Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ кардиналъ, не краснѣя.

Джулія недовѣрчиво взглянула на него, поклонилась и вышла изъ комнаты.

Есть ли совершенство на свѣтѣ? Англійская нація, конечно, также отличается многими несовершенствами, но англичане единственный народъ, который можно сравнить съ древнимъ римскимъ; англичане совершенно сходны съ римлянами по гордому эгоизму ихъ добродѣтелей и недостатковъ. Тѣ и другіе эгоисты и завоеватели наполнили страницы своей исторіи преступленіями, совершенными какъ въ своей странѣ, такъ и въ другихъ побѣжденныхъ или завоеванныхъ странахъ. Много народовъ они покорили, много государствъ они уничтожили для удовлетворенія своей безконечной жажды золота и власти.

Однако, кто посмѣетъ отрицать, что англичане со всѣми ихъ недостатками громадно содѣйствовали цивилизаціи и общественному развитію человѣчества? Они положили основаніе новому идеалу человѣчества, идеалу возвышенному, непреклонному, величественному, свободному; они никому не повинуются кромѣ закона, созданнаго ими самими; у нихъ нѣтъ другихъ королей кромѣ тѣхъ, которыхъ они сами контролируютъ. Путемъ безконечнаго терпѣнія и упорной законности народъ этотъ съумѣлъ примирить правительство и порядокъ съ свободой самоуправляющагося общества.

Англія сдѣлалась святилищемъ, ненарушимымъ пріютомъ несчастныхъ изгнанниковъ всѣхъ народовъ и странъ на свѣтѣ. Изгнанные тиранами и изгнавшіе ихъ тираны одинаково стремятся къ ея гостепріимнымъ берегамъ и находятъ тамъ убѣжище, подъ единственнымъ условіемъ сдѣлаться гражданами между другими гражданами и повиноваться верховной власти закона. Англія также, да будетъ это вѣчно памятно, первая въ мірѣ провозгласила освобожденіе невольниковъ и англійскій народъ добровольно

согласился на увеличеніе налоговъ, чтобъ привести въ исполненіе это славное дѣло во всѣхъ его колоніяхъ. Сыны же Англіи, поселившіеся въ Америкѣ, послѣ долгой и кровопролитной борьбы между свободой или олигархіей одинаково изгнали рабство изъ Новаго Свѣта.

Наконецъ Италія многимъ обязана Англіи; Англія сослужила большую службу дѣлу возстановленія Италіи своимъ рѣшительнымъ провозглашеніемъ политики невмѣшательства въ Мессинскомъ проливѣ въ 1860 году.

Франціи Италія также обязана, ибо многіе геройскіе ея воины пали за дѣло Италіи въ сраженіяхъ при Сольферино и Мадженте. Италія также много позаимствовала, какъ весь остальной міръ, изъ твореній великихъ умовъ Франціи: у нея она научилась принципамъ справедливости и свободы. Франціи кромѣ того мы обязаны въ большей мѣрѣ уничтоженіемъ пиратства въ Средиземномъ морѣ.

Дѣйствительно, Франція впродолженіи нѣсколькихъ столѣтій шла одна во главѣ цивилизаціи. Было время, когда она проповѣдывала и распространяла по всему міру свободу; но теперь увы, она пала и униженно ползаетъ передъ миражемъ величія, пока ея повелитель обманываетъ страну, которую онъ взялся освободить, и посылаетъ свои войска для уничтоженія въ Италіи той свободы, водворенію которой онъ самъ помогъ. Будемъ, однако, надѣяться для счастья всего человѣчества, что Франція вскорѣ займетъ по праву принадлежащее ей положеніе и, соединившись съ Англіей, станетъ по прежнему употреблять свое могущество, на уничтоженіе всюду насилія и разврата, водружая вездѣ знамя всеобщей свободы и прогреса.

XVI.

Джулія.

Въ маленькой комнатѣ Сиччіо въ этотъ вечеръ сидѣло три человѣка, видъ которыхъ привелъ бы въ восторгъ всякаго поклонника мужской и женской красоты. Конечно, внѣшняя красота

капризъ судьбы, и душа не всегда выражается въ облекающей ее плоти. Я зналъ много возвышенныхъ душъ въ самой непривлекательной оболочкѣ. Но несмотря на это, человѣка что то инстинктивно влечетъ въ красотѣ. Красивыя черты и благородное выраженіе лица возбуждаютъ не только удивленіе, но и довѣріе, и каждый счастливъ, имѣя величественнаго отца, красивую мать и прелестныхъ дѣтей; каждый солдатъ желаетъ скорѣе видѣть въ своемъ начальникѣ Ахиллеса, чѣмъ Терзита. Съ другой стороны, сколько несправедливости и униженія выпадаетъ на долю несчастныхъ, изуродованныхъ судьбою: сколько имъ приходится перенести страданій отъ людскаго презрѣнія и еще болѣе горькаго официальнаго сострадания.

Джулія, затмѣвавшая своей красотой остальныхъ двухъ актеровъ описываемой сцены, только что возвратилась изъ дворца Корсини и разсказала своимъ собесѣдникамъ, Аттиліо и Муціо, все, что она узнала.

— Да воскликнула она, окончивъ свой разсказъ:—онъ мнѣ сказалъ, что онѣ ушли, но такъ могущественно золото въ этихъ трущобахъ разврата, что я узнала отъ одного слуги совершенно противное. Всѣ три женщины задержаны во дворцѣ.

Аттиліо былъ оченъ взволнованъ этой вѣстью и сталъ нетерпѣливо ходить по комнатѣ. Джулія, видя, въ какое разстройство повергли юнаго художника ея слова, подошла къ нему и, положивъ нѣжно руку на плечо, просила его успокоиться, такъ какъ для освобожденія его невѣсты требовалось полное присутствіе ума и громадная сила воли.

— Вы правы, синьора, сказалъ Муціо, который до тѣхъ поръ все молчалъ:—вы всегда правы.

Наши трое друзей уже прежде обсуждали планъ освобожденія невинныхъ жертвъ злодѣйскаго умысла кардинала и теперь Муціо предложилъ извѣстить Сильвіо обо всемъ случившемся и просить его явиться съ своими товарищами къ десяти часамъ. Муціо былъ на столько благороденъ, что, не смотря на всю свою пламенную, южную страсть къ прекрасной чужестранкѣ, не почувствовалъ ни малѣйшей тѣни ревности при мысли, что онъ оставитъ ее одну съ его красивымъ другомъ. Впрочемъ, для Джу-

ліи не было никакой опасности въ ея состраданіи къ Аттиліо. Ея любовь къ Муціо, хотя еще не выразившаяся словами, была такъ чиста и пламенна, что эту любовь не могло измѣнить ни что: ни время, ни судьба, ни самая смерть. Она недавно узнала исторію его дѣтства и несчастія, и отъ этого любовь ея нимало не уменьшалась.

— Нѣтъ, отвѣчала она: — я теперь распрощаюсь съ вами обоими, а въ десять часовъ я буду ждать васъ въ каретѣ близъ Піацы и отвезу въ вѣрное убѣжище нашихъ бѣдныхъ дамъ, когда вы ихъ освободите.

Съ этими словами она удалилась, чтобъ заняться необходимыми приготовленіями для бѣгства семейства скульптора, судьбу котораго она такъ благородно соединила съ своей, совершенно не понимая, какимъ личнымъ опасностямъ она себя подвергала.

XVII.

Возмездіе.

Правосудіе! святое слово; какъ злоупотребляютъ тобою сильные міра сего! Не распяли ли Христа правосуднаго во имя правосудія? Не пытали ли Галилея во имя того же правосудія; не пишутъ ли и не исполняютъ ли всѣ законы нечестивой Вавилонской башни, ложно именуемой образованной Европой, во имя правосудія? Да, въ Европѣ, гдѣ нѣсколько семействъ управляютъ народами и держатъ ихъ въ хроническомъ положеніи взаимной войны, оглушая ихъ громкими словами патріотизма, правосудія, преданности, военной славы и пр. и пр. И во имя правосудія и справедливости въ роскошномъ дворцѣ сидятъ Прокопіо и Игнаціо, а извнѣ на улицѣ толпится чернь—Аттиліо, Муціо и Сильвіо съ двадцатью храбрецами изъ трехсотъ, рѣшившихся произвесть судъ и расправу по своему. Сердца этихъ простыхъ людей радостно бьются словно на канунѣ праздника, но бьются

онѣ отъ увѣренности, что близокъ часъ исполнить ихъ долгъ. Они ходятъ взадъ и впередъ по Лунгарѣ небольшими группами въ два или три человѣка, чтобъ не навлечь на себя подозрѣнія, и терпѣливо ждутъ боя часовъ. Пока они дожидаются извнѣ, войдемъ, читатель, во дворецъ и бросимъ взглядъ на все, что тамъ произошло.

Когда Джіани отозвалъ къ отцу Игнаціо Орелію и Сильвію, то Клелія, подозрѣвая какое-то предательство, быстро выдернула изъ косы золотой stiletto и спрятала его за поясъ, чтобы въ случаѣ надобности онъ всегда былъ подъ рукою.

Между тѣмъ кардиналъ, облачившись въ свою роскошнѣйшую одежду, чтобъ своимъ великолѣпіемъ ослѣпить бѣдную дѣвушку, приготовился, по его вычурному выраженію, къ „осадѣ крѣпости.“ Отворивъ дверь въ ту комнату, гдѣ Клелія съ безпокойствомъ ожидала возвращенія своей матери, онъ подошелъ къ ней и принялъ на себя достойный, набожный видъ.

— Простите, сказалъ онъ:—что мы васъ такъ долго задержали, дочь моя; но я хотѣлъ лично увѣрить васъ, что ничего дурнаго не случится съ вашимъ отцемъ и, прибавилъ онъ, схватывая ее за руку: —я хотѣлъ вамъ сказать, прелестнѣйшая изъ женщинъ, что съ той минуты, какъ я васъ впервые увидалъ, сердце мое пылаетъ самой горячей любовью къ вамъ.

Пораженная этими словами и страстными взглядами кардинала, Клелія инстинктивно отскочила и загородилась близъ стоявшимъ маленькимъ столомъ. Кардиналъ продолжалъ осыпать ее оскорбительными и преступными мольбами и предложеніями; но тщетно изощрялъ онъ свое краснорѣчіе, тщетно представлялъ ей, что ея согласіе единственное средство спасти отца. Клелія продолжала молча смотрѣть на него съ ужасомъ, не теряя ни на минуту своего величественнаго достоинства и постоянно двигаясь такъ, что столъ всегда былъ между ними. Внѣ себя отъ злобы, кардиналъ крикнулъ Игнаціо и Джіани, которые вблизи ожидали его приказаній.

— Только троньте меня, воскликнула Клелія, понимая всю опасность своего положенія и выхватывая кинжалъ: — я скорѣе убью себя, чѣмъ поддамся вашимъ низкимъ желаніямъ!

Распутный прелатъ, не понимая, что можетъ существовать такая добродѣтель, хотѣлъ выхватить кинжалъ изъ рукъ римлянки, но она нанесла ударъ ему въ руку и, отскочивъ шагъ назадъ, стала въ оборонительное положеніе, сіяя величественной красотой и мужествомъ отчаянья. Онъ снова позвалъ своихъ клевретовъ, и тѣ, какъ стая злыхъ духовъ, набросились на бѣдную дѣвушку, которая безъ разбору наносила имъ раны при каждомъ прикосновеніи ихъ рукъ къ ея тѣлу; но наконецъ отецъ Игнаціо схватилъ за руку Клелію въ ту самую минуту, когда она хотѣла поразить себя въ сердце; Джіани схватилъ ее за другую руку, а кардиналъ сжалъ ее въ своихъ объятіяхъ. Такимъ образомъ несчастная дѣвушка была лишена всякихъ средствъ къ сопротивленію и ее повлекли къ альковѣ, скрытой за занавѣсью.

Въ эту самую минуту, по счастью для нашей героини, въ сосѣднихъ комнатахъ раздался странный шумъ, злодѣи обернулись, и два человѣка, сіяя красотой и злобой, ворвались въ дверь. Первый изъ нихъ, Аттиліо, кинулся къ своей возлюбленной, которая отъ радости и волненія упала безъ чувствъ на руки своего избавителя. Кардиналъ и его клевреты поспѣшно выпустили свою жертву и, оглашая своды дворца страшными воплями, старались найдти спасенія въ бѣгствѣ. Но Муціо загородилъ имъ дорогу и, съ помощью Сильвіо и его людей, связалъ трехъ злодѣевъ и заткнулъ имъ рты. Тщетно просили они знаками милости, не было милосердія въ сердцахъ разъяренныхъ мстителей. Всѣ мольбы и проклятія кардинала замирали на его устахъ, заткнутыхъ его собственной мантіей. Муціо, конечно, не забылъ при этомъ напомнить отцу Игнаціо, какъ онъ злодѣйски ограбилъ безпомощнаго ребенка, отнявъ его законное наслѣдство.

На другое утро проснувшійся народъ увидѣлъ съ ужасомъ три трупа, висѣвшіе изъ одного изъ оконъ дворца Корсини. На груди кардинала нашли записку съ слѣдующими словами:

„Такъ гибнутъ тѣ, которые омрачаютъ всемірную столицу ложью, распутствомъ и лицемѣріемъ, превращая ее въ клоаку и вертепъ разврата.“

XVIII.

ИЗГНАНІЕ.

Солнце всходило надъ горизонтомъ и утренніе лучи его освѣщали немногихъ раннихъ прохожихъ, которые торопились изъ Форума, проведя тамъ, лежа на камняхъ, неспокойную ночь. Блѣдныя лица ихъ и лохмотья ясно говорили о нищетѣ и голодѣ. Съ понятной завистью смотрѣли они на проѣзжавшую мимо карету съ сидѣвшими въ ней четырьмя женщинами. Карета эта быстро неслась по предмѣстьямъ Рима къ тѣмъ необитаемымъ равнинамъ, на которыхъ ничто не останавливаетъ взора путника, кромѣ возвышающихся тамъ и сямъ деревянныхъ крестовъ надъ могилами убитыхъ разбойниками путешественниковъ. Наконецъ она остановилась передъ извѣстнымъ намъ домикомъ.

Кто опишетъ счастливую встрѣчу нашихъ друзей! Джулія и Орелія безмолвно любовались радостью Манліо при свиданіи съ женой и дочерью, ибо теперь всѣ плѣнники дворца Корсини были на свободѣ. Камилла также смотрѣла на ихъ слезы радости, но не ясно понимала въ чемъ дѣло. Быть можетъ, еслибъ она знала о жестокой судьбѣ кардинала, то эта вѣсть возвратила бы ей разумъ.

— Увы! намъ теперь остается только изгнаніе, сказалъ наконецъ Манліо, когда первая минута восторга прошла:—наше презрѣнное правительство не можетъ долго существовать, но доколѣ оно не уничтожено, мы должны жить вдали отъ родины и друзей.

— Да, да, вы должны бѣжать! воскликнула Джулія:—но я увѣрена, что скоро настанетъ минута, когда вы возворотитесь въ Римъ и найдете его освобожденнымъ отъ страшнаго ига, теперь его угнетающаго. Моя яхта стоитъ въ Порто-Анцо; поспѣшимъ же туда и черезъ нѣсколько часовъ я надѣюсь видѣть васъ всѣхъ свободными и безопасными на ея палубѣ.

Яхта! — воскликнутъ, вѣроятно, нѣкоторые изъ моихъ итальянскихъ читателей:—что это за женская принадлежность? Яхта,—спѣшу я отвѣтить,—небольшое морское судно, на которомъ богатые англичане катаются по океану, ибо они не боятся ни бурь, ни тропическаго жара, ни полярнаго холода. Сыны и дщери Альбіона бросаютъ свои роскошные дома и находятъ жизнь, здоровье, силу и счастье въ продолжительныхъ прогулкахъ по морямъ, вдыхая въ себя живительную морскую прохладу. Франція, Испанія и Италія не имѣютъ въ своемъ словарѣ слова *яхта*. Ихъ богачи не смѣютъ искать удовольствія на морскихъ волнахъ, а безумно предаются всѣмъ роскошамъ многолюдныхъ городовъ и потому въ ихъ лѣтописяхъ нѣтъ такихъ именъ, какъ Родней и Нельсонъ. Британія всегда любила море и уже вѣками властвовала надъ нимъ. Деревянныя стѣны ея кораблей служили всегда самымъ могущественнымъ оплотомъ ея береговъ. Да будутъ ея новые броненосцы такой же вѣрной защитой ея гостепріимной отъ чужестраннаго вторженія.

Конечно, страннымъ можетъ показаться, что яхта принадлежитъ женщинѣ. Но Джулія въ дѣтствѣ была очень слабаго здоровья, и доктора предписали ей морское путешествіе, а богатые ея родители снарядили нарочно для нея прелестную яхту. Такимъ образомъ Джулія привыкла къ голубымъ морскимъ волнамъ и даже, когда благорастворенный воздухъ Италіи совершенно возстановилъ ея здоровье, она все же любила совершать недальнія прогулки по водамъ Средиземнаго моря. Вотъ почему она и могла предложить такъ кстати своимъ друзьямъ пріютъ на ея яхтѣ.

XIX.

ТЕРМЫ КАРАКАЛЛЫ.

Представьте себѣ изумленіе Рима 15-го февраля, на другой день послѣ трагической смерти кардинала Прокопіо и его двухъ клев-

ретовъ. Велико было волненіе въ городѣ при видѣ трехъ труповъ, колыхаемыхъ вѣтромъ въ окнѣ дворца Корсини. Вѣсть объ ужасномъ событіи быстро распространилась повсюду, и громадныя толпы народа стали собираться передъ фасадомъ дворца; наконецъ явился батальонъ чужестранныхъ солдатъ, который, по просьбѣ испуганныхъ патеровъ, тотчасъ разогналъ народъ и, окруживъ дворецъ, занялъ его снаружи и внутри. По правдѣ сказать, солдаты иногда смѣялись грубымъ остротамъ черни, раздававшимся въ ту минуту, когда они стали подымать трупы въ окно. Много горькихъ замѣчаній было тутъ высказано.

— Спустите ихъ головами внизъ, кричалъ изъ толпы одинъ голосъ:—скорѣе покончите дѣло!

— Держи крѣпче чертову рыбу, не то соскочитъ съ крючка! восклицалъ дружно Пеласъ.

Трупы Джіани и отца Игнаціо были благополучно втащены на верхъ, но веревка, на которой висѣлъ кардиналъ, отъ тяжести его тѣла лопнула, и посреди громкихъ криковъ и хохота толпы трупъ нѣкогда сильнаго князя церкви рухнулся на мостовую.

Муціо, наблюдавшій за всей этой сценой, вздрогнулъ и, обратясь къ Сильвіо, сказалъ:

— Пойдемъ прочь, этотъ хохотъ мнѣ не по сердцу; они уже заплатили жизнью за свои злодѣянія.

По истинѣ, Пасквинъ единственный живой остатокъ древняго Рима. О, еслибъ нашъ народъ имѣлъ ту силу и сосредоточенность ума, которыя выказывали наши отцы, избирая великихъ диктаторовъ и продавая по дорогой цѣнѣ землю, на которой Анибалъ стоялъ лагеремъ! Но много должно пройдти времени прежде, чѣмъ души нашихъ согражданъ освободятся отъ ига монашескаго разврата, прежде, чѣмъ они снова станутъ достойны своего древняго имени и славы.

— Мы должны имъ это простить, сказалъ Сильвіо: — рабство низводитъ человѣка къ положенію животнаго. Патеры сами научили народъ грубымъ издѣвательствамъ, которыя теперь оскорбляютъ нашъ слухъ. Впрочемъ, трудно найдти предметъ для издѣвательства болѣе достойный, чѣмъ эти трупы. Не будемъ упрекать сегодня народъ; дохлымъ собакамъ и подобаетъ валяться въ грязи!

Говоря такимъ образомъ, наши друзья пробрались сквозь толпу и разошлись въ разныя стороны, сговорившись встрѣтиться въ концѣ недѣли въ мастерской Аттиліо.

Въ назначенный день они явились къ юному художнику и, найдя его дома, разсказали все, что видѣли подъ окнами дворца Корсини. Зная, что вечеромъ назначенъ сборъ всѣхъ Трехсотъ въ термахъ Каракаллы, наши друзья легли отдохнуть до назначеннаго часа. Мы воспользуемся ихъ отдыхомъ, чтобъ дать читателю понятіе о сборномъ мѣстѣ заговорщиковъ.

Властители древняго міра и обладатели всѣхъ его сокровищъ, древніе римляне въ послѣдніе дни республики предались всевозможной роскоши, изнѣженности и разврату. Трудъ поселянина и воина, доставившій имъ столько счастья и славы, теперь сталъ имъ ненавистенъ. Ихъ тѣло, изнѣженное новымъ, роковымъ сладострастіемъ, дошло наконецъ до такой слабости, что оружіе имъ было уже не подъ силу и они стали выбирать въ солдаты здоровеннѣйшихъ своихъ рабовъ. Чужестранные народы, окружавшіе ихъ, не приминули замѣтить то преимущество, которое время и обстоятельства давали имъ надъ ихъ развратными господами. Они возстали съ готами и остготами, сбросили съ себя тяжелое иго, накинулись со всѣхъ сторонъ на царственный градъ и, сорвавъ съ него царственную діадему, растащили во всѣ страны свѣта его необъятныя сокровища. Такова была судьба этой гигантской имперіи, которая пала, какъ должно пасть всякое господство, основанное на несправедливости и насиліи.

Одна изъ главнѣйшихъ роскошей, которыя выродившіеся римляне заимствовали у другихъ народовъ, были термы или купальни, на которыя расходовались огромныя суммы. Зданія эти были чрезвычайно удобны и великолѣпны; нѣкоторыя изъ нихъ были частныя, другія публичныя. Императоры соперничали другъ передъ другомъ великолѣпіемъ выстроенныхъ ими термъ. Каракалла, недостойный сынъ Севера и одинъ изъ самыхъ гнусныхъ кесарей, выстроилъ громадное зданіе, до сихъ поръ носящее его позорное имя; развалины этого зданія краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о блескѣ римскаго владычества и о причинахъ его быстраго паденія. Подъ этими термами, какъ и подъ большею частью знаме-

нитыхъ зданій Рима, находятся подземные проходы, устроенные ихъ первоначальными владѣльцами на случай бѣгства въ минуту опасности или для скрытія награбленной добычи и похищенныхъ жертвъ.

Въ такомъ-то подземномъ проходѣ подъ термами Каракаллы должны были собраться наши Триста; какъ только начало смеркаться, часовые заговорщиковъ безмолвно заняли свои мѣста у входовъ въ подземелье и только отъ времени до времени шопотомъ спрашивали пароль у заговорщиковъ, мало по малу собиравшихся словно тѣни на сборное мѣсто.

XX.

ИЗМѢННИКЪ.

Освобожденіе Манліо и казнь кардинала нанесли неожиданный ударъ папскому правительству и пробудили его отъ летаргическаго сна, въ которомъ оно дотолѣ находилось. Всѣ чужестранные и мѣстные солдаты были выстроены подъ ружьемъ, и полиція вездѣ сновала, арестуя, при малѣйшемъ подозрѣніи, гражданъ всѣхъ классовъ, такъ что скоро переполнились всѣ тюрьмы.

Одинъ изъ Трехсотъ (надо признаться къ стыду римлянъ) былъ купленъ папскимъ правительствомъ и какъ шпіонъ слѣдилъ за всѣми движеніями его товарищей. По счастью, онъ не былъ въ числѣ немногихъ избранныхъ, принимавшихъ участіе въ нападеніи на квиринальскую тюрьму или въ освобожденіи Сильвіи и Клеліи. Но онъ зналъ о собраніи заговорщиковъ въ термахъ Каракаллы и увѣдомилъ объ этомъ во время полицію.

Однако, и итальянскіе заговорщики имѣютъ свою полицію, въ главѣ которой стоялъ Муціо. Пользуясь своей одеждой лацароне, онъ часто получалъ необходимыя свѣденія отъ клевретовъ патеровъ, которые обыкновенно употребляютъ шпіонами нищихъ, про-

сящихъ милостыню на улицахъ Рима. Но на этотъ разъ Муціо ничего не зналъ о готовившейся заговорщикамъ западнѣ.

Всѣ заговорщики были уже въ сборѣ, подъ мрачными сводами подземелья, и Аттиліо уже спросилъ:—„Всѣ ли часовые на мѣстахъ?“ какъ вдругъ раздался свистъ на подобіе змѣинаго. Это былъ сигналъ Муціо, что опасность грозитъ товарищамъ; и черезъ минуту онъ самъ былъ посреди ихъ.

— Нельзя терять ни минуты! произнесъ онъ:—мы уже окружены войсками съ одной стороны и съ другой уже наступаетъ отрядъ.

Неминуемая опасность не заставила вздрогнуть храбрыхъ юношей, но, напротивъ, закалило ихъ мужество. Аттиліо довѣрчиво взглянулъ на окружавшую его геройскую дружину и попросилъ Сильвіо съ двумя товарищами сдѣлать рекогницировку.

Вскорѣ явился другой часовой и подтвердилъ слова Муціо. Прошло нѣсколько минутъ, и такъ какъ остальные часовые не приходили, то заговорщики стали бояться, не схватили ли ихъ; наконецъ возвратился Сильвіо и объявилъ, что видѣлъ ихъ у входа въ подземелье. Въ эту минуту раздались выстрѣлы, и черезъ минуту явились сами часовые и донесли начальнику, что со всѣхъ сторонъ наступаютъ войска, и они открыли огонь по первой ширингѣ враговъ, слишкомъ выдвинувшейся впередъ.

Видя, что каждая минута дорога, Аттиліо тотчасъ приказалъ Муціо сдѣлать выласку съ третью Трехсотъ, онъ самъ послѣдуетъ за нимъ со второй третью, а Сильвіо съ остальными заговорщиками останется въ арьергардѣ.

— Настала минута дѣйствовать! воскликнулъ онъ: — какое намъ дѣло до количества враговъ, мы должны кинжалами себѣ проложить дорогу.

Исполняя приказанія своего начальника, Муціо взялъ двадцать человѣкъ, выхватилъ кинжалъ и скомандывалъ—„впередъ!“

Черезъ нѣсколько минутъ изъ сводовъ подземелья вырвался, словно бушующій потокъ, этотъ отрядъ разъяренныхъ храбрецовъ; папскіе солдаты не успѣли прицѣлиться, какъ уже ружья у многихъ были выхвачены, а многіе валялись въ крови. Остальные солдаты, слыша крики втораго и третьяго отрядовъ заговорщи-

ковъ, быстро слѣдовавшихъ за первымъ, поддались страшной панкѣ и искали спасенія въ постыдномъ бѣгствѣ. Кампо-Ваксино и улицы Рима, ведущія къ Кампидогліо, вскорѣ наполнились бѣглецами, преслѣдуемыми тѣми, которыхъ они должны были взять въ плѣнъ. Каски, сабли, ружья валялись повсюду и болѣе было раненыхъ въ свалкѣ своими товарищами, чѣмъ врагами. Дѣйствительно, пораженіе было полное и въ высшей степени комичное.

Храбрые защитники римской свободы, довольствуясь побѣдой надъ наемниками его святѣйшества, разсѣялись во всѣ стороны и разошлись по домамъ.

На другое утро, между мертвыми тѣлами близъ термъ найденъ былъ трупъ юноши, лице котораго едва было покрыто пушкомъ; онъ лежалъ на спинѣ, а на груди его была приколота кинжаломъ постыдная надпись „измѣнникъ". Заговорщики его узнали въ толпѣ враговъ и тотчасъ же предали справедливой казни.

Бѣдный Паоло! онъ имѣлъ несчастье, истинное несчастье, влюбиться въ дочь патера, и она, разыгравъ роль Далилы, выдала его своему отцу, какъ только узнала, что онъ участвуетъ въ заговорѣ. Чтобъ спасти свою жизнь, несчастный юноша согласился служить шпіономъ патерамъ, и мы видѣли, какъ онъ получилъ обѣщанную ему награду.

Изъ сцены, происшедшей въ термахъ Каракаллы, ясно видно, какъ драгоцѣнно присутствіе духа одного сильнаго, отважнаго человѣка, какъ Аттиліо; одинъ человѣкъ, храбрый какъ левъ, можетъ обратить въ бѣгство цѣлую армію. Съ другой стороны, какъ заразителенъ страхъ. Мы видали, какъ цѣлыя арміи поддавались неописанной паникѣ при крикахъ: "Спасайтесь!"—„Кавалерія!" „Непріятель!" или даже при нѣсколькихъ неожиданныхъ выстрѣлахъ. И замѣтьте, эта же самая армія, прежде и послѣ, мужественно и стойко сражается.

Страхъ—постыдное, унизительное чувство, и я полагаю, что южные народы Европы болѣе склонны къ нему, чѣмъ хладнокровныя націи сѣвера; но дай Богъ намъ никогда не видать, чтобъ итальянская армія поддалась тому неожиданному, лихорадочному припадку, который убиваетъ въ человѣкѣ *человѣка*, хотя онъ, несчастный, думаетъ этимъ самымъ спасти свою жизнь.

XXI.

ПЫТКА.

Часъ мести еще не насталъ, и потому страхъ—и одинъ только страхъ—былъ для патеровъ результатомъ разсказанныхъ нами событій. Они ужасно боялись, чтобъ не перерублена была нить, на которой висѣлъ мечъ народнаго негодованія. Однако, часъ ихъ еще не пробилъ, чаша еще не переполнилась; правосудный Богъ отсрочилъ день своего возмездія.

Знаете ли вы, какъ любятъ патеры пытку? Знаете ли вы, что патеры пытали Галилея, величайшаго изъ итальянцевъ?! Кто, кромѣ патеровъ, подвергнулъ бы его пыткѣ? Кто, кромѣ папскаго прелата, приговорилъ бы къ голодной смерти въ замуравленной темницѣ Уголино и его четырехъ сыновей? Гдѣ, кромѣ Рима, священники ненавидѣли добродѣтель и науку и покровительствовали невѣжеству и разврату? Горе тому человѣку, который одаренъ Богомъ болѣе своихъ ближнихъ и смѣетъ проявлять свой талантъ въ папской Италіи. Не тотчасъ ли его подвергаютъ нравственнымъ и физическимъ пыткамъ до тѣхъ поръ, пока онъ признаетъ, что тьма—свѣтъ?..

Не удивительно ли, не смотря на прогресъ девятнадцатаго столѣтія, что народъ вѣритъ богохульнымъ сказкамъ, называемымъ догматами католической церкви? Не удивительно ли, что патерамъ дозволяютъ держать въ своихъ рукахъ спасенія душъ и пользоваться такой силой, что государи стараются войти съ ними въ союзъ, чтобъ успѣшнѣе держать подъ игомъ своихъ несчастныхъ подданныхъ?

Въ Англіи, Америкѣ и Швейцаріи пытка давно уничтожена. Въ этихъ странахъ прогресъ не пустое слово. Въ Римѣ же пытка, хотя, скрытая существуетъ во всей своей силѣ. Еще предстоитъ пролить свѣтъ на всѣ тайны нечестивыхъ вертеповъ, называе-

мыхъ монастырями и семинаріями, въ которыхъ мужчины и женщины замуравлены на всю жизнь и связаны страшными обѣтами, расторгающими на вѣки узы естественной любви и святой дружбы. Страшны наказанія, которымъ подвергается каждый членъ братства, подозрѣваемый въ томъ, что ослабѣла въ немъ вѣра, или что онъ желаетъ освободиться отъ своихъ обѣтовъ. Правосудіе для нихъ не мыслимо въ странѣ, гдѣ деспотизмъ не ограниченъ и свобода печати не существуетъ.

Да, въ Римѣ, гдѣ властвуетъ намѣстникъ Божій, пріемникъ Христа, провозвѣстникъ мира, пытка существуетъ въ наше время такъ же, какъ она существовала во времена Св. Доминика и Тарквемады. Въ настоящіе дни политическихъ волненій веревка и раскаленные щипцы въ постоянномъ употребленіи.

Бѣдный Дентато, драгунскій сержантъ, помогавшій освобожденію Манліо, вскорѣ испыталъ на себѣ существованіе пытки. По несчастью, его замѣтили, какъ служащаго въ Квириналѣ, и утромъ, днемъ, ночью его подвергали самымъ страшнымъ неописаннымъ пыткамъ, чтобъ заставить его выдать имена всѣхъ участвовавшихъ въ нападеніи на тюрьму. Но не добившись отъ него никакихъ свѣдѣній, палачи наконецъ оставили его, превращеннаго въ какую то безличную маску, умолявшую о смерти, какъ объ единственной милости.

Несчастный человѣкъ! его безжалостные палачи ложно объявили, что онъ выдалъ своихъ товарищей, и продолжали дѣлать новые аресты.

И, однако, міръ терпитъ этихъ злыхъ духовъ въ человѣческой формѣ, и короли одаряютъ ими нашу несчастную страну. Дай Богъ, чтобъ итальянскій народъ имѣлъ бы вскорѣ мужество сбросить съ себя это ненавистное иго! О! Господи, освободи насъ (прежде, чѣмъ мы устанемъ тебя молить) отъ тѣхъ, которые всуе призываютъ твое имя и изгоняютъ Христа изъ храма, а на его мѣсто ставятъ столы мѣновщиковъ и продавцевъ голубей!

XXII.

РАЗБОЙНИКИ.

Оставимъ на время эти сцены ужаса и послѣдуемъ за нашими бѣглецами по дорогѣ къ Порто-Анцо. Сердца ихъ грустны, ибо они оставляютъ много дорогаго въ Римѣ и путь до моря усѣянъ опасностями. Но вдыхая живительный воздухъ любимой родины, они мало по малу успокоиваются. Эта страна, нѣкогда населенная и плодородная, теперь представляетъ обнаженную пустыню, и трудно найти другую мѣстность на землѣ, которая представляла бы столько величія въ прошедшемъ и столько униженія въ настоящемъ, какъ Римская Компанія. Развалины, разбросанныя повсюду, доставляютъ удовольствіе антикварію и убѣждаютъ его въ величіи и благоденствіи древнихъ жителей страны; охотникъ найдетъ здѣсь довольно звѣрей и птицъ; но тотъ, кто любитъ человѣчество, станетъ оплакивать эту страну какъ могилу прошедшей славы. Эти обширныя равнины принадлежатъ не многимъ владѣльцамъ и тѣ, конечно, духовныя лица слишкомъ заняты удовольствіями и развратомъ Рима, чтобы посѣщать свои владѣнія, и держатъ тамъ только барановъ и буйволовъ.

Разбойничество нераздѣльно съ папскимъ правительствомъ, это легко понять, когда мы вспомнимъ, что оно поддерживается низкими и жестокими наемниками. Эти люди, сдѣлавшись грабителями, убійцами и уголовными преступниками, бѣгутъ въ такія мѣста этой исторической пустыни, гдѣ находятъ себѣ вѣрное убѣжище.

Статистика доказываетъ, что въ Римѣ убійства бываютъ чаще, пропорціонально его народонаселенію, чѣмъ въ какомъ другомъ городѣ. И иначе быть не можетъ въ виду развратнаго воспитанія, даваемаго юношеству духовенствомъ? Но, кромѣ бѣглыхъ папскихъ наемниковъ, совершившихъ столь ужасныя опустошенія въ послѣдніе года, и другіе отверженцы общества называются разбой-

никами. Мы инстинктивно сочувствуемъ тѣмъ людямъ, которыхъ ложно обвиняютъ въ грабежѣ и которые удаляются въ пустыню не для убійствъ и преступленій, но чтобы избѣгнуть постоянныхъ униженій, которымъ подвергается каждый римскій гражданинъ. Мужество, обнаруживаемое этими послѣдними лицами въ стычкахъ съ полиціей и солдатами, достойно лучшей доли и доказываетъ, что подъ предводительствомъ законнаго начальника патріота они составили бы армію, которая побѣдоносно отстояла бы родную землю отъ всякаго чужестраннаго вторженія.

Дѣйствительно, не всѣ „разбойники“ убійцы.

Ораціо, храбрый, благородный римлянинъ, хотя и разбойникъ, былъ уважаемъ всѣми Транстеверинами и особливо женщинами, которыя всегда болѣе признаютъ и цѣнятъ личную храбрость.

Этотъ мужественный герой, говорятъ, происходилъ отъ знаменитаго Горація Коклеса, который одинъ защитилъ мостъ противъ цѣлой арміи Порсены и, подобно своему великому предку, странно сказать, былъ лишенъ одного глаза. Онъ служилъ съ честью римской республикѣ и еще очень молодымъ человѣкомъ въ славный день 30-го апрѣля былъ въ первыхъ рядахъ храброй дружины, обратившей въ бѣгство чужестранныхъ враговъ. При Палестринѣ онъ былъ раненъ въ лобъ, а при Велетри высадилъ изъ сѣдла Неаполитанскаго офицера и, обезоруживъ его, съ торжествомъ представилъ въ Римъ.

Счастье было бы для Джуліи и ея друзей, еслибъ только такіе люди странствовали по уединенной Компанской пустыни! Но не въ дальномъ разстояніи отъ берега неожиданный ружейный выстрѣлъ, свалившій съ козелъ возницу, убѣдилъ нашихъ бѣглецовъ, что они подверглись нападенію настоящихъ разбойниковъ. Манліо въ ту же минуту схватилъ возжи и ударилъ по лошадямъ, но четверо вооруженныхъ съ головы до ногъ разбойниковъ уже стояли на дорогѣ передъ лошадьми.

— Не шевелись, или я тебя убью, какъ собаку! воскликнулъ одинъ изъ разбойниковъ, по видимому, предводитель шайки.

Понимая, что всякое сопротивленіе тщетно, Манліо остановилъ лошадей. Разбойники обступили экипажъ и не очень любезно просили дамъ выдти, но, увидавъ такихъ красавицъ, они мгновенно

смягчились и съ восторгомъ любовались классическими чертами юной Клеліи и прелестью англичанки. Но ихъ грубая натура вскорѣ взяла верхъ надъ минутнымъ увлеченіемъ, и предводитель шайки сказалъ грознымъ голосомъ:

— Синьоры, если вы смирно послѣдуете за нами, то ничего дурнаго съ вами не случится; но если вы вздумаете сопротивляться, то жизнь ваша въ опасности. А чтобъ доказать вамъ, что я не шучу, я сейчасъ въ вашихъ глазахъ застрѣлю этого человѣка, прибавилъ онъ, указывая на Манліо, который продолжалъ сидѣть на козлахъ.

Угроза эта подѣйствовала различно на четырехъ женщинъ. Сильвіа и Ореліа залились слезами, Клеліа поблѣднѣла, какъ полотно, одна Джулія, привыкшая къ опасностямъ, сохранила присутствіе духа, столь отличающее ея соотечественницъ.

— Не угодно ли вамъ взять все что мы имѣемъ, сказала она, подходя къ предводителю шайки и подавая ему туго набитый кошелекъ: — мы съ радостью отдаемъ вамъ всѣ деньги, но не лишайте насъ жизни и позвольте продолжать путешествіе.

— Нѣтъ, красавица, отвѣтилъ злодѣй, тщательно взвѣсивъ на рукѣ кошелекъ и устремляя пламенные взоры то на Джулію, то на Клелію: — намъ не каждый день попадается такая прелестная добыча. Отъ счастья люди не отказываются. Извольте слѣдовать за нами.

Джулія ничего не отвѣчала, не сообразивъ тотчасъ, на что намекалъ злодѣй, но Клеліа, внѣ себя отъ страха и злобы, выхватила изъ за пояса кинжалъ и бросилась какъ пантера на разбойника, не ожидавшаго такого нападенія.

Видя геройскую рѣшимость итальянки, Джулія также кинулась на разбойника, но увы! имъ пришлось имѣть дѣло не съ однимъ только предводителемъ шайки. Его товарищи поспѣшили къ нему на помощь и оторвали отъ него англичанку, такъ что Клеліа осталась одна, и не смотря на нѣсколько ранъ, нанесенныхъ ею предводителю, онъ легко выбилъ изъ ея рукъ кинжалъ и, съ помощью другаго разбойника, скрутилъ ей руки. Джулію двое злодѣевъ потащили въ кусты, а Ореліа и Сильвіа слѣдовали за ними, умоляя ихъ не убивать ее. Манліо бросился на помощь своей дочери, но

не успѣлъ соскочить съ козелъ, какъ тяжелый ударъ повергъ его на землю. Разбойники его схватили и также повлекли въ лѣсъ; наконецъ туда же направился и предводитель шайки, неся осторожно на рукахъ Клелію.

Все было потеряно. Смерть и хуже смерти грозило несчастнымъ.

Но разбойники не отошли еще нѣсколько шаговъ, какъ вдругъ злодѣй, несшій Клелію, упалъ, сраженный мощнымъ ударомъ невѣдомой руки. И Клелія вскрикнула отъ радости, когда неожиданный избавитель поднялъ ее съ земли.

XXIII.

ИЗБАВИТЕЛЬ.

Избавитель Клеліи, явившійся такъ кстати, былъ не гигантъ, только однимъ или двумя вершками онъ былъ выше обыкновеннаго роста, но его мужественная осанка, мощная грудь и широкія плечи обнаруживали въ немъ необычайную силу.

Повергнувъ на землю похитителя Клеліи ударомъ приклада, невѣдомый герой поднялъ ружье, прицѣлился и положилъ на мѣстѣ разбойника, державшаго Манліо. Потомъ, не заботясь о слѣдствіи своего выстрѣла, ибо глазъ у него былъ вѣрный, онъ обратился въ ту сторону, куда указывала Клелія. Она еще была очень взволнована, но видя двойную побѣду своего избавителя, воскликнула: — Avanti! Идите за Джуліей и спасите ее. Ради Бога!

Съ быстротою оленя, юноша бросился за похитителями юной англичанки и черезъ нѣсколько минутъ она явилась въ сопровожденіи своего юнаго защитника; разбойники же, услышавъ выстрѣлы, тотчасъ обратились въ бѣгство.

Зарядивъ ружье, незнакомецъ подалъ его Манліо, а самъ сталъ отбирать оружіе у труповъ убитыхъ имъ разбойниковъ. Между тѣмъ, всѣ возвратились къ экипажу и нашли лошадей, спокойно

щипавшихъ траву, по сторонамъ дороги. Долго никто не могъ вымолвить ни слова, такъ всѣ были переполнены радостью, волненіемъ и чувствомъ благодарности; женщины смотрѣли съ восторгомъ на мужественную фигуру незнакомца.

Какъ прекрасна храбрость, защищающая честь женщины, которая инстинктивно цѣнитъ храбрость! Пускай влюбленный будетъ храбръ и отваженъ, пускай безупречный въ жизни онъ презираетъ смерть, и любовь красавицъ всегда будетъ его наградой. Это сочувствіе прекраснаго пола ко всему возвышенному въ мужскомъ характерѣ было всегда главнымъ двигателемъ человѣческой цивилизаціи и общественнаго благоденствія. Ради любви женщинъ, человѣкъ мало по малу отказался отъ своей грубой оболочки, отъ презрѣнія къ внѣшности и сталъ ручнымъ, изящнымъ, а его дикая отвага смягчена женщиной въ рыцарскую храбрость. Не только женщина не ниже мужчины, но предназначена Творцемъ быть воспитательницей человѣка, воспитательницей его нравственной природы.

Мы уже сказали, что наши путешественницы любовались красотой разбойника, ибо мы должны сознаться, что ихъ избавитель былъ никто иной, какъ разбойникъ. Даже, быть можетъ, во взглядахъ молодыхъ дѣвушекъ было болѣе восторженной благодарности, чѣмъ пожелали бы пламенно любившіе ихъ Аттиліо и Муціо. Но восторгъ вскорѣ перешелъ въ изумленіе, когда разбойникъ, взявъ руку Сильвіи, со слезами поцѣловалъ ее.

— Вы меня не помните, синьора, сказалъ онъ:—посмотрите на мой лѣвый глазъ; еслибъ не ваши материнскія попеченія, то я не былъ бы теперь въ живыхъ.

— Орацiо! Орацiо! воскликнула матрона:—да это сынъ моей старой подруги.

— Да, я Орацiо, котораго вы приняли въ домъ умирающимъ и своими попеченіями возвратили къ жизни, бѣдный сирота, котораго вы вскормили и вспоили.

Помѣнявшись подобными выраженіями благодарности съ спасенными имъ женщинами, которыя также не щадили словъ въ выраженіи своихъ чувствъ, Орацiо объяснилъ, что онъ охотился въ окрестностяхъ и, увидавъ изъ-за деревьевъ нападеніе разбойниковъ,

поспѣшилъ на помощь къ несчастнымъ. Теперь онъ совѣтовалъ Манліо посадить его спутницъ въ экипажъ и уѣхать съ этого мѣста какъ можно скорѣе, такъ какъ двое разбойниковъ убѣжали и могутъ возвратиться съ остальной шайкой. Узнавъ же, къ какой гавани они пробираются, онъ предложилъ служить имъ возницей; его предложеніе, конечно, было принято съ благодарностію, онъ быстро вскочилъ на козла, и экипажъ понесся по направленію къ Порто-Анцо.

Прибывъ туда безъ дальнѣйшихъ приключеній, наши путешественники вскорѣ оправились отъ недавнихъ треволненій, вдыхая въ себя живительную прохладу морскаго воздуха; особливо же сильно, почти чудесно было вліяніе моря на прелестную Джулію. Достойная дочь царицы морей, она, какъ всѣ птенцы Альбіона, страстно любила море и томилась вдали отъ него.

Сыны Британіи вѣчно, гдѣ бы они ни жили, всегда дышатъ соленымъ, морскимъ воздухомъ; они островитяне, и океанъ у нихъ всегда подъ рукой. Они понимаютъ то чувство, которое побудило тысячу грековъ Ксенофанта, очутившихся на берегу моря послѣ долгаго и труднаго отступленія, броситься на колѣни съ криками восторженнаго привѣтствія зеленой, серебристой Амфитритѣ, ихъ матери, другу и божеству.

XXIV.

ЯХТА.

Юная англичанка была внѣ себя отъ радости при видѣ своей маленькой яхты, колыхаемой голубыми волнами Средиземнаго моря.

— Танцуй на волнахъ, граціозная наяда! воскликнула она: — распускай свои крылья и неси моихъ друзей въ безопасное убѣжище. Какъ мнѣ не любить тебя какъ друга: я тебѣ одолжена столькими днями свободы! Я люблю тебя на гладкомъ какъ зеркало морѣ, которое отражаетъ тебя въ своей стекловидной поверхности и лѣниво колыхаетъ подъ дуновеніемъ нѣжнаго вечерняго вѣтерка. Я люблю тебя еще болѣе, когда ты какъ разъяренный конь Нептуна разсѣкаешь пѣнистыя волны и смѣло не боясь громовъ небесныхъ несешься гонимая грозной бурей. Распусти же свои крылья для твоей госпожи и унеси ея друзей далеко отъ этихъ измѣнническихъ береговъ!

Спутники Джуліи вполнѣ раздѣляли ея радость и съ восторгомъ смотрѣли на маленькую яхту.

Не смѣя возбудить подозрѣнія отплытіемъ изъ Порто-Анцо такого большаго общества, Джулія рѣшилась оставить Сильвію съ дочерью подъ покровительствомъ Ораціо, который скорѣе позволилъ бы себя изрѣзать на куски, чѣмъ дать ихъ въ обиду. Они должны были ждать въ лѣсу близъ гавани пока Джулія съ Манліо, въ качествѣ кучера, и Орелія, въ качествѣ горничной, отправятся на яхту для необходимыхъ приготовленій. Капо-Анцо составляетъ южный, а Чивита-Векія сѣверный предѣлъ опаснаго и негостепріемнаго римскаго берега. Шкипера проходя зимой мимо этого берега осторожно лавируютъ, ибо не одинъ красавецъ корабль погибъ тутъ на подводныхъ камняхъ и рифахъ. Устье Тибра судоходно только для кораблей, сидящихъ въ водѣ не болѣе трехъ или четырехъ футовъ, и то лишь весною. На лѣвомъ его берегу въ болотахъ жили въ древности воинственные вольски, не мало безпокоившіе римлянъ, прежде чѣмъ всесвѣтные завоеватели рас-

пространили на нихъ свое иго. Развалины ихъ древней столицы Ардеи свидѣтельствуютъ о ихъ могуществѣ и славѣ.

Мысъ Капо-Анцо образуетъ гавань, названную его именемъ, и въ ней стояла яхта нашей героини, ожидая ея приказаній. Прибытіе Джуліи, если не праздникъ для патеровъ, ненавидящихъ англичанъ, какъ еретиковъ и либераловъ, конечно было радостью для экипажа „Чайки,“ съ которымъ она обходилась всегда хорошо. Матросъ, подвергающійся опасностямъ почти каждый день своей жизни, вполнѣ достоинъ уваженія женщинъ и ни въ комъ она не найдетъ такой истинной преданности, какъ въ грубомъ, но благородномъ и вѣрномъ сынѣ морей.

Явившись на палубу яхты, Джулія милостиво отвѣчала на почтительные привѣты матросовъ; сойдя въ каюту, она объяснила капитану, старому служакѣ моряку, въ чемъ было дѣло, прося его совѣта о лучшемъ способѣ увезти бѣглецевъ съ этого негостепріимнаго берега.

— Э! мисъ, воскликнулъ онъ, радуясь концу своей насильственной праздности: — предоставьте мнѣ этихъ несчастныхъ, я ихъ всѣхъ вывезу изъ этой трущобы здравыми и невредимыми.

Черезъ полчаса капитанъ, вѣрный своему слову, поднялъ якорь и торжественно вышелъ въ море съ нашими бѣглецами на палубѣ. Конечно, слезы навернулись у нихъ на глазахъ при видѣ быстро удалявшагося берега, но они съ радостью и благодарностью чувствовали, что наконецъ освободились отъ когтей ихъ преслѣдователей.

XXV.

БУРЯ.

Читатели не должны забывать, что была третья недѣля февраля, самаго дурнаго мѣсяца на морѣ, по крайней мѣрѣ, на Средиземномъ. У итальянскихъ моряковъ есть пословица: „короткій февраль хуже длиннаго декабря.“ Капитанъ Томсонъ, исполняя желаніе своей юной госпожи, не преминулъ обратить вниманіе на барометръ и съ безпокойствомъ замѣтилъ, что ртуть падала—вѣрный признакъ, что ночью подуетъ сильный югозападный вѣтеръ,

самый опасный у этихъ утесистыхъ береговъ. Однако „Чайка“ граціозно вышла изъ гавани подъ всѣми парусами, т. е. граціозно по мнѣнію капитана Томсона и Джуліи, но не въ глазахъ Орсліи и Манліо, которые никогда не бывавъ на морѣ, чувствовали себя нехорошо отъ качки.

Джулія приказала крейсировать вдоль берега, чтобы войти въ маленькую гавань, отстоявшую въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Порто-Анцо, гдѣ они должны были принять на палубу Сильвію и Клелію; но хотя капитанъ готовъ былъ идти въ огонь и въ воду для своей госпожи, но вѣтеръ и волны пересилили все его искуство. Легкая зыбь смѣнилась сильными порывами вѣтра и черныя тучи гнались одна за другой по мрачному небу. Очевидно, подпималась буря и каждую минуту увеличивалась опасность наткнуться на рифъ или подводный камень. Ночь наступала и съ моря издали уже набѣгали сѣдыя, пѣнистыя волны. Единственная надежда на спасеніе было бросить якорь. Томсонъ отправился къ Джульѣ, которая, завернувшись въ шаль, лежала на палубѣ и слѣдила за всѣми движеніями судна; узнавъ о рѣшимости капитана, она вполнѣ съ нимъ согласилась. Матросы уже приступили къ исполненію приказанія своего капитана, какъ вдругъ Джулія воскликнула: „Стой.“ Она почувствовала на своей нѣжной щекѣ перемѣну вѣтра и тотчасъ поняла, что бросать якорь уже было не безопасно. Теперь слѣдовало идти прямо въ море и встрѣтить лицомъ къ лицу разъяренныя стихіи. Паруса стали быстро надуваться вѣтромъ и вскорѣ „Чайка“ поспѣшно удалилась отъ берега, слѣпо повинуясь движеніямъ рулеваго. Вѣтеръ дулъ порывисто, то дико ревѣлъ, то мгновенно спадалъ; снасти и мачты трещали и нагибались съ стороны на сторону. Капитанъ Томсонъ приказалъ энергичнымъ, но спокойнымъ тономъ, отличающимъ англійскихъ моряковъ, стоять у фалъ на готовѣ. Хотя черезъ нѣсколько времени вышли изъ неминуемой опасности, но вѣтеръ усиливался, и, не смѣя идти подъ всѣми парусами, они поспустили ихъ, такъ что не было большаго сопротивленія свирѣпому вѣтру, нагонявшему отъ времени до времени на яхту бушующіе валы, заливавшіе палубу.

Чайка все продолжала отплывать отъ берега въ открытое море

и храбро выносила бурю, усиливавшуюся съ каждой минутой. Наконецъ набѣжала грозная волна и смыла съ палубы одного изъ матросовъ; видя это капитанъ бросился къ Джульѣ, остававшейся все время на верху, и просилъ ее сойти внизъ, боясь чтобъ и она не раздѣлила судьбы несчастнаго юноши. Бѣдный Джакъ, никакая помощь не могла его спасти! Видя какъ онъ полетѣлъ за бортъ, Джулія бросила ему сама веревку, но онъ мгновенно былъ поглощенъ мракомъ и пѣной. Оба рулевые были теперь привязаны къ рулю, а капитанъ къ гротъ мачтѣ; остальные же матросы держались наготовѣ внизу.

Когда Джулія, чтобъ успокоить капитана и навѣдаться о своихъ друзьяхъ, сошла въ каюту, то представившаяся ея глазамъ сцена была такъ уморительна, что не смотря на ея горе о потерѣ матроса, она не могла удержаться отъ улыбки. Въ ту самую минуту какъ смыло съ палубы несчастнаго, судно такъ покачнулось, что Орелію отбросило въ тотъ уголъ, гдѣ пріютился Манліо. Бѣдная женщина внѣ себя отъ страха и полагая, что настала ея послѣдняя минута, схватилась руками за шею художника, словно отъ этого зависѣло ея спасеніе. Тщетно Манліо умолялъ ее не душить его; чѣмъ онъ болѣе просилъ, тѣмъ она крѣпче сжимала его горло. Не смотря на всю свою привычку таскать тяжелые куски мрамора, онъ былъ не въ состояніи освободиться отъ объятій обезумѣвшей женщины, и только благодаря качки судна успѣлъ еще кое какъ сдерживать ее. Въ этой трагико-комической позѣ застала ихъ Джулія и послѣ минутнаго невольнаго смѣха она позвала служанку и съ ея помощью успокоила Орелію и освободила Манліо отъ его опаснаго положенія.

Всю ночь *Чайка* храбро боролась съ бурей и еслибъ не ея отличная конструкція, искуство капитана и мужество матросовъ, то она непремѣнно погибла бы. Къ утру буря утихла, вѣтеръ перемѣнился въ югозападный и капитанъ Томсонъ объявилъ Джульѣ, что необходимо зайти въ Порто-Ферайо, или Порто-Лонгоне, для починки яхты отъ понесенныхъ значительныхъ поврежденій. Обѣ спасительныя лодки были унесены волнами и вообще на палубѣ ничего не осталось цѣлаго, даже гротъ-мачта дала трещину. Джулія видя все это и понимая невозможность привести въ поря-

докъ яхту на морѣ, согласилась пристать къ берегу. Здѣсь мы съ нею и разстанемся на время.

XXVI.

БАШНЯ.

Возвратимся теперь къ Клеліи и посмотримъ, что сталось съ ней и ея спутниками Сильвіей иОраціо. Когда настала ночь, тоОраціо по приказанію Джуліи развелъ большой огонь, чтобы дымъ указывалъ яхтѣ мѣсто, гдѣ они находились. Потомъ онъ сталъ искать въ окрестностяхъ лодку, чтобъ перевести женщинъ на яхту, но при видѣ поднявшейся бури онъ понялъ, что въ эту ночь не было возможности яхтѣ пристать къ берегу и потому слѣдовало найти убѣжище для безопаснаго ночлега.

Онъ нашелъ не въ далекѣ развалины башни; подобныя башни часто встрѣчаются на берегахъ Средиземнаго моря; онѣ выстроены въ средніе вѣка пиратами и служили для подачи сигналовъ кораблямъ, гдѣ и когда было безопасно пристать къ берегу. Помѣстивъ въ этихъ развалинахъ своихъ дамъ съ возможнымъ удобствомъ, онъ простился съ ними и сталъ ходить взадъ и впередъ по берегу, тревожно всматриваясь въ темноту и боясь каждую минуту увидѣть признаки крушенія „Чайки,“ которая наврядъ ли, полагалъ онъ, выдержитъ такую бурю. Нѣсколько часовъ прошло такимъ образомъ, и полуослѣпленный морскими брызгами, онъ все же не спускалъ глазъ съ бушующихъ волнъ; наконецъ онъ замѣтилъ въ водѣ что-то черное, то приближавшееся, то удалявшееся отъ земли.Ораціо бросился къ тому мѣсту, гдѣ прибило наконецъ къ берегу этотъ неизвѣстный предметъ, и съ ужасомъ увидѣлъ, что это былъ трупъ человѣка по видимому мертваго, но все еще крѣпко державшагося за веревку и баканъ. Онъ схватилъ безжизненное тѣло въ свои мощныя руки и понесъ его въ башню, гдѣ нашелъ Сильвію и Клелію, сидящихъ у разведеннаго имъ огня. Юноша, которагоОраціо спасъ, былъ никто иной какъ англійскій матросъ, смытый разъяренными волнами съ палубы „Чайки.“

Сильвія съ помощью дочери раздѣла бѣднаго юношу, положили

передъ огнемъ и начала его растирать; наконецъ, къ величайшему ихъ счастью, онъ сталъ мало по малу возвращаться къ жизни. Тогда они его завернули въ свое сухое платье, а его мокрую одежду повѣсили передъ огнемъ. Самымъ лучшимъ лекарствомъ для бѣднаго Джака былъ бы конечно англійскій грогъ, но гдѣ было его достать? По счастью, у Ораціо была фляжка орвіецкаго вина, и Сильвія благоразумно напоила живительной влагой воскресшаго юношу. Черезъ нѣсколько минутъ, положивъ голову на камень вмѣсто подушки и протянувъ ноги къ огню, онъ заснулъ крѣпкимъ сномъ, такъ что яхта, буря, крушеніе, прелестныя сестры милосердія, — все смѣшалось въ его умѣ. Его сонъ казалось не могъ быть лучше, еслибъ онъ спалъ на пуховой перинѣ. Юная Клелія, также изнуренная усталостью, послѣдовала его примѣру и, склонивъ голову на плечо матери, уснула сномъ невинности.

Ораціо возвратился къ своему уединенному посту и до разсвѣта проходилъ взадъ и впередъ по берегу, боясь каждую минуту увидѣть новое доказательство крушенія „Чайки.“ Утромъ онъ пришелъ въ башню, чтобъ отдохнуть и просушить свою мокрую одежду.

Одна Сильвія не могла спать во всю эту ночь; только по временамъ она забывалась на минуту, ибо ея слабое здоровье было очень потрясено страшными событіями послѣднихъ дней. Но какъ горячо любящая мать, она не смѣла пошевельнуться, чтобъ не разбудить дорогое дѣтище, покоившееся на ея плечѣ. Обдумывая всѣ обрушившіяся на ея голову несчастья, она не могла безъ ужаса вспомнить, что ея любимый Манліо избѣгнулъ мести патеровъ только, чтобъ подвергнуться ярости морскихъ валовъ; и потомъ, какъ бы упрекая себя за эгоистическое чувство, она восклицала: — О! бѣдная Орелія, какой судьбѣ тебя подвергнула твоя доброта ко мнѣ. И съ этими размышленіями она снова предалась тревожной дремотѣ.

Римскій отверженецъ не спалъ даже и послѣ разсвѣта. Онъ чувствовалъ, что онъ слишкомъ былъ близокъ къ хитрымъ патерамъ Порто-Анцо, чтобы спать спокойно. Усѣвшись на камень передъ огнемъ, который онъ постоянно поддерживалъ новыми дровами, онъ сушилъ свою одежду, одну штуку послѣ другой, за исключеніемъ плаща, которымъ онъ укуталъ дамъ. На Ораціо былъ черный бар-

хатный костюмъ съ серебряными пуговицами; штиблеты съ пряжкой у колѣнъ покрывали сравнительно маленькую и хорошо сложенную ногу; черный галстухъ окаймлялъ его горло, а красный, атласный платокъ, слегка завязанный, ниспадалъ на его широкія плечи. Шляпа, похожая на тѣ, которыя носятъ калабрійцы, была надвинута на бекрень; кожанная пороховница, шитая серебромъ, висѣла у него на поясѣ, за которымъ были заткнуты два пистолета и широкій кинжалъ, служившій ему въ тоже время охотничьимъ ножемъ. Все это придавало ему воинственный видъ, не говоря уже о ружьѣ постоянно заряженномъ и никогда не покидавшемъ его лѣваго плеча. При мерцающемъ свѣтѣ огня онъ представлялъ идеалъ силы, храбрости и мужественной красоты; просыпаясь по временамъ отъ своей дремоты, Сильвія съ восторгомъ взглядывала на мощную фигуру своего вѣрнаго стража. Жаль, что Ораціо былъ разбойникъ; но онъ былъ разбойникъ лучшаго сорта и то лишь благодаря обстоятельствамъ, такъ какъ все его преступленіе состояло въ томъ, что онъ, какъ всѣ благородные люди, желалъ видѣть Италію единой, а Римъ освобожденнымъ отъ папскаго ига.

На разсвѣтѣ Ораціо подошелъ къ Сильвіи и почтительно сказалъ:

— Синьора, мы не должны здѣсь оставаться днемъ; какъ только разсвѣтетъ, мы должны отправиться въ путь. Здѣсь не безопасно: наши враги слишкомъ близки.

— А Манліо, Джулія, Орелія, гдѣ они?

— Вѣроятно далеко въ открытомъ морѣ, отвѣчалъ онъ: — по крайней мѣрѣ будемъ надѣяться, ибо въ такомъ случаѣ они внѣ опасности. Но все же прежде, чѣмъ удалиться въ лѣса, осмотримъ хорошенько берегъ. Дай Богъ, чтобъ мы не нашли еще выброшенные моремъ трупы.

— Дай Богъ, чтобы страшная буря не имѣла болѣе жертвъ! воскликнула Сильвія, подымая глаза къ небу.

Они оба замолчали и воцарилось мертвое молчаніе.

— Синьора, пора намъ отправляться! воскликнулъ наконецъ Ораціо, когда первый лучъ солнца блеснулъ на мрачномъ небѣ.

Сильвія осторожно разбудила Клелію и та быстро вскочила, совершенно отдохнувъ отъ усталости; Ораціо же толкнулъ Джака при-

кладомъ ружья и юный матросъ проснувшись разсказалъ впервые, какъ морская волна смыла его съ палубы „Чайки“; это возбудило въ нашихъ друзьяхъ надежду, что яхта сама уцѣлѣла.

Орацiо пошелъ впередъ къ берегу, остальные слѣдовали за нимъ, но хотя дождь перестал, вѣтеръ еще дулъ сильный, такъ что женщины съ трудомъ шли по неровной, утесистой тропинкѣ, по этому Орацiо и Джакъ оставили ихъ въ пещерѣ, а сами старательно изслѣдовали весь берегъ. Къ счастью никакихъ признаковъ крушенiя не нашлось и они возвратились къ дамамъ радостно крича: „наши друзья внѣ опасности.“

— А теперь, синьоры, отправимся въ путь, сказалъ Орацiо, и повернулъ направо въ лѣсъ по узкой, хорошо извѣстной ему тропинкѣ; обѣ женщины и Джакъ молча послѣдовали за нимъ.

XXVII.

ОТСТУПЛЕНIЕ.

Послѣ побоища у термъ Каракалы положенiе Аттилiо и его товарищей стало не безопасно. Конечно измѣнникъ заплатилъ жизнью за свое преступленiе, но хотя наемники папскаго правительства потерпѣли пораженiе, полицiя была на сторожѣ и если не знала навѣрно, то вполнѣ подозрѣвала кто были главные зачинщики заговора.

Однако еслибъ друзья свободы извнѣ были бы также готовы къ дѣйствiю какъ римляне, то заговорщики могли бы еще успѣть въ своемъ предпрiятiи 15 февраля, или въ другой какой либо день. Но, „умѣренные,“ вѣчно прикованные къ эгоистичнымъ интересамъ, не хотѣли и слышать воинственнаго клика “къ оружiю.“ Они предпочитали ждать какою бы то ни было цѣною, до тѣхъ поръ пока манна свободы ниспадетъ съ неба прямо имъ въ ротъ, или когда подоспѣютъ къ нимъ на помощь освободители чужестранцы.

Какое имъ было дѣло до нацiональнаго достоинства, до презрительной улыбки всѣхъ европейскихъ нацiй при видѣ купли и продажи цѣлыхъ провинцiй! Они думали прежде всего о собственныхъ интересахъ и личной выгодѣ, оставаясь глухими ко всѣмъ благо-

роднымъ предложеніямъ, могущимъ подвергнуть риску ихъ эльдорадо прибылей, хотя энергичной дѣятельностью они могли достигнуть до національнаго единства и благоденствія.

Эта трусость средняго класса служитъ главной причиной нынѣшняго униженія Италіи, и не существуй этой трусости, цѣлованіе папской туфли было бы уже давно фактомъ прошедшаго. Вотъ также причина того, что почва Италіи часто и тщетно обагряется кровью благороднѣйшихъ, храбрѣйшихъ ея сыновъ, и отчего тѣ, которые избѣгаютъ смерти скитаются по лѣсамъ, спасаясь отъ мести клерикальныхъ гіенъ; отчего наконецъ бѣдный народъ остается въ самой ужасной нищетѣ.

Таково было положеніе Рима въ началѣ 1867 г. И однако онъ могъ бы быть счастливымъ, могучимъ, увѣнчаннымъ свободой и независимостью, еслибы чужестранцы не явились на помощь тому, кто ложно называетъ себя отцемъ своего народа. Нынѣ же Римъ изнемогаетъ въ рабствѣ, скованный французскими цѣпями.

Однажды вечеромъ, въ первыхъ числахъ марта, Аттиліо, Муціо и Сильвіо сошлись въ домѣ Манліо, чтобы рѣшить дальнѣйшія свои дѣйствія. Они оставались до сихъ поръ въ Римѣ въ надеждѣ сдѣлать что нибудь, но лабиринтъ, въ который они вступили, былъ такъ сложенъ и запутанъ, что наши юные, неопытные герои не могли надѣяться выйдти изъ него, и Тремъ-стамъ нечего было думать выпутать изъ него всѣхъ своихъ соотечественниковъ.

— Нѣтъ никакой пользы, сказалъ Аттиліо съ горькой улыбкой:—посвящать свою жизнь на пользу родины въ тѣ дни, когда „умѣренные“ уничтожаютъ всѣ наши усилія и низко примиряются съ врагами Италіи. Римлянамъ такъ дѣйствовать невозможно. Они не могутъ жить согласно съ тѣми, которые столько разъ ихъ предали и низвели съ первой ступени между націями на послѣднюю, съ тѣми, которые развратили и осквернили нашъ городъ, предали пыткѣ нашихъ отцевъ и обезчестили нашихъ сестеръ и дочерей.

Голосъ Аттиліо дрожалъ отъ гнѣва и громко раздавался въ небольшой комнатѣ.

— Говори тише, братъ, сказалъ Сильвіо гораздо спокойнѣе:— ты знаешь, насъ преслѣдуютъ и быть можетъ проклятые шпіоны

недалеки. Будь терпѣливъ и уйдемъ отсюда; въ деревняхъ у насъ много истинныхъ, мужественныхъ друзей. Оставимъ Римъ до тѣхъ поръ, пока ему надоѣстъ служить посмѣшищемъ тирановъ и обманщиковъ. Наши благородные соотечественники назовутъ насъ разбойниками и искателями приключеній, какъ они называли „Тысячу" во время славной Марсальской экспедиціи, которая однако удивила весь міръ. Какое намъ до этого дѣло? Мы теперь, какъ тогда станемъ работать и дожидаться свободы нашей несчастной страны. Когда она захочетъ освободиться отъ гнетущаго ее ига, то мы всегда прилетимъ къ ней на помощь.

XXVIII.

ЛѢСЪ.

Послѣ двухъ часоваго пути по едва замѣтной тропинкѣ въ лѣсу, Ораціо остановился; передъ нимъ разстилалась небольшая поляна. Джакъ былъ чрезвычайно полезенъ нашимъ путешественницамъ, очищая имъ дорогу отъ покрывавшаго тропинку валежника. Погода прояснилась и вѣтеръ хотя колыхалъ еще макушки деревьевъ, но нѣжно игралъ волосами Сильвіи и Клеліи.

— Синьора, присядьте здѣсь съ вашей дочерью, сказалъ Ораціо, указывая на большой, плоскій камень: — и отдохните. Мы же съ Джакомъ пойдемъ и отыщемъ для васъ пищи. Но прежде позвольте мнѣ постлать мой плащъ на этотъ жесткій камень, а то вамъ будетъ слишкомъ неудобно сидѣть.

На любезное предложеніе Ораціо дамы отвѣчали граціознымъ поклономъ, и онъ быстро удалился въ лѣсъ въ сопровожденіи Джака.

Сильвія дѣйствительно утомилась, а Клелія, благодаря своему сильному сложенію и недавнему сну, почти не чувствовала усталости, но все же была очень рада посидѣть въ такой прелестной мѣстности наединѣ съ матерью. Однако черезъ нѣсколько минутъ природная живость ея характера взяла верхъ, и вскочивъ, молодая дѣвушка стала собирать цвѣты, которыми поляна была роскошно усѣяна. Нарвавъ большой букетъ, она съ прелестной

улыбкой подала его матери и усѣлась подлѣ нея. Въ эту минуту въ лѣсу раздался выстрѣлъ, и Сильвія невольно вздрогнула, но Клелія, видя испугъ матери, воскликнула, обнимая ее:

— Это нашъ другъ стрѣляетъ, mia madre; онъ сейчасъ вернется съ дичью.

Сильвія тотчасъ оправилась, и дѣйствительно черезъ нѣсколько минутъОраціо и Джакъ явились изъ лѣсу, неся молодаго кабана, убитаго пулей искуснаго охотника. По просьбѣОраціо, Клелія, знавшая немного англійскій языкъ, велѣла Джаку собрать валежнику и развести огонь, что было имъ быстро исполнено, и черезъ нѣсколько минутъ передъ ними пылалъ большой костеръ.

Мясо, быть можетъ, необходимая пища человѣку отчасти плотоядному животному, но все же ремесло мясника отвратительно, есть что-то отталкивающее въ постоянной рѣзнѣ безсловесныхъ животныхъ, въ постоянномъ обагрѣніи рукъ ихъ кровью. Что касается до меня, то я охотно бы отказался отъ мясной пищи: съ каждымъ годомъ мнѣ становится все противнѣе уничтоженіе невинныхъ созданій; я даже не могу теперь смотрѣть на раненую птицу, хотя прежде страстно любилъ охоту. Однако, благодаря привычкѣ дляОраціо было совершенно естественно и непротивно убивать и потрошить кабановъ; впрочемъ принужденный жить въ лѣсахъ, онъ не имѣлъ другаго выбора, какъ или стрѣлять звѣрей, или умереть съ голоду. Теперь онъ положилъ кабана на землю и, вынувъ свой охотничій ножъ, отрѣзалъ нѣсколько большихъ кусковъ мяса, потомъ нанизалъ ихъ на палку и прикрѣпилъ надъ огнемъ. Когда мясо поджарилось, то онъ пригласилъ своихъ спутницъ обѣдать; и надо признаться, этотъ импровизированный обѣдъ пришелся какъ нельзя болѣе по вкусу нашимъ дамамъ. Всѣ были очень веселы и не мало смѣялись надъ Джакомъ, котораго Клелія пыталась учить по итальянски.

Матросъ всегда веселый, беззаботный малый на землѣ, особливо послѣ долговременнаго пребыванія на морѣ. Забывъ свою недавнюю опасность, Джакъ былъ веселѣе всѣхъ и въ обществѣ прелестной Клеліи ни мало не завидывалъ своимъ товарищамъ на „Чайкѣ,“ колыхаемой бурнымъ моремъ. Что касается до его спа-

сителя Орацiо и итальянокъ, то его благодарность къ нимъ не знала предѣловъ, хотя онъ не имѣлъ понятiя кто они такiя.

По окончанiи обѣда наши друзья продолжали свое путешествiе по временамъ останавливаясь; такимъ образомъ къ вечеру они достигли одного изъ тѣхъ древнихъ зданiй на остiйскомъ берегу, которыя по видимому избѣгли разрушительнаго влiянiя времени. Зданiе это стояло не въ далекѣ отъ берега, на опушкѣ лѣса; вокругъ его возвышалось нѣсколько старинныхъ вѣковыхъ дубовъ, очевидно посаженныхъ средневѣковыми его обладателями, впереди же растилалась обширная поляна.

Попросивъ своихъ спутницъ отдохнуть на муравѣ, Орацiо сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ и вынувъ изъ кармана свистокъ огласилъ воздухъ рѣзкимъ, продолжительнымъ свистомъ. На этотъ сигналъ тотчасъ отвѣчали изъ древняго зданiя такимъ же свистомъ, и черезъ минуту человѣкъ, одѣтый также какъ Орацiо, вышелъ оттуда и подойдя къ разбойнику, почтительно привѣтствовалъ его.

Орацiо дружески протянулъ ему руку и указавъ на своихъ спутниковъ сказалъ что-то въ полголоса. Потомъ неизвѣстный удалился, а Орацiо воротясь къ своимъ дамамъ попросилъ у нихъ позволенiе ввести ихъ въ это вѣрное убѣжище.

XXIX.

ЗАМОКЪ.

Славнѣйшiй перiодъ существованiя Рима окончился съ республикой и съ исчезновенiемъ величественной простоты республиканской системы. Послѣ битвы при Замѣ, въ которой Анибалъ былъ побѣжденъ Сципiономъ, у римлянъ не осталось могущественныхъ враговъ; имъ легко было побѣдить всѣ другiе народы, и обогащенные добычею всего мiра, они предались внутреннимъ междоусобiямъ и всякаго рода роскоши. Этимъ путемъ они достигли до послѣдней степени униженiя и сдѣлались рабами тѣхъ самыхъ народовъ, которыхъ они обратили въ рабство. И справедливо Богъ воздалъ имъ тою же мѣрой, какой они мѣрили другимъ. Однако послѣднее поколѣнiе римлянъ до паденiя республики имѣ-

ло много славныхъ именъ и закатъ солнца свободы былъ поистинѣ величественъ. Прежде чѣмъ исчезнуть навѣки, республика дала исторіи нѣсколько такихъ людей, которымъ нельзя не удивляться. Серторій, Марій, Силла, Помпей и Цезарь были такіе гиганты, что одного изъ нихъ достаточно для полнаго доказательства храбрости цѣлаго воинственнаго народа. Если совершенство возможно въ военномъ предводителѣ, то Цезарь съ его блестящими способностями полководца нуждался только въ самоотверженіи Силлы, чтобы представить совершеннѣйшій типъ этого рода героевъ. Не столь кровожадный какъ Силла, онъ отличался большимъ честолюбіемъ и жаждалъ осѣнить свое чело императорскимъ вѣнцомъ, почему и палъ подъ кинжалами римскихъ республиканцевъ. Силла былъ также великій полководецъ и реформаторъ: онъ всѣми силами старался уничтожить въ римлянахъ ихъ пороки и даже не останавливался передъ самыми жестокими средствами: такъ онъ съ цѣлью исправленія гражданъ велѣлъ умертвить разомъ 8,000 человѣкъ. Впослѣдствіи уставъ отъ тщетной борьбы съ обстоятельствами онъ собралъ весь народъ въ форумѣ и указавъ ему на всю неисправимость его пороковъ объявилъ, что такъ какъ его диктаторская власть не могла исправить народъ, то онъ отказывается отъ своего званія, но прежде вызываетъ всѣхъ потребовать отъ него отчета въ его дѣйствіяхъ. Послѣ его словъ воцарилось молчаніе и никто не требовалъ удовлетворенія, не смотря на то что тутъ были многіе родственники убитыхъ имъ жертвъ; тогда съ строгимъ, величественнымъ видомъ онъ сошелъ съ трибуны и вмѣшался въ толпу, какъ простой гражданинъ.

Имперія возникла на развалинахъ чудной римской республики. Тутъ кстати замѣтить, что республика можетъ существовать только при добродѣтельныхъ гражданахъ. Эта форма правительства требуетъ нравственнаго воспитанія и возвышенной добродѣтели всѣхъ гражданъ. Униженіе и распущенность нравовъ, до которыхъ дошли римляне, создали имперію.

Между императорами были нѣкоторые не столь ужасные какъ остальные, напримѣръ Траянъ, Антонинъ и Маркъ Аврелій. Но большая часть были чудовища, которыя не довольствуясь своими громадными богатствами и безграничной властью грабили еще

всѣхъ и каждаго. Всякій предлогъ былъ для нихъ хорошъ, чтобъ лишить состоянія богатыхъ гражданъ. Поэтому многіе изъ послѣднихъ удалялись изъ Рима; одни искали убѣжища въ чужихъ земляхъ, другіе въ отдаленныхъ частяхъ своего отечества, гдѣ они были безопасны отъ преслѣдованій. Такимъ образомъ потомокъ Лукулла въ царствованіе Нерона выстроилъ тотъ древній замокъ, въ который теперь Орацiо ввелъ нашихъ друзей. Это зданіе удивительно сохранилось до сихъ поръ и древнія стѣны величественно стоятъ покрытыя вѣковымъ, густымъ плющемъ. Внутренность замка совершенно измѣнена его средневѣковыми владѣльцами и хотя не отличается всей роскошью девятнадцатаго столѣтія, но въ немъ находится нѣсколько обширныхъ сухихъ комнатъ. Необитаемый въ продолженіи долгаго времени замокъ этотъ былъ почти скрытъ подъ тѣнью окружавшихъ его развѣсистыхъ дубовъ, и это обстоятельство былъ какъ нельзя болѣе съ руки Орацiо и его товарищамъ-изгнанникамъ. Выстроенная въ смутныя времена, эта твердыня, какъ всѣ подобныя строенія, была снабжена подземельными и тайными проходами, простиравшимися на большое разстояніе. Суевѣріе окрестныхъ жителей также охраняло этотъ уединенный замокъ. Путешественники не разъ слышали отъ окрестныхъ пастуховъ, что не въ далекѣ была башня, обитаемая злыми духами; что никто не смѣлъ входить въ это страшное зданіе, а несчастные, имѣвшіе дерзость приблизиться къ нему, никогда не возвращались оттуда. Къ тому же разсказывали, что прекрасная дочь богатаго князя Т., живя въ Порто-Анцо для морскихъ купаній, однажды пошла гулять въ лѣсъ съ своими служанками, которыя возвратились домой однѣ и повѣдали испуганному отцу, что ихъ госпожу злые духи унесли на воздухъ. При этомъ прибавляли, что всѣ попытки несчастнаго отца найти дочь остались тщетными и не было отыскано ни малѣйшаго слѣда молодой дѣвушки.

Въ этотъ-то таинственный замокъ привелъ Орацiо, какъ мы видѣли, своихъ спутницъ.

XXX.

ИРЕНА.

Въ дверяхъ замка стояла молодая женщина, въ которой по наружности легко было узнать римскую матрону, только типъ ея былъ гораздо нѣжнѣе древняго. Ей было лѣтъ двадцать и хотя пріятная улыбка освѣщала ея красивыя черты, а глаза и роскошные волосы изумляли своимъ великолѣпіемъ, все же величественная осанка Ирены болѣе всего обращала на себя вниманіе.

Какъ бы не видя присутствія чужихъ, она бросилась къ Орацiо и горячо обняла его; нѣсколько минутъ они молча смотрѣли другъ на друга и пламенный румянецъ любви заигралъ на ихъ щекахъ. Потомъ повернувшись къ неожиданнымъ гостямъ, она граціозно поклонилась и любезно привѣтствовала ихъ.

— Ирена, сказалъ Орацiо: — представляю тебѣ жену и дочь Манлiо, нашего извѣстнаго римскаго скульптора.

Джакъ былъ изумленъ встрѣтить столько красоты и величія тамъ, гдѣ онъ ожидалъ увидѣть дикую пустыню. Но его изумленіе еще болѣе возросло, когда, войдя со всѣми другими по приглашенію Ирены въ замокъ, онъ очутился въ красивой, обширной столовой, посреди которой стоялъ накрытый столъ, уставленный не роскошными, но обильными явствами.

— Такъ ты меня ждала, carissima, сказалъ Орацiо, входя въ комнату.

— О! да, отвѣчала Ирена:—сердце говорило мнѣ, что ты не проведешь другой ночи вдали отъ меня.

При этихъ словахъ влюбленная чета помѣнялась такимъ пламеннымъ взглядомъ, что мысли Клеліи невольно перенеслись къ Аттиліо и даже Сильвія вспомнила со вздохомъ о своемъ Манліо.

Джакъ съ апетитомъ молодаго человѣка, послѣ долгаго странствія, не чувствовалъ мукъ любви, а только муки голода. Въ эту минуту новая сцена изумила гостей Орацiо: вынувъ свой свистокъ, онъ снова свистнулъ и пятнадцать человѣкъ, также одѣтыхъ и вооруженныхъ какъ онъ, мгновенно явились въ комнату. Было уже

поздно и въ полутемнотѣ появленіе новыхъ гостей имѣло какой то мелодраматическій видъ; но когда внесли лампу, то открытыя и мужественныя ихъ лица вселили къ нимъ общее довѣріе. Они молча поклонились хозяйкѣ и гостямъ, а Ораціо воскликнулъ: „за столъ."

Онъ самъ помѣстился во главѣ стола и посадилъ на право Сильвію, а на лѣво Клелію; Ирена заняла мѣсто рядомъ съ Сильвіей, а Джакъ съ удовольствіемъ, видя пустое мѣсто подлѣ Сильвіи, поспѣшно занялъ его; остальные молча послѣдовали примѣру своего предводителя, которому они оказывали большое уваженіе. Обѣдъ начался съ тоста „за свободу Рима" и продолжался довольно долго. Когда всѣ утолили свой голодъ, Ирена встала изъ за-стола и проводила Сильвію и Клелію въ верхнюю комнату башни. Тамъ пока служанка приготовляла постели, новыя знакомки, какъ обыкновенно дѣлаютъ женщины, разсказали другъ другу исторію своей жизни.

Исторія Сильвіи и Клеліи намъ уже извѣстна, и потому пользуясь ихъ довѣріемъ передадимъ читателямъ то, что онѣ слышали отъ Ирены.

„Вы удивитесь, начала она свой разсказъ, что я дочь князя Т., котораго вы быть можетъ знаете въ Римѣ; онъ знаменитъ своимъ богатствомъ. Отецъ далъ мнѣ отличное либеральное воспитаніе. Я ни во что не ставила всѣ женскіе таланты, какъ музыку и танцы, но страстно любила серьезныя занятія. Особливо мнѣ нравилась исторія, и когда я стала изучать исторію Рима, то была совершенно очарована разсказами о республикѣ, славной столькими подвигами и такой геройской добродѣтелью. Мое юное воображеніе до того воспалилось знаменитымъ прошедшимъ нашего отечества, что я стала стыдиться своего времени и своего имени. Сравнивая древніе геройскіе дни съ постыднымъ временемъ имперіи и особливо съ современнымъ состояніемъ Рима подъ унизительнымъ и жестокимъ игомъ монаховъ, я несказанно сожалѣла о потерѣ древняго идеала и стала питать ненависть и отвращеніе къ тѣмъ, которые служатъ истиннымъ орудіемъ униженія и рабства нашего народа. Вы можете себѣ представить, какъ съ такими чувствами и понятіями мнѣ была противна княжеская жизнь и удовольствія,

окружавшія меня въ домѣ отца. Безсмысленное ухаживанье римскихъ аристократовъ, этихъ изнѣженныхъ птенцовъ монаховъ, и присутствіе чужестраннаго войска выводили меня изъ себя. Балы, праздники и другія удовольствія меня нимало не забавляли: только въ развалинахъ древняго Рима находила я наслажденіе. Цѣлыми часами верхомъ или пѣшкомъ я странствовала между этими памятниками прошлаго величія. Достигнувъ пятнадцати-лѣтняго возраста, я гораздо лучше знала древнюю архитектуру и памятники, чѣмъ женскія работы и современныя моды. И я уже не только странствовала по Риму, но ѣздила верхомъ и по окрестностямъ въ сопровожденіи стараго, вѣрнаго слуги.

„Однажды вечеромъ возвращаясь изъ подобной экспедиціи, я проѣзжала черезъ Тренстеверъ и нѣсколько пьяныхъ чужестранныхъ солдатъ выбѣжали вдругъ изъ кабачка, преслѣдуя другъ друга съ обнаженными саблями. Лошадь моя испугалась и понесла, опрокидывая все по дорогѣ, не смотря на всѣ мои усилія остановить ее. Я хорошо ѣзжу и крѣпко сидѣла въ сѣдлѣ къ общему восхищенію всѣхъ окружавшихъ; но мои силы наконецъ мнѣ измѣнили и такъ какъ лошадь продолжала нестись съ прежнею быстротой, то я непремѣнно упала бы и расшиблась на смерть, еслибъ вдругъ какой-то смѣлый юноша не бросился на встрѣчу моей лошади и не схватилъ ее лѣвой рукой подъ уздцы, а правой не выхватилъ меня изъ сѣдла. Разъяренная лошадь бросилась въ сторону и изо всѣхъ ногъ грохнулась на землю, размозживъ себѣ голову о сосѣднюю стѣну.

„Я была спасена, но упала въ обморокъ, и когда я проснулась, то лежала дома на своей постели. Кто былъ мой спаситель? У кого мнѣ было спросить? Я послала за своимъ старымъ слугой, но онъ немного могъ мнѣ сказать; онъ слѣдовалъ за мной поодаль и явился на сцену катастрофы въ ту минуту, когда меня уже вносили въ сосѣдній домъ. Онъ видѣлъ только, что мой спаситель былъ молодой человѣкъ и что онъ тотчасъ удалился, оставивъ меня на попеченіе хозяйки дома, которая окружила меня всѣми удобствами, когда узнала кто я такая.

„Но въ моемъ пламенномъ воображеніи даже въ эту страшную минуту вѣрно отпечатлѣлись благородныя черты юноши. Его глаза

встрѣтились съ моими только на одно мгновеніе, но этотъ взглядъ пронзилъ навѣки мое сердце. Я никогда не могла забыть этого лица, которое наконецъ осуществило въ очью мой идеалъ древнихъ героевъ. „Я конечно увижу его опять и тотчасъ узнаю, говорила я себѣ. Онъ, по всей вѣроятности, римлянинъ, и если такъ, то принадлежитъ къ расѣ квиритовъ, которыхъ я такъ обожаю.“ Вы знаете обычай посѣщать Колизей въ лунную ночь, когда его красота такъ величественно выступаетъ въ окружающемъ мракѣ. Однажды въ подобную ночь, я отправилась въ Колизей съ моимъ старымъ слугой и на возвратномъ пути, при поворотѣ дороги изъ Тарпеи къ Кампидогліо, вдругъ мой слуга былъ выбитъ изъ сѣдла ударомъ палки и въ то же мгновеніе два человѣка бросились на меня и, схвативъ за руки, потащили по направленію къ аркѣ Севера. Я была внѣ себя отъ ужаса и отчаянія, какъ вдругъ услышала страшный крикъ и насъ нагналъ человѣкъ, въ которомъ я тотчасъ узнала, не смотря на темноту, своего недавняго спасителя. Онъ бросился на моихъ злодѣевъ и между ними завязалась кровавая борьба. Однако, мой юный атлетъ кончилъ тѣмъ, что распростеръ на землѣ двухъ своихъ противниковъ и потомъ возвратился ко мнѣ; но замѣтивъ, что мой слуга всталъ и подходилъ ко мнѣ, онъ взялъ мою руку и, почтительно поцѣловавъ ее, удалился прежде, чѣмъ я пришла въ себя отъ неожиданности нападенія.

„Я вовсе не помнила своей матери, но отецъ мой, нѣжно меня любившій, возилъ меня каждый годъ лѣтомъ въ Порто-Анцо для купаній, ибо онъ зналъ, какъ я любила море и радовалась вырваться изъ аристократическаго общества Рима, откуда онъ для своего удовольствія никогда не уѣзжалъ. Отецъ мой имѣлъ маленькую виллу близъ моря къ сѣверу отъ Порто-Анцо, гдѣ мы и жили во время нашего пребыванія на Средиземномъ морѣ. Я тутъ была гораздо счастливѣе, чѣмъ въ Римѣ; но я чувствовала какую-то пустоту въ моей жизни, сердце мое чего-то жаждало, я была задумчива и грустна. Однимъ словомъ, я была влюблена въ моего невѣдомаго спасителя.

„Часто проводила я цѣлые часы на балконѣ, слѣдя за всѣми прохожими, тщетно надѣясь увидѣть хоть издали человѣка, черты котораго навѣки были запечатлѣны въ моемъ сердцѣ. При видѣ

каждой лодки на морѣ, я съ помощью телескопа отыскивала между сидѣвшими въ ней фигуру любимаго человѣка.

„Я не напрасно мечтала. Однажды вечеромъ я сидѣла на балконѣ погруженная въ мрачныя думы и какъ-то машинально любовалась луной, медленно всплывавшей надъ Понтійскими болотами. Вдругъ я очнулась отъ своихъ думъ: мнѣ послышалось, что нѣчто тяжелое упало со стѣны, окружавшей виллу. Сердце мое забилось, но не отъ страха. Въ темнотѣ мнѣ показалось, что какая-то фигура выходила изъ за кустовъ. Неожиданный лучъ мѣсяца освѣтилъ лице незнакомца, и я увидѣла предъ собою тѣ прелестныя черты, о которыхъ я такъ давно мечтала; я не могла сдержать крика изумленія и радости; и еслибъ не женская скромность, то я навѣрно бы сбѣжала съ лѣстницы, ведущей на балконъ, и бросилась бы ему на шею.

„Моя любовь къ уединенію и презрѣніе къ столичнымъ удовольствіямъ были причиной, что я почти не вѣдала свѣтской жизни, и съ хорошими нравственными принципами осталась простой дочерью природы.

— Ирена! сказалъ голосъ, запавшій въ самую глубину моего сердца:—Ирена! позвольте мнѣ сказать два слова здѣсь внизу или у васъ на верху.

„Сойти къ нему мнѣ казалось приличнѣе, чѣмъ принять его у себя въ комнатѣ: поэтому я тотчасъ спустилась по лѣстницѣ, и онъ не помня себя отъ радости, сталъ покрывать мои руки пламенными поцѣлуями. Проведя меня къ какимъ-то деревьямъ, онъ посадилъ на скамейку подъ тѣнью развѣсистыхъ вѣтвей. Онъ могъ бы, еслибъ только захотѣлъ, повести меня на край свѣта въ эту странную, очаровательную минуту.

„Нѣсколько минутъ мы молчали, но наконецъ мой освободитель сказалъ:—„Могу ли я ждать прощенія за мою смѣлость, моя ненаглядная?“ —Я ничего не отвѣчала, но позволила ему взять свою руку, которую онъ покрылъ страстными поцѣлуями. Черезъ мгновеніе онъ продолжалъ:—„Я только плебей, Ирена. Я сирота: мои родители погибли во время защиты Рима отъ иностранцевъ. У меня нѣтъ ничего на свѣтѣ кромѣ моихъ рукъ и любви къ вамъ, которая заставила меня идти за вами повсюду.“

„Уже давно расположенная любить его, я была теперь внѣ себя, слыша впервые его мужественный, но нѣжный, чарующій голосъ. Я чувствовала, что была совершенно въ его власти. Я была въ раю. Да, я принадлежала ему, а онъ принадлежалъ мнѣ; но я не имѣла силы ему это сказать.

— Ирена, продолжалъ онъ: — я не только бездомный сирота, но бѣглецъ приговоренный къ смерти и преслѣдуемый какъ дикій звѣрь въ лѣсу ищейками правительства. Однако я смѣлъ надѣяться, что вы будете ко мнѣ добры за мою къ вамъ любовь, особливо теперь, когда я знаю, что вы несчастливы; я незамѣтно слѣдилъ за вами и съ сожалѣніемъ и надеждой видѣлъ постоянно грустное выраженіе вашего лица. Я пришелъ, Ирена, чтобы сказать вамъ все это и теперь вы видите, что вы никогда не можете быть моей. Я не имѣю никакихъ правъ на васъ, кромѣ своей любви; та пустая услуга, которую мнѣ удалось вамъ оказать, наполнила мое сердце счастьемъ и гордостью; потому вы мнѣ ничѣмъ не обязаны. Еслибъ я могъ имѣть неизрѣченное блаженство отдать за васъ мою жизнь, то мое счастье было бы совершенно. Прощайте, Ирена, прощайте.

„Съ этими словами онъ всталъ и прижавъ мою руку къ своему сердцу хотѣлъ удалиться. До этой минуты я находилась въ какомъ-то безмолвномъ припадкѣ счастья, забывъ весь міръ, себя самое и помня только его одного. Но при словѣ „прощайте“ я вскочила, какъ наэлектризованная, и побѣжала къ нему крича изо всей силы:—„постойте, постойте.“ Догнавъ его, я взяла его за руку и приведя его снова къ скамейкѣ, воскликнула забывая всякую осторожность:—„Ты мой, а я твоя на всю жизнь; да, твоя, твоя, мой ненаглядный!“

„Онъ разсказалъ мнѣ свою исторію, разсказалъ на что надѣялся и къ чему стремился въ жизни. Его пламенная любовь къ Италіи и ненависть къ ея тиранамъ еще болѣе утвердили меня въ моей рѣшимости. Я отвѣчала, что съ этой минуты буду дѣлить его судьбу какъ жена и ничто кромѣ мысли объ отцѣ не заставитъ меня жалѣть о прошедшемъ. Послѣ продолжительныхъ совѣщаній, мы рѣшили жить вмѣстѣ, и черезъ нѣсколько дней, сдѣлавъ необходимыя приготовленія, мы тайно обвѣнчались. Послѣ вѣнца

я послѣдовала за Орацiо въ лѣсъ и съ той поры живу съ нимъ здѣсь. Не скажу, чтобы я была совершенно счастлива, но единственная грустная мысль, омрачающая мое блаженство, это воспоминанiе о томъ, что мое исчезновенiе ускорило смерть моего престарѣлаго, столь пламенно меня любившаго отца."

Какъ не изнемогала отъ усталости Сильвiя, но она съ глубокимъ сочувствiемъ слушала разсказъ Ирены, которая говоря объ отцѣ не могла удержаться отъ слезъ. Клелiя также не потеряла ни одного слова изъ этого разсказа и не разъ тяжело вздыхала какъ бы говоря: — „А мой Аттилiо развѣ не такой же красивый, „мужественный, развѣ онъ не столь же достойный моей любви?" — Наконецъ Ирена разсталась съ своими гостями, пожелавъ имъ доброй ночи.

XXXI.

ГАСПАРО.

Исторiя папства есть исторiя разбойничества. Начиная съ среднихъ вѣковъ, слабое и развращающее народъ папское правительство постоянно платило разбойникамъ, чтобы поддерживать всегда въ Италiи волненiя и междоусобiя; и въ настоящее время оно пользуется помощью разбойниковъ, чтобъ удержать свое иго, помѣшать возрожденiю страны и удалить въ лѣса всѣхъ честныхъ людей. Повторяю поэтому: исторiя папства есть исторiя разбойничества.

Всякiй, кто посѣщалъ Чивита-Веккiю въ 1840 году конечно слыхалъ о Гаспаро, знаменитомъ предводителѣ шайки разбойниковъ и родственникѣ кардинала А... Дѣйствительно многiе ѣздили въ этотъ городъ только чтобъ посмотрѣть на такого замѣчательнаго человѣка.

Гаспаро во главѣ своей шайки долго сопротивлялся папскому правительству и выдержалъ не одну стычку съ жандармами и регулярными войсками, которыхъ онъ почти постоянно обращалъ въ бѣгство. Видя тщетность всѣхъ попытокъ взять въ плѣнъ разбой-

ника, правительство прибѣгло къ хитрости. Какъ я уже сказалъ, Гаспаро былъ родственникъ одного изъ кардиналовъ, самыхъ вліятельныхъ при дворѣ, и какъ они оба были уроженцы С., гдѣ жили ихъ общіе родственники, то этимъ обстоятельствомъ воспользовалось правительство и просило родственниковъ разбойника быть посредниками между ними, дѣлая при этомъ самыя выгодныя предложенія для Гаспаро.

Довѣряясь обѣщаніямъ своихъ родственниковъ, дѣйствовавшихъ по приказанію правительства, Гаспаро распустилъ свою шайку, но правительство постыдно измѣнило своему слову: арестовало его и бросило его въ тюрьму Чивита-Веккіи, гдѣ его и нашли во время республики въ 1849 году.

Князь Т., братъ Ирены, узнавъ отъ пастуховъ, что въ лѣсу живетъ какая-то невѣдомая красавица, началъ подозрѣвать, не сестра ли это его, и посовѣтовавшись съ кардиналомъ А., рѣшился во что бы то ни стало вырвать ее изъ рукъ разбойниковъ. Хотя пользуясь помощью правительства и получивъ разрѣшеніе употребить въ дѣло полкъ, которымъ онъ командовалъ, князь однако сомнѣвался въ успѣхѣ своей экспедиціи, ибо онъ вовсе не зналъ той мѣстности, гдѣ ему приходилось дѣйствовать. Въ такомъ положеніи онъ обратился къ кардиналу съ просьбою дать ему узника Гаспаро въ качествѣ проводника.

— „Это хорошая мысль, отвѣчалъ кардиналъ:—Гаспаро знаетъ каждую тропинку лѣса лучше, чѣмъ мы улицы Рима. Къ тому же, говорятъ, у него такое удивительное чутье, что ему достаточно сорвать травы и понюхать ее, чтобы сказать безошибочно въ самую мрачную ночь, въ какой части лѣса онъ находится. Правда онъ старъ, но онъ все еще храбръ и не побоится встрѣтиться лицомъ къ лицу съ самимъ чертомъ.“

Когда Гаспаро объявили, что его везутъ въ Римъ, онъ подумалъ, что все для него потеряно.

— „Лучше умереть разомъ, подумалъ онъ:—мнѣ уже надоѣло это жалкое существованіе. Только мысль, что я умру, не отомстивъ за все коварство и всѣ злодѣянія нечестивыхъ патеровъ, удерживаетъ меня отъ самоубійства.

Два отряда жандармовъ пѣшихъ и конныхъ отвели этого гроз-

наго разбойника изъ Чивита-Веккіи въ Римъ. Правительство предпочло бы перевести его ночью, но темнота могла только помочь его освобожденію старыми товарищами, чего очень боялись. По этому было рѣшено предпринять эту поѣздку днемъ, и на пути Гаспаро народъ такъ толпился, желая увидѣть знаменитаго разбойника, что врядъ ли самъ папа привлекъ бы такое громадное количество зрителей.

По прибытіи въ Римъ, Гаспаро тотчасъ представили его родственнику кардиналу А. и князю Т., которые, обѣщая ему большія награды, старались его уговорить помочь имъ въ уничтоженіи шайки разбойниковъ, населявшихъ лѣсъ. Внѣ себя отъ радости, что наконецъ ему предстояла возможность освободиться отъ заточенія и отомстить преслѣдовавшимъ его злодѣямъ, Гаспаро принялъ сдѣланное ему предложеніе съ видимымъ удовольствіемъ и согласился принять участіе въ экспедиціи противъ разбойниковъ.

XXXII.

НЕОЖИДАННАЯ ВСТРѢЧА.

Сильвія, Клелія и Джакъ провели нѣсколько дней очень пріятно въ замкѣ Лукулла въ гостяхъ у Ораціо и Ирены.

Въ шайкѣ Ораціо было нѣсколько людей съ хорошими связями, и ихъ римскіе друзья тайно отъ правительства акуратно присылали имъ денегъ, что имъ позволяло снабжать роскошной провизіей столъ своего предводителя. Юные римляне окружали Трансteверскую Жемчужину всевозможными любезностями; и хотя конечно Клелія была бы болѣе рада имѣть подлѣ себя Аттиліо, а Сильвія не разъ вздыхала при мысли о томъ, что стало съ ея Манліо, но обѣ женщины были очень довольны тѣмъ вниманіемъ, которое онѣ встрѣчали на каждомъ шагу. Что касается до Джака, то онъ былъ счастливѣйшій человѣкъ на землѣ, ибо Ораціо подарилъ ему одно изъ ружей, отнятыхъ у разбойниковъ, и молодой англичанинъ не разставался съ нимъ во всѣхъ своихъ охотничьихъ похожденіяхъ и рекогносцировкахъ по лѣсу.

Однажды Орацiо отправился съ Джакомъ на охоту за оленемъ и послалъ мальчика загонять звѣря, а самъ сталъ на сторожѣ. Принятыя имъ мѣры оказались столь дѣйствительными, что чрезъ полчаса прямо на Орацiо выбѣжалъ великолѣпный олень. Онъ выстрѣлилъ и ранилъ звѣря, но не смертельно; онъ выстрѣлилъ во второй разъ и олень грохнулся на землю.

Въ эту самую минуту Орацiо услышалъ какой-то шумъ въ сосѣднихъ кустахъ. Прислушившись, онъ убѣдился, что кто-то шелъ изъ самой глубины чащи. Это не могъ быть Джакъ, ибо онъ былъ слишкомъ далеко и не могъ возвратиться такъ скоро. Подозрѣнiе, что его преслѣдуютъ враги, блеснуло въ головѣ Орацiо, и онъ проклялъ свою неосмотрительность, взглянувъ на пустое дуло своего ружья. Онъ очевидно не ошибся; не успѣлъ онъ еще поставить ружье на землю, собираясь его зарядить, какъ изъ за кустовъ показалась голова, походившая скорѣе на дикаго звѣря, чѣмъ на человѣка.

Храбрецамъ страхъ не знакомъ; и потому нашъ римлянинъ выхвативъ свой кинжалъ бросился на встрѣчу странному привидѣнiю, которое однако воскликнуло: — „Стой!“ такимъ хладнокровнымъ и повелительнымъ тономъ, что Орацiо въ изумленiи отступилъ.

Незнакомецъ былъ вооруженъ съ головы до ногъ и, какъ мы уже сказали, вся его фигура была странная, поразительная. Сѣдая, мохнатая голова его была покрыта калабрiйской шапкой; борода съ просѣдью и взъерошенная, какъ у кабана, скрывала почти все его лице и только глаза горѣли какъ уголья. Его величественная смѣлая голова гордо возвышалась надъ могучими плечами, и ни года, ни преслѣдованiя не могли преклонить его чело. Широкая грудь его была стянута темнымъ бархатнымъ камзоломъ, на поясѣ красовался патронташъ, а бархатная куртка и кожанные штиблеты, застегнутыя подъ колѣнками, довершали его одежду.

— Я не врагъ, Орацiо, сказалъ Гаспаро, — ибо это былъ онъ: — я пришелъ предупредить тебя о грозящей опасности, которая можетъ погубить тебя и твоихъ друзей.

— Я увѣренъ, что ты мнѣ не врагъ, отвѣчалъ Орацiо: — ты могъ убить меня на мѣстѣ прежде, чѣмъ я бы опомнился. Я знаю, что Гаспаро умѣетъ владѣть ружьемъ.

— Да, отвѣчалъ разбойникъ: — было время, когда я не стрѣ-

лялъ двухъ разъ по оленю или кабану, но теперь глаза мнѣ измѣняютъ. Впрочемъ я не отстану отъ товарищей въ минуту нападенія на общаго врага. Однако поговоримъ теперь; мнѣ надо тебѣ сообщить кое-что важное.

Усѣвшись на старый пень, Гаспаро разсказалъ Орацiо о планахъ папскаго правительства, поддерживаемаго княземъ Т. во главѣ его полка, о томъ какъ онъ Гаспаро былъ выпущенъ на свободу для оказанія помощи князю въ отысканіи убѣжища „либераловъ," какъ онъ пылая местью къ патерамъ бѣжалъ изъ ихъ лагеря и теперь предлагалъ себя и своихъ товарищей на службу Орацiо подъ единственнымъ условіемъ быть принятымъ въ число „либераловъ."

— Но Гаспаро, отвѣчалъ Орацiо:—у тебя, если вѣрить слухамъ, на душѣ столько тяжкихъ преступленій, что мы не можемъ тебя принять въ свою среду.

— Преступленій! гордо воскликнулъ разбойникъ: я признаю за собой только тѣ, которыя я совершилъ съ цѣлью освободить свое отечество отъ кровавыхъ, могущественныхъ злодѣевъ, угнетающихъ его. А развѣ это преступленіе? Развѣ преступленіе помогать нуждающимся и угнетаемымъ? Или ты думаешь, еслибъ я былъ низкимъ грабителемъ и убійцей, то правительство такъ боялось бы меня, или народъ такъ любилъ бы? Нѣтъ, правительство боится меня потому, что на моей душѣ нѣтъ другаго преступленія, какъ ненависть къ его нечестію; потому что оно знаетъ, какъ низко и подло оно поступило со мною, и что я, возвративъ себѣ свободу, дорого заплачу имъ за ихъ измѣну и предательство. Да, прибавилъ онъ послѣ минутнаго молчанія:—я не разъ употреблялъ свое ружье, какъ орудіе правосудія, согласно закону человѣчества и истины. Могутъ ли патеры сказать тоже самое о ихъ проклятой плахѣ?

Въ эту минуту изъ лѣсу выбѣжалъ Джакъ и Орацiо объяснилъ ему знаками, что незнакомецъ ихъ другъ. Потомъ взваливъ на плечи убитаго оленя, они вмѣстѣ съ Гаспаро отправились въ замокъ для принятія необходимыхъ мѣръ къ отраженію грозившей ему осады.

XXXIII.

ОСАДА.

Князь Т., узнавъ отъ другихъ шпіоновъ, оказавшихся болѣе говорчивыми, чѣмъ Гаспаро, что шайка „либераловъ“ занимала за̀мокъ Лукулла, принялъ дѣятельныя мѣры къ осадѣ его; приблизившись къ замку, онъ расположилъ своихъ людей вокругъ него такъ, что бѣгство было невозможно. Братъ Ирены, какъ многіе полководцы, сдѣлалъ ошибку: онъ раскинулъ своихъ людей на слишкомъ большомъ разстояніи и многочисленными часовыми, пикетами и ведетами ослабилъ свое войско такъ, что имѣлъ слишкомъ небольшое количество солдатъ для прямыхъ дѣйствій противъ враговъ. Не зная положительно, гдѣ находится замокъ, онъ послалъ впередъ Гаспаро лазутчикомъ, и тотъ, какъ намъ уже извѣстно, воспользовался своей свободой, чтобъ перейти на сторону осажденныхъ. Потерявъ терпѣніе и видя, что Гаспаро не возвращается, князь Т. приказалъ всему своему войску, въ количествѣ тысячи человѣкъ, идти впередъ и каждой колоннѣ, дойдя до замка, прямо брать его штурмомъ. Какъ можно было ожидать, такой сложный планъ не удался. Сѣверный отрядъ, командуемый лично княземъ, дѣйствительно пошелъ по прямой линіи къ за̀мку; но другіе, по незнанію офицеровъ и нежеланію проводниковъ начать бой, сбились съ пути, вошли въ чащу лѣса и вскорѣ очутились въ ужасномъ смятеніи, перекликиваясь другъ съ другомъ и по нѣсколько разъ возвращаясь на мѣсто отправленія. Такимъ образомъ было потеряно нѣсколько часовъ. Между тѣмъ князь Т. съ двумя стами людей прибылъ къ замку, который они отыскали только къ четыремъ часамъ по полудни, и уже тогда къ величайшему своему негодованію увидѣли, что осажденные приняли необходимыя мѣры къ защитѣ. Но надѣясь на многочисленность своего войска и на помощь остальныхъ отрядовъ, онъ выслалъ застрѣльщиками половину своихъ людей, а остальныхъ оставилъ въ резервѣ; потомъ онъ выхватилъ саблю и приказалъ дать сигналъ къ атакѣ.

Ораціо и его товарищи могли избѣгнуть битвы, укрывшись въ

подземельяхъ замка, но презирая отступленіе и желая сразиться съ папскими наемниками, они рѣшились помѣриться съ врагомъ и возвратясь въ замокъ съ Гаспаро, Орацiо велѣлъ задѣлать всѣ входы и выходы, провинтить въ стѣнахъ отверстія для ружей и собрать всѣ бывшія у нихъ подъ руками военныя орудія.

Юный предводитель осажденныхъ приказалъ своимъ людямъ не стрѣлять по непріятелямъ издали, но ждать пока они подойдутъ къ самымъ стѣнамъ, такъ чтобъ каждый выстрѣлъ могъ быть смертельнымъ. Папское войско смѣло подступало къ замку и первый рядъ застрѣльщиковъ подошелъ почти къ самымъ стѣнамъ, какъ вдругъ ружейный залпъ положилъ на мѣстѣ почти столько же враговъ, сколько было сдѣлано выстрѣловъ. Этотъ неожиданный отпоръ смутилъ послѣдніе ряды солдатъ и они, видя смерть столькихъ своихъ товарищей, мгновенно обратились въ бѣгство. Въ эту самую минуту князь Т. съ своимъ отрядомъ явился на поле дѣйствія.

Орацiо изъ предосторожности приказалъ собрать и зарядить всѣ огнестрѣльныя орудія, бывшія въ замкѣ, и теперь велѣлъ слугамъ помогать женщинамъ, взявшимся заряжать ружья, по мѣрѣ надобности. Однако, Джакъ отказался отъ этой обязанности и, схвативъ ружье, всталъ рядомъ съ своимъ спасителемъ и во все время атаки не отлучался отъ него ни на шагъ.

Прибывъ на мѣсто боя, князь Т. по множеству убитыхъ солдатъ тотчасъ понялъ съ какимъ врагомъ ему приходилось имѣть дѣло. Видя испугъ на лицахъ своихъ людей и зная, что отступленіе подъ такимъ огнемъ будетъ совершенно гибельно, уже не говоря о безславіи бѣгства, онъ рѣшился штурмовать замокъ. Приказавъ трубить атаку и отправивъ во всѣ стороны своихъ адъютантовъ за подкрѣпленіями, онъ бросился впередъ и первый взлѣзъ на стѣну, рубя направо и налѣво своей саблей немногочисленныхъ враговъ, защищавшихъ замокъ съ этой стороны.

Орацiо, бывшій въ числѣ этихъ немногихъ, остановился какъ вкопанный при видѣ князя, въ лицѣ котораго онъ узналъ любимыя черты Ирены. Ружье его было заряжено и онъ могъ положить на мѣстѣ своего врага, но руки его невольно опустились. Джакъ, стоя подлѣ него и не понимая причины колебанія своего

господина, поднялъ ружье и выстрѣлилъ прямо въ грудь князя; но въ это мгновенiе Орацiо изо всей силы ударилъ кулакомъ подъ дуло ружья и пуля пронзила одного изъ солдатъ, взлѣзшихъ на стѣну вслѣдъ за княземъ. Число этихъ послѣднихъ было такъ незначительно, что осажденные безъ труда съ ними справились.

Неожиданное обстоятельство окончательно привело въ смятенiе непрiятеля и обратило его въ бѣгство. Въ ту самую минуту, когда офицеры побуждали солдатъ слѣдовать за княземъ на стѣну, изъ лѣсу съ восточной стороны раздались крики: „непрiятель въ тылу!“ Небольшая шайка изъ десяти человѣкъ дѣйствительно выскочила изъ лѣсу и съ яростью льва бросилась на правый флангъ папскаго войска. Солдаты полагая, что вмѣсто „десяти“ могли быть и сто, поддались паникѣ и разсѣялись какъ былинки при дуновенiи вѣтра. Очень немногiе остановились въ надеждѣ, что эти неожиданные пришельцы не отрядъ ли ихъ собственнаго войска, спѣшившаго къ нимъ на помощь; но пришельцы были въ одеждѣ „либераловъ“ и наносили такiе страшные удары ихъ товарищамъ, что они обратили тылъ и бѣжали въ отчаянiи, оставивъ поле битвы и своего предводителя въ рукахъ непрiятеля. Видя человѣколюбивый поступокъ своего врага и бѣгство всего своего войска, князь Т. молча подалъ свою саблю Орацiо; тотъ принялъ ее съ почтительнымъ поклономъ и повелъ своего плѣнника прямо къ Иренѣ.

XXXIV.

ДРАГОЦѢННОЕ ПРIОБРѢТЕНIЕ.

Самый пламенный ревнитель реформъ не можетъ не признать, что въ настоящемъ столѣтiи прогресъ человѣчества громаденъ. Мы не говоримъ о научномъ или практическомъ прогресѣ, который по истинѣ удивителенъ, но лишь о политическомъ и нравственномъ развитiи общества.

Освобожденiе народовъ отъ власти духовенства, хотя еще не достигнуто, но наше поколѣнiе идетъ къ этой цѣли гигантскими шагами. Особливо прогресъ въ этомъ отношенiи покажется намъ уди-

вительнымъ и предопредѣленнымъ свыше, если мы вспомнимъ, что постепенное уничтоженіе духовнаго господства совершается руками самаго духовенства. Какъ страшно окрѣпла бы папская власть, еслибъ Пій IX продолжалъ реформы, которыми онъ началъ свое царствованіе, еслибъ онъ искренно соединился съ итальянской націей. Но Провидѣніе ослѣпило колебавшагося монаха ради пользы его несчастнаго народа и дозволила ему идти по ложному, нечестивому пути его предшественниковъ, т. е. продавать римскую честь, христіанское милосердіе и кровь своихъ соотечественниковъ за чужестранные штыки. Итальянская нація, которую можно было бы такъ хорошо и долго обманывать, теперь видѣла этихъ лицемѣровъ патеровъ съ крестомъ въ рукахъ въ главѣ чужестраннаго войска, избивавшаго итальянскихъ патріотовъ. Пишущій эти строки видѣлъ не разъ собственными глазами какъ патеры предводительствовали австрійцами противъ либераловъ. Для поддержки папства они возбуждали и поддерживали разбойничество, опустошая южныя провинціи самыми ужасными преступленіями, и стремились всѣми силами расторгнуть то національное единство, которое такъ счастливо, но далеко еще не совершенно достигнуто.

Другой признакъ прогреса человѣчества въ наше время заключается въ болѣе близкихъ узахъ, соединяющихъ аристократію съ народомъ. Конечно существуютъ еще вездѣ нѣкоторые олигархи болѣе или менѣе гордые и дерзкіе, которые стараются подражать аристократамъ прежняго времени, когда невыносимыя феодальныя притязанія существовали во всей своей силѣ. Но число подобныхъ людей очень невелико и большинство благороднаго класса (благороднаго не только по происхожденію, но и въ душѣ) находится въ союзѣ съ нами и сочувствуетъ намъ.

Къ этому послѣднему типу принадлежалъ и братъ Ирены, который принялъ на себя начальство надъ несчастной экспедиціей, результатъ которой мы разсказали въ предыдущей главѣ, только съ цѣлью освободить свою любимую сестру изъ рукъ разбойниковъ, по его мнѣнію насильственно ее похитившихъ. Но когда онъ узналъ, что имѣлъ дѣло съ благородными римлянами, нимало не походившими на грабителей и убійцъ, онъ открыто выразилъ свое сочувствіе къ побѣдившимъ его соотечественникамъ; когда же онъ

узналъ, что Орацiо, которому онъ обязанъ былъ жизнью, былъ законный мужъ его сестры и что она его пламенно любила, князь Т. совершенно измѣнилъ свое мнѣнiе и обращенiе.

Всѣ эти соображенiя говорили въ пользу Ирены, которая увидя брата, бросилась передъ нимъ на колѣни, обливаясь слезами при мысли объ отцѣ, котораго онъ былъ живымъ портретомъ. Князь нѣжно поднялъ ее и горячо обнялъ. Слезы ихъ смѣшались. Орацiо былъ до глубины души тронутъ этой сценой и взявъ саблю князя за конецъ лезвiя, подалъ ему, говоря: — „Такой благородный воинъ, какъ вы, не долженъ быть даже случайно лишенъ своего меча". Князь взялъ саблю съ изъявленiемъ благодарности и дружески пожалъ мужественную руку благороднаго Орацiо.

А Клелiя! Отчего убѣжала она отъ этой прелестной сцены, что̀ послышалось ей въ шумѣ битвы? Во время атаки замка въ общей свалкѣ она узнала голосъ Аттилiо. Распознавъ между криками неожиданныхъ союзниковъ этотъ дорогой голосъ, Клелiя бросила ружье, которое заряжала, и выбѣжала на балконъ, откуда открывался видъ на все поле сраженiя. На одно мгновенiе сквозь облака дыма она увидѣла черты неизгладимо запечатлѣнныя въ ея сердцѣ, и этого мгновенiя было достаточно, чтобъ переполнить ея душу блаженствомъ. Дѣйствительно, Аттилiо съ Сильвiо, Муцiо и нѣкоторыми другими товарищами явился на помощь осажденнымъ и обратилъ въ бѣгство папское войско.

Сильвiо хорошо зналъ замокъ Лукулла, гдѣ онъ часто гостилъ, принимая участiе въ охтахъ и военныхъ экспедицiяхъ Орацiо. Черезъ него либералы въ городѣ и его окрестностяхъ имѣли постоянныя сообщенiя другъ съ другомъ. Прежде, чѣмъ оставить Римъ, онъ рѣшился встать подъ знамя Орацiо и, какъ мы видѣли, во время поспѣлъ съ своими товарищами, чтобъ нанести послѣднiй ударъ папскому войску.

Пускай читатели сами представятъ себѣ всю радость, произведенную въ замкѣ прибытiемъ друзей, столь кстати явившихся на помощь. Привѣтствiямъ, поцѣлуямъ, распросамъ не было конца!

— О! мой милый, возлюбенный! шептала Клелiя, когда Аттилiо впервые осѣнилъ поцѣлуемъ ея прелестное чело: — ты мой и я твоя, не смотря на злодѣевъ патеровъ, не смотря на весь мiръ!

Быть можетъ, запахъ пороха вскружилъ ея милую головку и потому мы должны ей простить всю неприличность ея поведенія. Ей, быть можетъ, слѣдовало быть немного кокеткой, но она была римлянка и любила пламенно. А не по истинѣ ли возвышена и героична любовь, подобная той, которую питали другъ къ другу молодые люди? Такая любовь не жизнь ли души, не источникъ ли всего благороднаго, не рычагъ ли развитія человѣчества?

Славнымъ пріобрѣтеніемъ для либераловъ былъ князь Т.; все видѣнное и слышанное имъ окончательно обратило его на истинный путь, ибо благородный и храбрый по природѣ, онъ стыдился униженія своего отечества и жаждалъ его освобожденія отъ ига патеровъ и чужестранцевъ. Но воспитанный вдали отъ Рима и находясь въ совершенно иной сферѣ, чѣмъ патріоты, которые вели дѣло революціи, онъ не зналъ многаго, и даже по желанію отца поступилъ въ папскую армію, что еще болѣе удалило его отъ вліянія нашихъ друзей. Но теперь съ его глазъ какъ бы спала завѣса и онъ видѣлъ ясно, какая великая будущность ожидаетъ его отечество, видѣлъ ясно, что Италія— нынѣ раздѣленная и презираемая всѣми—соединится въ одно цѣлое и станетъ великой націей, уважаемой всѣмъ міромъ, какъ во дни ея прошедшей славы.

Князь Т. былъ въ восхищеніи отъ новыхъ своихъ товарищей и поклялся въ глубинѣ своего сердца жить и умереть за святое дѣло освобожденія своей родины. Богатый, щедрый, вліятельный онъ впослѣдствіи сдѣлался могучей подпорой изгнанниковъ, и они вполнѣ могли поздравить себя, что не ошиблись, возложивъ надежду на этого благороднаго, вдвойнѣ ими побѣжденнаго человѣка.

XXXV.

УЛУЧШЕНІЕ ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО РОДА.

Принявъ и привѣтствовавъ съ радостью своихъ друзей, Ораціо началъ теперь думать о ихъ общей безопасности. Потому онъ отозвалъ въ сторону Аттиліо и князя Т. (который теперь сталъ искренно преданъ національному дѣлу) и сказалъ имъ:

— Правда, мы вышли побѣдителями изъ послѣдней стычки, князь, и разбили васъ, благородное поведеніе котораго теперь завоевало всѣ наши сердца, но я боюсь, что замокъ сталъ слишкомъ извѣстенъ, чтобы служить намъ долѣе безопаснымъ убѣжищемъ. Правительство употребитъ всѣ средства, чтобы уничтожить насъ и въ состояніи прислать цѣлую армію съ артилеріей для разгрома этихъ старыхъ стѣнъ. Я однако не совѣтую немедленнаго отступленія, такъ какъ кардиналу понадобится время для принятія необходимыхъ мѣръ; но намъ слѣдуетъ быть всегда на готовѣ и знать во время о всѣхъ движеніяхъ непріятеля. Что касается до васъ, князь, то вамъ лучше бы возвратиться въ Римъ; ваше присутствіе здѣсь намъ не нужно, а тамъ вы были бы для насъ чрезвычайно полезны. Пускай полагаютъ, что мы васъ отпустили на честное слово подъ условіемъ не подымать оружія противъ насъ, и вслѣдствіе этого подайте въ отставку.

— Да, отвѣчалъ князь:—я могу принести вамъ болѣе пользы въ Римѣ и даю честное слово, что всегда буду вашъ.

Аттиліо былъ того же мнѣнія и прибавилъ, что Регола будетъ увѣдомлять ихъ о всѣхъ движеніяхъ папскихъ войскъ. Въ отвѣтъ на желаніе князя имѣть какую нибудь рекомендацію къ либераламъ, Аттиліо далъ ему маленькій лоскутокъ бумаги, который можно было при надобности проглотить и который заключалъ въ себѣ рекомендательное письмо къ Реголѣ.

Остальное время дня было посвящено преданію землѣ мертвыхъ, которыхъ было не мало, и на ухаживанье за раненными, по большей части папскими солдатами. Изъ либераловъ было ранено только трое и то не серьезно. Это доказываетъ, что въ битвѣ храбрые подвергаются опасности менѣе трусовъ, и если вѣрить военной статистикѣ, то армія въ бѣгствѣ теряетъ болѣе людей, чѣмъ въ битвѣ.

Въ полночь князь Т. отправился въ Римъ. И кто былъ его проводникомъ? Никто иной какъ Гаспаро, старый предводитель шайки разбойниковъ, а нынѣ ревностный либералъ, выказавшій чудеса храбрости въ недавней битвѣ.

Я, пишущій эти строки, вполнѣ убѣжденъ въ справедливости той истины, что родъ человѣческій постоянно совершенствуется. Я впол-

нѣ отвергаю мнѣніе циниковъ и песимистовъ, и всѣмъ сердцемъ вѣрю въ существованіе закона человѣческаго прогреса различными путями, подъ различными формами и съ необходимыми перерывами. Провидѣнію угодно, чтобы счастье было конечнымъ результатомъ, къ которому придетъ этотъ грустный міръ и страждущее человѣчество; но законъ этотъ приводится въ исполненіе и счастье достижимо только преклоненіемъ человѣчества передъ высшимъ закономъ свѣта. Перерожденіе людей совершится не путемъ чудесъ. Вольтеръ хорошо сказалъ!

„J'en ai vaincu plus d'un, je n'ai forcé personne,
Et le vrai Dieu, mon fils,
Est un Dieu qui pardonne."

Если человѣчество не совершенствуется паралельно съ совершенствованіемъ знаній, то вина этого лежитъ на различныхъ правительствахъ, ибо добрымъ обращеніемъ и благоразумными попеченіями можно приручить даже дикихъ звѣрей. Чего же мы не можемъ достигнуть съ людьми, стоящими даже на самой послѣдней ступени развитія? Но что можно ожидать отъ римскаго народа, который преднамѣренно держатъ въ невѣжествѣ и въ нищетѣ, благодаря всевозможнымъ налогамъ, податямъ и пошлинамъ? Мы знаемъ, что эти налоги и подати не взимаются съ римлянъ, какъ говорятъ, для защиты государства и поддержанія народной чести, но лишь съ цѣлью откормить папу и его паразитовъ, которые также гложатъ народъ, какъ черви точатъ трупъ. Кто можетъ отрицать, что народъ въ южной Италіи болѣе процвѣталъ въ 1860 году, чѣмъ теперь, и причина тому не та ли, что тогда итальянскій народъ лучше управлялся?

Въ тѣ дни разбойничество было едва извѣстно, и не существовали ни префекты, ни жандармы, ни bravi. Теперь же на югѣ Италіи кишатъ тысячи чиновниковъ, разоряющіе народные финансы, и тамъ царитъ анархія, разбойничество и нищета. Бѣдный народъ! Онъ надѣялся послѣ столькихъ вѣковъ тираніи и блестящей революціи 1860 года найти подъ сѣнью преобразованнаго правительства эру мира, прогреса и благоденствія. Увы! это была иллюзія! „Не надѣйтесь на князей міра сего", сказано въ священномъ писаніи.

Гаспаро окрестился „либераломъ“ въ крови своихъ притѣснителей. Ораціо принялъ его благосклонно, даже съ восторгомъ, и какъ мы уже сказали, поручилъ ему проводить князя Т. изъ лѣсу на большую дорогу въ Римъ.

Предсказаніе Ораціо о тѣхъ мѣрахъ, которыя приметъ папское правительство, вполнѣ подтвердилось. Послѣ пораженія при замкѣ Лукулла, патеры рѣшили общимъ совѣтомъ послать большое войско съ артилеріей противъ этой твердыни „либераловъ“; и такъ какъ предполагалось, что послѣдніе не станутъ долго ждать нападенія, то рѣшено было тотчасъ приступить къ осадѣ замка.

Съ этою цѣлью назначены были въ экспедицію не только папскія войска, но и чужеземные наемники. Начальникомъ экспедиціи былъ назначенъ извѣстный чужестранный генералъ, и всѣ приготовленія были сдѣланы съ необыкновенной быстротой, такъ чтобы можно было штурмовать замокъ въ Свѣтлый Праздникъ—день столь счастливый для патеровъ, ибо они послѣ долгаго поста въ этотъ день набиваютъ свое объемистое чрево на счетъ невѣжественнаго и суевѣрнаго стада прихожанъ.

Между тѣмъ Ораціо и его товарищи не дремали и получали постоянныя свѣденія отъ римскихъ друзей о всѣхъ планахъ и приготовленіяхъ папскаго правительства, не смотря на всю ихъ тайну.

Первымъ дѣломъ Ораціо, въ видахъ защиты, было изслѣдовать подземные ходы. Они были только отчасти извѣстны ему и его товарищамъ, но съ помощью Гаспаро, который уже возвратился изъ Рима и имѣлъ прежде случаи ближе познакомиться съ подземельями, они были изслѣдованы вдоль и поперегъ.

XXXVI.

ПОДЗЕМЕЛЬЕ.

Между чудесами всесвѣтной столицы, катакомбы или подземелья конечно заслуживаютъ особеннаго вниманія.

Первые христіане, жестоко гонимые язычниками и римскими императорами, искали часто убѣжища въ этихъ катакомбахъ, а иногда собирались тамъ большими толпами для обученія другъ друга въ

догматахъ новой вѣры. Конечно подземелья служили также убѣжищемъ для бѣглыхъ рабовъ и другихъ несчастныхъ, спасавшихся отъ тираніи императорскаго правительства, въ главѣ котораго находились величайшіе злодѣи, когда-либо существовавшіе: Неронъ, Калигула, Геліогабалъ и другіе.

Подземелья по видимому были различныхъ родовъ. Нѣкоторыя выстроены для принятія мертвыхъ тѣлъ, другія въ качествѣ водопроводовъ снабжали свѣжей водою городъ съ двухъмиліоннымъ народонаселеніемъ. Cloaca Maxima, проведенная изъ Рима къ морю, служитъ славнымъ образцомъ многихъ другихъ болѣе мелкихъ тайныхъ подземныхъ ходовъ, выстроенныхъ богатыми частными людьми для спасенія себя отъ преслѣдованій существовавшихъ когда либо разбойниковъ, страшнѣйшихъ изъ всѣхъ римскихъ императоровъ, и впослѣдствіи отъ опустошеній варваровъ.

Почва Рима и его ближайшихъ окрестностей представляетъ большое удобство для прорытія подземелій, такъ какъ она вулканическая, глинистая, довольно мягкая для лопаты и въ тоже время довольно твердая и не пропускающая сырость, такъ что можетъ образовать безопасное жилище. Дѣйствительно, до сего дня многіе пастухи со своими стадами обитаютъ въ этихъ искуственныхъ пещерахъ.

Прежде изслѣдованія подземелій замка, было рѣшено отправить въ Римъ всѣхъ тяжело раненыхъ подъ присмотромъ другихъ легко раненыхъ и нѣсколькихъ пастуховъ, вызвавшихся быть проводниками. Между либералами было очень мало раненыхъ, а опасныхъ ни одного. Многіе изъ папскихъ солдатъ просили позволенія остаться и раздѣлить судьбу своихъ побѣдителей, ибо немного итальянцевъ служатъ добровольно патерамъ, и безъ сомнѣнія, когда настанетъ минута освобожденія Италіи и Рима, ни одинъ солдатъ, за исключеніемъ иностранныхъ наемниковъ, не станетъ поддерживать патеровъ.

Отправивъ раненыхъ, Орацiо со своими людьми перенесъ въ подземелье все, что было въ замкѣ драгоцѣннаго и полезнаго, а также запасы провизіи на долгое время; послѣ этого онъ сталъ спокойно ожидать непріятеля. Конечно онъ принялъ всѣ

важныя предосторожности и разставилъ повсюду часовыхъ такъ, чтобы узнать какъ можно скорѣе о наступленіи непріятеля.

Первоначальная шайка значительно увеличилась прибытіемъ Аттиліо и его товарищей, а также присоединеніемъ плѣнныхъ римскихъ солдатъ, рѣшившихся перейти на сторону либераловъ; мы не говоримъ о нѣсколькихъ молодыхъ людяхъ, которые узнавъ въ Римѣ о побѣдѣ либераловъ поспѣшили къ нимъ присоединиться. Теперь всего ихъ было шестьдесятъ человѣкъ, не считая женщинъ; авторитетъ Ораціо въ его шайкѣ скорѣе увеличился, чѣмъ уменьшился, и Аттиліо хотя стоялъ во главѣ римскаго отряда и былъ предводителемъ Трехсотъ, исполнялъ съ радостью всѣ приказанія его храбраго и мужественнаго брата по оружію.

Ораціо раздѣлилъ свою маленькую армію на четыре отряда подъ начальствомъ Аттиліо, Муціо, Сильвіо и антикварія Эмиліо. Послѣдній былъ вторымъ начальникомъ до прибытія предводителя Трехсотъ, но теперь онъ считалъ себя обязаннымъ уступить ему это званіе. Между ними завязалась благородная борьба и дѣло кончилось тѣмъ, что Ораціо убѣдилъ Аттиліо принять главное начальство, а Эмиліо былъ назначенъ къ нему помощникомъ. Таковы были защитники свободы Рима! „Свобода Рима или смерть!“ — вотъ былъ ихъ лозунгъ. Мало думали они о званіяхъ, отличіяхъ и орденахъ, признаваемыхъ ими за орудія деспотизма, которыми развращаютъ одну половину націи и унижаютъ, держа въ неволѣ другую половину.

XXXVII.

АНТИКВАРІЙ.

Былъ канунъ Свѣтлаго Праздника. Въ замкѣ Лукулла все было готово для встрѣчи непріятеля и всѣ его защитники, за исключеніямъ часовыхъ, собрались съ Ораціо и дамами въ обширномъ столовомъ залѣ. Послѣ истинно гомерическаго ужина, на которомъ было предложено нѣсколько патріотическихъ тостовъ, антикварій Эмиліо попросилъ позволенія у начальника сказать нѣсколько словъ, чтобъ предостеречь своихъ товарищей о могущихъ встрѣ-

титься опасностяхъ. Получивъ позволеніе Эмиліо началъ свою рѣчь:

„Намъ скоро придется искать убѣжища въ подземныхъ проходахъ и потому, въ видѣ предостереженія, я желаю вамъ разсказать о томъ, что случилось со мною нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ окрестностяхъ Рима. Вы всѣ конечно помните великолѣпный мавзолей Цециліи Метеллы, выстроенный римскимъ патриціемъ въ честь умершей двѣнадцати-лѣтней дочери. Вы знаете также, что этотъ мавзолей, одна изъ красивѣйшихъ и лучше сохранившихся римскихъ развалинъ. Но вы, быть можетъ, не знаете, что подъ этой развалиной начинается подземный ходъ неизвѣстно куда ведущій. Однажды я рѣшился изслѣдовать это мрачное таинственное подземелье, и въ безумной, юношеской самонадѣянности рѣшился идти одинъ, полагая что проводникъ уменьшилъ бы значеніе моего подвига. Взявъ съ собою громадный клубокъ бичевокъ, который я съ трудомъ держалъ въ рукѣ, связку факеловъ, фляжку вина и хлѣба, я отправился рано утромъ, спустился въ нѣдра земли и прикрѣпивъ конецъ бичевки у входа въ подземелье началъ свое таинственное странствіе. Все далѣе и далѣе шелъ я подъ мрачными сводами и чѣмъ болѣе я углублялся, тѣмъ болѣе подстрекалось мое любопытство. Мнѣ казалось по истинѣ изумительнымъ, чтобъ человѣкъ, созданный Богомъ для жизни на землѣ и для пользованія всѣми ея благами, приговорилъ бы себя къ вѣчному лишенію солнечнаго свѣта и выстроилъ бы такое безопасное, но страшное жилище. Несчастны и запуганы, хотя и богаты были конечно тѣ, которые цѣною тяжелаго труда устроили эти гигантскія убѣжища для бѣглецовъ.

„Размышляя такимъ образомъ, я все шелъ впередъ освѣщая себѣ путь факеломъ, разматывая клубокъ бичевокъ и стараясь придерживаться одного направленія; но вскорѣ я замѣтилъ, что узкій проходъ началъ постепенно расширяться и между глиняными столбами, поддерживавшими мрачный сводъ, стали показываться безконечные другіе коридоры, шедшіе во всѣ стороны. Всѣ они были расположены такъ не систематично, что невольно можно было подумать, что строитель этихъ катакомбъ хотѣлъ увлечь смѣлаго посѣтителя въ безъисходный лабиринтъ. Все это меня немного смутило и я

долженъ сознаться, что по временамъ мною овладѣвалъ страхъ и я хотѣлъ возвратиться назадъ, но гордость говорила мнѣ: — „Зачѣмъ же всѣ эти приготовленія, если твоя экспедиція кончится ничѣмъ.“

„Мнѣ было стыдно своего страха и къ томуже не имѣлъ ли я въ рукахъ клубка, который безопасно могъ привести меня обратно къ входу въ подземелье?

„Поэтому я медленно подвигался, разматывая бичевку и зажигая новые факела по мѣрѣ того, какъ потухали прежніе. Наконецъ я размоталъ весь клубокъ и къ моему величайшему разочарованію ничего не видалъ кромѣ мрака и безмолвія. Я очень усталъ и съ отчаяніемъ думалъ о далекомъ возвратномъ пути. Пока я стоялъ въ раздумьи, крѣпко держа конецъ бичевки и съ безпокойствомъ смотря на послѣдній факелъ, вдругъ услыхалъ я что-то похожее на шорохъ женскаго платья; я обернулся и въ туже минуту кто то изъ за меня задулъ факелъ, вырвалъ у меня бичевку и, крѣпко схвативъ меня за руки, набросилъ мнѣ на голову какое-то покрывало.

„Предчувствіе опасности бываетъ часто тяжелѣе самой опасности. Я ужасно испугался въ первую минуту, услыхавъ за собою шаги, но когда меня взяли за руку и повели какъ ребенка, я тотчасъ оправился и весь страхъ исчезъ. Я имѣлъ дѣло съ людьми и потому шелъ смѣло. Хотя глаза у меня были завязаны, я все же сознавалъ, что путь мнѣ освѣщалъ зажженный факелъ и что руки, касавшіяся меня, и шаги, раздававшіеся вокругъ, принадлежали живымъ людямъ, а не призракамъ. Такимъ образомъ, я шелъ нѣсколько минутъ; наконецъ мнѣ развязали глаза и къ величайшему моему изумленію, я находился въ небольшой комнатѣ блестяще освѣщенной, посреди которой весело пировало двадцать молодцевъ за столомъ, установленномъ яствами и питьями.“

Во время разсказа антикварія, улыбка появлялась нѣсколько разъ на лицѣ Гаспаро, теперь же онъ всталъ и протянувъ ему руку сказалъ съ нѣкоторымъ волненіемъ:

— Неужели, другъ мой, это были вы? Я съ своими товарищами жилъ въ то время въ катакомбахъ и когда агенты патеровъ осмѣливались проникать въ нихъ, то обыкновенно изъ благо-

разумія писали свое завѣщаніе. Женщина, загасившая вашъ факелъ и потомъ окружившая васъ такими попеченіями, была моя Альба, умершая недавно съ горя и отчаянья отъ моихъ долгихъ страданій и заточенія.

— О! воскликнулъ антикварій: — неужели это вы сидѣли во главѣ стола и всѣ относились къ вамъ такъ почтительно, точно къ государю.

— Да, это былъ я, отвѣчалъ разбойникъ мрачно, замѣтивъ изумленіе Эмиліо: — года и жестокости злодѣевъ, именующихъ себя служителями Бога, покрыли мои щеки морщинами и голову сѣдинами. Но моя совѣсть чиста. Я хорошо обращался съ каждымъ несчастнымъ и вы сами знаете, что мы не дотронулись ни до одного волоса вашей головы. Я хотѣлъ только унизить тѣхъ гордыхъ развратниковъ, которые живутъ въ роскоши и распутствѣ на счетъ страждущаго несчастнаго населенія. Съ помощью Бога и васъ я еще надѣюсь, не смотря на мою старость, увидѣть родину освобожденной отъ ихъ чудовищнаго ига.

— Да, отвѣчалъ антикварій съ чувствомъ: — вы и ваша барыня такъ были добры до меня, что я этого никогда не забуду.

И обращаясь къ остальному обществу онъ продолжалъ свой разсказъ:

„Мои странствія по подземелью и неожиданная встрѣча съ разбойниками такъ потрясли меня, что у меня сдѣлалось нѣчто въ родѣ горячки и мнѣ пришлось остаться два дня въ этомъ подземномъ жилищѣ. Во все это время, какъ я уже сказалъ, прелестная Альба ухаживала за мною съ необыкновеннымъ вниманіемъ и любовью. Наконецъ оправившись я просилъ позволенія возвратиться въ Римъ и двое разбойниковъ проводили меня новымъ и кратчайшимъ путемъ къ выходу изъ подземелья. Давъ честное слово не выдавать тайны ихъ убѣжища и простившись съ своими проводниками, я вышелъ на свѣтъ Божій, который уже думалъ никогда болѣе не увидать.

XXXVIII.

РИМСКАЯ АРМІЯ.

„Теперь передъ нами открывается, говоритъ одинъ изъ величайшихъ писателей о древней Италіи: — та великолѣпная страна, въ которой человѣкъ достигалъ бо̀льшаго роста, чѣмъ въ какой иной странѣ, и выказывалъ чудеса энергіи и нравственнаго сознанія. Мы вступаемъ въ страну, замѣчательную геройскими добродѣтелями, которыя разливали животворный свѣтъ по всему міру. И теперь, гдѣ нѣкогда процвѣтала гордая жизнь—царитъ смерть; мѣста, прославленныя древней славой и могуществомъ, представляютъ только развалины, памятники исчезнувшаго величія посреди необозримой мертвой пустыни. Столица властителей міра пала, но ея прошедшая слава не можетъ быть уничтожена. Ея великолѣпные памятники и по нынѣ громко вопіютъ въ могильномъ безмолвіи о величіи ея древнихъ обитателей. Страна латиновъ лежитъ въ опустошеніи, но велика она и въ опустошеніи; мрачная природа возвышаетъ еще торжественное зрѣлище могилъ и развалинъ древнихъ городовъ. Посреди мертвой пустыни, на каждомъ шагу встрѣчаешь невольно поразительный для васъ признакъ прошедшаго могущества; часто одно и тоже мѣсто, одинъ и тотъ же камень свидѣтельствуетъ о радостяхъ и горяхъ поколѣній, отдаленныхъ другъ отъ друга цѣлыми столѣтіями. Здѣсь виднѣются также колонны тѣхъ храмовъ, въ которыхъ жрецы своими идолами и авгурами обманывали народъ и держали ихъ въ нравственномъ рабствѣ. Впрочемъ въ этомъ отношеніи страна мало измѣнилась. Немного поотдаль виднѣются и современные храмы, въ которыхъ религія все еще играетъ роль орудія самой ужасной тираніи. Горе прошедшаго и горе настоящаго здѣсь подаютъ руку другъ другу, и память о быломъ игѣ встрѣчается съ признаками нынѣ существующаго ига.“

„Если отдаленные вопли несчастныхъ плебеевъ, повергаемыхъ нѣкогда *дикими* аристократами съ Тарпейской скалы, заставляютъ насъ содрогнуться, то не тоже ли самое мы почувствуемъ, слыша вопли живыхъ жертвъ папскаго бѣшенства, наполняющихъ въ на-

ши дни римскія тюрьмы? Вмѣстѣ съ прахомъ древнихъ народныхъ трибуновъ вы можете вырыть здѣсь изъ земли мучениковъ нашихъ дней, пролившихъ свою кровь за новую республику и павшихъ съ громкимъ протестомъ противъ жесткаго, преступнаго ига патеровъ. Грустно задумавшись надъ этими воспоминаніями давно прошедшаго и недавняго времени, каждый истинный римлянинъ можетъ найти утѣшеніе въ своей накипѣвшей отчаяніемъ душѣ въ той мысли, что не смотря на промежутокъ столькихъ вѣковъ и на всю тяжесть угнетающаго ихъ ига, сыны Рима, какъ не далеки они отъ своихъ геройскихъ дней, все же никогда совершенно не потеряли энергію своихъ отцевъ, и потому на этой почвѣ древнихъ авгуровъ всякій можетъ справедливо вывести то предсказаніе, что какъ тогда, такъ и теперь геній великой страны не оставитъ ее долго въ позорномъ униженіи."

Мы нарочно привели эти благородныя патріотическія слова, чтобы облегчить себѣ трудную задачу представить Римъ въ геройскую его эпоху рядомъ съ картиной живущихъ, но сдерживаемыхъ страшнымъ игомъ современныхъ латиновъ. Мы теперь можемъ приступить къ обсужденію той странной разношерстной отечественной и чужеземной толпы, которую называютъ римской арміей. Что это за люди, нанимающіеся въ службу такого правительства, какъ папское, на службу, которая не можетъ не вселить отвращенія во всякомъ человѣкѣ? И здѣсь мы можемъ повторить, что никто кромѣ патеровъ не можетъ довести до такого униженія народъ, рожденный въ той странѣ, гдѣ люди достигли нѣкогда совершеннѣйшаго развитія всѣхъ человѣческихъ достоинствъ.

Такъ называемая римская армія состоитъ частью изъ римлянъ, подъ надзоромъ чужестранныхъ солдатъ, и частью изъ послѣднихъ, подъ начальствомъ чужестранныхъ офицеровъ, тогда какъ народъ находится подъ покровительствомъ, или лучше сказать подъ игомъ, шайки мошенниковъ, именуемыхъ жандармами. Дѣйствительно, что̀ такое эти наемники, какъ не мошенники, грабящіе народъ и извлекающіе только свою выгоду изъ этой позорной службы? Поэтому званіе „солдата папской арміи" не представляетъ воинскаго отличія, но презирается каждымъ честнымъ человѣкомъ; съ другой стороны чужестранные наемники, какіе бы злодѣи они ни были, не

менѣе презираютъ туземныхъ солдатъ, которыхъ сдерживать они призваны. Потому туземные солдаты и чужеземные наемники, не будучи братьями по оружію, въ истинномъ значеніи этого слова, часто доходятъ до кровопролитныхъ междоусобныхъ дракъ, въ которыхъ обыкновенно остаются побѣдителями туземцы, ибо не смотря на всѣ усилія патеровъ унизить и развратить римскихъ солдатъ, въ нихъ все же существуютъ кое-какіе остатки древней храбрости.

Такова современная римская армія, и вотъ почему наши изгнанники ее презирали, и зная о всѣхъ ея движеніяхъ спокойно ожидали приближенія непріятеля. Какъ всегда, въ виду предполагаемаго штурма замка Ораціо, въ римской арміи возникли нескончаемыя распри. Чужеземцы, смотря съ презрѣніемъ на туземныхъ солдатъ, требовали, чтобъ во время атаки ихъ поставили на правый флангъ; но туземцы, не боясь чужестранцевъ и считая себя совершенно справедливо выше ихъ въ военномъ искуствѣ, не хотѣли ни за что уступить эту честь иностраннымъ наемникамъ. Патеры, не имѣя силы возстановить порядокъ, только кусали себѣ ногти отъ нетерпѣнія, злобы и страха.

Такимъ образомъ Свѣтлый Праздникъ, день, назначенный для уничтоженія „разбойниковъ,“ по всей вѣроятности сдѣлался бы днемъ истребленія низкихъ наемниковъ, еслибъ „Умѣренные“ не подняли своего крика: „Порядокъ и Братство.“ И такъ былъ потерянъ прекрасный случай покончить разомъ съ шайкой злодѣевъ, составляющихъ позоръ и бичь Италіи.

Регола съ большимъ количествомъ Трехсотъ видя, что сами собою они долго не будутъ въ состояніи сдѣлать что либо для освобожденія Рима, поступили въ ряды папскаго войска согласно полученнымъ извнѣ приказаніямъ. Они-то всего болѣе подстрекали римлянъ настаивать на занятіи праваго фланга въ атакѣ, и когда имъ въ этомъ было отказано, они взбунтовались и нанесли оскорбленія своимъ офицерамъ. Генералъ Д. былъ посланъ съ отрядомъ чужеземцевъ для возстановленія порядка, но между туземцами и иностранными наемниками произошла страшная борьба, походившая на правильную битву, и кончилось тѣмъ, что послѣдніе искали спасенія въ бѣгствѣ.

Главный подстрекатель мятежа былъ нашъ старый знакомецъ, драгунскій сержантъ Дентато. Освобожденный отъ пытки инквизиціи, выдержанной имъ съ твердостью достойной древнихъ стоиковъ, онъ рѣшился отмстить своимъ мучителямъ при первомъ удобномъ случаѣ,—и сдержалъ свое слово. Во главѣ своихъ драгунъ (ибо ему возвращено было его званіе), съ саблей въ рукахъ, онъ бросился въ самую сѣчу и произвелъ страшное опустошеніе въ рядахъ чужеземцевъ. По окончаніи дѣла, зная что его ожидало, онъ въ сопровожденіи лучшихъ людей своего отряда оставилъ Римъ и отыскалъ въ лѣсу нашихъ изгнанниковъ, которые приняли его съ распростертыми объятіями и съ радостью услышали разсказъ о его подвигахъ въ столицѣ.

XXXIX.

БРАКЪ.

Конечно, самыя священныя тѣсныя узы, связывающія людей между собою — узы брачныя. Бракъ соединяетъ двухъ лицъ различнаго пола на всю жизнь и доставляетъ имъ совершеннѣйшее счастіе на землѣ, если только они того достойны. Мы нарочно говоримъ: если они того достойны, потому что этотъ торжественный союзъ долженъ быть неиначе заключаемъ, какъ съ взаимной твердой рѣшимостью доставить другъ другу счастье, и основой его должна быть истинная любовь, та небесная любовь, которую древніе справедливо различали отъ чувственной страсти, та любовь сердца которую никакіе земные или себялюбивые виды не могутъ измѣнить. Даже до вступленія въ бракъ, одна мысль объ немъ смягчаетъ и совершенствуетъ характеръ того и другаго лица, вступающихъ въ этотъ торжественный союзъ; и это, благодаря новому сознанію, что каждый изъ нихъ обязанъ дополнить счастье другаго. Самая атмосфера счастья дѣлаетъ жизнь женатыхъ людей благороднѣе жизни холостыхъ, а любовь родителей къ своимъ дѣтямъ побуждаетъ ихъ быть нѣжнѣе и снисходительнѣе прежде къ своимъ, а потомъ и ко всѣмъ. Однако невѣрность, по несчастью, слишкомъ часто встрѣчается въ современныхъ бракахъ, но тѣ изъ лицъ обоего пола, которыя грѣ-

шатъ противъ супружеской вѣрности всегда, за исключеніемъ ожесточенныхъ въ развратѣ душъ, чувствуютъ столь сильные укоры совѣсти, что готовы были бы цѣною всевозможныхъ жертвъ вернуться къ своей первобытной чистотѣ. Но истины, кромѣ всего остальнаго, кажется достаточно, чтобъ укрѣпить человѣка въ добрѣ, не смотря на всѣ соблазны, и удержать его отъ безчестія, подвергающаго его душу позору и погибели. О! вы, вступившіе сегодня въ этотъ священный союзъ, будьте вѣрны какъ небо другъ другу! Вашей вѣрностью вы спасете свою совѣсть отъ тяжкихъ, невыносимыхъ укоровъ и страданій. Благородной и сердечно прочувствованной вѣрностью вы создадите себѣ на землѣ рай и предвкусите блаженство будущей жизни.

Но вмѣшательство патеровъ въ этотъ священный союзъ сердецъ омрачаетъ и уничтожаетъ любовь, сѣя вмѣсто нея плевелы ненависти. Этотъ бичь Божій чувствуется повсюду на земномъ шарѣ, и громадное количество несчастныхъ браковъ свидѣтельствуетъ о пагубномъ вліяніи устраивающихъ и руководящихъ ихъ патеровъ. Какова же должна быть сила этой ядовитой отравы въ Римѣ, гдѣ патеры до того многочисленны, что царятъ почти безгранично въ обществѣ!

Мы уже говорили, что въ Римѣ болѣе, чѣмъ въ какомъ либо другомъ городѣ, родится незаконныхъ дѣтей, что происходитъ естественно, или лучше сказать противоестественно, отъ позорнаго вліянія патеровъ, торгующихъ браками изъ личныхъ видовъ.

Но задернемъ завѣсой молчанія эти грустные факты; мы просимъ даже прощенья утонченныхъ читателей, если нашъ намекъ оскорбилъ ихъ. Но вспоминая все униженіе и горе нашей несчастной родины, угнетаемой развратнымъ деспотизмомъ клерикальнаго правительства, трудно сдержать свой гнѣвъ. О, прости меня всякій, которому нечего оплакивать, какъ я оплакиваю Римъ!

Да, бракъ священный актъ; этимъ актомъ человѣкъ налагаетъ на себя обязанность любить, охранять и поддерживать свою жену и дѣтей, которыхъ она ему родитъ. И этотъ актъ есть главная основа цивилизаціи и прогреса человѣческаго рода. Потому католическій патеръ, лицемѣръ и обманщикъ, вмѣшивающійся въ семейныя дѣла изъ корыстныхъ видовъ, недостоинъ совершать этотъ

важнѣйшій актъ въ жизни человѣка. Муниципальныя власти, долженствующія вѣдать все что касается гражданъ и свидѣтельствовать всѣ совершаемые между ними акты, должны присутствовать при обрядѣ бракосочетанія, или за отсутствіемъ властей ихъ могутъ замѣнять ихъ ближайшіе представители—отецъ и мать брачной четы, ихъ естественные и законные опекуны.

Къ этимъ-то властямъ и обратились Аттиліо и Клелія.

„Мой Аттиліо! Мой собственный!“ промолвила про себя Клелія во время разсказа Ирены, а въ ту блаженную минуту, когда ея возлюбленный, припавъ къ ея ногамъ, умолялъ ее согласиться на его страстныя и честныя предложенія, она послѣ нѣкотораго колебанія позволила ему просить у матери ея руки, прибавивъ:—„Если она согласна, то я буду твоей на вѣки.“

Хотя Сильвія была довольно нерѣшительнаго характера и предпочла бы подождать Манліо для рѣшенія судьбы возлюбленной дочери, но она была достаточно благоразумна, чтобы понять всю необходимость брака между пламенно любящими сердцами; зная, что въ виду теперешнихъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ мужъ конечно подтвердитъ ея рѣшеніе, она дала молодымъ людямъ свое согласіе.

Сильвія не терпѣла патеровъ, а гражданскихъ властей подъ рукою не было, такъ что для совершенія брачнаго акта оставалось только обратиться къ власти ея, Сильвіи, какъ матери, и Орацію, какъ предводителя шайки и хозяина замка. Она вполнѣ вѣрила, что этой власти было достаточно, и не трудно было убѣдить ея смѣлую, но утонченную и просвѣщенную совѣсть, что такого простаго, естественнаго и законнаго обряда было совершенно довольно.

Совершеніе брачнаго обряда надъ нашими друзьями было праздникомъ для всѣхъ обитателей замка и особливо для Ирены, которая сама счастливый примѣръ сельскаго бракосочетанія, съ гордостью приняла на себя ролью священнослужительницы въ этомъ естественномъ и благородномъ обрядѣ. Она воздвигла алтарь подъ тѣнью стараго дуба и съ помощью своихъ служанокъ и молодаго англійскаго матроса устроила надъ нимъ цѣлый храмъ изъ зелени и цвѣтовъ; куполомъ этого храма служила величественная макушка дерева, а освѣщался онъ днемъ свѣтомъ солнца, а ночью мерцаніемъ звѣздъ—этихъ первыхъ твореній божества.

Церемонія вѣнчанія была непродолжительна и очень проста, но вмѣстѣ съ тѣмъ и торжественна. Она совершилась въ присутствіи вѣрныхъ сыновъ Рима, стоявшихъ вокругъ прелестной четы. Ирена соединила ихъ руки и провозгласивъ ихъ мужемъ и женой, произнесла слѣдующую рѣчь:

— Дорогіе, сердечные друзья! совершенный вами нынѣ брачный актъ соединяетъ васъ неразрывно душою и тѣломъ. Съ сей минуты вы должны дѣлить между собою счастье и горе, радость и печаль. Помните, что только во взаимной любви и вѣрности вы найдете истинное счастье, и если Провидѣніе низпошлетъ на васъ горе, то любовь уменьшитъ его и поможетъ вамъ все вынести. Да благословитъ Господь вашъ союзъ!

Потомъ Сильвія съ глазами полными слезъ положила свои руки на головы ея возлюбленныхъ дѣтей и повторила: *Che Dio vi benetica.* Болѣе ничего она не могла сказать: такъ велико было ея волненіе. Брачный контрактъ приготовленный заранѣе былъ теперь поднесенъ самимъ Орацію юной четѣ для подписи, а послѣ нихъ подписали свидѣтели и онъ самъ.

Такимъ образомъ совершился съ величайшимъ порядкомъ и благолѣпіемъ въ храмѣ, созданномъ самимъ Творцемъ, при свѣтѣ небеснаго свѣтила, дающаго свѣтъ и теплоту всему міру, торжественный брачный обрядъ, не менѣе торжественный и дѣйствительный оттого, что совершался такъ просто. Никогда человѣческая чета не чувствовала себя связанной болѣе священными узами, чѣмъ Клелія и Аттиліо.

Отъ импровизированнаго алтаря все общество отправилось въ замокъ, гдѣ ожидалъ ихъ настоящій сельскій пиръ. Всѣ радовались счастливому событію и много было предложено веселыхъ тостовъ. Патріотическія пѣсни распѣвались на свободѣ и Джакъ, увлекаемый общимъ веселіемъ, угостилъ своихъ друзей національными англійскими гимнами: „*God save the Queen*“ и “*Rule Britania.*“

XL.

КРЕЙСИРОВКА ЧАЙКИ.

Римская армія, какъ мы уже разсказали, дала нашимъ изгнанникамъ много времени для приготовленія, и они зная причину этого замедленія не безпокоились болѣе о непріятелѣ. Поэтому оставивъ ихъ на время, возвратимся къ однимъ изъ главнѣйшихъ и любезнѣйшихъ намъ лицъ нашего разсказа, именно къ Джульѣ и ея товарищамъ, которыхъ мы въ послѣдній разъ видѣли послѣ страшной бури, выдержанной ими на морѣ.

Черезъ два дня послѣ ухода Чайки изъ Порто Анцо, она вошла въ Порто-Лонгоне, распустивъ всѣ паруса и вывѣсивъ всѣ флаги. Не успѣла она бросить якорь, какъ наши друзья увидали небольшую группу людей, которые, выйдя изъ лежавшей на берегу деревеньки Либери, сѣли въ лодки и поплыли къ яхтѣ.

Джулія очень любезно приняла все общество, состоявшее изъ лицъ обоего пола, и предложила имъ закусить, что̀ было принято съ благодарностью.

Сидя за столомъ со стаканомъ марсалы въ рукахъ, гости обратились къ Манліо, котораго они считали хозяиномъ судна и произнесли рѣчь на тосканскомъ языкѣ. Языкъ этотъ не столь мужественный какъ римскій, но нѣжнѣе и мелодичнѣе; хотя это только мѣстное нарѣчіе, но Италія одолжена ему многимъ и этотъ языкъ прославленный столькими геніями долженъ составить языкъ итальянскаго, національнаго единства.

— Синьоръ, сказалъ старшій изъ посѣтителей: въ Либери существуетъ обычай, что если въ портъ входитъ корабль въ то самое время когда у одного изъ туземцевъ раждается ребенокъ, то капитана просятъ крестить новорожденнаго. Не будете ли вы столь любезны, что подчинитесь нашему обычаю и окажете намъ честь быть крестнымъ отцемъ, а эта молодая дама крестной матерью только что родившагося ребенка?

Манліо улыбнулся такому странному предложенію и отвѣчалъ:

— Я здѣсь только гость также какъ вы, синьоръ. Эта моло-

дая англійская лэди владѣтельница яхты и отъ нея зависитъ рѣшить этотъ вопросъ.

Джулія, страстная путешественница, артистка и другъ итальянской свободы, была въ восхищеньи отъ простоты нравовъ туземцевъ и весело воскликнула:

— Что касается до меня, то я съ радостью принимаю предложеніе и такъ какъ капитанъ корабля долженъ быть крестнымъ отцемъ, то я сейчасъ пошлю за нимъ, и если онъ согласится, то мы къ вашимъ услугамъ.

Капитана Томсона тотчасъ позвали и Джулія объяснила ему въ чемъ дѣло. Онъ весело разсмѣялся и принялъ сдѣланное ему предложеніе, говоря что почтетъ за честь быть крестнымъ отцомъ тамъ, гдѣ крестной матерью будетъ его прелестная госпожа. Поэтому капитанъ Томсонъ сдѣлалъ необходимыя распоряженія и всѣ отправились въ лодкахъ въ Либери.

Нашъ разсказъ тутъ снова сталкивается съ католическимъ духовенствомъ и это просто злая судьба, что не смотря на всю нашу ненависть къ нему, мы должны постоянно говорить о немъ. Но патеръ въ Либери былъ человѣкъ совершенно инаго закала.

Скромное, но гостепріимное угощеніе ожидало нашихъ друзей и оно тѣмъ было пріятнѣе, что жители Либери отличались чрезвычайной простотой и радушіемъ. Гости были очень рады такому пріему, а капитанъ Томсонъ, хотя немного смущенный, былъ внѣ себя отъ счастья, что прелестная Джулія опиралась на его руку, а еще болѣе, что съ нею покумился. Почтенный морякъ такъ гордился этимъ, что ничего не слыхалъ и не видалъ по дорогѣ къ селенію, такъ что нѣсколько разъ спотыкнувшись едва не упалъ. По счастью Джулія не замѣтила смущенія своего спутника и продолжала идти съ спокойной осанкой, служившей замѣчательнымъ контрастомъ съ неровной, колеблещейся походкой Томсона.

Такимъ образомъ они достигли церкви. Капитанъ Томсонъ принялъ на себя очень торжественный видъ и хотя усталъ отъ долгой службы, но ни малѣйшимъ движеніемъ не выказалъ своего нетерпѣнія. Отличаясь самымъ добродушнымъ характеромъ, онъ утѣшалъ себя отъ скуки удовольствіемъ держать на рукахъ своего

крестника, здоровеннаго ребенка, казавшагося однако его мощнымъ рукамъ легче пера.

По окончаніи церемоніи, гости отправились въ домъ втораго крестнаго отца, гдѣ былъ приготовленъ официіальный пиръ, на которомъ прекрасное либерійское вино расхваливалось всѣми. Однако капитанъ Томсонъ помня, что ему еще придется проводить Джулію обратно до лодокъ, очень умѣренно пилъ вино, довольствуясь безпристрастными ему похвалами.

Капитанъ имѣлъ еще другую причину быть умѣреннымъ и сдерживать свое пристрастіе къ хорошимъ винамъ. Онъ очень желалъ понравиться синьорѣ Ореліи, которая хотя далеко не молодая особа, отличалась чрезвычайно любезнымъ характеромъ и блестящимъ цвѣтомъ лица. Она была очень благодарна капитану за все его вниманіе во время страшной бури и нисколько не отворачивалась отъ благороднаго сочувствія, выказываемаго ей морякомъ на каждомъ шагу.

Всѣ были очень веселы, особенно наши амфибіи друзья, ибо какъ не привыкъ человѣкъ къ морю, но все же земля съ ея удобствами и удовольствіями всегда предпочтительнѣе бурнаго океана. При уходѣ Джуліи ее сопровождали, по древнему обычаю, благословенія и изъявленія благодарности ея новыхъ знакомыхъ.

По дорогѣ Манліо мечталъ о статуѣ, которую онъ выточетъ изъ мрамора по возвращеніи въ Римъ и которая будетъ представлять прелестную Джулію въ лицѣ Амфитриты, ведущей спотыкающагося Тритона. Орелія и Томсонъ, сосредоточенные на своихъ нѣжныхъ мысляхъ, ни на что не обращали вниманія. Такимъ образомъ наше общество возвратилось на яхту, провожаемое поселянами съ музыкой и громкими криками ура!

XLI.

ОТШЕЛЬНИКЪ.

Въ итальянскомъ архипелагѣ, начинающемся на югѣ отъ Сициліи и доходящемъ на сѣверѣ до Корсики, находится небольшой пустынный островъ, состоящій изъ громадныхъ гранитныхъ уте-

совъ, по которымъ текутъ прелестные потоки чистой, прозрачной воды, не высыхающей даже лѣтомъ. Островъ этотъ богатъ красивой, но не высокой растительностью, ибо постоянные, бурные вѣтры мѣшаютъ деревьямъ достичь значительной высоты. Это однако вознаграждается здоровымъ климатомъ и воздухъ вѣчно тамъ теплый и свѣжій. Растенія, гнѣздящіяся въ разсѣлинахъ утесовъ, преимущественно ароматичныя, и когда жгутъ листья и сучья, то благоуханіе распространяется по всей окрестности.

Скотъ пасущійся на зеленыхъ берегахъ острова не крупенъ, но коренастъ. Тѣмъ же отличаются и немногочисленные его жители, живущіе не въ роскоши, но въ довольствѣ, поддерживая себя земледѣліемъ, рыбной ловлей и охотой; да кромѣ того ихъ друзья съ континента присылаютъ имъ все нужное въ подарокъ или за деньги.

Такъ какъ жителей немного, то правительство и полиція излишни, а отсутствіе патеровъ,—одна изъ лучшихъ сторонъ этого уединеннаго уголка. Тутъ Богу поклоняются въ чистотѣ духа, безъ формализма, обмана и платы, подъ голубымъ небомъ вмѣсто храма, съ звѣздами вмѣсто лампадъ, съ завываніемъ морскаго вѣтра вмѣсто органа и съ зеленой муравой вмѣсто алтаря.

Глава значительнѣйшаго изъ семействъ обитающихъ на этомъ островѣ испыталъ въ жизни, какъ всѣ люди, счастье и невзгоды. Какъ всѣ люди онъ имѣетъ свои недостатки, но на его долю выпала завидная честь—послужить святому народному дѣлу. Космополитъ, онъ любитъ болѣе или менѣе всѣ народы и страны, но Италію и Римъ онъ любитъ до обожанія.

Онъ ненавидитъ римское духовенство какъ лживое и вредное учрежденіе, но готовъ, какъ только патеры сбросятъ съ себя маску нечестія и гаерства, привѣтствовать ихъ вступленіе на новое, благородное и честное поприще, готовъ побудить всѣхъ во имя всеобщаго принципа терпимости простить имъ все прошлое. Хотя онъ не терпитъ ихъ, какъ патеровъ, но онъ сожалѣетъ о нихъ, какъ о людяхъ; какъ патеровъ, онъ считаетъ ихъ убійцами человѣческихъ душъ въ тысячу разъ болѣе преступными, чѣмъ убійцы умерщвляющіе одно тѣло. Онъ провелъ всю свою жизнь въ надеждѣ увидѣть народы облагороженными, счастливыми, и насколько

хватало силъ вездѣ и всегда боролся за ихъ права; но съ грустью онъ долженъ сознаться, что надежда, поддерживающая его жизнь, была ложная, ибо не одна нація, доведенная Провидѣніемъ до свободы и величія, снова подпала подъ иго деспотизма, представители котораго быть можетъ еще несправедливѣе и жесточе патриціевъ.

Но все же этотъ человѣкъ никогда не отчаявается въ конечномъ усовершенствованіи человѣчества, хотя онъ съ горемъ видитъ какъ медленно наступаетъ это желанное время. Онъ считаетъ злѣйшими врагами народной свободы тѣхъ демократическихъ доктринеровъ, которые проповѣдывали и еще до сихъ поръ проповѣдываютъ революцію, не какъ страшное средство, не какъ суровую Немизиду, но какъ ремесло выгодное для ихъ личныхъ интересовъ. Онъ увѣренъ, что эти наемники свободы погубили много республикъ и опозорили республиканскую систему. Поразительнымъ примѣромъ этого можетъ служить великая и славная французская республика 1789 г., которая доселѣ выставляется тиранами какъ пугало противъ тѣхъ, которые стоятъ за превосходство народнаго правленія. Онъ считаетъ, что совершенная республика — это управленіе честнаго и добродѣтельнаго народа честностью и добродѣтелью. Въ доказательство справедливости своего опредѣленія, онъ ссылается на тотъ фактъ, что всѣ республики пали въ ту минуту, когда народъ отвернулся отъ добродѣтели и впалъ въ нечестіе. Такимъ образомъ онъ не вѣритъ въ республиканское правленіе, состоящее изъ пяти-сотъ правителей.

По его мнѣнію свобода націи состоитъ въ томъ, чтобы народъ самъ избиралъ свое правительство и чтобы это правительство было диктаторское или президентское, т. е. руководимое однимъ человѣкомъ. Подобной системѣ величайшій народъ въ свѣтѣ обязанъ своимъ величіемъ, но горе тѣмъ, которые вмѣсто Цинцината выбираютъ Цезаря! Диктаторство должно быть ограничено опредѣленнымъ періодомъ и продлено только въ чрезвычайныхъ случаяхъ, какъ напримѣръ была продлена власть Абраама Линкольна въ послѣднюю американскую войну. Диктаторство должно быть ограничено народными правами и общественнымъ мнѣніемъ, которыя не допустятъ его до злоупотребленій или до наслѣдственности.

Но отшельникъ, о которомъ мы говоримъ, не доктринеръ и онъ

*

считаетъ ту форму правительства самой благотворной для народа, которая большинствомъ его принята и одобрена; въ доказательство этого онъ указываетъ на англійскую конституцію. По его мнѣнію вся существующая во многихъ странахъ континента система вполнѣ безнравственна и правительства виновны въ преобладающихъ тамъ преступленіяхъ и страданіяхъ, ибо вмѣсто того, чтобъ стремиться къ счастью и благоденствію своихъ народовъ, они думаютъ только о поддержаніи своей деспотической власти. Въ этомъ заключается источникъ въ тѣхъ странахъ того легіона солдатъ, чиновниковъ и всякаго рода прихвостней, которые поѣдаютъ тамъ въ праздности всѣ плоды народнаго труда, удовлетворяя свои порочныя страсти и распространяя повсюду развратъ. Эти трутни не довольствуются долею одного человѣка, а стремятся завладѣть долею пятидесяти для поддержанія своего великолѣпія и роскоши.

Постоянныя войны между европейскими государствами ясно доказываютъ, что система управленія неудовлетворительна. Еслибъ каждая нація управлялась какъ слѣдуетъ, то война прекратилась бы и народъ понималъ бы, что можно уважать права ближнихъ, не прибѣгая къ помощи смертоноснаго оружія. Необходимо учредить федерацію европейскихъ государствъ, представители которыхъ обнародовали бы два основныхъ принципа:—„война не возможна“ и „всѣ распри между націями улаживаются международнымъ конгресомъ.“

Такимъ образомъ война, этотъ бичь и позоръ человѣчества, была бы навѣки уничтожена и съ ея уничтоженіемъ исчезла бы необходимость содержать постоянную армію, и труженики, которыхъ нынѣ водятъ на бойню какъ безсловесныхъ животныхъ подъ предлогомъ патріотизма и военной славы, были бы возвращены ихъ семействамъ, полямъ и занятіямъ. Снова они стали бы работать для распространенія всеобщаго благоденствія и богатства ихъ отечества. Таковы мнѣнія отшельника по этимъ вопросамъ, и я откровенно сознаюсь, что вполнѣ ихъ раздѣляю.

На этотъ-то островъ, мѣстопребываніе отшельника, хотѣла Джулія отвести своихъ друзей, но когда благодаря бурѣ и поврежденію яхты, она не могла соединиться съ Сильвіей и Клеліей, то перемѣнивъ свои планы юная англичанка рѣшила войти на островъ

только на короткое время, чтобъ посовѣтоваться съ отшельникомъ и потомъ переправиться на континентъ для отысканія семейства Манліо.

Представьте себѣ, читатель, одинъ изъ тѣхъ разсвѣтовъ на берегу Средиземнаго моря, которые своимъ великолѣпнымъ, величественнымъ зрѣлищемъ заставляютъ забывать всѣ невзгоды жизни и думать только о той неизрѣченной любви Творца, которая украшаетъ землю на каждомъ шагу.

Свѣтъ медленно распространялся по горизонту, оттѣняя облака всѣми цвѣтами радуги. Звѣзды блѣднѣли, исчезая передъ восходящимъ солнцемъ и путешественникъ любовался этимъ чуднымъ зрѣлищемъ, чувствуя на своей щекѣ легкое дуновеніе утренняго вѣтерка, нѣжно колыхающаго голубую поверхность моря. Маленькій сѣроватый островъ рельефно выступалъ посреди окружающаго свѣта, а небольшая яхта медленно приближалась къ нему, торжественно разсѣкая зеркальную гладь. Это была *Чайка*, которая, выйдя наканунѣ изъ Порта Лонгоне, сдѣлала быстрый и счастливый переходъ. Вскорѣ она поравнялась съ сѣверною оконечностью острова и обитатели его радостно привѣтствовали путешественниковъ.

Прибытіе прелестной яхты было всегда праздникомъ для жителей уединеннаго острова, ибо она уже не разъ ихъ посѣщала. Поэтому они поспѣшили на берегъ привѣтствовать свою милую гостью, и вслѣдъ за ними медленно и отшельникъ, который благодаря старости и другимъ невзгодамъ не могъ поспѣвать за юными членами своего семейства.

При выходѣ Джуліи на берегъ, ее всѣ дружески привѣтствовали и она представила своихъ римскихъ друзей, которые были приняты съ распростертыми объятіями.

Проводивъ своихъ гостей до дому и давъ имъ немного отдохнуть, отшельникъ съ безпокойствомъ спросилъ Джулію:

— Ну, какія вѣсти изъ Рима? Что, чужестранцы ушли? Что патеры: дали ли вздохнуть наконецъ несчастному народу, котораго они терзаютъ вѣками?

— Его несчастья еще не кончены, отвѣчала прелестная англичанка, и никто не знаетъ когда они окончатся. Чужестранцы, правда, ушли, но другіе хуже первыхъ набираются, и ваше правитель-

ство хочетъ подкупить итальянцевъ и оставить городъ въ рукахъ патеровъ. Я, англичанка по рожденію и итальянка душой, стыжусь вамъ сказать, что Римъ не будетъ столицею Италіи. Правительство отказывается отъ него и парламентъ низко одобряетъ этотъ позорный актъ, сдѣланный въ угоду подлымъ требованіямъ Бонапарта. О, горькія времена! Италія, нѣкогда страна славы—теперь страна позора. Италія—садъ вселенной, стала навозной кучей.

— О, Джулія! воскликнулъ воинъ, предводительствовавшій патріотами во многихъ битвахъ, и слеза покатилась по его щекѣ: —обезчещенный народъ—народъ мертвый. Я даже почти отчаяваюсь въ будущности такого народа!

XLII.

ГОДОВЩИНА 30 АПРѢЛЯ.

Въ день, которымъ озаглавлена настоящая глава, 30 апрѣля 1849 г., иностранный сержантъ взятый въ плѣнъ былъ представленъ начальнику Джіаниколо. Онъ попалъ ночью въ руки римскаго ведета, и наслышавшись отъ патеровъ, что защитники Рима были разбойники и убійцы, бросился передъ ними на колѣни и умолялъ Христа-ради помиловать его и не лишать жизни. Итальянскій офицеръ протянулъ руку перепуганному иностранцу и поднявъ его сказалъ, обращаясь къ своимъ товарищамъ:—это хорошій признакъ! Вотъ чужестранная гордость, преклоненная передъ римскимъ правомъ. Это вѣрный признакъ, что мы побѣдимъ.

И дѣйствительно иностранная армія, высадившаяся въ Чивита Векіи и обманомъ завладѣвшая портомъ, подъ лживымъ названіемъ друзей, гордо двинулась къ Риму, издѣваясь надъ глупостью и трусостью римскаго народа. Но вскорѣ эта самая армія была разбита туземными защитниками столицы и должна была со стыдомъ вернуться къ морю.

30-е Апрѣля былъ славный день для Рима, и о немъ не забыли на семи холмахъ; но какъ было отпраздновать его годовщину среди такого множества вооруженной сволочи? Въ небольшомъ городкѣ Витербо, гдѣ вовсе не было войска, жители рѣшились от-

праздновать годовщину изгнанія иностранцевъ и стали дѣлать дѣятельныя приготовленія. Но если тутъ не было войска, то за то было достаточно шпіоновъ, которые увѣдомили римское правительство о всемъ происходившемъ.

Избранный комитетъ составилъ программу празднества, по которой послѣ полудня всѣ работы должны были прекратиться и вся молодежь въ праздничной одеждѣ, съ трехъцвѣтными лентами на лѣвой рукѣ, должна была собраться на Соборной площади и вставъ по четыре въ рядъ отправиться торжественной процессіей къ римскимъ воротамъ, гдѣ издали пожелать всего хорошаго древней владычицѣ міра.

Испугавшись этой вѣсти, римское правительство немедленно послало въ Витербо отрядъ иностраннаго войска, еще недавно поступившаго на папскую службу, съ приказаніемъ во что бы то ни стало уничтожить демонстрацію. Не смотря на эту мѣру городокъ отпраздновалъ свой *festo*, почти забывая на время въ минутномъ энтузіазмѣ долгій періодъ рабства. Отдавъ торжественный поклонъ Риму у градскихъ воротъ, не смотря на всѣ усилія мѣстныхъ властей, процесія вернулась въ порядкѣ съ музыкою во главѣ, сопровождаемая кликами и привѣтствіями дамъ, стоявшихъ на всѣхъ балконахъ и махавшихъ трехцвѣтными платками. Вдругъ показалась колонна иностранныхъ солдатъ, шедшая на штыки прямо противъ народа. До этой минуты народъ, не смотря на тяготѣвшее надъ нимъ иго патеровъ, мирно веселился вспоминая славный для отечества день; но когда солдаты запрудили всѣ улицы города, полныя юными витербцами, то всякое удовольствіе исчезло и замѣнилось злобой и отчаяніемъ. Полицейскіе шли впереди наемниковъ и приказывали народу разойтись; но ихъ встрѣтили вызывающими криками и даже на встрѣчу имъ полетѣло нѣсколько камней. Спрятавшись за солдатъ полицейскіе приказали стрѣлять по народу, желая ему отомстить и надѣясь этимъ путемъ заслужить награды. Этотъ безчеловѣчный приказъ солдаты однако не послушали и начальникъ полицейскихъ, боясь чтобы ненависть между врагами не остыла, приказалъ солдатамъ идти въ штыки на народъ.

Витербцы, какъ всѣ римскіе граждане, получили приказаніе отъ

революціоннаго комитета не предпринимать открытыхъ военныхъ дѣйствій и поэтому они не были готовы къ борьбѣ. Вслѣдствіе этого они быстро разсѣялись: въ этомъ имъ много помогли сумерки и неожиданное тушеніе повсюду огня женщинами, которыя всѣ точно сговорились между собою. Такимъ образомъ атака наемниковъ была направлена только противъ собакъ и ословъ, возвращавшихся съ выгона; и дѣйствительно вой собакъ и крикъ ословъ, преслѣдуемыхъ храбрыми защитниками патеровъ, наполнили ужасомъ весь городъ.

Къ десяти часамъ въ Витербо все успокоилось. Войска расположились на рыночной площади на отдыхъ послѣ одержанной побѣды. На улицахъ не было видно ни одного жителя: всѣ спокойно сидѣли по домамъ. Въ трактирѣ „Полная Луна“ раздался колоколъ, призывавшій посѣтителей къ общему ужину, приготовленному въ большомъ залѣ человѣкъ на шестьдесятъ. Въ эту самую минуту у дверей трактира остановилась карета и изъ нея поспѣшно выскочила женщина, одѣтая подорожному. По быстротѣ ея движеній видно было, что она молода. Хозяинъ трактира поспѣшилъ къ ней на встрѣчу и почтительно спросилъ, не прикажетъ ли она подать ужинъ въ ея комнату, но она отвѣчала, что будетъ ужинать въ общемъ залѣ, пока приготовятъ ея комнату.

Столовая была уже полна посѣтителями, большинство которыхъ составляли офицеры только что прибывшаго въ городъ отряда. Было также нѣсколько иностранцевъ и итальянцевъ, но очень мало витербцевъ. Когда путешественница вошла въ залу, то всѣ глаза съ восхищеніемъ остановились на ней и дѣйствительно наша Джулія, ибо это была она, была прелестна въ этотъ памятный вечеръ. Она въ высшей степени обладала тѣмъ разумнымъ, достойнымъ выраженіемъ, которое отличаетъ ея соотечественниковъ. Всѣ посторонились чтобъ дать ей дорогу. Итальянцы смотрѣли на нее съ почтительнымъ восхищеніемъ, а офицеры крутили усы и охорашивались, принимая видъ недоступныхъ побѣдителей женской красоты.

Во главѣ стола сидѣлъ хозяинъ трактира, который тотчасъ предложилъ прелестной англичанкѣ мѣсто съ нимъ рядомъ. Она согласилась и офицеры поспѣшно заняли всѣ мѣста вокругъ нея. Замѣтивъ по правую свою руку папскаго наемника, Джулія не-

вольно пожалѣла, что приняла предложеніе хозяина; съ горя она стала обводить глазами всѣхъ присутствующихъ, какъ вдругъ эти глаза сверкнули молніей: они встрѣтились съ пристально устремленными на нее взорами Муціо. Онъ сидѣлъ на концѣ стола между Аттиліо и Ораціо. На всѣхъ ихъ были пальто, черныя шляпы и галстуки какъ на иностранныхъ путешественникахъ, и потому Джулія съ перваго взгляда ихъ не узнала, такъ какъ она видѣла Муціо только въ плащѣ, Аттиліо въ простой одеждѣ художника, а Ораціо вооруженнаго съ ногъ до головы. Что ей было дѣлать? Встать, подойти къ нимъ и распросить обо всемъ что ей такъ хотѣлось узнать,—конечно это подсказывало ей сердце; но какъ могла она на это рѣшиться, когда полсотни глазъ были прикованы къ ея чудному лицу.

А Муціо, отверженецъ, патрицій, глава контръ-полиціи, человѣкъ готовый за свою Джулію не только, какъ его тезка Сцевола, отдать руку, но даже голову:—съ какой радостью смотрѣлъ онъ теперь на нее. И однако какъ терзалось его сердце, видя звѣзду его жизни, его божество, сидящую рядомъ съ чужестраннымъ солдатомъ, орудіемъ низкой тираніи, и обязанную прикасаться къ рукѣ, быть можетъ еще недавно обагренной кровью римлянъ. О, юноши, влюбленные въ благородную дѣву, не чувствовали ли вы какую непобѣдимую мощь вселяетъ въ васъ одно ея присутствіе! Когда передъ вами десять человѣкъ оскорбляютъ ее своими любезностями, не чувствуете ли вы въ себѣ десять сердецъ, пылающихъ къ ея услугамъ, десять жизней, которыхъ вы жаждете ей пожертвовать? Если вы этого не чувствуете, то вы низкій трусъ, а труса, позвольте вамъ сказать, женщины всегда презираютъ.

Всякій грѣхъ благородная женщина вамъ проститъ, но трусости никогда. Муціо однако былъ слишкомъ влюбленъ и слишкомъ смѣлъ на горе красивому сердцеѣду, сидѣвшему рядомъ съ прелестной англичанкой! Еслибъ юный римлянинъ поддался влеченію своего пламеннаго, закипѣвшаго злобой сердца, то несчастный не преминулъ бы почувствовать прикосновеніе острія меча или смертоносной пули. Но Джулія прочла въ глазахъ своего милаго всю бурю, клокотавшую въ его сердцѣ, и однимъ взглядомъ, не замѣ-

ченнымъ никѣмъ, потушили пламя ненависти въ страстной душѣ римлянина.

Между кушаньями иностранные офицеры говорили о римскихъ и современныхъ вопросахъ, какъ всегда съ рѣзкимъ неуваженіемъ къ римскому народу, котораго они обыкновенно презираютъ. Выведенная наконецъ изъ себя неприличнымъ разговоромъ, Джулія встала съ достоинствомъ и попросила проводить ее въ приготовленную для нея комнату. Наши друзья горѣли желаніемъ поцѣловать ея прелестную ручку и уже поднялись съ мѣстъ, какъ вдругъ громкій взрывъ хохота иностранныхъ офицеровъ заставилъ ихъ мгновенно занять свои мѣста. Этотъ хохотъ былъ произведенъ грубой шуткой одного изъ офицеровъ, который, насколько разслышали наши друзья, воскликнулъ: „Я полагалъ, что прибылъ въ Витербо для честнаго боя съ людьми, а здѣсь только кролики со страху попрятавшіеся въ свои норы. Чертъ возьми! Да гдѣ же либералы, которые такъ громко о себѣ кричатъ?“

Аттиліо, не успѣвшій еще сѣсть, схватилъ поспѣшно перчатки свои и своихъ товарищей, и скомкавъ ихъ въ кучу, бросилъ молча въ лице низкаго клеветника.

— О! это что за тряпки! воскликнулъ папскій наемникъ, развертывая перчатки: — а, меня вызываютъ на поединокъ... Вотъ вамъ еще примѣръ итальянской храбрости! Трое противъ одного! Трое противъ одного!...

И онъ снова залился громкимъ хохотомъ. Наши друзья молча слушали этотъ хохотъ, но когда онъ сдѣлался всеобщимъ, то Муціо, дождавшись его конца, громко воскликнулъ:

— Господа! Мы трое вызываемъ всѣхъ, кто только смѣетъ оскорблять итальянцевъ.

Дѣйствіе этихъ гордыхъ словъ было поразительное; наши друзья въ ту же минуту встали, бросая на всѣхъ офицеровъ молніеносные взгляды. Трое юношей въ такой позѣ поистинѣ представляли образецъ достойный Микель Анжело; они были три типа мужественной, геройской красоты, одушевляемой благороднымъ гнѣвомъ и человѣчной храбростью.

Различно было впечатлѣніе, произведенное ими на двѣ присутствующія партіи. Итальянцы были внѣ себя отъ радости и смо-

трѣли съ восторгомъ и благодарностью на смѣлыхъ защитниковъ итальянской чести. Иностранцы же съ минуту молчали, пораженные мужественной красотой юныхъ римлянъ и ихъ благороднымъ, внушающимъ уваженіе достоинствомъ. Но когда прошла первая минута удивленія, то одинъ изъ офицеровъ воскликнулъ съ язвительной улыбкой:

— Господа, я предлагаю тостъ!

Всѣ встали съ поднятыми бокалами. И онъ продолжалъ:

— Пью за то, что мы наконецъ нашли достойныхъ враговъ въ этой странѣ!

— Пью за освобожденіе Рима отъ иностранной сволочи! отвѣчалъ Ораціо.

Эти слова показались офицерамъ слишкомъ оскорбительными и они схватились за рукоятки своихъ сабель; но одинъ изъ нихъ, постарше, произнесъ серьезнымъ тономъ:

— Друзья, здѣсь не слѣдуетъ возбуждать безпорядковъ, ибо мы пришли сюда для водворенія порядка. Утромъ мы можемъ вступить въ бой съ этими синьорами одинъ противъ одного. Намъ теперь нужно только принять мѣры, чтобы они не лишили насъ чести сразиться съ ними.

— Случай помѣряться съ врагами Италіи слишкомъ соблазнителенъ, чтобъ его упустить, отвѣчалъ Аттиліо:—если вамъ угодно, то мы всѣ останемся здѣсь до утра и отправимся вмѣстѣ на поединокъ.

Это предложеніе было принято. Иностранцы потребовали тогда бумаги и перьевъ, чтобы бросить жребій кому сразиться съ нашими друзьями. Изъ присутствующихъ итальянцевъ трое вызвались быть секундантами своихъ соотечественниковъ. Потомъ было приступлено къ выбору оружія. Такъ какъ соперники были до крайности возбуждены другъ противъ друга, то рѣшено сражаться до смерти и начать бой на пятнадцать шаговъ разстоянія, потомъ же наступать другъ на друга и биться саблями, револьверами и кинжалами.

Жребій защищать патеровъ выпалъ французскому легитимисту Фулару, испанскому карлисту Санчезу и австрійцу Гейнау. Остальное время ночи было посвящено секундантами съ той и съ дру-

гой стороны на разсмотрѣніе оружій и на возможно вѣрнѣйшее ихъ уравновѣшеніе.

XLIII.

ПОЕДИНОКЪ.

Утро 1-го мая только что разсвѣло надъ опушкой Цимійскаго лѣса, нынѣ называемаго Монте-ди-Витербо, когда двѣнадцать человѣкъ укутанныхъ въ плащи перешли черезъ дорогу, пересѣкающую лѣсъ, и исчезли за деревьями. Они шли молча, пока достигли возвышенія, съ котораго виднѣлась большая часть лѣса; тамъ они остановились и Аттиліо, обращаясь къ итальянцамъ, сказалъ:

— Вотъ лѣсъ, въ которомъ искали убѣжища послѣдніе защитники независимости этрусковъ, разбитые и преслѣдуемые нашими предками римлянами; и тутъ въ одной изъ послѣднихъ битвъ этотъ древнѣйшій и способнѣйшій народъ Италіи исчезъ изъ числа населяющихъ ея племенъ.

— Я полагаю здѣсь, или вблизи, отвѣчалъ капитанъ Фуларъ, знавшій достаточно итальянскій языкъ, чтобъ понять слова Аттиліо, косвенно къ нему относившіяся:—мои предки Галы одержали знаменитыя побѣды надъ вашими предками римлянами, которые исчезли бы съ лица земли, еслибъ ихъ не спасли гуси.

— Когда ваши предки ползали на четверенькахъ въ лѣсахъ Галіи, произнесъ спокойно Аттиліо, не смотря на весь свой гнѣвъ:— то наши предки ставили ихъ насильно на ноги, говоря: „будьте людьми.“ Вы теперь мало выказываете благодарности своимъ прежнимъ просвѣтителямъ. Но мы пришли сюда не для спора, а для поединка.

Мѣстность, на которой они теперь стояли, была одна изъ тѣхъ небольшихъ прелестныхъ полянъ, которыя природа часто скрываетъ въ самой чащѣ итальянскихъ лѣсовъ. И этотъ мирный, веселый уголокъ долженъ былъ сдѣлаться сценой кроваваго боя. Избравъ позицію и вымѣрявъ пятнадцать шаговъ, секунданты удалились, помѣнявшись нѣсколькими словами съ своими товарищами.

Противники стояли другъ противъ друга, готовые ринуться въ

бой. Уже поданы были первый и второй сигналъ, и шесть злобно бившихся сердецъ ждали съ нетерпѣніемъ третьяго, какъ вдругъ раздался звукъ трубы и въ тоже мгновеніе показался на дорогѣ отрядъ папскихъ чужестранныхъ войскъ, за которымъ слѣдовалъ полицейскій агентъ Семпроніо съ нѣсколькими своими подчиненными.

Мы должны здѣсь по справедливости замѣтить, что офицеры, хотя и наемники, были возмущены происшедшимъ и почти готовы защитить своихъ противниковъ и помочь ихъ бѣгству. Между тѣмъ полицейскій агентъ приказалъ солдатамъ окружить итальянцевъ. Для обыкновенныхъ людей такой приказъ былъ бы похороннымъ звономъ всякой надежды, и поспѣшное бѣгство, если оно только возможно, было бы единственнымъ средствомъ спасенія; но наши римляне переносили всякій ударъ или опасность, какъ бы они ни были неожиданны, не теряя ни на минуту присутствія духа. При первомъ звукѣ трубы они взглянули на своихъ противниковъ и замѣтивъ съ удовольствіемъ, по выраженію ихъ лицъ, что они не знали о готовившемся нападеніи, наши друзья ретировались къ лѣсу медленно съ револьверами въ рукахъ.

Солдаты увидѣвъ съ изумленіемъ своихъ собственныхъ офицеровъ въ числѣ людей, которыхъ имъ приказано было арестовать, остановились на минуту въ нерѣшительности. Семпроніо, который изъ предосторожности шелъ позади солдатъ, былъ внѣ себя отъ злобы, что не удался его планъ битвы, и громко воскликнулъ, указывая на своихъ соотечественниковъ: „стрѣляйте по нимъ, стрѣляйте!“

Солдаты все еще колебались, но подчиненные полицейскаго агента дали залпъ по шести итальянцамъ, стоявшимъ теперь на опушкѣ лѣса и ожидавшимъ нападенія своихъ многочисленныхъ враговъ. Не смотря на полускрывавшіе ихъ деревья, двое секундантовъ были слегка ранены, но Аттиліо мгновенно отмстилъ за своихъ товарищей. Онъ выстрѣлилъ изъ револьвера и пуля имѣла счастье пронизать носъ отца Семпроніо (ибо это былъ переодѣтый патеръ).

Дѣйствительно этотъ выстрѣлъ былъ счастливый. Крики и

вопли Семпроніо возбудили болѣе презрѣнія, чѣмъ сожалѣнія, ибо рѣдко сожалѣютъ такихъ низкихъ существъ. Съ окровавленнымъ лицомъ, издавая самые жалобные стоны, патеръ-полицейскій бросился бѣжать обратно въ Витербо, оставивъ другимъ исполненіе своего плана битвы.

Чужестранные офицеры почти всѣ стыдились того неловкаго положенія, въ которое они были поставлены, хотя не они, а полиція подготовила эту низкую атаку. Ихъ имена были узнаны шпіонами и о поединкѣ донесено Семпроніо, который надѣялся такимъ простымъ путемъ забрать въ плѣнъ шайку итальянскихъ изгнанниковъ и отвести ихъ съ торжествомъ въ Римъ, что̀ могло принести ему кардинальскую шапку.

Въ числѣ подчиненныхъ Семпроніо были люди подобные ему и далеко не столь совѣстливые, какъ шесть дуэлистовъ, особенно капитанъ Тортиліо, начальникъ отряда, хладнокровный карлистъ, который полагалъ, что легко было покончить дѣло, забравъ въ плѣнъ немногочисленныхъ мятежниковъ. Поэтому онъ и рѣшился послѣдовать за ними въ лѣсъ.

Наши друзья просили раненыхъ товарищей бѣжать въ чащу, а сами, защищаемые деревьями, долго выдерживали нападеніе. Но когда у нихъ вышли почти всѣ заряды, они были принуждены отступить передъ напоромъ солдатъ, понуждаемыхъ криками капитана, который также надѣялся за арестъ „мошенниковъ либераловъ“ получить большую награду отъ папскаго правительства. По счастью Ораціо имѣлъ при себѣ свой свистокъ и снова раздался въ воздухѣ его громкій свистъ. Почти въ туже минуту вблизи раздались шаги и на сцену явились товарищи Ораціо, часть Трехъ сотъ, собравшихся въ Цимійскомъ лѣсу послѣ описанныхъ въ Римѣ происшествій. Теперь они были всѣ въ сборѣ, ожидая возвращенія своихъ предводителей, которые отлучились на нѣсколько дней въ Витербо по важнымъ дѣламъ.

Но кто это во главѣ отряда, столь счастливо подоспѣвшаго на помощь нашимъ друзьямъ? Кто эти прелестные, граціозные предводители? Это Клелія и Ирена, наподобіе древнихъ амазонокъ, а между ними храбрый Джакъ, горѣвшій желаніемъ исполнить свой долгъ въ такой прекрасной компаніи.

При этой неожиданной помощи наши друзья не дали ни одного выстрѣла, но взявъ ружья на перевѣсъ бросились съ криками: „viva l'Italia!“ на чужестранныхъ наемниковъ, которыхъ мгновенно разсѣяли, какъ бушующій потокъ разсѣяваетъ листья и вѣтви, встрѣчающіеся на его пути. Солдаты, испуганные неожиданнымъ подкрѣпленіемъ врага и его бѣшенымъ натискомъ, обратили тылъ и бѣжали съ поля битвы, не смотря на всѣ угрозы и даже сабельные удары своихъ офицеровъ.

Капитанъ Тортиліо, не лишенный мужества, при атакѣ своего отряда былъ во главѣ его и теперь остался одинъ. Онъ былъ внѣ себя отъ отчаянія, но презиралъ бѣгство. Аттиліо первый подошелъ къ нему и требовалъ, чтобы онъ сдался.

— Нѣтъ! воскликнулъ Тортиліо:—я ни за что не сдамся.

Аттиліо, обернувъ плащемъ лѣвую руку, отвелъ занесенную на него саблю капитана и бросился на него съ кинжаломъ. Испанецъ былъ небольшаго роста, но чрезвычайно ловкій и увертливый; потому онъ успѣшно боролся съ Аттиліо впродолженіи нѣкотораго времени. Но наконецъ юный скульпторъ схватилъ его за плечи и приподнявъ на воздухъ отбросилъ далеко отъ себя. По счастію для Тортиліо, онъ упалъ на траву, а то никакое искуство эскулапа не могло бы исправить сломанныхъ ребръ.

Наши друзья преслѣдовали солдатъ только до конца поляны и, сдѣлавъ на прощанье нѣсколько выстрѣловъ, вернулись къ раненымъ товарищамъ и врагамъ. Первыхъ они отправили въ чащу лѣса, послѣднихъ въ Витербо, подъ прикрытіемъ плѣнныхъ; только капитанъ Тортиліо былъ оставленъ скорѣе заложникомъ, чѣмъ плѣнникомъ. Между тѣмъ всѣ обступили Клелію и Ирену, распространяясь въ похвалахъ ихъ мужеству и быстротѣ. Муціо почтительно поцѣловалъ ихъ прелестныя ручки и обратился къ нимъ съ торжественной рѣчью:

— Вамъ, храбрымъ и достойнымъ дщерямъ Рима, сказалъ онъ,— подобало представить такой блестящій примѣръ нашимъ товарищамъ, но особливо тѣмъ низкимъ трусамъ изъ сыновъ Италіи, которые по видимому ждутъ, чтобы манна свободы упала съ неба, ждутъ, чтобы иностранцы освободили ихъ родину. Они не стыдясь преклоняются передъ чужестраннымъ тираномъ, не стыдясь отрекают-

ся отъ Рима, естественной и законной столицы Италiи, назначенной парламентомъ и желаемой всей нацiей. Они не стыдятся оставлять ее въ рукахъ патеровъ, этого бича и позора всего человѣчества. Женщинамъ,—да, женщинамъ предстоитъ насъ освободить отъ этого позора, если мужчины боятся или неспособны на это.

На этомъ мѣстѣ своей пламенной рѣчи въ честь прекраснаго пола Муцiо вдругъ остановился. Его поразило неожиданное явленiе: на дорогѣ въ Витербо вдругъ показался новый образецъ восхваляемаго имъ пола, и эта прелестная женщина словно слетѣла съ облаковъ, какъ ангелъ небесный. Все его краснорѣчiе исчезло и онъ стоялъ недвижимъ какъ статуя, хотя самое это безмолвiе ясно показывало, что онъ узналъ въ этой женщинѣ обожаемую владычицу своего сердца, прелестную Джулiю.

Однако смущенiе Муцiо было почти никѣмъ не замѣчено, благодаря шумному изъявленiю радости со стороны Джака, который при видѣ своей госпожи кинулся къ ней сломя голову, бросивъ на землю ружье, чего бы онъ никогда не сдѣлалъ въ обыкновенную минуту. Бѣдный юноша! тысячи воспоминанiй о родныхъ, друзьяхъ и отечествѣ сосредоточивались для него въ лицѣ его любимой госпожи. Джулiя грацiозно пожала руку Джаку, а Клелiя и Сильвiя дружески обняли ее и послѣ первой минуты радости представили ей Ирену, съ которой Джулiя, узнавъ недавно ея исторiю, очень желала лично познакомиться.

Даже сподвижники Орацiо забыли на время военную дисциплину и окружили обворожительную дочь Альбiона, устремляя на нее взгляды, полные самаго искренняго восторга. Джулiя была женщина, и конечно сердце ея дрогнуло отъ счастiя и гордости при видѣ этого трогательнаго поклоненiя храбрыхъ, благородныхъ сыновъ Италiи.

XLIV.

СТАРЫЙ ДУБЪ.

Отвѣчавъ любезно на болѣе церемонныя привѣтствiя Орацiо и Аттилiо, Джулiя наконецъ обернулась къ своему Муцiо, который все это время стоялъ безмолвный и смущенный.

Муціо даже и въ то время когда онъ бѣгалъ нищій по улицамъ сохранялъ всегда нѣкотораго рода приличіе и достоинство, обязательныя, какъ онъ полагалъ, для человѣка его происхожденія: а теперь Джулія совершенно справедливо любовалась той перемѣнѣ, которая произошла въ немъ, благодаря его жизни въ лѣсу.

Дѣйствительно положеніе послѣдняго представителя знаменитаго рода Помпео измѣнилось къ лучшему въ послѣднее время. Сципіо, вѣрный и преданный слуга, добровольно взявшій на себя его воспитаніе, недавно умеръ , но передъ смертью написалъ письмо кардиналу С., дядѣ Муціо со стороны матери, и объяснилъ ему всю исторію своего бѣднаго господина, а также присоединилъ списокъ владѣній и имущества его рода. Кардиналъ, узнавъ въ чемъ дѣло, тотчасъ приказалъ своему стряпчему войдти въ сношеніе съ Муціо, снабжать его всѣмъ нужнымъ и постараться возвратить его въ лоно приличнаго общества. Кардиналъ кромѣ этого и самъ имѣлъ добрыя намѣренія относительно своего племянника и возъимѣлъ мысль прибавить ему часть своего собственнаго состоянія къ тѣмъ родовымъ владѣніямъ, которыя у него были отняты монахами и возвратить которыя кардиналъ считалъ теперь возможнымъ.

Эта неожиданная перемѣна въ судьбѣ Муціо случилась въ концѣ 1866 года, въ то время, когда итальянцы хотя и не совсѣмъ благородными средствами вступили во владѣніе своей родной землей и отдѣлались отъ чужестранныхъ друзей папства. Въ это время было очень кстати кардиналу С. сказать при случаѣ: „У меня есть племянникъ либералъ, и изъ самыхъ ярыхъ.“ Такой уже тогда дулъ вѣтеръ, что кардиналамъ было полезно поддерживать дружескія отношенія съ такими племянниками.

Джулія конечно смотрѣла съ удовольствіемъ на внѣшнее превращеніе Муціо, но она такъ любила его, какъ простаго лацарони, что почти сожалѣла граціозный плащъ транстеверскаго натурщика.

Муціо ничего не отвѣчалъ на милое привѣтствіе Джуліи, но поцѣловалъ ея руку съ глубокимъ чувствомъ обожанія, краснорѣчивѣе всякихъ словъ и понятнѣе всякихъ объясненій въ любви для сердца Джуліи.

Клелія и Ирена конечно также были счастливы очутиться снова въ обществѣ своихъ возлюбленныхъ. Счастье было написано на ихъ юныхъ лицахъ и, сказать правду, какъ не противно кровопролитіе всякому доброму сердцу, но часъ побѣды—славный часъ,—и я самъ, какъ многіе другіе, испыталъ это дикое блаженство. Въ такую минуту умъ вашъ не думаетъ объ умирающихъ и раненыхъ, устилающихъ поле сраженія. Мы не обращаемъ вниманія на стоны умирающихъ, на наше собственное изнеможеніе. Мы знаемъ и чувствуемъ только одно, что мы побѣдили, что наше дѣло восторжествовало, что мы обратили врага въ бѣгство. Эта гордая мысль вселяетъ радость въ сердца всѣхъ: всѣ веселы, всѣ счастливы, и каждый новый другъ, являющійся на поле сраженія, съ благодарностью протягиваетъ вамъ руку и вы ее жмете съ торжествомъ.

Братья убивали братьевъ! Да, увы!... Манцони правъ! Но сердце человѣка забываетъ эту горькую истину въ первую минуту торжества. О, когда народы станутъ братьями и замѣнятъ дикій восторгъ побѣдъ благородными радостями мира! Будемъ надѣяться, что это время настанетъ скоро!

Такъ надѣялись конечно наши друзья, отдыхая подъ развѣсистыми вѣтвями стараго дуба. Между ними сидѣли эти благородныя прелестныя женщины, которыхъ странная судьба привела на поле битвы. Какъ чудны, обворожительны онѣ были на этомъ мѣстѣ, еще такъ недавно обагренномъ кровію! Сіяя гордостію и любовію, онѣ распространяли вокругъ себя какой-то лучезарный свѣтъ счастія и восторга; отъ нихъ вѣяло нѣжной граціей женщины и мужествомъ героя, такъ что наши друзья готовы были снова ринуться въ бой, чтобы заслужить одобрительный взглядъ этихъ славныхъ глазъ.

Сильвія первая прервала общій потокъ привѣтствій и поздравленій.

— Но Манліо, гдѣ вы его оставили? спросила она у Джуліи.

— Манліо, отвѣчала англичанка:—онъ на островѣ у отшельника; я оставила его совершенно здороваго и обѣщала ему доставить свѣденія о васъ.

— А что говоритъ генералъ о римскихъ дѣлахъ? спросилъ Аттиліо.

— Онъ одобряетъ благородное поведеніе тѣхъ немногихъ римлянъ, которые постоянно безпокоятъ папское правительство и которые такимъ образомъ заявляютъ міру, что это гнусное правительство не можетъ быть терпимо въ нашемъ вѣкѣ, но въ тоже время онъ хвалитъ васъ за то терпѣніе, съ которымъ вы отсрочили доселѣ общее движеніе съ цѣлью не мѣшать дѣлу національнаго единства и отнять у чужестранцевъ предлогъ къ новому вмѣшательству. Однако онъ полагаетъ, что пока итальянское правительство будетъ по прежнему рабски ползать передъ французскимъ властелиномъ, въ угоду ему отказываться отъ Рима, какъ отъ столицы Италіи, и поддерживать нечестивое духовенство — вы должны быть всегда готовы рѣшить дѣло оружіемъ, и всякій гражданинъ Италіи, съ истинно итальянскимъ сердцемъ, долженъ быть готовъ подать вамъ руку помощи.

— Да, отвѣчалъ Муціо, который во время послѣднихъ словъ Джуліи повторялъ въ полголоса:—„терпѣніе, терпѣніе!“—да, терпѣніе хорошо, но излишнее терпѣніе—добродѣтель осла. Мы, римляне, всегда слишкомъ отличались и отличаемся нынѣ этой добродѣтелью. Недостойно, позорно выносить такъ, какъ мы выносимъ самое гнуснѣйшее изъ рабствъ, унижающее человѣка иго монаховъ.

— А далеко тотъ островъ, о которомъ вы говорите, спросила Сильвія, думавшая болѣе всего о своемъ Манліо:—не можемъ ли мы туда съѣздить на нѣсколько дней?

— Ничего нѣтъ легче, отвѣчала Джулія: — мы недалеко отъ границы: стоитъ только перейти ее, достигнуть Ливорно, гдѣ стоитъ „Чайка,“ и переѣхать на островъ, который отъ него очень близко. Но я вамъ еще не сказала, что капитанъ Томсонъ женился на нашей пріятельницѣ Ореліи и вѣнчанье произошло самымъ патріархальнымъ образомъ на этомъ уединенномъ островкѣ, гдѣ нѣтъ вовсе патеровъ.

— „Per la grazia de Dio!“ воскликнулъ Ораціо, неожиданно вскакивая и съ изумленіемъ смотря на лѣсъ:—Кто это такіе?

Дѣйствительно изъ лѣса выходили мужественный юноша и прелестная молодая дѣвушка, на лицѣ которой однако ясно виднѣлись слѣды горя и страданія. Наши друзья тотчасъ узнали въ нихъ Сильвіо и Камиллу.

*

Здѣсь мы должны сдѣлать маленькое отступленіе и разсказать читателямъ, что Сильвіо, послѣ рѣшенія либераловъ оставить на время предмѣстья Рима, пошелъ проститься съ несчастной Камиллой, которую онъ все же любилъ по прежнему. Въ домѣ Марцелло его привѣтствовали снова только Фидо и Марцелино, а Камиллу онъ нашелъ по прежнему на могилѣ ея отца.

— Милосердый Боже! думалъ Сильвіо, смотря на преклоненную молодую дѣвушку:—неужели преступленіе другаго человѣка можетъ повергнуть навѣки невинную душу въ отчаяніе и безуміе!

Онъ былъ такъ взволнованъ, что почти безсознательно воскликнулъ вслухъ:

— Милосердый Боже, молю Тебя, возврати ей разумъ, а мнѣ счастье моей жизни!

При этихъ словахъ Камилла неожиданно обернулась и бросила на него взглядъ, сначала дикаго испуга, а потомъ нѣжной, пламенной любви. Краснорѣчивая молитва ея возлюбленнаго ясно говорившая, что онъ сожалѣлъ и прощалъ ее, потрясли сокровеннѣйшіе фибры ея сердца и повинуясь могучему, инстинктивному влеченію души, она бросилась въ объятія Сильвіо. Долго оставались они прижавшись къ груди другъ друга; они ничего не говорили, ничего не объясняли, не клялись въ вѣрности: любовь была могучимъ исцѣлителемъ и краснорѣчивѣйшимъ ораторомъ. Слезы струились изъ чудныхъ глазъ Камиллы, но уже не слезы горя и стыда. Великое горе и тяжелый грѣхъ лишили ее разума, а теперь великая всепрощающая любовь возвратила ей этотъ погибшій разумъ.

XLV.

ЧЕСТЬ ЗНАМЕНИ.

Наши друзья встрѣтили съ удовольствіемъ прибывшихъ товарищей. Синьоры, знавшія о несчастіяхъ Камиллы, окружали ее самымъ нѣжнымъ вниманіемъ. Что-то торжественное проглядывало во всей ея фигурѣ; на лицѣ ея какъ бы витала тѣнь плачевнаго состоянія, въ которомъ она такъ долго находилась; ея чудесное исцѣле-

ніе, благодаря молитвѣ возлюбленнаго, осѣнило ея чело какимъ-то мистическимъ ореоломъ.

— Я былъ въ Витербо, сказалъ Сильвіо, обращаясь къ Oраціо послѣ первыхъ привѣтствій: и нашелъ весь городъ въ большомъ волненіи, но по какой причинѣ—я рѣшительно не могъ постигнуть. Граждане бѣгали по улицамъ, стараясь спрягаться отъ солдатъ. Послѣдніе же, подкрѣпленные сильнымъ отрядомъ, пришедшемъ изъ Рима, клялись стереть съ лица земли всѣхъ итальянцевъ, и для начала исполненія своего воинственнаго плана стали грабить и разносить кабаки, гдѣ многіе изъ нихъ доселѣ валяются мертвецки пьяны. Городскія власти хотѣли было возстановить порядокъ, но солдаты встрѣтили ихъ прикладами и обратили въ бѣгство. Теперь они отправились въ Римъ и вѣроятно не скоро возвратятся. Солдаты между тѣмъ кричатъ: „наше знамя обезчещено, надо кровью смыть это безчестіе.“ Эта фраза—„безчестіе знамени“ напоминаетъ мнѣ гнусное поведеніе сосѣдняго правительства, которое подло нарушивъ независимость нашего отечества и завладѣвъ обманомъ нашей главной гаванью, подступило къ Риму и претерпѣвъ пораженіе подняло крикъ: „измѣна! измѣна! наше знамя обезчещено!“

— Но, продолжалъ Сильвіо свой разсказъ:—пользуясь общимъ смятеніемъ въ городѣ, я навелъ нужныя мнѣ справки и спокойно отправился къ вамъ, хотя мнѣ въ этомъ едва не помѣшало одно странное обстоятельство: Проходя мимо трактира „Полной Луны“ я увидѣлъ нѣсколько офицеровъ, выходившихъ изъ кареты только что привезшей ихъ изъ Рима. Они не могли найти нигдѣ носильщиковъ для своихъ вещей и потому одинъ изъ нихъ грубо схватилъ меня за грудь и потащилъ къ экипажу восклицая:—„вотъ намъ молодецъ.“ По счастью, я уже прежде послалъ Камиллу впередъ и могъ раздѣлаться съ дерзкимъ офицеромъ на свободѣ. Первою моею мыслію было пустить въ ходъ кинжалъ, но удержавшись я вырвался изъ его рукъ и нанесъ ему въ лице такой сильный ударъ кулакомъ, что онъ полетѣлъ со всѣхъ ногъ подъ колесо экипажа. Я конечно не сталъ собирать лавры своей побѣды и быстро направился къ лѣсу, гдѣ вскорѣ и нагналъ Камиллу.

Всеобщій смѣхъ и крики: „браво Сильвіо!“ прервали на этомъ мѣстѣ его разсказъ.

— Однако, замѣтилъ онъ, когда смѣхъ утихъ:—мы не можемъ здѣсь долго оставаться; я увѣренъ, что завтра вся свора чужестранцевъ бросится вслѣдъ за вами.

— Въ этомъ лѣсу, сказалъ Орацiо:—мы могли бы удержаться противъ цѣлой папской армiи, еслибъ насъ не было такъ мало и намъ не предстояло бы охранять нашихъ дамъ.

— Охранять дамъ! восликнула Ирена съ иронiею: — вы скоро забыли, синьоръ Радомонте, что нѣкоторыя барыни охранили васъ сегодня отъ опасности.

Снова раздался общiй хохотъ, и мужественный предводитель лѣсной шайки смиренно преклонился передъ своей прелестной женой и покорно поцѣловалъ ея руку.

Между тѣмъ громадная тѣнь, бросаемая гигантами Цимiйскаго лѣса, предвѣщала заходъ солнца, которое, освѣщая небо пурпурнымъ заревомъ, медленно опускалось въ волны Тарентскаго моря. Замѣтивъ это, Клелiя отозвала въ сторону Джака, который, очарованный ея красотой и любезностью, сталъ ея преданнымъ слугой и которому она поручила надзоръ за провизiей.

— Ну, другъ мой, сказала она по англiйски:—эти романическiе герои, кажется, не думаютъ объ ужинѣ. Если ты не позаботишься о немъ, то намъ придется идти спать голодными.

— Слушаю, синьора, отвѣчалъ Джакъ, и бросился къ двумъ муламъ, съ которыхъ уже слуги снимали багажъ. Но друзья наши такъ умаялись отъ битвы и продолжительныхъ разговоровъ, что мы должны имъ позволить отдохнуть на свободѣ въ новой главѣ.

XLVI.

СЕЛЬСКIЙ УЖИНЪ.

Кто не предпочитаетъ цивилизацiю варварству и образованные обычаи жизни дикарей? Кто не предпочитаетъ хорошо построенный домъ, прохладный лѣтомъ, теплый зимой, снабженный всякимъ комфортомъ и роскошью, жизни подъ открытымъ небомъ во всякое время года въ стужу и непогоду?

Но когда мы вспомнимъ, что только немногiе имѣютъ монопо-

лію всѣхъ благъ цивилизаціи, а что жертвъ ея такое громадное количество, невольно спросишь себя: дѣйствительно ли приноситъ много пользы человѣчеству внѣшняя столь прославленная цивилизація? Видя все это, невольно спросишь себя: не лучше ли возвратиться намъ къ тому положенію, въ которомъ жили первые обитатели земнаго шара? Они, правда, не знали ни дворцевъ, ни роскошной одежды, ни дорогихъ кушаній и винъ, ни изящныхъ манеръ и утонченныхъ обычаевъ, но за то у нихъ не было полиціи, префектовъ, сборщиковъ податей и другихъ современныхъ нововведеній; они не были обязаны отдавать своихъ дѣтей въ жерту тиранамъ подъ предлогомъ спасенія отечества и поддержанія чести знамени.

Однако, какъ бы то ни было, скромный ужинъ въ лѣсу на мягкой, зеленой муравѣ, не помятой человѣческой ногой, передъ веселымъ пылающимъ огнемъ, посреди мужественныхъ товарищей и такихъ прелестныхъ красавицъ, какъ Джулія, Клелія и Ирена, представляетъ такую веселую сцену, какая немыслима цивилизаціи. *Per Dio!* дайте намъ такой ужинъ, хотя бы онъ состоялъ изъ однихъ фруктовъ и дичи, и мы откажемся отъ всякаго великосвѣтскаго празднества. Много разъ испытывали мы всю сладость такой простой трапезы.

Но ужинъ нашихъ друзей былъ далеко не скромный; Гаспаро отрядили вмѣстѣ съ Джакомъ для покупки провизіи и приготовленія ужина. Вскорѣ они возвратились и уставили на зеленой муравѣ цѣлый рядъ самыхъ вкусныхъ кушаній и нѣсколько бутылокъ Монтепульціано и Орвіето. Все это, благодаря апетиту нашихъ друзей, стало исчезать съ необыкновенной быстротой.

Джулія была чрезвычайно весела, она впервые участвовала въ такомъ сельскомъ пиру и главное въ обществѣ тѣхъ, которыхъ она считала идеалами всего прекраснаго и благороднаго. Подлѣ нея былъ ея Муціо, одѣтый на время въ простую одежду римскаго натурщика, но уже признанный за наслѣдника одного изъ древнѣйшихъ, знаменитѣйшихъ родовъ Италіи, и быть можетъ наслѣдника одного изъ значительнѣйшихъ состояній въ Римѣ. Та притягательная сила, которая влечетъ желѣзо къ магниту и одну человѣческую душу къ другой, заставляла Муціо не покидать ни на шагъ

любимой женщины, слѣдить за каждымъ ея движеніемъ и съ гордой покорностью предупреждать всѣ ея желанія. И все время онъ смиренно устремлялъ на нее тотъ взглядъ, который воспроизвесть напрасно старается искуство, взглядъ доступный и понятный лишь тѣмъ, которые любятъ истинной и совершенной любовью.

Джулію также очень забавлялъ разговоръ Клеліи и Ирены на ломаномъ англо-итальянскомъ языкѣ. Онѣ заставили юнаго моряка разсказывать имъ его приключенія на морѣ во время его долгихъ путешествій въ Индію и Китай, такъ какъ онъ былъ на кораблѣ съ семилѣтняго возраста. Его описанія китайцевъ, которые сидятъ дома за женскими рукодѣльями, тогда какъ ихъ жены съ дѣтьми въ корзинкахъ, привязанныхъ на спинѣ, пашутъ и орутъ въ полѣ, возбуждали веселый хохотъ его прелестныхъ слушательницъ.

— Мое отечество въ большой мѣрѣ одолжено своей славой мореплаванію, сказала Джулія, когда Джакъ истощилъ запасъ своихъ разсказовъ: — англичане цѣнятъ и уважаютъ своихъ моряковъ. У насъ вездѣ, гдѣ лишь есть не только морской берегъ, но даже рѣка или озеро, мальчишки постоянно учатся грести и управлять лодками, встрѣчая такимъ образомъ на всякомъ шагу опасности. Вотъ почему у насъ столько искусныхъ моряковъ, прославляющихъ имя Британіи на волнахъ океана. Я видала во Франціи и Италіи юношей, предназначенныхъ быть моряками; они проводятъ свою юность въ техническихъ школахъ и отправляются впервые на корабль пятнадцати или даже восемнадцати лѣтъ, и тогда естественно они много страдаютъ отъ морской болѣзни и навлекаютъ на себя презрѣніе матросовъ. Въ Англіи совершенно иначе: юноши, предназначенные для морской службы, поступаютъ на корабль одинадцати лѣтъ и часто дѣлаютъ длинныя экспедиціи, во время которыхъ практически изучаютъ морское дѣло. Вотъ почему Англія имѣетъ лучшихъ морскихъ офицеровъ въ свѣтѣ. Богатые англичане не копятъ деньги, чтобы ими любоваться, но часто покупаютъ на нихъ яхты и очень мало людей, живущихъ на берегу моря или рѣки, которые не держатъ какого бы то ни было судна или лодки для своего удовольствія и упражненія въ искуствѣ, которому ихъ отечество обязано своей славой и богатствомъ. Въ Ита-

лiи, я знаю, есть моряки, которые не уступятъ морякамъ никакой страны, но ваши офицеры никогда не выдержатъ сравненiя съ англiйскими. Ваши морскiе министры всегда были люди не способные и не умѣли усовершенствовать и поднять морское дѣло, которое еще можетъ сдѣлать Италiю важнѣйшей и богатѣйшей нацiей въ свѣтѣ.

То, что говорила Джулiя, было совершенно чуждо нашимъ друзьямъ, ибо римляне, очень естественно, ничего не знаютъ о морскомъ дѣлѣ. Римскiе патеры уже давно признали, что весло и сѣти Св. Петра слишкомъ тяжелы для ихъ изнѣженныхъ рукъ и предались веселью и роскоши, какъ легчайшему способу распространенiя славы Божiей.

Наступило минутное молчанiе и Джулiя потребовала, чтобы кто нибудь спѣлъ пѣсню или разсказалъ что нибудь.

— Гаспаро, предводитель разбойниковъ, сказалъ Орацiо: — конечно, можетъ разсказать намъ какой нибудь эпизодъ изъ его любопытной жизни, полной приключенiй.

Старикъ съ улыбкой поклонился и на минуту задумался, какъ бы припоминая главнѣйшiя событiя своей жизни.

— Я не могу разсказать, сказалъ онъ наконецъ: — о приключенiяхъ на морѣ, такъ какъ я мало бывалъ на водѣ; но на землѣ я видывалъ много странныхъ, ужасныхъ событiй. И если вамъ не наскучитъ, то выслушайте мой разсказъ, отъ котораго вы не разъ вздрогнете.

Всѣ въ одинъ голосъ выразили желанiе услышать разсказъ Гаспаро, и онъ покойно усѣвшись началъ свое повѣствованiе.

XLVII.

РАЗСКАЗЪ ГАСПАРО.

„Я родился въ маленькомъ городкѣ С., въ церковныхъ владѣнiяхъ, не далеко отъ неаполитанской границы. Родители мои были честные люди и служили пастухами у кардинала Б. Съ ранняго дѣтства меня посылали на поле пасти барановъ, коровъ и буйво-

ловъ; цѣлые дни я проводилъ на лошади и, пользуясь крѣпкимъ здоровьемъ, сдѣлался ловкимъ, смѣлымъ наѣздникомъ.

„До восемнадцати лѣтъ я оставался птенцомъ итальянской пустыни, не зная другой привязанности какъ любовь къ лошади, аркану и оружію. Благодаря послѣднему, я сдѣлался грознымъ врагомъ оленей и кабановъ въ римскихъ лѣсахъ. Я страстно любилъ охоту и цѣлыя ночи проводилъ въ засадѣ, поджидая оленя или кабана на болотахъ, гдѣ они такъ любятъ валяться въ грязи. Я зналъ мѣстности, гдѣ водятся лани, и часто возвращался домой съ однимъ изъ этихъ граціозныхъ животныхъ, переброшеннымъ черезъ сѣдло.

„Однажды, привязавъ лошадь къ дереву, я помѣстился въ засадѣ, поджидая оленя. Черезъ нѣсколько минутъ я услышалъ какіе-то шаги не въ далекѣ на узкой лѣсной дорогѣ, ведущей въ сосѣднее селеніе. Я сначала подумалъ, не звѣрь ли это какой, и приготовился стрѣлять при первой надобности. Но черезъ нѣсколько минутъ я сталъ различать человѣческіе голоса и скоро показался на дорогѣ молодой патеръ, котораго я часто видалъ въ селеніи, и рядомъ съ нимъ шла молодая дѣвушка по видимому не слишкомъ охотно.

„Я могъ совершенно хорошо разглядѣть ихъ обоихъ: патеръ былъ юноша лѣтъ двадцати, высокаго роста и хорошо сложенъ, такъ что ружье и остроконечная шляпа превратили бы его въ охотника или солдата. А молодая дѣвушка! О, простите меня, я не могу вспомнить безъ волненія ея прелестнаго лица, и при этихъ словахъ слезы навернулись на глазахъ старика:—молодая дѣвушка была просто ангелъ! Я удивляюсь, какъ они меня не увидали, ибо ея красота заставила меня невольно вскрикнуть и сердце мое забилось новымъ, еще невѣдомымъ чувствомъ.

„Патеръ по видимому ее оскорбилъ какимъ-то предложеніемъ, ибо она отворачивалась и хотѣла уйти отъ него; но онъ бросился къ ней, обхватилъ ее руками за талію и, поцѣловавъ въ щеку, промолвилъ что-то. Слова эти до меня не долетѣли, но молодая дѣвушка вспыхнула и съ презрительнымъ взглядомъ отскочила отъ патера, точно ужаленная змѣей. Онъ снова приблизился къ

ней и опять заговорилъ: тогда дѣвушка взвизгнула и бросилась бѣжать.

„Патеръ преслѣдовалъ ее и, нагнавъ, силой схватилъ ее за плечи, связалъ ей руки и повалилъ на землю. Право не понимаю, отчего я не убилъ его на мѣстѣ, но до той минуты мои руки ни разу еще не обагрялись человѣческой кровью и я потому колебался до этого послѣдняго доказательства гнусности его намѣренья. Тутъ я выскочилъ изъ засады и однимъ ударомъ приклада повалилъ его на землю; потомъ я поспѣшилъ на помощь молодой женщинѣ, которая упала въ обморокъ. Я поднялъ ее и перенесъ на рукахъ къ сосѣднему ручейку, гдѣ сталъ спрыскивать ея лице свѣжей водой; наконецъ она открыла свои чудные глаза и поблагодарила меня очаровательной улыбкой; потомъ она со страхомъ осмотрѣлась вокругъ и совершенно успокоилась, не видя своего преслѣдователя. Черезъ нѣсколько минутъ она встала и, выразивъ мнѣ благодарность за мое своевременное вмѣшательство, простилась со мною, говоря, что она достаточно оправилась, чтобъ дойти до селенія, но видя ея волненіе, я просилъ позволеніе ее проводить. Она согласилась и я, внѣ себя отъ радости, пошелъ рядомъ съ нею, храня почтительное молчаніе. Дойдя до селенія, она остановилась и, показывая на маленькій, но хорошенькій домикъ, сказала: — „Вотъ домъ моего отца и мнѣ нечего болѣе бояться. Еще разъ благодарствуйте и прощайте.“ Взявъ ея руку, я нѣжно поцѣловалъ ее. говоря, что надѣюсь скоро съ ней встрѣтиться при болѣе счастливыхъ обстоятельствахъ. Я былъ совершенно очарованъ ея красотой и чувствовалъ, что отнынѣ не могъ быть счастливъ вдали отъ нея.

„Я остановился и слѣдилъ за нею, пока она не вошла въ дверь дома и потомъ возвратился къ своей лошади, нетерпѣливо ржавшей, негодуя на мое долгое отсутствіе. На другой день черезъ знакомыхъ я узналъ имя той, которую спасъ отъ насилія и къ моему ужасу она оказалась племянницей патера. Ежедневно я находилъ предлогъ пройти черезъ селеніе, чтобъ хоть издали увидать Альбу, такъ звали мою возлюбленную; а два раза я былъ такъ счастливъ, что встрѣтилъ ее и успѣлъ сказать ей два слова.

Я не говорилъ ей о своей любви, но чувствовалъ, что она объ ней догадывается и сама начинаетъ меня любить.

„Патеръ внѣ себя отъ злобы при мысли, что я не только помѣшалъ его злодѣйскому плану, но что еще этотъ планъ сталъ извѣстенъ отцу молодой дѣвушки—рѣшился жестоко за это отомстить! Старикъ отецъ позвалъ его къ себѣ и осыпавъ упреками за его злодѣйство, грозилъ все обнародовать, если онъ не согласится уѣхать на долгое время до совершеннаго раскаянья въ своемъ преступномъ намѣреніи;—взбѣшенный патеръ бросился на старика и однимъ ударомъ попавшагося ему подъ руку молотка размозжилъ ему черепъ. Потомъ боясь послѣдствій, онъ вынесъ трупъ во дворъ и положилъ его на камни такъ, что сосѣди найдя на другое утро старика мертвымъ могли предположить, что онъ упалъ въ припадкѣ и разбилъ себѣ голову о камень.“

Что значитъ патеру преступленіе, если онъ только можетъ его скрыть, скажемъ мы отъ себя. Патеръ, о которомъ разсказывалъ Гаспаро, началъ съ того, что солгалъ, назвавъ себя служителемъ Бога и воспользовался невѣжествомъ своихъ сосѣдей, чтобы скрыть еще бо̀льшее преступленіе. Патеры всю свою жизнь играютъ двойную игру. Они вполнѣ сознаютъ, что они обманщики и лицемѣры, если только не дураки, и такимъ образомъ привыкнувъ съ дѣтства лгать, они кончаютъ тѣмъ, что не различаютъ добра отъ зла. Они живутъ въ роскоши, а увѣряютъ легковѣрную толпу, что отказываютъ себѣ во всемъ и терпятъ всевозможныя лишенія. Бѣдные патеры! Хорошо помню я одну картину, которую видѣлъ въ Америкѣ; съ одной стороны за роскошнымъ столомъ, уставленнымъ явствами и винами, сидѣлъ откормленный монахъ, а рядомъ съ нимъ здоровенная, красивая женщина, которую онъ сладострастно цѣловалъ; съ другой стороны на улицѣ стоялъ блѣдный, изнуренный ирландецъ съ женой и ребенкомъ въ лохмотьяхъ и не смотря на всю свою нищету опускалъ послѣдній грошъ въ ящикъ у двери монаха съ надписью: „Подайте милостыню бѣднымъ служителямъ Бога!“ Позорное кощунство! съ одной стороны роскошь, развратъ, лицемѣріе, ложь, съ другой—нищета, невѣжество, слѣпая вѣра.

„Однажды вечеромъ, продолжа̀лъ Гаспаро:—я сидѣлъ въ своей

хижинѣ, уставъ послѣ нѣсколькихъ часовъ охоты и думая, какъ всегда, объ Альбѣ и объ опасностяхъ, грозившихъ ей на каждомъ шагу. Вдругъ дверь съ шумомъ отворилась и Альба вбѣжавъ въ комнату съ крикомъ: „убили! убили!“ упала къ моимъ ногамъ.“

XLVIII.

ПРОДОЛЖЕНІЕ РАЗСКАЗА ГАСПАРО.

„Изъ словъ Альбы я узналъ о страшномъ убійствѣ ея отца. Я поднялъ ее осторожно съ полу и положилъ на свою кровать, ибо мои родители давно умерли и я жилъ одинъ. Теперь впервые я могъ вполнѣ насладиться сладостнымъ лицезрѣніемъ чудной красоты моей возлюбленной. Это зрѣлище почти вытѣснило изъ моего сердца ненависть къ низкому убійцѣ. Альба ни тогда, ни послѣ, не разсказала мнѣ о всемъ, что случилось въ эту страшную ночь, а я боясь возбудить въ ней горькія воспоминанія никогда не распрашивалъ ее, потому я ничего и не зналъ о ссорѣ и убійствѣ ея отца. Но патеръ, полагая что я знаю о его преступленіи и ревнуя меня къ Альбѣ, задумалъ съ чисто дьявольскою хитростью уничтожить меня помощью своею собственнаго преступленія. Хотя онъ не смѣлъ открыто меня обвинять, но далъ почувствовать своимъ друзьямъ, что настоящій убійца я, и предлагалъ нѣкоторымъ злодѣямъ все свое состояніе за мою голову.

„Вы можете еще до сихъ поръ видѣть остатки моей прежней ловкости и потому легко повѣрите, что въ юности я могъ справиться съ десятью патерами. Какъ я уже сказалъ, Альба пришла ко мнѣ разсказать о смерти отца, о клеветѣ патера и о той опасности, которая мнѣ грозила отъ нанятыхъ патеромъ убійцъ. Однако это не очень меня пугало, такъ какъ я всегда былъ на готовѣ и рѣдко выходилъ изъ дому безъ ружья, а вѣрная моя собака Левъ отличалась самымъ тонкимъ чутьемъ и слышала за сто шаговъ самый легкій шелестъ. Бѣдная собака! она пала жертвой своей любви ко мнѣ.“

Тутъ горестныя воспоминанія заставили старика остановиться, и только черезъ нѣсколько минутъ онъ снова продолжалъ свой разсказъ.

„Подкупленные дьяволы успѣли отравить бѣдную собаку во время одной изъ моихъ прогулокъ въ С. По дорогѣ изъ этого города въ мою хижину, надо было проходить по самой чащѣ лѣса и наемные убійцы раза два помѣщались въ засаду за деревьями, надѣясь напасть на меня въ расплохъ; но я всегда открывалъ ихъ намѣренія и они, испугавшись моего заряженнаго ружья, всякій разъ со срамомъ бѣжали. Наконецъ видя невозможность сладить со мною обманомъ, они объявили патеру, что отказываются отъ своего злодѣйства; но отецъ Джіакомо не хотѣлъ этого и слышать: возвысилъ имъ плату и послѣ роскошнаго ужина самъ повелъ ихъ въ лѣсъ для окончательнаго исполненія своихъ преступныхъ плановъ. Однажды вечеромъ онъ съ тремя разбойниками помѣстился близъ моего дома въ кустахъ, мимо которыхъ я долженъ былъ пройти.

„Моя бѣдная собака была убита и я па этотъ разъ, не смотря на всю мою осторожность, былъ взятъ въ расплохъ. Почти въ одно мгновеніе раздалось четыре выстрѣла и убійцы съ крикомъ: „убитъ,“ бросились на меня, полагая найти одинъ трупъ. Но по какому-то чуду я остался живъ. Всѣ четыре пули попали въ меня и три изъ нихъ слегка ранили; самая значительная рана была нанесена первой пулей, оторвавшей, какъ вы видите, кусокъ лѣваго уха; вторая ударилась въ кожанный ремень патронташа, третья пронзила мнѣ шляпу, а четвертая оконтузила мое правое плечо.

„Первый подошедшій ко мнѣ былъ патеръ, державшій въ лѣвой рукѣ ружье, а въ правой кинжалъ. Онъ былъ внѣ себя отъ ярости и ненависти, но мой выстрѣлъ былъ дѣйствительнѣе его и черезъ минуту онъ лежалъ въ крови у моихъ ногъ. Вторымъ выстрѣломъ я положилъ на мѣстѣ одного изъ разбойниковъ, а остальные два, видя своихъ товарищей мертвыми, искали спасенія въ бѣгствѣ. Эта была первая кровь, пролитая мною, и я съ сожалѣніемъ смотрѣлъ на распростертые передо мною трупы. Во всякой другой странѣ я могъ бы избѣгнуть судебной кары за убійство въ виду того, что я дѣйствовалъ въ само-оборону, ибо хотя я не имѣлъ свидѣтелей, но ненависть патера была такъ извѣстна, что мнѣ легко было бы доказать свою невинность. Однако тамъ, гдѣ управляютъ страной па-

теры, это было невозможно, и убившій одного изъ нихъ не могъ ожидать пощады; поэтому я считалъ лучшимъ бѣжать и скрыться въ лѣсахъ.

„Тутъ начинается исторія моего такъ называемаго разбойничества, но клянусь вамъ, что я не отправилъ на тотъ свѣтъ ни одного человѣка, который прежде не напалъ бы на меня. Много молодыхъ людей, гонимыхъ патерами, послѣдовали за мной, и я вскорѣ организовалъ столь могущественную шайку, что папское правительство обращалось со мной почти какъ съ равною властью. Настоящихъ убійцъ и грабителей по ремеслу я никогда не принималъ въ свою шайку, а несчастные всегда находили во мнѣ помощь. А если иногда нападалъ на правительство, то лишь для того, чтобъ напомнить ему о необходимости прекратить всѣ его жестокости и несправедливости.

„Такимъ образомъ прошло много лѣтъ и въ сущности я былъ скорѣе властителемъ римской земли, чѣмъ квиринальскій старикашка. Наконецъ хитрые патеры, видя, что со мною силою ничего не подѣлаешь—прибѣгли къ коварству. Знаменитый своею святостью мой родственникъ кардиналъ А. — да воздастъ ему за это Господь!—принялъ самое дѣятельное участіе въ этомъ дѣлѣ. Я былъ такъ глупъ, что повѣрилъ его обѣщаніямъ и это мнѣ стоило четырнадцати-лѣтняго заточенія въ папской тюрьмѣ. Но рано или поздно правосудіе Божіе отомститъ за меня презрѣннымъ злодѣямъ, которые по истинѣ позорятъ имя человѣка.

„Въ тюрьмѣ я не разъ слышалъ о тебѣ, Ораціо, и о твоемъ мужественномъ сопротивленіи Ватикану; увѣряю тебя, я пламенно молилъ небо дозволить мнѣ передъ смертью вступить въ твой отрядъ. Моя молитва услышана и я теперь желаю только одного: посвятить остальные дни своей жизни тому святому дѣлу, которое защищаешь ты и твои товарищи.“

Джулію очень заинтересовалъ разсказъ знаменитаго разбойника и она уже собиралась попросить Ораціо также разсказать о своихъ похожденіяхъ, когда, оглянувъ всѣхъ присутствующихъ, она замѣтила, что у нихъ слипались глаза, и потому, по позднему времени, отложила свое намѣреніе до другаго раза и стала съ любопытствомъ смотрѣть на приготовленія отряда ко сну.

Для дамъ было устроено раскошное ложе изъ зеленыхъ вѣтвей дуба, а покрываломъ для нихъ служили плащи ихъ возлюбленныхъ. Муціо предложилъ Джуліи свой плащъ, устремивъ на нее взглядъ самой пламенной любви, и улыбка неизъяснимаго блаженства озарила его лице, когда юная англичанка милостиво приняла его предложеніе. Между тѣмъ Ораціо разставилъ часовыхъ и приказалъ разбудить всѣхъ на разсвѣтѣ.

Такимъ образомъ тутъ подъ роскошными деревьями, на зеленой муравѣ заснули праведнымъ сномъ тѣ, на которыхъ въ то время сосредоточивались всѣ надежды истинныхъ римлянъ, ибо тогда Римъ послѣ осемнадцати - вѣковаго сна и позора начиналъ просыпаться и требовать почетное мѣсто на свѣтѣ для того града, который нѣкогда былъ его повелителемъ.

XLIX.

ПРЕСЛѢДОВАНІЕ.

Часто по волѣ Провидѣнія одинъ и тотъ же предметъ представляетъ контрастъ крайняго величія и крайняго униженія. Напримѣръ сравните шайку наемныхъ головорѣзовъ, называемую въ наше время римской арміей, съ тою римскою арміею, которая нѣкогда покорила весь міръ. Только монахи и патеры могли произвесть такое чудовищное, непостижимое превращеніе.

Пока наши друзья проводили время, какъ мы разсказали въ предыдущихъ главахъ, папскія войска прибыли въ Витербо и генералъ, командовавшій ими, собралъ военный совѣтъ въ городской ратушѣ. Между прочими офицерами находился на этомъ совѣтѣ одинъ храбрый воинъ, у котораго носъ въ родѣ дыни былъ весь покрытъ пластырями. Это былъ тотъ самый офицеръ, котораго Сильвіо бросилъ подъ экипажъ у дверей гостинницы. Красный не только отъ полученныхъ ранъ, но и отъ громаднаго количества вина, выпитаго съ горя, этотъ храбрый воинъ громко требовалъ немедленнаго нападенія на разбойниковъ. Однако генералъ полагалъ, что лучше дождаться слѣдующаго утра, ибо онъ не былъ увѣренъ, въ силахъ ли теперь солдаты, большею частью пьяные, взяться за

оружіе; послѣ непродолжительныхъ преній мнѣніе генерала было единогласно принято.

Такимъ образомъ только на разсвѣтѣ раздался звукъ рожка и защитники папскаго престола стали строиться въ боевой порядокъ. Но дѣла шли очень медленно; нѣкоторые устали отъ быстраго перехода изъ Рима въ Витербо, другіе еще не оправились отъ вчерашняго пьянства, такъ что солнце было высоко надъ Аппенинами, когда армія выступила въ походъ. Даже и тогда она не могла быстро подвигаться, такъ какъ вполнѣ зависѣла отъ туземныхъ проводниковъ, которые очень неохотно показывали путь врагамъ отечества по невѣдомому для нихъ лѣсу.

Напротивъ, наши друзья, зная отлично всю мѣстность и поднявшись ранехонько, уже къ разсвѣту были на вершинѣ горы, откуда издали могли замѣтить приближеніе непріятеля. Ораціо, который безъ малѣйшаго спора командовалъ надъ всѣмъ отрядомъ, расположилъ около ста человѣкъ подъ начальствомъ Муціо застрѣльщиками въ кустахъ по обѣимъ сторонамъ дороги, гдѣ долженъ былъ пройти непріятель; остальныхъ людей онъ выстроилъ въ сомкнутую колонну, готовую при первомъ сигналѣ идти въ атаку. Распорядившись такимъ образомъ, Ораціо позвалъ капитана Тортиліо и сталъ разспрашивать его о начальникахъ непріятельскаго войска, уже виднѣвшагося вдали.

— Командиръ авангарда, сказалъ Тортиліо, маіоръ Помпонъ, храбрый офицеръ, но ужасная скотина.

— Если я не ошибаюсь, замѣтилъ Сильвіо, смотрѣвшій въ телескопъ: это тотъ самый офицеръ, который требовалъ, чтобъ я несъ его вещи.

— А это кто верхомъ во главѣ главнаго отряда? спросилъ Ораціо.

— Дайте мнѣ телескопъ, отвѣчалъ Тортиліо, и взглянувъ въ указываемую ему сторону, воскликнулъ: Per Dio, это самъ главнокомандующій папской арміи; а вонъ скачетъ и его свита.

— А какъ его зовутъ?

— Графъ де-ла-Рошъ... де-ла-Рошъ Гарико. У французскихъ легитимистовъ, представителей феодальныхъ временъ, всегда имена

начинаются съ *де*, а намъ, говорящимъ на *языкѣ si*, очень трудно ихъ выговаривать.

— Такъ вы принадлежите къ народу, говорящему на *языкѣ si*, синьоръ испанецъ? спросилъ Орацiо немного рѣзко.

— Come no (почему нѣтъ)? воскликнулъ по испански капитанъ, и потомъ продолжалъ по итальянски: — Развѣ вы одни потомки древнихъ латиновъ и собственники всемiрнаго латинскаго языка? Знайте, что между языками итальянскимъ, испанскимъ и португальскимъ столько же общаго, сколько между лицами калабрiйца и андалузца, которые дѣйствительно походятъ другъ на друга какъ братья.

— Браво, капитанъ Тортилiо, воскликнулъ Аттилiо, который только что явился изъ своего отряда для полученiя приказанiй: — вы, я вижу, великiй ученый! Насъ же несчастныхъ римлянъ учатъ только цѣловать руки патерамъ и слушать мессы, такъ что мы совершенные невѣжи въ граматикѣ и всякомъ другомъ знанiи.

Между тѣмъ папская армiя приближалась и Орацiо, какъ опытный военноначальникъ, слѣдилъ за ея движенiями, ни мало не теряясь, но чувствуя то безпокойство, которое долженъ ощущать всякiй предводитель небольшаго отряда въ виду многочисленнаго непрiятеля.

Одно изъ главнѣйшихъ неудобствъ партизанскихъ отрядовъ — это необходимость въ случаѣ отступленiя бросать своихъ раненыхъ или оставлять ихъ на попеченiе испуганныхъ жителей, боящихся навлечь на себя гнѣвъ враговъ. Эти соображенiя и громадное неравенство между своимъ отрядомъ и непрiятельской армiей побудили Орацiо дать сигналъ къ отступленiю, и ловкiй охотникъ собралъ своихъ людей съ такимъ же хладнокровiемъ, какъ будто онъ дѣйствовалъ на охотѣ. Отдавъ свои приказанiя Аттилiо и прося его отступать не вдругъ, а по-колонно, Орацiо поспѣшилъ къ Муцiо, который готовился встрѣтить врага, теперь быстро на него наступавшаго. Помѣнявшись нѣсколькими словами съ начальникомъ своего аван-гарда, онъ взошелъ съ двумя адъютантами снова на вершину горы, откуда могъ видѣть все поле битвы.

Генералъ де-ла-Рошъ Гарико не былъ лишенъ нѣкоторой храбрости, достойной лучшаго дѣла, чѣмъ то, которое онъ защищалъ.

Онъ смѣло теперь атаковалъ неизвѣстную ему позицію либераловъ, самъ находясь въ центрѣ аванъ-гарда.

Здѣсь умѣстно замѣтить, что какъ въ аван-гардныхъ стычкахъ, такъ и въ генеральныхъ сраженіяхъ главнокомандующій долженъ всегда находиться въ мѣстѣ, откуда онъ могъ бы видѣть наибольшую часть поля сраженія, а обыкновенно это мѣсто бываетъ во главѣ перваго отряда, идущаго въ бой. Если же главнокомандующій помѣстится на нѣкоторомъ разстояніи отъ мѣста дѣйствія, то онъ подвергаетъ себя потерѣ времени, невѣрнымъ свѣденіямъ о ходѣ битвы и, что еще важнѣе, невозможности однимъ взглядомъ видѣть куда слѣдуетъ послать подкрѣпленіе, или въ какую минуту надо двинуть кавалерію, артилерію или пѣхоту для окончательнаго пораженія и преслѣдованія враговъ.

Однако, въ этомъ отношеніи ничего не было упущено главнокомандующими обѣихъ сторонъ. Вполнѣ полагаясь на свое численное превосходство, Гарико приказалъ своимъ войскамъ, не теряя ни минуты, идти въ атаку. Ораціо хотя и рѣшился на отступленіе, но не желалъ упустить удобнаго случая дать своему противнику полезный урокъ, который заставилъ бы его быть въ другой разъ осторожнѣе и не дозволилъ бы ему очень далеко преслѣдовать нашихъ друзей. Неровная мѣстность и густыя деревья дали возможность Муціо стянуть свой отрядъ въ удобную засаду. Тамъ онъ приказалъ молча ожидать врага, и только стрѣлять почти въ упоръ, а послѣ выстрѣловъ быстро ретироваться за линію другихъ отрядовъ. Это приказаніе было исполнено его храбрыми товарищами и первый ихъ залпъ усѣялъ землю убитыми и раненными врагами. Авангардъ папскихъ наемщиковъ былъ такъ смущенъ этой неожиданной встрѣчей, что поспѣшно отступилъ, и пока Гарико съ своимъ отрядомъ старался возстановить порядокъ и снова повести своихъ солдатъ въ атаку, итальянцы отступили медленно и безъ малѣйшаго безпорядка.

Кортесъ, высадившись на берега Мексики, сжегъ свои корабли; Марсальская Тысяча, выйдя на берегъ Сициліи, также бросила свои суда въ жертву непріятелю и отрѣзала себя всякій путь къ отступленію. Можно положительно сказать, что эти мужественные подвиги много послужили къ успѣху этихъ обѣихъ экспедицій. На-

противъ, близость границъ дружеской земли часто служила поводомъ къ быстрому разсѣянію итальянскихъ патріотическихъ отрядовъ. Мы сами видѣли много такихъ несчастныхъ примѣровъ въ Ломбардіи въ 1848 году, благодаря соблазнительной близости Швейцаріи, а также видѣли мы это и на римской территоріи, благодаря близости королевскихъ владѣній.

Такова была и судьба Трехъ-сотъ. Послѣ всѣхъ разсказанныхъ нами подвиговъ и приключеній, Ораціо счастливо совершилъ отступленіе съ Цимейской горы, но еще было необходимо отступить до итальянскихъ владѣній, и тутъ случилось съ его сподвижниками то, чего можно было ожидать, благодаря недостатку продовольствія и соблазнительности спасенія на нейтральную почву. Не смотря на то, что его отрядъ состоялъ изъ храбрыхъ людей, онъ разсѣялся, достигнувъ итальянскихъ границъ, какъ туманъ передъ лучемъ солнца. Тщетно предводители напоминали своимъ людямъ, что ихъ отечество все еще находилось подъ игомъ рабства и что слѣдовало приготовиться къ новому бою за свободу, никто ихъ не слушалъ и они остались почти одни. Восемь или десять героевъ, съ которыми мы всего ближе знакомы, вмѣстѣ съ Гаспаро и Джакомъ направились къ Ливорно, гдѣ они ожидали найти яхту Джуліи и свѣденія о покинутыхъ друзьяхъ.

Здѣсь мы на время съ ними разстанемся и уже снова встрѣтимся гораздо позже на новомъ театрѣ дѣйствія.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

СТРАНСТВІЕ.

Въ ту эпоху, когда снова начинается нашъ разсказъ, генералъ Гарибальди былъ на материкѣ, куда его призвали друзья. Онъ покинулъ свой утесистый островокъ для исполненія своего долга въ отношеніи Италіи, которой онъ уже давно посвятилъ всю свою жизнь. Онъ предпринялъ странствіе по Италіи, начиная съ Венеціи, съ цѣлью не только повліять на политическіе выборы, но посѣять сѣмена свободнаго духа и совѣсти, которыя одни могутъ возвратить Италіи ея древнее величіе и дозволить итальянскому народу сбросить съ себя тяготѣющія его оковы, отказаться совершенно отъ идолопоклоннической лживой церкви, называемой папской, и исповѣдовать истины настоящей, животворной вѣры. Съ католическими патерами немыслимо общечеловѣческое братство, такъ какъ паписты предаютъ гіенѣ огненной каждаго человѣка, отказывающагося вѣрить въ главенство папы. Точно также турецкій дервишъ проклинаетъ каждаго христіанина, и вы не можете спокойно ходить по улицамъ Константинополя или Алеппо, ибо жизнь ваша въ опасности отъ этихъ фанатиковъ. Однимъ словомъ, патеры и ханжи всѣ одинаковы на свѣтѣ, и величайшія, самыя кровавыя войны всегда были дѣломъ ихъ рукъ.

Возьмите, напримѣръ, крымскую войну, въ которой погибло 150,000 людей и потрачены были громадныя суммы денегъ. Начало распри заключалось въ вопросѣ, кто, католическій или гре-

ческій священникъ будетъ имѣть пріемство въ церкви, именуемой Гробомъ Господнимъ. Споръ этотъ дошелъ до императоровъ французскаго и русскаго и въ результатѣ была война. Англія же и Италія приняли участіе въ послѣдовавшей за тѣмъ страшной рѣзнѣ.

Англія въ настоящее время очень встревожена печальнымъ положеніемъ Ирландіи, главнымъ образомъ происходящимъ отъ патеровъ; и дай Богъ міру не видать кроваваго возстанія въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ въ тридцати трехъ миліонномъ народонаселеніи почти половина католики, большей частью ирландцы, которые подъ предводительствомъ своихъ епископовъ разъединяютъ страну и вѣчно ведутъ интриги, добиваясь политическаго преемства.

Въ Венеціи большая часть народа клялась послѣдовать за Гарибальди на смерть, но на другой же день та же толпа стекалась въ тѣ лавки, гдѣ продаютъ за деньги именемъ Бога индульгенціи и религіозныя побрякушки, гдѣ идолопоклонство подъ маской христіанства воздвигаетъ суетныхъ и лживыхъ идоловъ. Таковы венеціанцы и таковы вѣроятно они останутся пока будетъ существовать католическое суевѣріе и политическій развратъ.

Что касается до народнаго представительства, то великая масса итальянскаго народа совершенно лишена избирательнаго права. Изъ двадцати-пятимиліоннаго населенія не болѣе четырехъ съ половиной миліоновъ избирателей. Каждый изъ нихъ долженъ имѣть двадцать пять лѣтъ отъ роду и быть грамотнымъ. Относительно послѣдняго признается достаточнымъ подпись своего имени; но каждый избиратель долженъ еще платить прямыхъ налоговъ государству или провинціи сорокъ франковъ въ годъ; при этомъ муниципальные налоги не принимаются въ разсчетъ. Всѣ окончившіе курсъ въ университетахъ, члены ученыхъ обществъ, военные и гражданскіе чины, состоящіе на дѣйствительной службѣ или на половинномъ жалованьѣ, учителя, нотаріусы, стряпчіе, аптекаря, ветеринары, маклеры и всѣ лица, занимающія дома, содержащія магазинъ или фабрику — имѣютъ право голоса подъ тѣмъ условіемъ, чтобъ они платили ежегодную ренту двухъ сотъ франковъ въ общинахъ, имѣющихъ менѣе двухъ тысячъ пятисотъ жителей, трехъ сотъ франковъ въ общинахъ, считающихъ до десяти

тысячъ жителей, и четыреста франковъ въ общинахъ, народонаселеніе которыхъ превышаетъ десять тысячъ. При этомъ надо замѣтить, что власть правительства надъ избирателями громадна и достигается посредствомъ недостойнаго вліянія на людей, даже неслужащихъ, мѣстнаго синдика, назначаемаго и смѣняемаго по желанію правительства.

Этотъ чиновникъ подъ опасеніемъ лишиться своего мѣста обязанъ рекомендовать избирателямъ правительственныхъ кандидатовъ, и какъ ни плачевно финансовое положеніе страны, но весною 1867 года въ распоряженіе синдиковъ отпущены были миліоны франковъ для подкуповъ. Напримѣръ, если городъ нуждается въ вѣтви желѣзной дороги, то избраніе правительственнаго кандидата всегда служитъ лучшей гарантіей въ исполненіи народныхъ желаній въ этомъ отношеніи.

Весь сонмъ правительственныхъ чиновниковъ, въ томъ числѣ полиція энергично дѣйствуютъ въ пользу министерскаго кандидата. Учителя и другія лица, зависящія отъ правительства, лишаются своихъ мѣстъ въ случаѣ подачи голоса за неправительственнаго кандидата; рабочіе за тоже самое увольняются и теряютъ работу. Офиціальныя возванія открыто печатаются и въ нихъ просятъ народъ не подавать голоса въ пользу опозиціонныхъ кандидатовъ; даже были случаи, что въ день подачи голосовъ не выдавали бумаги тѣмъ изъ избирателей, которыхъ считали слишкомъ независимыми.

Поэтому, съ цѣлью уничтожить такое злоупотребленіе, генералъ Гарибальди, произнося рѣчь къ муниципалитету города Пальмы, сказалъ: — „Пускай новыя палаты поймутъ необходимость преобразовать администрацію, а если правительство возвратится къ злоупотребленіямъ, то горе ему.“

Мы не намѣрены слѣдовать за генераломъ изъ города въ городъ: вездѣ народъ принималъ его съ восторгомъ, рукоплескалъ его теоріи неподчиненія чужеземному владычеству и внутреннему униженію, а болѣе всего сочувствовалъ его рѣзкимъ обличеніямъ гнусности патеровъ и постыднаго соглашенія, существующаго между папствомъ и недостойными людьми, такъ дурно управляющими Италіей.

*

Очень естественно, патеры возстали противъ генерала и обвиняли его въ атеизмѣ. Это ложное и нелѣпое обвиненіе дало поводъ ему произнесть слѣдующія слова въ Падуѣ передъ двадцатитысячной толпой:

„Напрасно мои враги стараются представить меня атеистомъ. Я вѣрую въ Бога. Я исповѣдую вѣру христову, но не вѣру папъ. Я не признаю никакого посредника между Богомъ и человѣкомъ. Патеры стремятся стать этими посредниками лишь для того, чтобы обратить религію въ торговлю. Они враги истинной религіи, свободы и прогреса; они — основная причина нашего рабства и униженія; они, съ цѣлію совершенно поработить души итальянцевъ, призвали чужестранныя войска, чтобъ сковать ихъ тѣла. Чужестранцевъ мы изгнали, теперь надо изгнать призвавшихъ ихъ измѣнниковъ въ митрахъ и съ бритыми головами. Народъ долженъ научиться тому, что недостаточно свободы страны, но что они должны пользоваться всѣми правами и исполнять всѣ обязанности свободныхъ людей. Долгъ, долгъ и долгъ, вотъ въ чемъ дѣло! Нашъ народъ долженъ научиться исполнять свой долгъ относительно своей семьи, своей родины и всего человѣчества.“

Послѣ этого генералъ Гарибальди посѣтилъ Падуанскій университетъ и, снявъ шляпу передъ статуей Галилея, сказалъ:— Тотъ, кто, помня Галилея, его геній и жизнь, его пытку и мученическій вѣнецъ, кто, повторяю, помня все это, не презираетъ римское духовенство, тотъ не достоинъ называться человѣкомъ и итальянцемъ.“

Интересы торговли всегда занимали большое мѣсто въ сердцѣ Гарибальди и онъ обратился съ слѣдующею рѣчью къ представителямъ торговой палаты города Виченцы: „Будущность Италіи во многомъ зависитъ отъ васъ. Я надѣюсь, что наши войны съ чужестранцами приходятъ къ концу. Италія единая и независимая, вы можете ее сдѣлать благоденствующей. Нѣтъ ничего необходимаго для поддержанія человѣческаго рода, чего бы наша земля не могла бы произвести, а съ такими сырыми матерьялами чего нельзя обработать? Нашъ народъ питаетъ страсть къ иностраннымъ товарамъ, онъ любитъ носить чужія матеріи, пить чужое вино, но пускай онъ однажды убѣдится, что наши произведенія также

хорошi и онъ съ радостью откажется отъ чужихъ; тогда и иностранныя нацiи станутъ покупать наши товары съ такою алчностью, съ какою мы теперь покупаемъ ихъ произведенiя. Но всякаго рода прогресъ труденъ при владычествѣ патеровъ, а общечеловѣческое братство невозможно.“

II.

Память объ умершихъ.

При имени Италiи воспоминанiя автора настоящей книги уносятъ его въ далекое прошлое. Онъ думаетъ о тѣхъ горькихъ временахъ, когда только что освободившiйся Римъ былъ снова скованъ руками европейскаго деспотизма, испуганнаго возстанiемъ изъ мертвыхъ Повелительницы мiра и ужаснымъ урокомъ, даннымъ всему свѣту римской республикой. Увы! ея надеждамъ суждено было поблекнуть подъ ударами другой республики. Наполеонъ, тайный врагъ всякой свободы, обратилъ свое оружiе противъ римлянъ, послѣ того, что онъ совершилъ преступленiе lesa-nazione и предательски измѣнилъ довѣрчивому парижскому народу, безжалостно умерщвляя его на улицахъ безъ различiя пола и возраста.

Послѣ защиты Рима, Гарибальди, никогда не отчаяваясь въ судьбѣ Италiи, рѣшился выйдти въ открытое поле, не смотря на малочисленность своихъ сподвижниковъ. Но недостаточно горсти храбрыхъ людей для освобожденiя нацiи; что могутъ они сдѣлать противъ четырехъ армiй?

Правда, что нынѣ нацiональный духъ болѣе развитъ и горсть храбрыхъ юношей дошла до геройскихъ размѣровъ и до историческихъ дѣлъ; но въ тѣ несчастныя времена народъ безмолвно, въ какомъ-то отупѣнiи смотрѣлъ на уходившiе изъ Рима остатки его храбрыхъ защитниковъ. Насъ всѣ считали погибшими, и ни одинъ изъ этихъ трусовъ не присоединился къ намъ. Напротивъ, каждое утро наши ряды пустѣли отъ многочисленныхъ дезертеровъ, бросавшихъ свое оружiе и искавшихъ спасенiя въ бѣгствѣ. Это

оружіе нагружали на муловъ и въ фургоны, слѣдовавшіе за нашимъ отрядомъ, такъ что вскорѣ у насъ было болѣе муловъ и фургоновъ, чѣмъ людей, и мало по малу надежда воодушевить этотъ народъ трусовъ и рабовъ исчезла изъ сердецъ мужественныхъ защитниковъ святаго дѣла.

Въ Сан-Марино, видя, что не было никакой возможности бороться съ непріятелемъ, Гарибальди приказалъ распустить людей по домамъ. Выданный имъ приказъ содержалъ въ себѣ слѣдующія слова: „Возвратитесь въ ваши дома, но помните, что Италія не должна оставаться въ рабствѣ.“ Большая часть людей дѣйствительно удалилась во свояси, но нѣкоторые дезертиры папскаго и австрійскаго войскъ, зная, что въ случаѣ плѣна, ихъ разстрѣляютъ, предложили сопутствовать своему предводителю въ его послѣдней попыткѣ освободить Венецію.

Здѣсь начинается еще болѣе грустная и печальная исторія. Анита, неразлучная подруга Гарибальди, не хотѣла разстаться съ нимъ даже въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ. Тщетно онъ убѣждалъ ее остаться въ Сан-Марино; больная, изнуренная, беременная, она ничего не хотѣла слышать и только спрашивала, хочетъ ли онъ ее бросить?

Окруженные австрійскими войсками и преслѣдуемые папской полиціей, эти уцѣлѣвшіе остатки римской арміи съумѣли ночнымъ переходомъ опередить своихъ враговъ и прибыли въ часъ утра къ Чезенатико, занятому австрійскимъ гарнизономъ.

— Напасть на нихъ и обезоружить! воскликнулъ Гарибальди своимъ немногимъ сподвижникамъ, и изумленные, потерявшіеся австрійцы дозволили себя обезоружить безъ всякаго сопротивленія. Вслѣдъ за этимъ разбудили городскихъ властей и потребовали продовольствія и мелкихъ судовъ для отплытія волонтеровъ.

Нельзя отрицать, чтобъ счастье не улыбалось Гарибальди во многихъ его опасныхъ предпріятіяхъ; но тутъ начался для него рядъ неудачъ и горя.

Сѣверная туча набѣжала въ эту ночь надъ Адріатикомъ и, разразившись бурей, покрыла все море бушующими валами. Узкій выходъ изъ порта Чезенатико представлялъ одну клокочущую массу пѣны. Великихъ усилій стоило выйдти изъ гавани тринадца-

ти лодкамъ, нагруженнымъ народомъ; это имъ удалось только на разсвѣтѣ, и почти въ туже минуту въ городъ вошли австрійцы.

На судахъ подняты были паруса, и благодаря попутному вѣтру, на слѣдующее утро четверо изъ нихъ, въ томъ числѣ и лодка, на которой были Гарибальди и Анита съ двумя сыновьями, Чичеруакіо и Уго-Басси, пристали къ берегу въ Foci-del-Po. Умирающую Аниту вынесъ на рукахъ Гарибальди.

Между тѣмъ остальныя девять лодокъ сдались австрійскимъ войскамъ, которыя, завидѣвъ ихъ при лунномъ свѣтѣ, стали осыпать ядрами до тѣхъ поръ, что принудили ихъ къ сдачѣ.

Берегъ, къ которому пристали четыре спасшіяся лодки, былъ усѣянъ непріятельскими ведетами, отыскивавшими бѣглецовъ. Анита была спрятана въ полѣ пшеницы и лежала въ предсмертной агоніи на рукахъ своего мужа. Съ ними былъ только Леджіеро, храбрый маіоръ, уроженецъ острова Маддалены, сопровождавшій Гарибальди въ Южную Америку и снова возвратившійся съ нимъ въ Италію. Ползая по землѣ, онъ высматривалъ изъ-за колосьевъ непріятеля и вскорѣ увидѣлъ вблизи проклятыхъ бѣлыхъ псовъ, искавшихъ крови.

Чичеруакіо, Басси и девять другихъ товарищей, взявшіе по нашему совѣту другой путь, чтобъ успѣшнѣе избѣгнуть непріятеля, взяты были въ плѣнъ и какъ собаки разстрѣлены австрійцами. Прежде казни девяти героевъ австрійцы заставили силой девять поселянъ вырыть девять ямъ, въ которыя и уложилъ несчастныхъ роковой ружейный залпъ. Самый юный изъ нихъ, сынъ римскаго трибуна, тринадцатилѣтній мальчикъ остался однако въ живыхъ и только ударъ прикладомъ, размозжившій ему голову, покончилъ его юную жизнь. Басси и его братъ Чичеруакіо были также казнены въ Болоньѣ.

Чужестранцы и патеры торжествовали, проливая такимъ образомъ чистѣйшую, благороднѣйшую римскую кровь, и повелитель Рима, старикашка въ митрѣ, вступилъ на свой обагренный кровью престолъ, по трупамъ соотечественниковъ. Да живетъ въ памяти итальянцевъ эта дикая, хладнокровная рѣзня благороднѣйшихъ ея защитниковъ и да не дастъ она успокоиться ихъ совѣсти до той минуты, когда ихъ великолѣпная столица переста-

нетъ быть жертвой чужестранцевъ и низкихъ патеровъ, превращающихъ ее въ вертепъ всякаго нечестія!

Неся на рукахъ свою драгоцѣнную ношу, милую и преданную жену, Гарибальди грустно скитался съ своимъ товарищемъ Леджіеро по лагунамъ нижняго По, доколѣ онъ не закрылъ ея глазъ и не облилъ слезами отчаянья ея бездыханный трупъ. Предавъ ее землѣ, онъ продолжалъ свои скитанія по лѣсамъ и по горамъ, преслѣдуемый шагъ за шагомъ папскими и австрійскими солдатами.

Однако судьба сохранила его для новыхъ опасностей и страданій, но также и для нѣкотораго торжества. Тираны Италіи снова увидѣли его, гордо идущаго по ихъ слѣдамъ, по слѣдамъ, обагреннымъ слезами и кровью. Горе было имъ, что онъ избѣгъ ихъ преслѣдованія и дожилъ до того дня, когда они въ свою очередь искали спасенія въ бѣгствѣ и какъ подлые трусы оставили ему накрытые столы для роскошныхъ пировъ и великолѣпные дворцы, на дорогихъ коврахъ которыхъ отпечатлѣлись слѣды тяжелыхъ башмаковъ его Тысячи.

Однако, возвратимся къ нашему разсказу, къ той эпохѣ, когда Гарибальди прибылъ въ Венецію взглянуть на свободу, о которой онъ такъ давно вздыхалъ. Тогда лагуны, усѣянныя гондолами, привѣтствовали „*Красную рубашку*“, какъ залогъ національнаго искупленія, и грустныя воспоминанія прошедшаго стушевывались подъ блестящими лучами счастья и свободы царицы Адріатики.

III.

ШПІОНЪ ВЪ ВЕНЕЦІИ.

Ночь, часовъ одиннадцать; каналы Венеціи усѣяны гондолами, площадь Св. Марка илюминована и такъ полна народомъ, что почти не видно ни одного камня мостовой. Съ балкона палацо Цекини, на сѣверной сторонѣ Піацы, Гарибальди привѣтствуетъ народъ и освобожденный городъ (увы! древній оплотъ европейской цивилизаціи обязанъ своимъ освобожденіемъ куплѣ и продажѣ, со-

вершенной между европейскими дворами); и на это привѣтствіе несмѣтная толпа отвѣчала восторженными криками.

Пораженный открывавшимся передъ нимъ зрѣлищемъ, человѣкъ, столь пламенно любившій свой народъ, произнесъ съ горечью въ душѣ своей: „Пятно безчестія, налагаемое деспотизмомъ на человѣческое лице, ясно видно на этихъ людяхъ. Народъ, нѣкогда повелѣвавшій всѣмъ міромъ, униженъ и опозоренъ чужестранцами и патерами, которые обманомъ и суевѣріемъ превращаютъ добро во зло, золото въ грязь и благоденствующую націю въ націю нищихъ и кутейниковъ. Они торговали своимъ благороднымъ городомъ, именующемъ себя дочерью Рима, и оставили его обезчещеннымъ, полнымъ отчаянья. Горе, горе намъ!“

Но, какъ грустно ни дѣйствовала на него эта сцена, онъ все же окинулъ испытующимъ взглядомъ шумѣвшую у его ногъ толпу. Послѣ шестидесятилѣтней жизни, полной столькихъ событій, этотъ сынъ народа имѣлъ способность однимъ взглядомъ вѣрно оцѣнить многочисленную толпу, въ которой скрывались убійцы, воры и шпіоны, подкупленные патерами. Послѣднихъ въ особенности много было среди честнаго, благороднаго народа. Пока онъ смотрѣлъ такимъ образомъ на собравшіяся толпы, онъ вдругъ почувствовалъ, что его кто-то тронулъ за плечо и, обернувшись, увидѣлъ Аттиліо.

— Видите вы, спросилъ юный римлянинъ:—этого подлеца въ венеціанской шляпѣ между простыми добряками венеціанцами? онъ одѣтъ какъ они, но его легко отличить какъ ехидну отъ ящерицы и тарантула отъ муравья! Такія гадины показываются въ народѣ не даромъ; его прислали изъ Рима и, конечно, противъ насъ что нибудь замышляется не доброе. Это Ченчіо. Надо за нимъ слѣдить.

Наши читатели вѣроятно помнятъ, что Ченчіо былъ второстепенный агентъ кардинала Прокопіо, для котораго Джіани нанялъ комнату противъ мастерской Манліо. Послѣ насильственной смерти своихъ покровителей, онъ получилъ высшее назначеніе и сталъ главнымъ, тайнымъ агентомъ Его Преосвященства кардинала—перваго министра папы. Нѣкогда либералъ, потомъ измѣнникъ, Ченчіо извлекъ пользу изъ своего знакомства съ нѣкоторыми рим-

скими демократами и по этой причинѣ кардинальскій трибуналъ очень цѣнилъ его услуги.

Мы вскорѣ увидимъ, зачѣмъ Ченчіо былъ посланъ въ Венецію, а теперь заглянемъ во внутренность дворца Цекини, полнаго гостей, между которыми, среди блестящихъ венеціанскихъ красавицъ, занимали первое мѣсто наши три героини: Ирена, Джулія и Клелія.

Венеціанскіе юноши, привыкшіе къ обаятельной прелести дочерей царицы Адріатики, были однако поражены восхитительной красотой этихъ трехъ римлянокъ, потому что Джулія уже вышла замужъ за своего Муціо, и хотя не переставала быть преданною дщерью своей дорогой родины, но гордилась новымъ отечествомъ и называла себя римлянкой.

Ирена была немного старше своихъ подругъ, но сохранила еще всю свою свѣжесть; ея величественная осанка скрывала ея года и въ ней было столько истинно женственнаго, что она могла служить образцомъ художнику, желавшему воспроизвесть благородную римскую матрону временъ Корнеліи. Ея юныя, одинаково прелестныя подруги, не были еще измѣнены бракомъ до такой степени; всѣ же три онѣ служили такимъ украшеніемъ дворца, что венеціанскіе юноши не могли отвести отъ нихъ своихъ восторженныхъ взглядовъ. Подлѣ Клеліи стояли Манліо и нѣжная Сильвія. Изъ всѣхъ нашихъ знакомыхъ только не было на лицо синьоры Ореліи, но она кончила свои похожденія, выйдя замужъ за добраго капитана Томсона, къ которому она льнула, какъ плющъ къ дубу; и хотя море все еще ей было противно, благодаря претерпленной бури, но морскіе валы потеряли для нея половину своего ужаса съ той минуты, какъ британскій морской левъ всегда былъ готовъ ее защитить.

Ораціо и Муціо стояли въ углу комнаты, разговаривая о современныхъ событіяхъ, когда неожиданно подошелъ къ нимъ Аттиліо и сообщилъ о своемъ открытіи. Послѣ непродолжительнаго совѣщанія, они всѣ трое отправились на площадь Св. Марка.

Большаго труда имъ стоило протолкаться сквозь толпу и достигнуть до отыскиваемаго ими человѣка. Наконецъ имъ это удалось, и когда Гарибальди, вызванный народомъ на балконъ, про-

изнесъ новую рѣчь, то онъ увидѣлъ нашихъ юныхъ друзей уже окружавшихъ ложнаго венеціанца.

Желѣзная рука Ораціо тяжело опустилась на плечо тайнаго агента патеровъ, а Муціо, голосъ котораго онъ хорошо зналъ, тихо произнесъ, сверкая глазами: — „Ченчіо, пойдемъ съ нами.“ Кардинальскій наемникъ, измѣнившій либераламъ въ дѣлѣ при термахъ Каракаллы, вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ, поблѣднѣлъ какъ полотно и молча послѣдовалъ за Муціо, посреди другихъ двухъ римлянъ, безцеремонно толкавшихъ его впередъ.

IV.

ПРАВИТЕЛЬСТВО.

Размышляя о единствѣ Италіи, достигнутомъ съ такимъ трудомъ, и о правителяхъ, которые вели ее по этому тернистому пути, нельзя не преклониться передъ мудростью провидѣнія, дозволившаго ей соединиться въ одну націю. Часто размышляя о нашей прекрасной, великой, но несчастной родинѣ, мы ее представляли себѣ въ видѣ колесницы, влекомой соединенными усиліями всей благородной части народа, и предшествуемой звѣздою провидѣнія, сіяющей спасительнымъ маякомъ, тогда какъ нечестивый сонмъ правителей съ громадной свитой слѣдуетъ сзади и старается удержать государственную колесницу, даже рискуя ее уничтожить; но народъ, не смотря на всю помѣху, униженіе и разореніе, причиняемыя ему этой низкой измѣной, продолжаетъ смиренно идти впередъ, очищая отъ всякихъ преградъ свой путь къ искупленію, не отчаяваясь въ будущемъ возмездіи. Возмездіе! отъ кого вы, мои соотечественники, ждете возмездія? отъ професоровъ іезуитства и обмана, которые возвращены въ ваши города, на вашъ счетъ для поддержанія васъ въ невѣжествѣ и нищетѣ?

Одно изъ многочисленныхъ развращающихъ средствъ, къ которымъ сильные міра сего прибѣгаютъ въ католическихъ странахъ для обращенія народа въ рабовъ — „черная армія“ патеровъ. Католическіе короли, переставшіе сами въ нихъ вѣрить, употребляютъ ихъ для порабощенія народа и для

того, чтобъ держать его далеко отъ справедливости, свѣта и свободы подъ предлогомъ религіи. Вотъ какого возмездія ожидаешь ты, Popolo infelice! Возмездія—какъ смѣете его требовать, вы, ежедневно преклоняющіе колѣни предъ лживымъ, презрѣннымъ римскимъ духовенствомъ?

Между тѣмъ, однако, одинъ изъ агентовъ патеровъ идетъ, поникнувъ головой въ сопровожденіи Ораціо и Аттиліо, которымъ предшествуетъ Муціо для расчищенія дороги въ толпѣ и такимъ образомъ они всѣ четверо достигаютъ наконецъ трактира въ *Vicola dei Schiavoni.*

V.

СМЕРТНЫЙ ПРИГОВОРЪ.

„Пройдемъ быстро и на цыпочкахъ мимо массы разврата и нечестія, именуемаго папствомъ, говоритъ Гвераци, или, какъ онъ самъ выражается:

„*Passiamo presto, e sulla punta dei piedi, quel macchio di fimo e di sangue che si chiama Papato.*“

Папы, именующіе себя намѣстниками Христа на землѣ, умерщвляютъ людей ружьями Шаспо, играютъ роль палачей въ отношеніи своихъ политическихъ враговъ и учатъ міръ наукѣ пытокъ, инквизицій, autos-da-fé и убійствъ. Во время оно многія несчастныя націи страдали отъ этого. Напримѣръ, Испанія, недавно сбросившая съ себя иго Рима, впродолженіи долгихъ вѣковъ жестоко томилась подъ всевозможными пытками. Даже нынѣ служитель Христа въ Ватиканѣ утоляетъ свою кровавую месть различными путями, прибѣгая къ помощи кинжала, яда, разбойниковъ и тайныхъ убійцъ.

Уже давно въ римскомъ трибуналѣ былъ произнесенъ смертный приговоръ противъ князя Т., брата Ирены; и Ченчіо съ восемью головорѣзами былъ посланъ въ Венецію для приведенія въ исполненіе кроваваго приговора, пользуясь смятеніемъ въ городѣ по поводу прибытія Гарибальди. Онъ расположилъ своихъ восемь по-

мощниковъ въ ближайшей окрестности отеля Викторіи, по всѣмъ направленіямъ, по которымъ князь Т. могъ возвратиться домой. Четверымъ изъ нихъ было приказано нанять гондолу и ждать у лѣстницы съ тайнымъ повелѣніемъ отправить на тотъ свѣтъ гондольеровъ, для пресѣченія всякихъ слѣдовъ убійства.

Ченчіо взялся не за совершеніе самого убійства, а лишь за то, чтобы слѣдить за всѣми движеніями князя Т. По счастью для благороднаго римлянина, папскій шпіонъ потерялъ его слѣдъ и находился теперь въ когтяхъ не только трехъ нашихъ друзей, но и четвертаго еще болѣе для него грознаго врага, нашего стараго друга Гаспаро.

Послѣ описанныхъ въ предыдущихъ главахъ событій, Гаспаро отправился съ нашими друзьями на територію, не принадлежащую папѣ, и предложилъ свои услуги князю Т. въ качествѣ тѣлохранителя. Такимъ образомъ, онъ послѣдовалъ за нимъ въ Венецію и пока его господинъ находился въ блестящихъ залахъ палацо Цекини, онъ оставался на площади, любуясь великолѣпнымъ зрѣлищемъ. Увидавъ въ толпѣ трехъ римлянъ, которыхъ онъ любилъ какъ сыновей, онъ послѣдовалъ за ними и вскорѣ очутился въ трактирѣ на Vicola dei Schiavoni, куда наши друзья повлекли Ченчіо.

Легко себѣ представить весь ужасъ и смущеніе папскаго шпіона, окруженнаго людьми, которыхъ онъ такъ измѣннически предалъ. Они повели его въ отдаленную комнату верхняго этажа и приказали слугѣ принести имъ вина и потомъ оставить наединѣ, такъ какъ имъ нужно было переговорить о важныхъ дѣлахъ. Когда слуга исполнилъ ихъ приказаніе и вышелъ изъ комнаты, они заперли дверь и приказали Ченчіо сѣсть къ стѣнѣ, сами же помѣстились на противуположномъ концѣ стола и, облокотясь на него, устремили на шпіона пристальный взглядъ, отъ котораго онъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ.

При всякихъ другихъ обстоятельствахъ, этотъ низкій человѣкъ своимъ страхомъ и трепетомъ возбудилъ бы во всякомъ сожалѣніе и ему, быть можетъ, простили бы его измѣну. Но теперь наши друзья смотрѣли на него холодно, непреклонно, безчувственно; въ продолженіи нѣкотораго времени они довольствовались безмолвными

взглядами, которые выводили его изъ себя отъ ужаса и отчаянья; съ открытымъ ртомъ и вылупленными отъ страха глазами онъ старался что-то произнесть, но слышались только невнятныя слова:

— Синьоры.... я.... право.... не....

Хладнокровіе четырехъ римлянъ было дикое, варварское, но его легко объяснить давно накипѣвшей злобой и ненавистью; всякій, видѣвшій эту сцену, невольно вспомнилъ бы басню о мыши, которую собака-мышеловка преслѣдуетъ своимъ пристальнымъ взглядомъ до тѣхъ поръ, какъ вдругъ бросившись разомъ уничтожаетъ. Всякій живописецъ въ этой безмолвной сценѣ нашелъ бы великолѣпный предметъ для поразительной картины, глубоко засѣвшей въ душу злобы и подлаго страха.

Мы уже описывали фигуры трехъ нашихъ друзей, истинные типы древнихъ римлянъ съ художественными великолѣпными формами. Гаспаро былъ еще типичнѣе; его лице послужило бы французскому фотографу отличной моделью для итальянскаго разбойника и этотъ портретъ былъ бы болѣе схожъ, чѣмъ портреты всѣхъ европейскихъ государей. Дѣйствительно, не смотря на его старость, онъ былъ великолѣпнымъ типомъ разбойника, но разбойника благороднаго, одного изъ тѣхъ, которые питаютъ смертельную ненависть къ низкимъ головорѣзамъ и никогда не пятнаютъ свое честное имя подлымъ или корыстнымъ дѣломъ, какъ наемники патеровъ, совершающіе такія дѣла, отъ которыхъ даже сердце пантеры содрогнулось бы отъ ужаса.

Даже преемникъ Джіани былъ очень у мѣста въ этой quadro carratteristico, ибо конечно нельзя найти фигуры, которая бы лучше его выражала паническій страхъ во всей его отвратительной наготѣ. Прижавшись къ стѣнѣ, онъ охотно сдвинулъ бы ее съ мѣста или пробилъ бы себѣ сквозь нее дорогу, еслибъ только имѣлъ на это силу, такъ невыносимо было для него зрѣлище этихъ четырехъ безмолвно, безчувственно смотрѣвшихъ на него людей, которые, очевидно, замышляли его погубить, а быть можетъ и предать злой смерти.

Громкій и торжественный голосъ Муціо, какъ мы уже видѣли, главы римской contropolizia, первый нарушилъ тяжелое молчаніе.

— Ну, Ченчіо, сказалъ онъ:—я разскажу тебѣ исторію, кото-

рую ты можетъ быть, какъ римлянинъ, уже знаешь, но во всякомъ случаѣ долженъ выслушать. Однажды наши предки, которымъ надоѣлъ первый царь римскій, между прочими своими подвигами убившій брата Рема за то, что онъ перепрыгнулъ черезъ стѣны, окружавшія Римъ, рѣшили отдѣлиться отъ него, какъ слишкомъ непріятнаго деспота. Detto-fatto! (сказано-сдѣлано). Они бросились на него съ кинжалами, и Ромулъ, не смотря на отчаянное сопротивленіе, палъ подъ ихъ ударами. Но когда дѣло было покончено, то надо было сочинить какой нибудь уважительный предлогъ для исчезновенія царя, котораго римскій народъ любилъ за его воинскія доблести. Послѣ продолжительныхъ разсужденій, они приняли совѣтъ одного стараго сенатора, который сказалъ: „Мы объявимъ народу, что Марсъ, отецъ Ромула, снизошелъ съ небесъ, осыпалъ насъ упреками за то, что мы слишкомъ грабимъ ближнихъ, и, не желая видѣть въ главѣ насъ своего сына, унесъ его на небо.“ — Нѣкоторые сенаторы на это спросили: „Но что же дѣлать съ его тѣломъ?“ — Нѣтъ ничего легче, отвѣчалъ старикъ и, вынувъ кинжалъ, началъ рѣзать трупъ Ромула на куски. Когда этотъ трудъ былъ оконченъ, то онъ продолжалъ: „Возьмите каждый по куску подъ плащъ, ступайте къ Тибру и бросьте его въ воду. Теперь вечеръ, а къ завтрашнему утру морскія чудовища совершатъ достойное погребеніе основателю Рима.

— Ну, Ченчіо, продолжалъ Муціо: — какъ ты думаешь, не была ли бы подобная смерть очень почетна для тебя, ни царя Рима, ни сына боговъ, а лишь презрѣннаго измѣнника?

— Ради Бога! воскликнулъ шпіонъ, дрожа какъ осенній листъ: — я сдѣлаю все, что вы прикажете, но заклинаю васъ, вашей любовью къ друзьямъ, женамъ и матерямъ, не предавайте меня жестокой смерти!

— Ты смѣешь толковать о жестокой смерти, произнесъ Муціо: — да развѣ есть смерть достаточно жестокая для шпіона, для измѣнника? Или ты забылъ, презрѣнная тварь, какъ ты предалъ патерамъ римскихъ юношей въ термахъ Каракаллы и что они, благодаря твоему злодѣйству, едва спаслись отъ вѣрной смерти?

Слезы текли у труса, какъ у напуганнаго ребенка, а Муціо продолжалъ:

— Зачѣмъ ты прибылъ въ Венецію? Кто тебя прислалъ сюда, собака, и зачѣмъ?

— Я все скажу, отвѣчалъ несчастный.

— Конечно, говори все, а не то мы пощупаемъ кинжалами, не скрылъ ли ты чего въ своей поганой, измѣннической башкѣ.

— Я скажу все, все! восклицалъ Ченчіо, какъ бѣшенный, но страхъ до того имъ овладѣлъ, что онъ или забылъ все, или не зналъ съ чего начать.

— Ты вѣрно отвѣчаешь быстрѣе святымъ отцамъ, подлецъ! произнесъ Гаспаро.

— Начинай! воскликнулъ Ораціо, и Аттиліо, до тѣхъ поръ не произнесшій ни слова, также громко закричалъ: „Начинай“!

Наступила минута гробоваго молчанія, послѣ чего Ченчіо произнесъ:

— Если жизнь князя Т. вамъ дорога...

— Князя Т., брата Ирены! воскликнулъ Ораціо, бросаясь къ измѣннику и схватывая его за горло.

Еслибъ Ченчіо находился въ когтяхъ тигра, то онъ не чувствовалъ бы себя столь безпомощнымъ и погибшимъ, какъ въ тяжелыхъ рукахъ „князя Римской кампаніи.“

— Братъ, произнесъ Аттиліо нѣжно: — дай ему говорить, если ты его задушишь, то мы ничего не узнаемъ.

Это замѣчаніе главы Трехъ Сотъ показалось Ораціо благоразумнымъ и онъ выпустилъ Ченчіо изъ своихъ желѣзныхъ рукъ.

— Если жизнь князя Т. вамъ дорога, снова продолжалъ измѣнникъ, то пойдемте всѣ вмѣстѣ искать его и предупредимъ, что восемь папскихъ агентовъ снуютъ вокругъ Отеля „Викторія,“ гдѣ онъ живетъ, съ цѣлью его зарѣзать.

VI.

СМЕРТЪ ПАТЕРАМЪ.

— Смертъ патерамъ! кричалъ народъ.

— Смерть никому! кричалъ Гарибальди въ отвѣтъ на этотъ крикъ.

„Смерть никому! и однако нѣтъ никого достойнѣе смерти, какъ эта низкая шайка, которая изъ личныхъ цѣлей, подъ предлогомъ религіи, превратила Италію въ страну мертвыхъ, въ могилу всесвѣтнаго величія! Бекаріа, твои слова истинны и справедливы! проливать кровь грѣхъ, преступленіе. Но если Италія когда нибудь освободится отъ тирановъ, угнетающихъ ея душу и ея тѣло, то врядъ ли это совершится безъ уничтоженія мечемъ всего нечестиваго древа до послѣдней его вѣтви.“

Такъ думалъ защитникъ народныхъ правъ, сдерживая кровожадные порывы народа. Между тѣмъ толпа, не слыхавшая словъ Гарибальди, а только крикъ: „Смерть!“ повторяемый какъ эхо тысячами разъяренныхъ голосовъ, толпа, стоявшая далеко отъ балкона Гарибальди и близъ дворца патріарха, бросилась на послѣдній, уничтожая всѣ преграды на пути, какъ бѣшеный потокъ, стремящійся съ высокой горы. Черезъ нѣсколько минутъ всѣ залы этого великолѣпнаго зданія были полны народомъ и изъ оконъ полетѣли на всѣ стороны религіозные идолы, которыми патеры не краснѣя обманываютъ народъ.

Многіе артисты и поклонники прекраснаго конечно воскликнули бы при видѣ этого уничтоженія предметовъ искуства: „О, ужасъ! о скандалъ! о, святотатство!“ И дѣйствительно тутъ много было поломано изящныхъ, художественныхъ произведеній.

Между хитрыми, лукавыми дѣйствіями патеровъ, благодаря ихъ богатству, пріобрѣтенному глупостями вѣрующихъ, всегда занимало видное мѣсто покровительство знаменитымъ художникамъ, которые воспроизводили имъ всѣ ихъ легенды. Поэтому Микель Анджело и Рафаели всѣхъ періодовъ получили отъ нихъ роскошное содержаніе, и народъ, который быть можетъ въ концѣ концевъ убѣдился бы въ нелѣпости своей вѣры и въ обманахъ римскаго духовенства, продолжалъ уважать идоловъ по итальянскому инстинкту, потому только, что они были образцовыя художественныя произведенія. Но не первое ли произведеніе народа свобода и національное достоинство? И всѣ эти чудеса искуства, не смотря на всю свою красоту, если они только поддерживаютъ какими-то злыми чарами наше рабство и униженіе, то не вполнѣ ли они заслуживаютъ изгнанія въ мглу кромѣшную?

Однако, были ли эти предметы драгоцѣнные или безполезные, но въ описываемую нами ночь народъ выбрасывалъ все безъ разбору изъ оконъ на мостовую. А патріархъ? Горе было бы ему, еслибъ онъ попалъ въ руки обезумѣвшей отъ злобы толпы.

Но эти преемники апостоловъ дорожатъ своей священной шкурой. Они быть можетъ и бойцы вѣры, но не мученики. О мученичествѣ краснощекіе прелаты и слышать не хотятъ. Поэтому его преосвященство при первой вѣсти о народномъ волненіи исчезъ и, потаеннымъ ходомъ достигнувъ своей гондолы, искалъ спасенія въ бѣгствѣ.

Между тѣмъ крикъ Гарибальди: „Morte a nessuno“ былъ подхваченъ народомъ и достигъ до толпы, грабившей дворецъ патріарха. Этотъ голосъ, всегда уважаемый народомъ, слѣпо ему вѣровавшимъ, успокоилъ разъяренную толпу и черезъ нѣсколько минутъ тишина и порядокъ были снова водворены въ Венеціи.

VII.

КНЯЗЬ Т.

Въ тѣ постыдныя времена, когда существовало право „coscia,“ князьямъ не нужно было ухаживать за молодыми дѣвушками или жениться на нихъ. Нынѣ дѣла приняли нѣсколько другой оборотъ. Хотя существуютъ еще князья, столь же гордящіеся своимъ происхожденіемъ, какъ ихъ предки, но многіе изъ нихъ принуждены ограничивать свои притязанія въ сердечныхъ дѣлахъ и смиренно вымаливать милости плебейскихъ богинь.

Такъ думалъ бѣдный князь Т., стоя на лѣстницѣ палацо Цекини и восхищаясь толпою прелестныхъ красавицъ. Въ залахъ, переполненныхъ посѣтителями, было трудно разсмотрѣть лица, а особливо фигуры дамъ; избранная же римскимъ княземъ позиція на лѣстницѣ, какъ нельзя болѣе была удобна въ этомъ отношеніи. Погруженный въ такое пріятное созерцаніе, онъ неожиданно увидалъ въ толпѣ, какъ бы приведенное туда судьбою одно изъ тѣхъ созданій, которое, увидавъ однажды, никогда не забываешь. Золотисто каштановые волоса и такіе же темные глаза украша-

ли лице, которое могло служить Тиціану образцомъ красоты—однимъ словомъ, онъ увидалъ типъ венеціанскаго идеала.

До этой минуты князь Т. стоялъ неподвижно въ толпѣ, кишившей вокругъ него, но взглядъ этихъ чудныхъ глазъ, которые, казалось, ни на комъ и ни на чемъ не останавливались, такъ глубоко поразилъ его сердце, что онъ бросился за незнакомкой, легкая фигура которой словно порхала, не касаясь земли. Но не смотря на всѣ его усилія пробиться сквозь толпу, прелестная и граціозная дѣвушка, быть можетъ болѣе его привыкшая къ венеціанской толпѣ, уже сидѣла въ гондолѣ и приказала отчалить, когда князь достигнулъ берега канала.

Что было ему дѣлать? Броситься въ воду и, схвативъ за корму гондолу, умолять, какъ безумный, милостей красавицы? Эта мысль первая вошла ему въ голову, но выкупаться въ лагунахъ въ мартѣ мѣсяцѣ не было шуткой и къ тому же показаться впервые предмету своей страсти въ такомъ смѣшномъ видѣ было неблагоразумно и недостойно человѣка знатнаго происхожденія, поэтому онъ рѣшился взять другую гондолу и слѣдовать за незнакомкой.

— Греби дружнѣе! воскликнулъ онъ, обращаясь къ гондольеру:—если ты догонишь ту черную гондолу, то получишь хорошую награду.

Гондольеръ крикнулъ: „avanti“ своему товарищу на носу и, засучивъ рукава своей красной рубашки (красныя рубашки были тогда въ модѣ между венеціанскими гондольерами въ честь ихъ дорогаго гостя), онъ взялся за весло съ той силой и граціей, съ которыми не можетъ поспорить ни одинъ лодочникъ въ свѣтѣ.

— Впередъ, впередъ! gondola mia! думалъ князь Т. Впередъ и догони утлый челнъ, уносящій мою жизнь. Отчего дѣйствительно этой прелестной дѣвушкѣ не быть моей жизнью, тѣмъ идеаломъ адріатической красоты, о которомъ я мечталъ тысячу разъ, когда Венеція была еще подъ игомъ рабства, какъ мой бѣдный Римъ донынѣ? Однако, я видѣлъ ее только на одно мгновеніе. Неужели этотъ лучезарный взглядъ, побѣдившій меня и сдѣлавшій ея рабомъ, на вѣки блеснулъ лишь для того, чтобъ исчезнуть? Но если я былъ очарованъ ею, то не также ли очаровываетъ она всѣхъ окружаю-

щихъ ее? Ah! Dio! Неужели это наконецъ любовь? Та ли это мимолетная страсть, которой наслаждаются люди, вкушая сомнительные плоды, тотчасъ ихъ бросая? Или эта то сердечная любовь, которая приближаетъ человѣка къ Богу и превращаетъ всѣ горести жизни, всѣ опасности, самую смерть въ неизъяснимое блаженство? Да, это истинная любовь. И смѣйте вы, всѣ тираны міра сего, со всѣми вашими арміями приблизиться къ складкѣ платья моей богини — и мой мечъ заставитъ васъ раскаяться.

— Впередъ! впередъ! воскликнулъ князь, прерывая свои мечты: — греби шибче, гондольеръ, если тебѣ мало одного золотаго, ты получишь десять, впередъ!

— Но если она плебейка? продолжалъ онъ мечтать: — такъ чтожъ. Именемъ Бога спрашиваю, что такое плебей? Богъ, создавая человѣка, развѣ создалъ патриція и плебея? Не отъ тирановъ ли и деспотовъ происходитъ та власть, которой боятся дураки? А если это прелестное созданіе погибшее, безъименное? О, святотатецъ, не богохульствуй, не оскверняй своей любви! Какъ могла бы преступная женщина сіять такой чистой, небесной красотой!

Анита была дѣйствительно плебейка. Ея жилище это достаточно доказывало. Не было роскошнаго портика надъ дверью, у которой остановилась гондола, не было ковра на простой лѣстницѣ, не было на площадкѣ вазъ съ экзотическими растеніями. Нѣсколько горшковъ съ цвѣтами стояло на окошкахъ, ибо Анита любила цвѣты не менѣе принцесъ, но ея цвѣты были самые простые, обыкновенные, я не скажу несчастные, такъ какъ они составляли счастье и сокровище молодой дѣвушки.

Старуха, которая днемъ обратила бы на себѣ всеобщее вниманіе, столько безпокойства выражало ея лице, ждала до этого поздняго времени, одинадцати часовъ ночи, свою дочь, которая какъ всѣ венеціанки пожелала ближе увидать народнаго бойца. Ея братъ Маріо былъ въ отлучкѣ и потому мать довѣрила ее попеченіямъ гондольера ихъ семейства. Увидавъ приближеніе столь давно ожидаемой гондолы, Монна Роза сбѣжала съ балкона и съ фонаремъ въ рукахъ вышла на встрѣчу къ своему любимому дѣтищ…

Обѣ женщины крѣпко обнялись, словно послѣ долгой разлуки, и князь Т., прибывшій въ эту минуту, воспользовался ихъ невниманіемъ и отворенной дверью, чтобы войдти въ домъ съ смѣлостью солдата въ завоеванной странѣ. Наконецъ Монна Роза, высвободившись изъ объятій дочери, произнесла съ упрекомъ: „Отчего ты такъ поздно, Анита?" Но, увидавъ вдругъ чужестранца, онѣ обѣ вздрогнули и попятились въ испугѣ.

Рѣшившись на смѣлое предпріятіе, князь Т. чувствовалъ, что ему нужно вести его энергично и потому онъ прямо, не колебаясь, подошелъ къ молодой дѣвушкѣ, которая вблизи была еще прелестнѣе. Онъ только что хотѣлъ подъ какимъ либо предлогомъ извинить свой неудержимый восторгъ, увлекшій его вслѣдъ за молодой дѣвушкой, какъ вдругъ чья-то желѣзная рука схватила его за плечи и оттолкнула въ сторону.

За минуту передъ этимъ изъ третьей гондолы, приставшей къ дверямъ дома, выскочило новое дѣйствующее лице этой интересной сцены. Это былъ человѣкъ высокаго роста, сильный, красивый; на немъ была красная рубашка и на лѣвой сторонѣ его широкой, мощной груди красовался отличительный знакъ храбрецовъ — „Медаль Тысячи."

Морозини былъ женихъ Аниты, и внимательный зритель увидѣлъ бы на ея щекахъ румянецъ удовольствія при его появленіи; однако выраженіе радости скоро замѣнилось страхомъ, когда онъ громкимъ, звучнымъ голосомъ произнесъ, обращаясь къ князю:

— Вы ошибаетесь, синьоръ, вы не найдете тутъ дичи, за которой охотитесь. Вернитесь назадъ и ищите другаго мѣста для охоты.

Толчокъ, полученный имъ, и эти грубыя слова возбудили гнѣвъ гордаго римлянина, отличавшагося рѣдкимъ мужествомъ, потому онъ отвѣчалъ тѣмъ же тономъ:

— Дерзкій! Я пришелъ сюда не для оскорбленія этой молодой дѣвушки, а чтобъ выразить ей самую почтительную любовь. Что же касается до вашей дерзости, то если вы римлянинъ, вы не откажетесь дать мнѣ удовлетвореніе. Я къ вашимъ услугамъ завтра въ двѣнадцать часовъ въ отелѣ Викторіи.

— Я не заставлю васъ ждать, отвѣчалъ Морозини, и бѣдный, разочарованный князь Т. поспѣшилъ удалиться.

VIII.

ДУЭЛЬ.

Итальянскій охотникъ не преслѣдуетъ дичь въ чащѣ лѣса, но онъ выжидаетъ ее съ ружьемъ или сѣтью на какомъ нибудь уединенномъ ручейкѣ, куда невинная птица является отдохнуть и освѣжиться. Ночью на водопоѣ также подкарауливаетъ поселянинъ бѣжавшихъ у него воловъ. Корсара, котораго тщетно искать на морѣ, легко поймать у входа того убѣжища, гдѣ онъ прячетъ свою добычу.

Такъ разсуждали наши четверо римлянъ относительно князя Т., котораго они тщетно искали повсюду. Найдя и отправивъ по домамъ наемныхъ убійцъ папскаго правительства, чрезъ насильственное посредство Ченчіо, они помѣстились въ окрестности отеля Викторіи, ожидая появленія Т.

Дѣйствительно, часовъ въ двѣнадцать онъ вернулся домой и друзья его, послѣдовавъ за нимъ въ его комнату, разсказали ему о подосланныхъ убійцахъ и обо всемъ случившемся. Князь Т. былъ слишкомъ осторожень, чтобъ открыть друзьямъ тайну своей души, тѣмъ болѣе, что пылкій Орацiо, онъ очень хорошо зналъ, не уступилъ бы другому чести быть его секундантомъ. Однако, секундантъ ему былъ необходимъ и потому, воспользовавшись минутой горячаго пренія между друзьями, онъ отозвалъ въ сторону Аттиліо и попросилъ его остаться съ нимъ на ночь. Тотъ согласился и, подъ предлогомъ важнаго дѣла, остался въ отелѣ, а Орацiо, Муціо и Гаспаро, переговоривъ обо всемъ, наконецъ удалились.

На разсвѣтѣ слѣдующаго дня молодой человѣкъ въ красной рубашкѣ постучался въ комнату № 8 въ отелѣ Викторіи и представилъ князю Т. слѣдующій вызовъ, подписанный Морозини:

„Я принимаю вашъ вызовъ, жду васъ въ своей гондолѣ у

дверей вашего отеля. „Со мною оружіе, но вы лучше принесите свое, ибо, быть можетъ, мое не будетъ годиться. Секунданты опредѣлятъ условія дуэли.

Морозини."

Князь Т. всталъ и, позвавъ Аттиліо, представилъ его секунданту Морозини; черезъ нѣсколько минутъ они покончили дѣло и рѣшено было драться на пистолетахъ, на разстояніи двадцати шаговъ, наступая другъ на друга и стрѣляя *à volonté*. Мѣстность была избрана за *Murazzi*, куда противники должны были тотчасъ отправиться. И дѣйствительно, когда предстоитъ умереть или убить другаго, то чѣмъ скорѣе наступитъ роковая минута, тѣмъ лучше, ибо самое мужественное сердце не можетъ не содрогаться, ожидая этой минуты.

Что сказатъ мнѣ о дуэляхъ? Я всегда полагалъ постыднымъ для людей, что они не могутъ придти къ соглашенію между собою безъ того, чтобъ не убивать другъ друга. Но съ другой стороны, не время еще намъ, угнетаемымъ правителями и презираемыми Европой проповѣдывать миръ въ дѣлахъ частныхъ и общественныхъ, отстаивать прощеніе частныхъ оскорбленій, когда насъ такъ часто оскорбляютъ публично. Мы, права, честь и совѣсть которыхъ постоянно попираютъ подлѣйшіе представители нашей націи, мы, которые для сохраненія своей жизни, состоянія и покровительства законовъ обязаны постоянно унижаться—мы не должны отречься отъ одной находящейся въ нашихъ рукахъ силы! И такъ откажемся отъ дуэлей, когда у насъ въ Италіи будетъ конституція и хорошо организованное правительство, когда мы будемъ пользоваться всѣми человѣческими правами, какъ внутри, такъ и извнѣ; но въ настоящее время, опасное для чести и права, мы не можемъ проповѣдывать теорію мира и слѣдовать ей.

Между тѣмъ гондолы съ противниками и секундантами подвигались къ *Murazzi*; впродолженіи нѣкотораго времени они шли вдоль громадной преграды, воздвигнутой венеціанской республикой противъ бѣшенныхъ валовъ Адріатики, и наконецъ пристали къ пустынному берегу, который всегда высыхалъ при сѣверныхъ вѣтрахъ и сирокко.

Противники вышли на песокъ, и секунданты, найдя удобное

мѣсто, отсчитали двадцать шаговъ, поставили на позицію своихъ друзей и подали имъ заряженные пистолеты. Рѣшено было, что Аттиліо три раза хлопнетъ въ ладоши и при третьемъ сигналѣ противники начнутъ наступать другъ на друга и стрѣлять. Уже были даны два сигнала, и Аттиліо поднялъ руки, чтобъ дать третій, какъ вдругъ съ берега, гдѣ остались гондолы, раздался громкій голосъ: „Стой!"

Всѣ четверо обернулись и увидѣли подходившаго къ нимъ одного изъ гондольеровъ, почтеннаго, сѣдаго старика. — Стой повторилъ старикъ, подходя и становясь между обоими противниками:—остановитесь, сыновья одной матери, продолжалъ онъ нѣсколько дрожащимъ голосомъ, но все же чрезвычайно мужественнымъ и рѣшительнымъ для его лѣтъ и положенія:—замышленное вами преступленіе обагритъ одного изъ васъ кровью своего соотечественника,—кровью, которая могла бы быть пролита на пользу нашей несчастной родины, нуждающейся еще въ помощи всѣхъ своихъ сыновъ, для достиженія независимости, цѣли ея усилій впродолженіи стольких вѣковъ. Побѣжденный исчезнетъ съ лица земли безъ слова любви или благословенія дорогихъ его сердцу людей, а побѣдитель сохранитъ на всю жизнь тяжелый укоръ въ глубинѣ своего сердца. Вы, по благородному, загорѣлому лицу котораго я узнаю сына этой несчастной страны, подумайте, развѣ у Италіи нѣтъ болѣе враговъ, развѣ она не нуждается во всѣхъ сынахъ, чтобъ расторгнуть оковы вѣковаго рабства? Умоляю васъ именемъ нашей общей матери—Италіи, откажитесь отъ этого братоубійственнаго поединка. Зачѣмъ вамъ наполнять радостью сердца враговъ Италіи убійствомъ ея друзей? Вы пришли сюда врагами, возвратитесь же друзьями и товарищами!

Волны Адріатическаго моря оставляли болѣе слѣдовъ на каменныхъ утесахъ, окружающихъ Мурацци, чѣмъ патріотическія слова старика на упорной волѣ двухъ кипѣвшихъ злобой соотечественниковъ; и съ гордостью оскорбленнаго аристократа, князь Т. воскликнулъ, обращаясь къ непрошенному совѣтчику: „ступай прочь!"

Аттиліо снова началъ свои сигналы и при третьемъ противники стали подходить другъ къ другу съ пистолетами въ рукахъ и съ пристальными, устремленными другъ на друга, убійственными

взглядами. На разстояніи двѣнадцати шаговъ, князь Т. выстрѣлилъ; пуля задѣла шею Морозини, кровь потекла, но рана была легкая. Калатафимскій воинъ былъ хладнокровнѣе, онъ продолжалъ наступать и выстрѣлилъ только на восьми шагахъ; братъ Ирены грохнулся на землю: пуля пронзила его въ самое сердце.

Святые отцы Ватикана съ радостнымъ смѣхомъ привѣтствовали роковую вѣсть о смерти князя Т.; адская радость наполняетъ ихъ сердца каждый разъ, какъ кровь, пролитая частными людьми, обагряетъ несчастную страну. Но кто пролилъ эту итальянскую кровь? Увы! рука итальянца, посвященная освобожденію своей родины. О, какъ часто случались такія роковыя событія!

IX.

РИМЪ.

2 декабря, сенскій врагъ свободы, послѣ семнадцатилѣтняго нечестиваго владычества вздумалъ съ тѣмъ же лицемѣріемъ, съ которымъ держалъ ее въ рабствѣ, освободить Ніобію народовъ, древнюю столицу міра, повелительницу, мученицу и славу всей земли.

Онъ исполнялъ дѣло небеснаго возмездія. Аттила, во главѣ своихъ дикихъ племенъ, побѣдилъ Римъ, уничтожилъ его и разсѣялъ его жителей. Не видно ли въ этомъ правосудія Божія? „Кто подыметъ мечъ, тотъ мечемъ и умретъ!“ Древніе римляне властвовали надъ всѣмъ міромъ, подчиняя своему игу отдаленнѣйшихъ народовъ, грабя и истребляя ихъ. Рабство, разореніе и смерть были орудіями, заставлявшими весь свѣтъ преклоняться передъ этими тиранами.

Наслѣдникъ древняго Аттилы, такой же разбойникъ какъ онъ, кровожадно набросился на свою легкую жертву и его низкое сердце радостно затрепетало, почувствовавъ жертву въ своихъ когтяхъ. Однако, и тутъ онъ былъ только презрѣнной карикатурой того Аттилы, который предалъ Римъ огню и мечу. Для совершенія великихъ дѣлъ, даже великихъ дѣлъ зла, необходима великая ду-

ша, а его душа мелкая, какъ у труса. Во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ онъ стремится подражать дядѣ, но, по недостатку генія и энергіи, никогда въ этомъ не успѣваетъ. Аттила побѣдилъ всесвѣтную столицу и обратилъ ее въ груду развалинъ. Современный Аттила въ іезуитской рясѣ не уничтожилъ, не разорилъ Рима, ибо считалъ его своей собственностью.

Впослѣдствіи, ослабленный годами и растлѣвающимъ вліяніемъ роскоши, чувствуя свой престолъ расшатаннымъ въ самыхъ его основаніяхъ, онъ снова началъ такое же роковое дѣло въ Америкѣ, гдѣ онъ хотѣлъ нанести смертельный ударъ оплоту всесвѣтной свободы, великой республикѣ, основаніемъ рядомъ съ нею Австрійской имперіи.

А итальянское правительство по просьбѣ лжеимператора приняло на себя обязанность сбира въ Ватиканѣ, обязанность мѣшать римлянамъ освободиться, насильственно удерживать ихъ подъ властью папскаго престола и не давать Италіи ея столицу, провозглашенную парламентомъ.

Мы твердо убѣждены, что нельзя найдти ни въ древней, ни въ новой исторіи такого подлаго правительства, какъ итальянское. Такова уже вѣрно судьба человѣчества, чтобы рядомъ съ добромъ было зло, униженіе и нечестіе. Мы говоримъ рядомъ, ибо нельзя отрицать, что единство Италіи доброе дѣло, совершенное, не смотря на всѣ усилія правителей и эгоистичныхъ партій задержать прогресъ этой несчастной страны, обѣдняя и развращая ее всевозможными способами. Правительство! Да развѣ это орудіе разврата и нечестія можно назватъ правительствомъ? А несчастный итальянскій народъ, изъ чего онъ состоитъ? Половина его подкуплена для того, чтобъ держать остальную половину въ рабствѣ и нищетѣ.

Привѣтствуемъ васъ, храбрые мексиканцы! Мы завидуемъ вашему мужеству и постоянству въ борьбѣ за освобожденіе своей страны отъ наемниковъ деспотизма. Примите, благородные потомки Колумба, отъ вашихъ итальянскихъ братьевъ поздравленіе съ завоеваніемъ свободы! На васъ хотѣли возложить такое же иго, какъ то, которое насъ гнететъ, но вы смыли съ своей земли и самый слѣдъ

тирановъ, какъ благородный, свободный потокъ смываетъ всякую нечистоту, попадающуюся ему на пути.

Только мы, болтливые, хвастливые, суетливые, хвалящіеся свободой, величіемъ и славой, донынѣ находимся въ оковахъ. Слѣпые, мы освобождаемъ себя на словахъ, но неспособны совершить на дѣлѣ то политическое возрожденіе, которое одно дало бы намъ право занять мѣсто среди свободныхъ народовъ. Дрожа передъ безсовѣстнымъ, чужестраннымъ тираномъ, мы не смѣемъ изъ боязни его гнѣва, распоряжаться у себя дома, заявить всему міру, что мы сами себѣ господа, и расторгнуть оковы, которыми онъ насъ сковалъ. И что всего унизительнѣе и постыднѣе, онъ выпустилъ изъ когтей свою добычу, которую негодованіе всего міра не дозволило ему присвоить,—и сказалъ намъ:—„Сторожите ее, трусы, будьте такими же головорѣзами, какъ я, но не смѣйте перечить моей волѣ!“

О, Римъ! ты по истинѣ единственный, вѣчный! Нѣкогда ты вознесся выше человѣческаго величія, а нынѣ какъ ты униженъ и возстановленіе твоей прежней свободы и славы должно стоить міру новой, кровавой революціи.

X.

ВЕНЕЦІЯ И БУЦЕНТАВРЪ.

Позорное клеймо, налагаемое рабствомъ, можетъ быть окончательно смыто только кровью. Образованные и богатые классы должны это понять разъ навсегда и избавить человѣчество отъ ложныхъ, ни къ чему не ведущихъ разрѣшеній великой задачи.

Нѣкогда Венеція, слѣдуя по стопамъ своей сестры Ломбардіи, искупила кровью свое долговременное униженіе и рабство. Но нынѣ дѣло иное. Она освободилась отъ чужестраннаго ига, не своею храбростью, но храбростью чужихъ! О! еслибъ только ея свобода была завоевана ея мужественными сынами, но нѣтъ, Венеція обязана своимъ искупленіемъ чужестраннымъ мечамъ. Садова, слава Пруссіи, освободила Венецію, и итальянскій народъ не закрываетъ своего лица отъ такого позора.

Народы, какъ частные люди, не могутъ жить безъ достоинства, они требуютъ жизни души кромѣ физическаго существованія, къ которому наши правители хотятъ насъ пригвоздить.

Нѣкогда царица Адріатики гордо проникала съ своимъ львомъ на далекій востокъ, усмиряла побѣдителей отомановъ и предписывала имъ свою волю. Европейскіе государи, побуждаемые завистливыми итальянскими правительствами, составляли заговоръ противъ Венеціи, но были побѣждены храбрыми амфибіями республиканцами. Кто узналъ бы гордыхъ соотечественниковъ Дандоли и Морозини въ тѣхъ людяхъ, которые нынѣ требуютъ, чтобъ ихъ освободили чужестранцы, и однажды освобожденные бросаются въ объятія *Умѣренныхъ*, партіи, готовой на всевозможныя низости. Какъ тиранія измѣняетъ и уродуетъ благородныя существа! Однако, утѣшьтесь венеціанцы, не вы одни таковы; я видалъ точно въ такомъ же положеніи потомковъ Леонида и Цинцината. Рабство налагаетъ на чело человѣка такое клеймо позора и безчестія, что онъ становится равнымъ дикимъ звѣрямъ.

Однако, какъ итальянцы ни унижены, они все же не забываютъ своихъ удовольствій и празднествъ. „Хлѣба и удовольствія!“ кричатъ они своимъ тиранамъ, какъ въ старину кричали своимъ трибунамъ, и патеры, чтобъ угодить народу и обмануть, развратить его, окружаютъ себя всевозможными, пышными церемоніями, превосходящими все, что могли придумать древніе обманщики для скрытія обмана подъ великолѣпною внѣшностью. Не говорите о политикѣ, не думайте даже о ней, но платите исправно и лишайте себя всего для обогащенія вашихъ повелителей, и они дадутъ вамъ вдоволь церемоній, процесій, празднествъ, игръ и всякихъ чувственныхъ удовольствій.

Плаваніе Буцентавра было одно изъ церемоній особенно дорогихъ для Венеціи, когда она была свободна, когда она имѣла свое правительство, своего дожа.

Въ назначенный для празднества день, Буцентавръ, великолѣпнѣйшая галера республики, украшенная флагами и сіяя золотомъ и драгоцѣнными тканями, выходила изъ дворца Св. Марка и медленно подвигалась къ Адріатическому морю. На ней находились дожъ, государственные министры и замѣчательнѣйшія красавицы

въ пышныхъ нарядахъ; сзади слѣдовали безчисленныя, разукрашенныя галеры и гондолы, съ большею частью мужскаго и женскаго народонаселенія Венеціи.

О! прекрасна была ты злополучная царица въ тѣ дни, когда твои Дандоли и Фальери именемъ Венеціи просили у волнъ Адріатики покровительства своимъ смѣлымъ мореходцамъ! Привѣтъ тебѣ, республика, девятивѣковая, истинная мать республикъ! Однако, еслибъ ты въ своемъ величіи соединялась въ одинъ мощный союзъ съ своими итальянскими сестрами, а не питала къ нимъ ненависти, то никогда чужестранцы не попрали бы нашей земли и не поработили бы насъ.

Но скрой раны отъ тяжелыхъ оковъ рабства, сгладь морщины горя на твоемъ челѣ и не забывай въ минуту радости и печали тѣхъ униженій, черезъ которыя ты прошла, помни, что только единая сплоченная Италія можетъ противостоять чужестраннымъ державамъ, завистливо смотрящимъ на ея возрожденіе.

Гарибальди стоялъ на балконѣ дворца Св. Марка, выходящаго на лагуны, въ обществѣ нашихъ римскихъ красавицъ и Муціо, Ораціо и Гаспаро. Онъ слушалъ стараго чичероне, который распространялся о древней славѣ республики и, переходя отъ одного предмета къ другому, сталъ описывать торжественное шествіе Буцентавра. Онъ только что выразилъ свое сожалѣніе, что нынѣ не повторяется эта великолѣпная церемонія, и указалъ на то мѣсто мола, отъ котораго отходилъ знаменитый Буцентавръ, какъ вдругъ Муціо увидалъ знакомое лице, показавшееся у входа въ каюту гондолы, пристававшей ко дворцу. Съ быстротою молніи Муціо бросился на берегъ на встрѣчу Аттиліо, который, выйдя изъ гондолы, пожалъ руку своему другу и могъ только грустно промолвить: „Убитъ“!

— И такъ суждено было этому представителю римскаго величія прибыть сюда только чтобъ встрѣтить смерть, промолвилъ Муціо, частью услыхавъ и частью отгадавъ горестную вѣсть.

— Онъ умеръ, какъ храбрый человѣкъ, сказалъ предводитель Трехъ-Сотъ.

— Многіе итальянцы умѣютъ такъ умирать, подумалъ Муціо,

но гораздо слаще умирать въ открытомъ бою, съ врагами своей родины.

— Я возвращусь къ нашимъ, сказалъ вслухъ Муціо, и посовѣтуюсь съ генераломъ, онъ сумѣетъ избрать другую дорогу, чтобъ Ирена и Орацío неожиданно не увидѣли трупа любимаго человѣка. А потомъ я возвращусь къ тебѣ вмѣстѣ съ Гаспаро.

XI.

ПОГРЕБЕНІЕ.

Фосколо въ одномъ изъ своихъ стихотвореній проситъ, чтобъ: „его кости были отмѣчены камнемъ, среди громадной жатвы смерти на землѣ и водѣ." Любуясь по справедливости мрачными поэмами этого великаго поэта, мы, подобно ему, защищаемъ чествованіе великихъ мертвецовъ; мы убѣждены, что оказывать честь умершей добродѣтели значитъ побуждать живущихъ слѣдовать примѣру мертвецовъ. Но, когда подумаешь, какими блестящими церемоніями патеры украшаютъ послѣдній путь человѣка на землѣ, то невольно пожалѣешь ненужнаго блеска и расхода.

Смерть, этотъ истинный образецъ равенства всѣхъ людей, смерть, дѣйствительно уничтожающая всякое земное различіе и соединяющая въ одномъ демократическомъ разложеніи короля и нищаго, смерть—этотъ всесвѣтный уравнитель—должна быть очень изумлена различіемъ въ погребеніи богатаго и бѣднаго. Она должна удивляться такимъ громаднымъ приготовленіямъ для простаго преданія тѣла землѣ, должна смѣяться ложнымъ слезамъ, часто прикрывающимъ тайную радость корыстнаго наслѣдника и равнодушіе большинства. А наемныя плакальщицы—какое отвратительное, нелѣпое зрѣлище!

Я видѣлъ въ Молдавіи (я полагаю, что этотъ обычай распространенъ и въ другихъ странахъ), какъ на похороны важнаго боярa нанимаютъ извѣстное число женщинъ-плакальщицъ. И какія слезы льютъ эти презрѣнныя существа! Что же касается до самаго горя, то, конечно, онѣ чувствуютъ его соразмѣрно заплаченной

имъ цѣны. Впослѣдствіи я часто вспоминалъ объ этихъ плакальщицахъ, читая отчеты о парламентскихъ преніяхъ, во время которыхъ люди, нанятые или надѣющіеся на наемъ, сопровождаютъ криками „bravi“ и „bravissimi“ оскорбительныя рѣчи или нечестивыя предложенія того или другаго перваго министра.

Похороны князя Т. были чрезвычайно многолюдны, такъ какъ въ народѣ разошлась вѣсть о его знатномъ происхожденіи. Конечно, большинство слѣдовало за гробомъ съ видимымъ равнодушіемъ, но было нѣсколько дѣйствительно грустныхъ лицъ. Это были друзья умершаго: Аттиліо, Муціо и Гаспаро. Особливо глаза послѣдняго были распухши отъ слезъ.

Мощная натура стараго римлянина была потрясена потерей своего друга и господина, къ которому онъ былъ искренно привязанъ, что доказывало какъ доброту князя, такъ и преданное сердце изгнанника. О комъ онъ плакалъ, о князѣ? Нѣтъ, о своемъ другѣ и благодѣтелѣ. О! сколько истинныхъ друзей могли бы имѣть сильные міра сего, еслибъ они только захотѣли открыть свое сердце человѣколюбивымъ мыслямъ и старались бы смягчить несправедливость судьбы къ тѣмъ, отъ которыхъ она отворачивается!

Я знаю, многіе въ высшихъ классахъ олицетворенное милосердіе, а нѣкоторыя женщины, самыхъ благородныхъ родовъ, отличаются добротой и человѣчностью. Но добрыя дѣла немногихъ исключеній недостаточны для страждущей толпы, а большинство баловней счастья, не только равнодушно къ несчастнымъ, но еще какъ бы добровольно увеличиваетъ ихъ испытанія.

Обязанность хорошаго правительства должна бы заключаться не въ улучшеніи положенія бѣдныхъ; но, по несчастью, эта обязанность исполнена, а итальянское правительство не считаетъ это своей обязанностью. Оно думаетъ только о сохраненіи своей власти и съ этой цѣлью употребляетъ всевозможные подкупы для увеличенья числа своихъ сообщниковъ.

Богатые люди могли бы въ большой мѣрѣ уменьшить зло дурной администраціи, помогая бѣднымъ и улучшая положеніе народа. Для этого богачамъ нужно было бы отказаться отъ самой малой части своего излишка, ибо пока бѣдные нуждаются въ кускѣ хлѣба, столы богатыхъ переполнены самыми изысканными явствами

и питіями. Неужели богатые никогда не чувствуютъ упрековъ совѣсти при мысли о такомъ постыдномъ контрастѣ?

— Отчего такая грусть при потерѣ одного изъ нашихъ враговъ, capitano?

Слова эти были произнесены какимъ-то человѣкомъ странной наружности, слѣдовавшимъ за гробомъ и теперь ударившимъ по плечу Гаспаро. Послѣдній обернулся, нѣсколько минутъ всматривался въ лице незнакомца и наконецъ совершенно неожиданно для окружающихъ воскликнулъ:

— Чертъ возьми! Неужели это ты, Марціо?

— Кому же быть, кромѣ меня, вашего помощника, capitano mio.

Знакомый Гаспаро былъ настоящимъ типомъ итальянскаго разбойника. Старикъ Гаспаро въ послѣдніе мѣсяцы своей жизни въ городахъ нѣсколько измѣнилъ свой наружный видъ, но Марціо представлялъ типъ чистѣйшаго, первобытнаго римскаго бандита. Высокаго роста, широко сложенный, онъ поражалъ васъ дикимъ взглядомъ своихъ черныхъ глазъ. Его блестящіе, черные какъ вороново крыло волосы представляли контрастъ съ бородой, нѣкогда также черной, но теперь съ сильной просѣдью. Его одежда, хотя нѣсколько чище, почти не отличалась отъ того маскараднаго костюма, которымъ онъ вселялъ ужасъ по всей странѣ. На немъ была знаменитая черная куртка, и если не видно было необходимыхъ принадлежностей разбойника: пистолета, кинжала и охотничьяго ножа, то это значило только, что они были старательно скрыты подъ одеждой. Шляпы носятъ различнымъ образомъ даже разбойники, и Марціо надвигалъ свою шляпу немного на лѣвую сторону, какъ простые рабочіе. На немъ не было обычныхъ кожанныхъ штиблетъ, но были широкіе синіе панталоны съ большими карманами.

Неожиданно встрѣтившіеся пріятели не могли теперь разговориться, но очевидно было, что они оба смотрѣли другъ на друга съ удовольствіемъ и сочувствіемъ.

Въ наше время, когда итальянская честь и слава служатъ только посмѣшищемъ, горсть людей, называемыхъ разбойниками, которые впродолженіи семи лѣтъ устояли противъ одной большой

арміи, двухъ корпусовъ карабинеровъ, національной гвардіи и цѣлаго враждебнаго народонаселенія—эта горсть людей, какъ ее ни называйте, по крайней мѣрѣ, горсть храбрецовъ. Еслибъ вы, правители, вмѣсто того, чтобъ поддерживать позорное учрежденіе патеровъ, занялись бы образованіемъ народа, то эти самые разбойники, вмѣсто того, чтобъ быть орудіями духовной реакціи, были бы нынѣ въ нашихъ рядахъ и учили бы насъ, какъ одинъ мужественный человѣкъ можетъ справиться съ двадцатью.

Мы, конечно, замолвили доброе слово, въ пользу *честныхъ* разбойниковъ, но не убійцъ. Скажемъ тутъ еще нѣсколько словъ нашимъ правителямъ. Когда вы осаждали римскія стѣны, конечно, подъ предлогомъ религіи, грабя и убивая несчастный народъ, думавшій видѣть въ васъ друзей, то не были ли вы разбойники? Нѣтъ, вы были хуже разбойниковъ — вы были измѣнники. Но вы мнѣ скажете: — „Это были республиканцы и революціонеры, тревожащіе весь міръ.“ А вы кто такіе? Развѣ не измѣнники, поселяющіе раздоръ и тревогу по всему міру? Единственное различіе между вами, итальянскіе правители, и разбойниками, то, что они грабятъ, но рѣдко убиваютъ, а вы не только грабите, но ради грабежа обагряете свои руки кровью невинныхъ!

Да извинитъ насъ читатель за это отступленіе отъ нашего разсказа для того, чтобъ бросить мимоходомъ взглядъ на разбойниковъ крупныхъ и мелкихъ.

Возвратимся, однако, къ похоронамъ. Когда шествіе достигло кладбища, то тѣло покойнаго было опущено въ могилу, надъ которой не произнесено ни одного похвальнаго слова. И дѣйствительно, при всемъ желаніи добра, эта юная жизнь пресѣклась неожиданно и преждевременно. Что можно было сказать о зачаткѣ благородныхъ качествъ, которымъ не суждено было принести плодовъ?

XII.

РАЗСКАЗЪ МАРЦІО.

Мы оставимъ теперь нашихъ друзей, старающихся утѣшить Ирену въ потерѣ ея брата, котораго она истинно любила.

Послѣдній представитель гордаго рода! Вотъ мысль, которая постоянно представлялась уму Ирены, какъ мы видѣли, чрезвычайно цѣнившей свое знатное происхожденіе, не смотря на добровольный бракъ съ плебеемъ. Что касается до состоянія, которое доставалось ей по смерти брата, то она вовсе о немъ не думала, ибо слишкомъ была благородна, чтобы соединять корыстныя мысли со смертью любимаго человѣка. Къ тому же все состояніе князя Т. находилось на римской територіи и было конфисковано тѣми служителями Бога, которыхъ владѣнія не отъ міра сего.

Только по возвращеніи съ похоронъ, Аттиліо и Муціо посовѣтовались съ Гарибальди о томъ, какъ передать сестрѣ покойнаго роковую вѣсть; и самъ Гарибальди, призвавъ въ свою комнату Ораціо и его жену, осторожно, нѣжно сообщилъ имъ о горестномъ событіи.

За исключеніемъ Ирены, Гаспаро горевалъ болѣе всѣхъ, но онъ находилъ много утѣшенія въ обществѣ своего бывшаго помощника-разбойника. Онъ горѣлъ желаніемъ узнать похожденія человѣка, котораго онъ считалъ погибшимъ на вѣки. По этому оба экс-бандита заперлись въ комнату Гаспаро въ отелѣ Викторія и закидали другъ друга вопросами и отвѣтами, большею частью лаконическими, ибо разбойники не ораторы и болѣе привыкли къ дѣйствію, чѣмъ къ краснорѣчію. Однако, послѣ нѣкотораго времени, Марціо началъ слѣдующій обстоятельный разсказъ о своихъ похожденіяхъ и приключеніяхъ:

— Когда вы, *capitano mio*, объявили мнѣ, что вамъ надоѣла жизнь въ лѣсахъ и вы хотите сдѣлаться снова частнымъ человѣкомъ, то я продолжалъ мое прежнее существованіе, не удаляясь никогда отъ предначертаннаго вами пути, именно грабить только богатыхъ и могущественныхъ, а помогать бѣднымъ и несчастнымъ. Наши товарищи, обученные въ вашей школѣ, почти никогда не давали мнѣ причины ихъ карать, но если одинъ изъ нихъ не исполнялъ своего долга, то я безжалостно его наказывалъ. Такимъ образомъ съ Божьей помощью мы жили нѣсколько лѣтъ. Но, какъ всегда бываетъ, мы потерпѣли крушеніе на подводномъ камнѣ женской красоты; вы это сами испытали, *capitano*.

Гаспаро молча сталъ крутить свой бѣлоснѣжный усъ, вѣроят-

но вспоминая не одно любовное похожденіе своей бурной юности.

— Вы помните Нанну, продолжалъ Марціо: — дѣвушку, которую я такъ страстно любилъ и за которую меня такъ преслѣдовали ея родители? Не думайте, чтобъ это прелестное созданіе мнѣ измѣнило! Нѣтъ, ея сердце было чисто и невинно какъ сердце ангела! (Говоря это, мужественный разбойникъ скрылъ рукою навертывавшіяся у него слезы).

— Она умерла! воскликнулъ Гаспаро.

— Умерла, отвѣчалъ его товарищъ, и наступило продолжительное молчаніе; наконецъ, собравшись съ силами, онъ продолжалъ:

— Однажды моей Наннѣ не здоровилось и она осталась на день въ домѣ Марцелло, гдѣ жила бѣдная Камилла, которую обольстилъ и лишилъ разсудка кардиналъ П. Я былъ далеко съ своими людьми на одной экспедиціи и ночью на домъ напали и увлекли мою ненаглядную въ Римъ. — Я обезумѣлъ отъ горя и не оставилъ ни одного камня на мѣстѣ, пока не открылъ убѣжища, гдѣ скрыли мою Нанну. Наконецъ я узналъ черезъ друзей, что бѣдный ребенокъ былъ заточенъ въ монастырь св. Франциска, гдѣ она должна была остаться на всю жизнь и прислуживать монахинямъ. Моя жена—прислужница монахинь, несчастныхъ, обманутыхъ юныхъ созданій и старыхъ лисицъ! — „Я вамъ дамъ прислужницу! сказалъ я себѣ: — клянусь небомъ, что монастырь со всѣмъ, что въ немъ есть, пойдетъ къ черту!“

— На слѣдующую ночь я вошелъ въ Римъ одинъ. Мнѣ казалось подло подвергать опасности товарищей, когда дѣло касалось одного меня. Я купилъ на Піаццѣ Навонѣ охапку сухаго валежника, и сложивъ его въ кабачкѣ, сталъ ждать вечера. Около 11 часовъ, когда запирали кабачекъ, я взялъ свою охапку и поспѣшилъ къ монастырю св. Франциска. Кто можетъ запретить бѣдняку нести дрова домой по улицѣ? Къ тому же въ Римѣ одно хорошо, что ночью никто не смѣетъ выходить изъ боязни воровъ, которымъ папское правительство дозволяетъ дѣлать все, что они хотятъ, лишь бы они не вмѣшивались въ политику.

Сложивъ валежникъ у монастыря Св. Франциска я запихалъ его подъ ворота, вынулъ спички и осмотрѣлся, нѣтъ ли кого на улицѣ. Какъ легко понять, ни къ чему не повело бы сжечь дверь,

ибо оставалась желѣзная рѣшетка, которая все же меня не пропустила бы. Поэтому мнѣ надо сдѣлать шумъ и поднять на ноги обитателей монастыря. Приготовивъ все для поджога, я отошелъ въ сторону и спрятался на площадкѣ, поджидая появленія патрули или кого нибудь. Мнѣ недолго пришлось ждать и черезъ нѣсколько минутъ послышались мѣрные шаги патрули. Тогда съ быстротой, которая вамъ извѣстна....

— Еще бы, перебилъ его Гаспаро:—Я помню, какъ епископъ, проѣзжая по дорогѣ изъ Чивита-Векіи, увидавъ насъ издали, поскакалъ, сломя голову, въ Римъ, но ты съ быстротой молніи догналъ лошадей и остановилъ экипажъ.

— И какая блестящая была добыча, capitano, отвѣчалъ Марціо:—какъ долго мы наслаждались и сколькимъ бѣднымъ помогли нищей сумой преемника апостоловъ. Но возвратимся къ моей исторіи.

— Я бросился къ своей охапкѣ валежника, поджегъ его и снова спрятался. Черезъ нѣсколько минутъ огромное пламя освѣтило монастырскія ворота и моимъ глазамъ представилось зрѣлище, не уступавшее по ужасной красотѣ кратеру дѣйствующаго волкана. А полиція? Вездѣ во всей Италіи она состоитъ изъ самыхъ низкихъ подонковъ общества, но нигдѣ она не достигаетъ такой крайней степени мерзости и мошенничества, какъ въ Римѣ. Полиція, всегда трусливая и медленная, вмѣсто того, чтобъ броситься къ воротамъ и потушить огонь, начала кричать и шумѣть, подымая на ноги весь околодокъ. Къ огню же они вовсе не подходили до тѣхъ поръ, какъ отовсюду набѣжалъ народъ.

— Теперь моя очередь, подумалъ я, и бросился въ толпу. Монахини были очень довольны имѣть такого защитника среди трусовъ полицейскихъ, и вообще дѣла шли отлично. Услыхавъ шумъ извнѣ, монахини повыскакали во дворъ и, увидѣвъ пламя, мгновенно раскрыли всѣ рѣшетки и бросились тушить огонь съ ведрами, кружками и всякой посудой, которая имъ только попадалась подъ руку. Я нѣсколько времени помогалъ заливать огонь, но ни на минуту не спускалъ глазъ съ внутренности монастыря и при первой удобной минутѣ, когда на меня никто не смотрѣлъ, бросился въ зданіе, какъ будто на помощь собравшимся тамъ мона-

хинямъ. Мигомъ разсмотрѣвъ самую старшую, по видимому, настоятельницу, я подбѣжалъ къ ней и, схвативъ за руку, воскликнулъ: „пойдемъ со мной.“ Она оказала болѣе сопротивленія, чѣмъ я ожидалъ, никакъ не хотѣла идти со мной и громко кричала, такъ что я принужденъ былъ взять ее на руки и завязать ей ротъ платкомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я быстро удалился отъ толпы и, увидѣвъ въ корридорѣ отворенную дверь, вошелъ въ освященную келію, положилъ настоятельницу на кровать, съ которой, по видимому, кто-то только что выскочилъ, и заперъ дверь.

— Монахиня была изумлена, но не испугана; я никогда не видывалъ такого неустрашимаго дьявола.—„Гдѣ Нанна?“ воскликнулъ я громовымъ голосомъ. Она ничего не отвѣчала. — „Гдѣ Нанна?“ повторилъ я еще громче. Отвѣта не было.—„Я развяжу тебѣ языкъ, вѣдьма! воскликнулъ я и, выхвативъ кинжалъ, замахнулся на нее. Тоже молчаніе.

— Клянусь небомъ! произнесъ Гаспаро:—всѣ настоятельницы одинаковы; просто черти какія-то. При защитѣ Рима, въ 1849 г., мнѣ надо было пройдти съ моимъ отрядомъ черезъ одинъ монастырь и настоятельница его, разорвавъ пропускъ, выданный правительствомъ, продержала насъ у воротъ нѣсколько часовъ. Впустила же она насъ только, когда я приказалъ сѣкирами ворота ломать.

— Моя настоятельница была такая же, продолжалъ Марціо:—но мнѣ было не до шутокъ. Я жаждалъ освободить свою Нанну и не задумался бы пролить кровь сотни такихъ презрѣнныхъ созданій, какъ эта монахиня. Схвативъ ее за руку, я сначала прикоснулся къ ея шеѣ, не кинжаломъ, боясь, чтобы онъ не выскользнулъ изъ моей руки, а шпилькой изъ ея волосъ, и въ ту же минуту моя барыня, не желавшая, очевидно, сдѣлаться мученицей, воскликнула:—„Ради Бога...“—„Подавай мнѣ Нанну, отвѣчалъ я:—или я тебя отправлю къ черту!“ — „Ради Бога отпустите меня.“—Я выпустилъ ея руку; она тяжело перевела дыханіе и, проведя рукою по лбу, промолвила: — „Вы спрашиваете молодую дѣвушку, хорошаго семейства, привезенную изъ Рима недѣли двѣ тому назадъ.“—„Да, это должна быть она.“ — „Такъ я васъ провожу къ ней, только съ условіемъ, что вы не надѣлаете ни-

какого скандала въ святой обители“ — „Я возьму только свою жену, болѣе ничего.“

— Черезъ нѣсколько минутъ она собралась съ силами и сказала: „пойдемте.“ Я послѣдовалъ за нею по темному коридору. Мы шли нѣсколько времени и наконецъ спустились по лѣстницѣ, освѣщаемые мерцающимъ свѣтомъ восковой свѣчи, которая неотлучно находилась при мнѣ. „Бѣдная Нанна, думалъ я: за какое преступленіе тебя заточили въ эту ужасную темницу?“ Между тѣмъ настоятельница вынула изъ кармана ключъ и, отперевъ замокъ, указала мнѣ знакомъ, чтобъ я отворилъ дверь, что̀ для нея было слишкомъ тяжело. Я повиновался, не теряя, однако, изъ виду своей спутницы, и, отворивъ дверь, впустилъ ее первую, а самъ послѣдовалъ за нею. Не успѣлъ я еще переступить черезъ порогъ, какъ молодая женщина съ распущенными волосами бросиласъ ко мнѣ на шею и съ отчаяніемъ обняла меня. — „О, Марціо! воскликнула она, и слезы полились изъ глазъ моей Нанны.

— Я слишкомъ привыкъ къ разбойнической жизни, чтобъ забыть осторожность въ какомъ бы то ни было случаѣ; и потому, не смотря на всю мою бѣшенную радость при видѣ Нанны, я все же не спускалъ глазъ съ старой вѣдьмы, которая, конечно, скрылась бы при малѣйшей возможности. Когда прошла первая минута восторга, я заперъ дверь и спросилъ, нѣтъ ли другой. Нанна отвѣчала, что нѣтъ; но настоятельница, услыхавъ мой вопросъ, промолвила: „Есть другая дверь, и вамъ лучше выйти въ нее, чтобы не встрѣтить сестеръ, которыя вѣрно ищутъ меня.“

— Тутъ явилось новое, непредвидѣнное обстоятельство. Ко мнѣ подбѣжала другая молодая дѣвушка и перебила мой разговоръ съ настоятельницей. Входя въ эту мрачную келію, я увидалъ что-то движущееся въ темномъ углу, но не обратилъ на это вниманія. Теперь же я неожиданно увидѣлъ передъ собою молодую дѣвушку, одинаковыхъ лѣтъ съ Нанной. — „Конечно, воскликнула она съ трогательною мольбою въ голосѣ: — вы не оставите меня въ этой тюрьмѣ. О! синьоръ, я послѣдую за Нанной всюду и въ жизни, и въ смерти.“

— Да, Марціо, сказала Нанна: — не оставимъ, ради Бога, моей милой подруги въ этомъ отвратительномъ вертепѣ. Настоятельница

приказала ей играть роль моей подруги, а въ сущности быть моимъ шпіономъ; но она вмѣсто того была моимъ ангеломъ-хранителемъ. Ей было приказано вывѣдать отъ меня всевозможныя подробности о тебѣ и о твоихъ товарищахъ, и потомъ передать все настоятельницѣ. Ей было поручено слѣдить за всѣми моими движеніями, угрожать мнѣ пыткой, мучить меня всячески, если я не открою твоего убѣжища и твоихъ намѣреній; но она мнѣ все повѣдала, утѣшала меня, покровительствовала мнѣ и прямо сказала, что скорѣе умретъ, чѣмъ сдѣлаетъ мнѣ хоть малѣйшій вредъ. Кромѣ того, она вчера спасла меня отъ оскорбленій и насилія низкаго прелата, который явился сюда, вѣроятно съ помощью этой старой вѣдьмы и предлагалъ мнѣ даже богатые подарки, если я соглашусь на его постыдныя желанія. Она спасла меня, неожиданно вбѣжавъ сюда и оглашая келію криками. Напрасно обѣщали ей свободу, если она убѣдитъ меня удовлетворить всѣмъ ихъ требованіямъ. Днемъ насъ заставляютъ исполнять самыя низкія работы въ монастырѣ, а ночью запираютъ въ эту мрачную, грязную яму.

— Слезы катились градомъ по щекамъ моей возлюбленной, и клянусь вамъ, capitano, я инстинктивно сжималъ въ рукѣ кинжалъ и дикая жажда мести наполняла мое сердце. Я право не знаю, какъ я удержался и не убилъ низкое созданіе, такъ долго мучившее мою бѣдную Нанну; но я хорошо сдѣлалъ, что удержался, ибо иначе я никогда не увидалъ бы свѣта Божія.

— Гдѣ вторая дверь и куда она ведетъ? спросилъ я у настоятельницы.— „Она ведетъ на улицу, отвѣчала она:—отодвиньте желѣзную кровать, стоящую въ углу, и я вамъ покажу дверь.“ Я отодвинулъ кровать, но за нею ничего не было видно. „Выньте кирпичи въ томъ мѣстѣ, гдѣ показывается сырость“, промолвила настоятельница.

— Я взялъ желѣзную перекладину изъ кровати и сталъ выбивать указанные кирпичи. Наконецъ я увидалъ кольцо на деревянной доскѣ, что доказывало присутствіе подъемной двери. Я поднялъ трапъ и передо мною открылась лѣстница. „Мнѣ надо устроить шествіе такъ, чтобъ старая вѣдьма шла впереди, сказалъ я про себя; и попросивъ Нанну и ея подругу слѣдовать за

нами, подалъ факелъ настоятельницѣ и безъ церемоніи сказалъ: „впередъ.“

— И такъ, думалъ я: — вотъ потаенный входъ. Сколько черныхъ дѣлъ совершено въ этомъ лабиринтѣ? О! несчастный, обманутый народъ, который полагаетъ, посылая своихъ дочерей въ монастыри, что отдаетъ ихъ на воспитаніе въ убѣжища невинности и чистоты!

XIII.

ПРОДОЛЖЕНІЕ РАЗСКАЗА МАРЦІО.

— Настоятельница шла впередъ, продолжалъ Марціо: — я слѣдовалъ за нею, а молодыя дѣвушки замыкали шествіе. Мы спустились по лѣстницѣ ступеней шестьдесятъ и очутились въ широкомъ коридорѣ, который велъ въ большую галерею. Я полагаю, что она, должно быть, была большая, ибо при мерцаніи восковой свѣчи я не могъ разглядѣть стѣнъ. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, я услыхалъ невдалекѣ жалобный вопль. Я остановился, чтобъ прислушаться, но когда я опомнился и взглянулъ на своего проводника настоятельницу, то обмеръ отъ ужаса; она исчезла со свѣчей и мракъ окружалъ насъ со всѣхъ сторонъ.

— Боже Милосердый! Я бросился впередъ, какъ тигръ бросается на свою жертву, но передо мною былъ только мракъ. Тщетно я вертѣлся во всѣ стороны, тщетно протягивалъ руки, надѣясь найти эту дьявольскую женщину. Я схватился руками за стѣну, тщетно стараясь ощупать дверь; наконецъ съ отчаянья я прислонился къ стѣнѣ и вдругъ почувствовалъ, что она поддается подо мною. Надежда проснулась въ моемъ сердцѣ; я провелъ руками по этой части стѣны и нашелъ, къ большому моему изумленію, что она была деревянная. Я изо-всей силы нажалъ на доски и почувствовалъ, что нѣчто въ родѣ двери повернулось на петляхъ. Въ ту же минуту изъ отверстія подуло какими-то удушливыми міазмами и я быстро отвернулся. Вопли, которые меня ужаснули, снова теперь раздались и наполнили мое сердце изумленіемъ и состраданіемъ.

— Я вспомнилъ о своихъ спутницахъ и о томъ, что у меня въ карманѣ было нѣсколько спичекъ, о которыхъ въ первую минуту смущенія я совершенно забылъ. Я зажегъ спичку и то, что я принималъ за дверь, оказалось вертящейся платформой. Еврика! на полу лежала моя восковая свѣча, которую старая вѣдьма уронила въ своемъ бѣгствѣ. Я зажегъ свѣчу и осмотрѣлся вокругъ. Мои спутницы стояли подлѣ, дрожа, какъ осенній листъ. „Не бойтесь“, промолвилъ я, и бросился въ сосѣднюю галерею, надѣясь догнать настоятельницу, которая по всей вѣроятности скрылась по тому направленію. Но, милостивый Боже! какой ужасъ! На стѣнѣ галереи, черезъ которую я бѣжалъ, висѣло нѣсколько человѣческихъ труповъ, предававшихся разложенію. Между ними однако висѣлъ одинъ несчастный еще живой. Это былъ молодой человѣкъ, нѣкогда красивый, но нынѣ исхудалый, изнуренный призракъ. Онъ дико смотрѣлъ на меня своими большими черными глазами, едва не выскочившими изъ ихъ впадинъ. Видя, что я нашелъ его и приближался къ нему, онъ пересталъ стонать. Какъ ни было опасно мое положеніе, но я не могъ оставить этой несчастной жертвы, не сдѣлавъ шага для его освобожденія. Я подошелъ и поцѣловалъ его въ лобъ. Я всегда чувствую состраданіе къ несчастнымъ и это чувство, конечно, вселилъ во мнѣ Творецъ, а не низкіе патеры. Пускай себѣ они называютъ меня разбойникомъ сколько хотятъ.

— Да, я поцѣловалъ несчастнаго въ лобъ, горѣвшій какъ уголь, хотя покрытый холоднымъ потомъ. Но что могъ я для него сдѣлать? Его цѣпи были прикованы къ стѣнѣ, а стѣны были массивныя. Я осмотрѣлъ всѣ трупы, надѣясь найти какое нибудь желѣзное орудіе, которымъ можно было бы разломать стѣны или расторгнуть оковы. О, ужасъ! Повсюду виднѣлись орудія пытки, желѣзныя кровати, веревки, щипцы, рашперы и пр., „для умерщвленія плоти,“ по словамъ патеровъ, но которыя могли быть только изобрѣтены самимъ дьяволомъ для истязанія человѣчества.—Нанна и Марія, такъ звали подругу Нанны, также подошли къ несчастному юношѣ и тщетно пытались освободить его. По счастью для насъ всѣхъ, Нанна вдругъ воскликнула: „ключъ!“ И дѣйствительно, ея зоркіе глаза отыскали на землѣ небольшой

ключъ. Я вложилъ ключъ въ замокъ, висѣвшій на оковахъ; онъ оказался подходящимъ, и сердце у меня забилось отъ счастья. Я уже снялъ послѣднюю цѣпь и расправлялъ окостенѣвшія руки и ноги несчастнаго, какъ вдругъ Нанна схватила меня за руку и указала на свѣтъ, показавшійся по направленію вертящейся двери. — Я бросилъ освобожденнаго товарища и въ одно мгновеніе очутился у входа въ галерею. Не успѣлъ я добѣжать, какъ на порогѣ показался одинъ изъ встрѣченныхъ мною ранѣе патрульныхъ съ глухимъ фонаремъ въ одной рукѣ и пистолетомъ въ другой. Я отскочилъ и устремилъ на него свои глаза. Онъ остановился, пораженный моимъ убійственнымъ взглядомъ, но я не далъ ему опомниться и вонзилъ кинжалъ ему прямо въ сердце. Онъ упалъ мертвый на землю. Вы знаете, capitano, что я врагъ всякаго кровопролитія и никогда не проливалъ крови кромѣ въ самооборону; но въ этомъ случаѣ не было времени разсуждать. Я зналъ, что за нимъ идутъ другіе, а я былъ одинъ. Впрочемъ освобожденный мною молодой человѣкъ приходилъ мало по малу въ себя, и мои храбрыя спутницы, выхвативъ двѣ желѣзныя перекладины изъ кровати для пытки, стали за мною, готовыя оказать мнѣ помощь въ случаѣ надобности. Положеніе мое нѣсколько измѣнилось; убитый патрульный, падая на землю, огласилъ воздухъ жалобнымъ стономъ, и его товарищи, понимая въ чемъ дѣло, обратились въ бѣгство. Мы слышали ихъ быстрые шаги, замиравшіе въ отдаленіи. Повторяю, терять времени нельзя было ни минуты и мы не могли держать военнаго совѣта о предстоявшихъ намъ дѣйствіяхъ. Выдти тѣмъ же путемъ, которымъ вошли, было бы безумно, но другаго пути не было. Однако, мы всѣ знали, что римскія катакомбы имѣли нѣсколько выходовъ и вѣроятно тѣ, въ которыхъ мы находились, не составляли исключенія изъ общаго правила.

Я взглянулъ на своего новаго товарища и убѣдился, что онъ дѣйствительно могъ быть намъ полезенъ; онъ, видя мой взглядъ, молча указалъ рукой на свое сердце, какъ бы говоря, что я могъ на него надѣяться и что онъ послѣдуетъ за мною всюду. Вскорѣ должно было разсвѣтать и, конечно, въ монастырѣ принимались мѣры для взятія насъ въ плѣнъ; поэтому по всей вѣроятности во-

оруженные люди были поставлены у всѣхъ выходовъ. Дѣйствительно нашъ новый товарищъ оказался очень полезнымъ для насъ пріобрѣтеніемъ. Онъ не только былъ знакомъ съ подземными проходами, но нашелъ на землѣ нѣсколько факеловъ и роздалъ намъ. Это было очень кстати, такъ какъ моя восковая свѣча догорѣла, а въ фонарѣ, отнятомъ у убитаго патрульнаго, не было достаточно масла для предстоявшаго долгаго странствія подъ землею. Направо отъ того мѣста, гдѣ юноша нашелъ факелы, онъ указалъ мнѣ на мелькавшій свѣтъ и промолвилъ: — „Это отверстіе ведетъ въ монастырскій садъ и когда мы его минуемъ, мы будемъ внѣ всякой опасности отъ погони.

— Мы продолжали идти часа два по подземному проходу, походившему на всѣ катакомбы, которыми такъ богатъ Римъ и которыя мы такъ часто посѣщали съ вами, capitano. Наши спутницы, юныя и энергичныя, не отставали отъ насъ ни на шагъ. Я часто ихъ спрашивалъ, не устали ли онѣ и не помочь ли имъ идти, но онѣ всегда отвѣчали: „Ступайте, ступайте, мы послѣдуемъ за вами всюду, даже на смерть.“

— „Вонъ свѣтъ, воскликнулъ наконецъ Тито (такъ звали юношу), и дѣйствительно вдали показалась свѣтлая полоса:—выйдя изъ катакомбъ, мы очутимся въ лѣсу замка Гвидо, откуда меня силой повлекли въ одну изъ семинарій Рима, центръ всякаго разврата и нечестія. Да будутъ прокляты эти лицемѣры!

— Дойдя до конца подземнаго прохода, Тито началъ очищать отъ вѣтвей мастиковаго дерева отверстіе, служившее воротами. Выйдя первый на свѣтъ Божій и осмотрѣвшись во всѣ стороны, онъ воскликнулъ: „Мы спасены, то есть на столько, что наши преслѣдователи еще насъ не догнали.“ Когда я съ своими спутницами пролѣзъ за нимъ въ отверстіе, казавшееся чрезвычайно узкимъ для такихъ громадныхъ катакомбъ, я сказалъ, обращаясь къ Тито: „Это замокъ Гвидо, значитъ недалеко жилище пастуха-поэта.“—„Да, отвѣчалъ онъ, оно только въ нѣсколько миляхъ и я васъ проведу по прямой дорогѣ. Тамъ мы можемъ отдохнуть и утолить свой голодъ.“

Мартовское солнце было высоко надъ горизонтомъ, когда мы вышли изъ мрачнаго подземелья, но перемѣна для насъ была не-

большая, такъ какъ въ прекрасномъ лѣсу, въ которомъ мы очутились, вѣковыя деревья не пропускали солнечныхъ лучей. Тропинки, проложенныя звѣрями, были прелестно-тѣнисты и мы въ другое время, не чувствуя усталости и голода, нашли бы больше удовольствія въ такой прогулкѣ. Наконецъ на опушкѣ лѣса показалась давно желанная хижина и нашъ другъ стоялъ въ дверяхъ, какъ бы ожидая кого-то. „А! Марціо, воскликнулъ онъ, когда мы приблизились. Не тебя я ожидалъ сегодня. Я ожидалъ правительственныхъ головорѣзовъ, ибо разнеслась вѣсть, что люди твоей шайки у насъ въ окрестностяхъ. И, прибавилъ онъ, отводя меня въ сторону и дружески пожимая мнѣ руки: — тутъ не вдалекѣ Эмиліо со своимъ отрядомъ.“ — „Итакъ, вмѣсто охотниковъ, ты принимаешь звѣря, вотъ и все, Леліо, сказалъ я, но довольно болтать, дай намъ чего нибудь поѣсть и выпить, мы ужасно проголодались.“ — „Войдите, къ вашимъ услугамъ ветчина, сыръ, сливки, хлѣбъ и настоящее орвіетское вино. Ѣшьте и пейте на свободѣ, а я покараулю васъ отъ папскихъ собакъ.“

— Мы съ удовольствіемъ принялись за изобильное угощеніе, бывшее какъ нельзя болѣе кстати; и утоливъ свой голодъ, попросили Тито разсказать намъ свои похожденія, что̀ онъ и исполнилъ въ нѣсколькихъ словахъ.

— „Я сынъ римскихъ родителей, началъ онъ свой разсказъ, мой отецъ, управлялъ громадными помѣстьями кардинала М., и по совѣту его святѣйшества послалъ меня пятнадцати лѣтъ отъ роду въ одну изъ римскихъ семинарій для приготовленія въ духовное званіе. Въ продолженіи трехъ лѣтъ противъ всѣхъ моихъ желаній я долженъ былъ вести эту ненавистную жизнь. Сначала отецъ Петручіо, директоръ семинаріи, оказывалъ мнѣ большое вниманіе, что̀ возбуждало зависть и неудовольствіе моихъ товарищей. Отецъ Петручіо часто бралъ меня съ собою въ своихъ прогулкахъ, которыя обыкновенно были очень скучны, исключая посѣщенія женскаго монастыря Св. Франциско. Настоятельница и монахини, вѣроятно благодаря моей молодости и, говорятъ, красивой наружности, окружали меня всевозможнымъ вниманіемъ. Настоятельница, которой нашъ директоръ не могъ ни въ чемъ отказать, выпросила безъ всякаго труда, чтобъ меня назначили помощникомъ стараго патера,

служившаго въ монастырѣ. Вскорѣ я открылъ, что настоятельница питала ко мнѣ пламенную страсть, и я сдѣлался слишкомъ покорнымъ ея любимцемъ. Такъ продолжалось нѣсколько мѣсяцевъ. Подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ я постоянно отлучался изъ семинаріи, и директоръ позволялъ мнѣ дѣлать все что я хотѣлъ, благодаря покровительству настоятельницы, которая въ свою очередь дозволяла директору нѣкоторыя вольности въ монастырѣ. Я никогда не имѣлъ наклонности къ духовной жизни и съ малолѣтства страстно любилъ охоту и всякія приключенія; такимъ образомъ во время моихъ экскурцій въ окрестностяхъ замка Гвидо, я открылъ подземный проходъ, изъ котораго мы только что вышли, и часто съ факеломъ въ рукахъ странствовалъ по его мрачнымъ изворотамъ. Найдя подобное средство сообщенія съ монастыремъ, я часто являлся туда во всевозможные часы и, конечно, не всегда по приглашенію настоятельницы. Разсказывать вамъ исторію ея ревности было бы слишкомъ долго. Какъ я ни былъ хитеръ, но она вскорѣ открыла мое пристрастіе къ нѣкоторымъ молодымъ сестрамъ и часто она предавалась такимъ вспышкамъ бѣшенной злобы, что я невольно содрогался. Не могу вамъ передать всѣхъ ужасовъ, на которые я насмотрѣлся въ этомъ вертепѣ нечестія. Много цвѣтковъ жизни, еще не распустившихся или едва разцвѣтшихъ, погибло тамъ преждевременной ужасной смертью. Наконецъ случились такія дѣла, отъ которыхъ каждое чистое сердце должно содрогнуться; мнѣ стало стыдно себя и я рѣшился бѣжать на всегда изъ этой трущобы разврата. Но мнѣ суждено было дорого поплатиться за мое соучастіе во всѣхъ этихъ преступленіяхъ; старая вѣдьма, покровительствовавшая и распространявшая ужасавшій меня развратъ, отгадала мое намѣреніе и не дала мнѣ времени привести его въ исполненіе. Она однажды сказала мнѣ: „Тито, пойди въ катакомбы и принеси мнѣ нѣсколько факеловъ, они нужны для церковной процессіи.“ Какое-то роковое предчувствіе запало мнѣ въ сердце, но въ ту же минуту блеснула мысль, что я могу воспользоваться этимъ случаемъ и бѣжать на вѣки изъ монастыря. Но не успѣлъ я спуститься по лѣстницѣ, какъ на меня набросилось четыре могучихъ человѣка и потащили меня въ тотъ отвратительный застѣнокъ, изъ котораго вы такъ чудесно меня

спасли. Они были наемные палачи и никакія просьбы и мольбы на нихъ не подѣйствовали. Я погибъ и увеличилъ бы число жертвъ разврата и нечестія, еслибъ ты, храбрый человѣкъ, меня не спасъ (Окончивъ свой разсказъ, Тито нагнулся и поцѣловалъ руку бандита).

— Выслушавъ исторію Тито, я горѣлъ желаніемъ узнать похожденія Нанны, но насытившись и выпивъ хорошаго вина, мы почувствовали сильнѣе нашу усталость и, по общему согласію, заснули на своихъ мѣстахъ. Я не знаю сколько времени мы спали, но рѣзкій свистъ разбудилъ насъ. Мы поспѣшно вскочили и пастухъ, входя, сказалъ: „Не бойтесь, мой сынъ Веціо поставилъ часоваго на вершинѣ Петилійскихъ развалинъ, откуда видны издали всѣ приближающіеся сюда. Идущій народъ принадлежитъ къ вашей же шайкѣ.“

— Дѣйствительно, это были наши товарищи, наводившіе страхъ и ужасъ на патеровъ. Вы можете себѣ представить, capitano, нашу радость при встрѣчѣ. Долго обнимались и цѣловались мы съ этими храбрыми людьми, которыхъ многіе напрасно считаютъ закоренѣлыми злодѣями, но которые въ сущности часто лучшіе, мужественнѣйшіе представители народа. Еслибъ этимъ людямъ было дано воспитаніе, не патерское, а нравственное, человѣчное и патріотическое, то они стали бы героями Италіи и представили бы міру такіе же примѣры мужества и добродѣтели, какъ ихъ предки.

— Освободивъ такимъ образомъ Нанну и очутившись снова среди своихъ товарищей, я, кажется, долженъ былъ радоваться своему счастью, но я долженъ повторить вашу любимую поговорку, capitano: счастье на землѣ существуетъ только въ воображеніи. Ваши слова истина, и я скоро испыталъ это на дѣлѣ. Вы помните того подлаго патера въ Сан-Паоло, который, повидимому, питалъ къ намъ дружбу и котораго мы осыпали всякаго рода одолженіями? Ну, этотъ подлецъ былъ влюбленъ въ Нанну и никогда не могъ мнѣ простить, что она меня предпочла.

— Донъ Вантано съ дьявольской хитростью, отличающей всѣхъ патеровъ, успѣлъ втереться въ семью Нанны и возстановить всѣхъ противъ меня. Изъ разсказа Нанны оказалось, что ея четыре брата, съ помощью другихъ родственниковъ и подъ руководствомъ

патера увезли мою ненаглядную изъ дома Марцело. Теперь мнѣ снова было необходимо отлучиться съ моими людьми и я рѣшился оставить мою Нанну, бывшую беременной, на попеченіе нашего гостепріимнаго хозяина пастуха и Маріи, которая любила ее, какъ сестру, благодаря всѣмъ испытаніямъ и страданіямъ, вынесеннымъ вмѣстѣ. Однако, постоянно безпокоясь и боясь злыхъ козней ея преслѣдователей, я не далеко удалялся отъ жилища Леліо, какъ львица, отправляющаяся за пищей, постоянно возвращается взглянуть на свое дѣтище. Одно меня успокоивало, именно, что вторичное похищеніе Нанны было почти невозможно, такъ какъ я былъ всегда на сторожѣ, въ чемъ мнѣ помогалъ Тито, знавшій отлично всѣ окрестности и привязавшійся изъ благодарности ко мнѣ, какъ къ брату.

— Но до чего не можетъ дойти преступный, нечестивый патеръ! Зная, какъ опасна будетъ всякая попытка похитить свою жертву, Вантано рѣшился погубить ее. Чувствуя приближеніе родовъ, несчастная Нанна, не имѣя никого при себѣ, кромѣ неопытной Маріи, послушалась совѣта Леліо, даннаго во всей чистотѣ его невинной души, именно позвать бабку изъ замка Гвидо, которая до тѣхъ поръ пользовалась славой честной женщины. Но кто можетъ разсчитывать на честность женщины, въ той странѣ, гдѣ царятъ монахи и подкупъ! Кто мнѣ не вѣритъ, пускай поживетъ нѣсколько мѣсяцевъ среди лицемѣровъ, кишащихъ въ тѣхъ мѣстахъ, которыхъ нѣкогда прославили Сципіоны и Цинцинаты. На какія преступленія не рѣшится слабая женщина, когда ее увѣрятъ что она этимъ исполняетъ волю Божію. Воля Божія въ устахъ патеровъ!—Не есть ли это самое ужасное богохульство! Вѣрующіе католики обращаются къ своей церкви, какъ къ божественному оракулу, какъ къ невѣстѣ Христовой, но это не чистая, небесная невѣста, а проститутка. Такимъ образомъ, одинъ изъ служителей этой святой церкви поднесъ ядъ моей Ваннѣ и лишилъ меня всего: жены, ребенка, счастья на землѣ.

— Когда я лежалъ безчувственный, внѣ себя отъ отчаянья на ея холодномъ трупѣ, домъ окружили многочисленные папскіе наемники и меня арестовали, не смотря на мужественное сопротивленіе моихъ товарищей, которые наконецъ почти всѣ изра-

ненные были принуждены оставить меня въ рукахъ враговъ и отступить въ лѣсъ. Я ничего не помнилъ и ничего не сознавалъ; тщетно звалъ я смерть къ себѣ на помощь—я былъ живъ и въ оковахъ. Изъ Чивита-Векіи черезъ нѣсколько времени меня перевели въ Римъ и наконецъ освободили, предварительно заставивъ дать клятву повиноваться папѣ и поддерживать его власть. Я далъ эту клятву, которая обязывала меня преданно служить обманщику и деспоту, исполнять всѣ его повелѣнія, даже еслибъ онъ приказалъ убить роднаго отца; но въ тоже время въ глубинѣ своей души я далъ клятву вѣчно бороться съ ненавистными патерами и до послѣдней капли моей крови я ихъ злѣйшій врагъ."

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

КАЙРОЛИ И ИХЪ СЕМЬДЕСЯТЪ ТОВАРИЩЕЙ.

Хорошо управляемый народъ никогда не бунтуетъ. Возстанія и революціи—орудія угнетенныхъ и рабовъ. Главная, побудительная ихъ причина — тиранія. Кажущіяся исключенія, происходящія отъ различныхъ обстоятельствъ, при болѣе подробномъ разсмотрѣніи оказываются основанными на тѣхъ или другихъ послѣдствіяхъ нравственнаго или матеріальняго деспотизма. Англія, Швейцарія и Соединенные Штаты испытали и могутъ еще испытать народныя возстанія, хотя нельзя сказать, чтобъ эти страны дурно управлялись. Швейцарія имѣла свои Зондербунды и Англія своихъ Феніевъ. Но эти послѣдніе большею частію поддерживаются римскими патерами, благодаря ихъ тираніи надъ невѣжественнымъ населеніемъ Ирландіи. Соединенные Штаты испытали въ послѣдніе годы страшную революцію, причиненную матеріальной тираніей богатыхъ плантаторовъ юга надъ своими рабами, тиранію, которую они хотѣли распространить и въ другихъ штатахъ.

И такъ нравственная или матеріальная тиранія всегда служитъ поводомъ революціи. А кто посмѣетъ отрицать, что въ Римѣ существуетъ и. нравственная, и матеріальная тиранія? Да, въ Римѣ царитъ двоякій, возмущающій деспотизмъ патеровъ, которые повергаютъ Италію къ ногамъ чужестранца и продаютъ ее изъ ко-

рыстныхъ видовъ. Ихъ тиранія самая безнравственная и позорная изъ всѣхъ тиранiй.

Представьте себѣ темную, холодную, сырую октябрскую ночь. Дождь только что прекратился и Тибръ шумитъ и пѣнится. Берега его покрыты грязью, каждая канавка превратилась въ быстрый потокъ и почти нигдѣ не видно сухаго мѣста. Посреди рѣки плыветъ нѣсколько лодокъ съ семьюдесятью людьми, вооруженными кинжалами, пистолетами и ружьями. Одѣты они слишкомъ легко для такой холодной, дождливой ночи; но ихъ согрѣваютъ геройскія сердца.

Въ эту ночь въ Римѣ должно было вспыхнуть возстаніе.

Многіе изъ храбрѣйшихъ юношей изъ всѣхъ итальянскихъ провинцій успѣли проникнуть въ вѣчный городъ, и наши старые друзья Аттиліо, Муціо и Ораціо съ своими товарищами были на своихъ постахъ, готовые руководить римскимъ возстаніемъ. Тщетно патеры старались открыть заговорщиковъ, арестуя на кого только падало самое легчайшее подозрѣніе; Римъ кишилъ храбрыми людьми, готовыми принести себя въ жертву для его спасенія.

Семьдесятъ юношей, увлекаемые теченіемъ Тибра, быстро приближались на помощь своимъ братьямъ. Прикрываемые горою Санъ-Джульяно, они высадились на берегъ въ двѣнадцать часовъ ночи, 22 октября 1867 года.

Энрико Кайроли шелъ во главѣ своихъ героевъ-товарищей. — „Мы отдохнемъ здѣсь, сказалъ онъ: — въ *Casino della Gloria*, пока не получимъ вѣсти изъ города отъ нашихъ союзниковъ, чтобъ атаковать непріятеля въ одно мгновеніе. Между тѣмъ, продолжалъ онъ: — я обязанъ напомнить вамъ, что это предпріятіе опасное и потому достойное васъ. Но если кто либо усталъ и не чувствуетъ влеченія принять участіе въ великомъ дѣлѣ, то пускай вернется. Мы не поставимъ ему этого въ преступленіе и только скажемъ: „прощай, до свиданія въ Римѣ.“

— Мы всюду послѣдуемъ за тобою на жизнь и смерть! воскликнули въ одинъ голосъ мужественные юноши, и не одинъ изъ нихъ не ушелъ.

— Невозможно отыскать проводника, долженствовавшаго провести насъ въ Римъ, сказалъ Джіовани Кайроли, только что воз-

вратившійся изъ рекогносцировки:—и никто еще не вернулся съ вѣстями изъ Рима.

Начинало разсвѣтать, и храбрые юноши находились словно въ львиной пасти, то есть они были близъ аванпостовъ папской арміи и ежеминутно имъ грозила опасность атаки.

— Что это значитъ?—сказалъ Энрико Кайроли въ отвѣтъ на замѣчаніе брата:—мы пришли сюда, чтобъ сражаться, и не уйдемъ, не исполнивъ своего долга.

Около полудня изъ Рима явился посланный съ слѣдующею вѣстью:—„Движеніе вчера вечеромъ не удалось, и заговорщики дожидаются приказаній для дальнѣйшихъ дѣйствій.“

Посланный былъ отправленъ обратно, чтобъ побудить поборниковъ свободы къ немедленному возстанію и увѣрить ихъ въ готовности Семидесяти оказать имъ содѣйствіе.

Никакого отвѣта; и въ пять часовъ пополудни Семьдесятъ были открыты и атакованы двумя отрядами папскихъ войскъ. Храбрый Джіовани Кайроли, командовавшій авангардомъ въ двадцать четыре человѣка, помѣщавшихся въ одномъ изъ домовъ селенія, первый вынесъ натискъ врага и, не смотря на громадное неравенство силъ, выдержалъ атаку. Его не менѣе храбрый братъ Энрико, предводитель Семидесяти, видя опасное положеніе брата бросился къ нему на помощь и разбилъ на голову папскихъ наемниковъ, которые обратились въ бѣгство при видѣ этихъ отважныхъ, преданныхъ святому дѣлу юношей.

Получивъ подкрѣпленіе, папскія войска укрѣпились на высотахъ горы Санъ-Джульяно, откуда поддерживали смертельный огонь изъ своихъ усовершенствованныхъ ружей. Кайроли съ неустрашимыми товарищами, видя негодность своихъ ружей, изъ которыхъ многія не стрѣляли, рѣшились пойдти въ штыки. Они дѣйствительно атаковали непріятеля однимъ изъ тѣхъ смѣлыхъ натисковъ, которые рѣшаютъ битвы. Папскіе наемники были разбиты и усѣяли поле сраженія ранеными и убитыми. Юные бойцы свободы потеряли своего героя предводителя и многіе изъ нихъ были тяжело ранены. Наступила ночь и положила конецъ неровному, но геройскому бою.

*

II.

КУКИ И ЕГО ТОВАРИЩИ.

А что дѣлали въ Римѣ Куки и его товарищи, римскіе и провинціальные патріоты, посвятившіе себя дѣлу свободы? Куки изъ Бергамо былъ одинъ изъ лучшихъ людей, данныхъ революціей Италіи. Молодой, красивый, богатый, онъ принадлежалъ къ первымъ фамиліямъ Ломбардіи. Гвеццони, Босси, Адамоли и многіе другіе, презирая пытками инквизиціи, руководили римскимъ возстаніемъ подъ предводительствомъ храбраго бергамца.

Несчастный римскій народъ покорно повиновался распоряженіямъ этихъ мужественныхъ юношей и просилъ только оружія. Послѣднее было прислано въ изобиліи для волонтеровъ со всѣхъ концевъ Италіи; но флорентійское правительство, набившее руку во всевозможныхъ хитростяхъ, приняло мѣры, чтобъ перехватить оружіе, такъ что его было очень немного въ Римѣ для раздачи народу. Прибавьте къ этому еще другую измѣну правительства, именно тайное обѣщаніе, что нѣсколько выстрѣловъ будетъ сдѣлано на воздухъ и что въ туже минуту итальянская армія поспѣшитъ съ границы на помощь возставшимъ. Такими лживыми обѣщаніями и лицемѣрными дѣйствіями правительства былъ обманутъ римскій народъ, а съ нимъ и наши друзья герои. Выстрѣлы были сдѣланы, но помощь Италія не явилась.

Бѣдные римляне! Они сражались съ грубымъ, стародавнимъ орудіемъ противъ громаднаго количества хорошо вооруженныхъ солдатъ, поддерживаемыхъ также вооруженными патерами, монахами и полиціей. Имъ удалось подвести мину и взорвать казармы зуавовъ; съ простыми ножами въ рукахъ, они отчаянно боролись съ новоизобрѣтенными ружьями папскихъ наемниковъ.

Въ Транстеверѣ наши старые друзья Аттиліо, Муціо, Ораціо, Сильвіо и Гаспаро соединились со всѣми членами Трехъ-Сотъ,

которые еще не попали въ руки полиціи (1). Народъ, найдя такимъ образомъ способныхъ предводителей, честно исполнилъ свой долгъ. Нѣкоторыя изъ старыхъ ружей, дѣйствовавшихъ во время римской компаніи 1849 года, теперь снова появились въ рукахъ Ораціо и его товарищей, которые употребляли ихъ какъ полезное подспорье простымъ ножамъ транстеверинцевъ.

Городъ возсталъ и расторгъ свои оковы какъ могъ, употребляя оружіе отчаянья. Патрули карабинеровъ, зуавовъ и драгуновъ были побиваемы каменьями, кухонной утварью и другими предметами, летѣвшими на нихъ изъ оконъ домовъ; либералы умерщвляли ихъ кинжалами и ранили выстрѣлами изъ старыхъ мушкетоновъ или кремневыхъ ружей. Обращенные такимъ образомъ въ бѣгство, солдаты бросились изъ Лунгары къ мосту Св. Ангела и миновали его, не смотря на всѣ усилія папскаго войска остановить ихъ. Мостъ охраняла артиллерійская батарея подъ прикрытіемъ цѣлаго полка зуавовъ. Когда народъ, смѣшавшись съ преслѣдуемыми патрулями, запрудилъ мостъ, то предводитель *клерикаловъ* приказалъ своимъ людямъ стрѣлять, и залпъ шести орудій батареи и всей линіи пѣхоты покрылъ мостъ трупами какъ народа, такъ и папскихъ наемниковъ. Какое было дѣло его святѣйшеству до пролитой крови его головорѣзовъ и подкупленныхъ агентовъ! Не были ли деньги измѣнниковъ Италіи къ его услугамъ для найма новыхъ агентовъ? Для него было важно уничтоженіе своего народа. Дѣйствительно, много мятежниковъ заплатили своей жизнью за свою благородную храбрость на этомъ роковомъ мосту. Много было жертвъ, ибо въ своемъ пламенномъ энтузіазмѣ народъ три раза бросался на мостъ, стараясь имъ овладѣть, и три раза принужденъ былъ отступить подъ убійственнымъ огнемъ ружейныхъ и пушечныхъ выстрѣловъ.

Какъ легко себѣ представить, наши пять героевъ были во главѣ народа при атакѣ моста и сражались какъ львы. Употребивъ всѣ свои заряды, они ломали свои ружья объ головы папскихъ

---

(1) Говорятъ, 10,000 патріотовъ было арестовано въ Римѣ во время послѣдняго движенія, по приказанію отеческаго правительства.

солдатъ и брали новыя у убитыхъ враговъ. Они-то во главѣ народа продолжали такъ долго осаду моста, вселяя въ души окружающихъ ихъ самое пламенное геройство.

Но борьба была слишкомъ неравна. Первый изъ храбрыхъ предводителей, поплатившійся жизнью, былъ старшій изъ нихъ, всѣми уважаемый Гаспаро. Онъ палъ съ тою же геройскою стойкостью, которую онъ выказалъ въ продолженіи всей своей жизни, съ улыбкой на устахъ, счастливый тѣмъ, что отдавалъ свою жизнь за святое дѣло своей родины и всего человѣчества. Пуля попала ему прямо въ сердце и онъ умеръ славною смертью, мгновенно, безъ малѣйшаго страданія.

Сильвіо палъ рядомъ съ Гаспаро, пораженный осколками бомбы. У Орацio одно ядро оторвало ухо, а другое оконтузило правую ногу. Муціо получилъ также пулю въ самую грудь и, конечно, умеръ бы на мѣстѣ, еслибъ его не спасли толстые золотые часы, подарокъ Джуліи, которые разлетѣлись въ дребезги. Аттиліо получилъ контузію въ лѣвую щеку и челюсть.

Вообще рѣзня была такъ велика и число убитыхъ такъ многочисленно, что храбрые мятежники послѣ трехъ натисковъ принуждены были отступить. Орацio снесъ Сильвіо на спинѣ въ первый попавшійся домъ, ибо солдаты рубили на куски несчастныхъ раненыхъ. Той же участи подверглись женщины, дѣти и многіе невооруженные, беззащитные люди, попавшіеся имъ въ руки.

Благородные инстинкты рабочаго класса проявляются въ торжественныя минуты революцій. Въ такія времена рабочіе защищаютъ собственность своихъ хозяевъ и никогда не грабятъ ихъ; если они берутся за оружіе, то всегда щадятъ жизнь беззащитныхъ и сдавшихся враговъ. Они устыдились бы убивать людей съ цинизмомъ наемниковъ; они, столь терпѣливые въ обыкновенное время, тутъ сражаются какъ львы одинъ противъ десятерыхъ.

На Лунгарѣ находится большая шерстяная фабрика, на которой было значительное количество рабочихъ. Многіе изъ нихъ поступили въ ряды мятежниковъ, и только старики остались для охраненія фабрики. Когда послѣдніе увидѣли народъ, въ томъ числѣ своихъ товарищей, преслѣдуемый папскими наемниками, они

открыли свои ворота и дали убѣжище бѣглецамъ или, по крайней мѣрѣ, части ихъ; сами же, вооружась топорами, желѣзными перекладинами и всевозможными орудіями, приготовились дать отпоръ ненавистнымъ чужестранцамъ и жандармамъ. Вслѣдствіе этого въ воротахъ фабрики произошла страшная свалка; сначала побѣда была на сторонѣ народа, и много папскихъ солдатъ было убито и ранено, но наконецъ осаждающіе заняли позицію въ противоположныхъ домахъ, и осажденные, устроивъ барикады, собрали все какое только могли огнестрѣльное оружіе и начали снова съ перемѣннымъ счастіемъ настоящія военныя дѣйствія.

Трое изъ нашихъ уцѣлѣвшихъ друзей вошли въ фабрику и сражались тамъ съ обычной отвагой. Рабочіе и мятежники, побуждаемые своими предводителями, также выказывали чудеса храбрости; но зарядовъ у нихъ не доставало, а наемники получали все новыя подкрѣпленія. Впрочемъ, наступавшая ночь оказывала помощь осажденнымъ, которые все еще мужественно держались.

Въ семь часовъ вечера огонь непріятеля прекратился и отрядъ папскихъ войскъ пошелъ на штурмъ. Они начали съ атаки большихъ воротъ фабрики, которыя рабочіе не заперли, но завалили изнутри. Ораціо и Муціо, укрѣпивъ сколь возможно болѣе эту позицію, роздали рабочимъ топоры и, избравъ самыхъ смѣлыхъ римлянъ, поставили ихъ съ права и съ лѣва воротъ. Приготовившись такимъ образомъ, и рѣшившись защищаться до послѣдней капли крови, они встрѣтили натискъ осаждающихъ.

Аттиліо между тѣмъ принялъ на себя защищать другой входъ въ фабрику и удержать напоръ второй половины осаждающихъ. Укрѣпивъ заднія ворота, на сколько было возможно, онъ помѣстилъ работниковъ въ окнахъ верхняго этажа, приказавъ бросать на осаждающихъ все, что имъ попадется подъ руки. Окончивъ всѣ эти приготовленія, онъ помѣстился съ своими друзьями въ самомъ опасномъ мѣстѣ, вооруженный саблей убитаго имъ жандарма.

Внутренность фабрики представляла въ эту минуту грустную картину. Многіе трупы храбрыхъ гражданъ, убитыхъ при защитѣ ея, были снесены и свалены въ темный уголъ обширнаго двора. Въ другихъ углахъ валялись раненные, которые также были по-

мѣщены въ комнатахъ нижняго этажа. Но ни малѣйшаго стона не вырывалось изъ груди этихъ мужественныхъ сыновъ народа.

Посреди большаго зала, налѣво отъ параднаго входа въ фабрику, стоялъ громадный столъ съ канделябрами, наполненный грудами бинтовъ, хлопчатой бумаги и различныхъ тряпокъ. Подъ столомъ находился также громадный сосудъ съ водою, бывшій, быть можетъ, лучшимъ пособіемъ несчастнымъ, какъ для обмыванія ихъ ранъ, такъ и для утоленія горячечной жажды.

Три женщины рѣдкой, благородной красоты распоряжались въ этомъ импровизированномъ госпиталѣ, присматривая за раненными, и въ ихъ нѣжныхъ, но рѣшительныхъ лицахъ мы узнаемъ нашихъ трехъ героинь: Клелію, Джулію и Ирену. Бѣдная, покинутая Камилла, не знавшая еще о потерѣ своего Сильвіо, механически помогала тремъ человѣколюбивымъ женщинамъ въ ихъ уходѣ за несчастными. Онѣ ждали нашихъ друзей на фабрикѣ, сдѣлавъ всѣ нужныя приготовленія, какъ только борьба началась на мосту, и приняли раненныхъ, когда отбитый народъ искалъ убѣжища въ этомъ зданіи. Тутъ были и другія женщины, ухаживавшія за страждущими и на сколько возможно уменьшавшія ихъ страданія.

— Ну, князь компаніи, сказалъ Аттиліо, обращаясь къ Орацію: — мы съ тобою видѣли много битвъ, но эта, кажется, будетъ самая жестокая. Меня утѣшаетъ только одно: наши римляне вспоминаютъ старыя времена. Посмотри на нихъ! Ни одинъ не поблѣднѣлъ и всѣ готовы встрѣтить смерть въ какой бы то ни было формѣ.

— Напротивъ, отвѣчалъ Ораціо:—они смѣются, шутятъ и веселы, какъ будто отправляются въ Форо распить бутылку вина.

— Ахъ, да! воскликнулъ Аттиліо: — у насъ есть еще вино. Дадимъ по глотку, Орвіето, нашимъ храбрымъ товарищамъ.

Подкрѣпивъ свои силы стаканомъ живительнаго напитка, мужественные, отчаянные защитники Рима огласили воздухъ громовымъ крикомъ: „Viva l'Italia!“

III.

МОНТИЖІАНЕ.

Пока происходила борьба въ Транстеверѣ, Монтижіане подъ предводительствомъ Куки, Босси, Гверцони, Адамоли и другихъ храбрыхъ людей, не сидѣли сложа руки. Взрывъ мины подъ казармами зуавовъ долженъ былъ быть сигналомъ ихъ движенія. Взрывъ произошелъ, и благородные мужи во главѣ всѣхъ юношей, которыхъ только можно было собрать, двинулись съ геройскимъ самоотверженіемъ.

Взрывъ привелъ въ страхъ и трепетъ всѣхъ папскихъ наемниковъ и они разбѣжались во всѣ стороны, такъ что народъ останавливалъ ихъ на улицахъ и обезоруживалъ; только немногіе, оказывавшіе сопротивленіе, были убиты. Однако мина произвела болѣе шума, чѣмъ вреда: или въ ней было недостаточно пороху, или она была дурно расположена.

Клерикальные журналы или журналы итальянскаго правительства, что почти одно и тоже, увѣряли, что взорванъ былъ только хоръ музыкантовъ зуавскаго полка, состоящій изъ итальянцевъ, а чужестранные наемники, особливо покровительствуемые молитвами его святѣйшества, были чудесно спасены. Конечно, итальянцы не заслужили особаго счастья пользоваться молитвами ватиканскаго кудесника; но вотъ какъ было дѣло: очень немногіе изъ наемниковъ были убиты, а остальные, выйдя изъ казармъ, выстроились въ боевой порядокъ и открыли убійственный огонь по народу. Куки съ его адъютантами Босси и Адамоли явился въ эту минуту на поле дѣйствія и римскіе юноши, увлекаемые его примѣромъ, бросились на чужестранца. Это была борьба людей невооруженныхъ съ хорошо обученными, искусными солдатами, у которыхъ они старались отнять ихъ усовершенствованное оружіе. Но наемниковъ было много, золото и помощь Бонапарта были могущественны. Большое число французскихъ солдатъ подъ названіемъ

папскихъ зуавовъ уже давно толпилось въ Чивита Векіи, готовое при первой надобности летѣть въ Римъ.

Денежныя средства, присланныя папѣ іезуитами и реакціонерами изо всѣхъ странъ свѣта, были громадны. Прибавьте къ этому еще большее число фанатиковъ, патеровъ и монаховъ [1], переодѣтыхъ въ мундиры наемниковъ, которые побуждали папскихъ солдатъ къ безжалостной сѣчи, обѣщая имъ награду на небѣ, а на землѣ много золота и всего, чего бы они ни пожелали. О, несчастный римскій народъ! Но кого мы называемъ этимъ именемъ? Если мы исключимъ изъ него папу, кардиналовъ, епископовъ, патеровъ и монаховъ, стекающихся сюда изъ всѣхъ странъ свѣта, съ ихъ женщинами, слугами, поварами, кучерами и т. д., съ родственниками ихъ прислуги, съ слугами ихъ женщинъ и наконецъ съ тою массою рабочихъ, которые зависятъ отъ всей этой богатой сволочи—что же останется? Остающіеся и достойные названія народа, какъ не имѣющіе ничего общаго съ современными кудесниками—нѣсколько честныхъ семействъ средняго класса, нѣсколько лодочниковъ и очень немного лацарони. Въ странѣ, гдѣ невѣжество поддерживается духовенствомъ и пустило глубокіе ростки, народъ естественно держитъ сторону духовенства, но особливо въ Римѣ и окрестностяхъ, гдѣ всѣ собственники или духовныя лица, или родственники ихъ.

Но возвратимся къ нашему разсказу. Въ то время, какъ Кукки во главѣ своихъ храбрыхъ товарищей выдерживалъ геройскій, но неровный бой передъ казармами зуавовъ, Гверцони и Кастелацци, предводительствуя отрядомъ юношей, напали на ворота Сан-Паоло, обезоружили часовыхъ и успѣли проникнуть во дворъ, гдѣ находился большой складъ оружія. Они дѣйствительно нашли это оружіе, но подъ прикрытіемъ многочисленнаго отряда папскихъ войскъ и полиціи; нашимъ храбрымъ друзьямъ пришлось выдержать еще одинъ неровный бой, но наконецъ подавленные многочисленностью враговъ они были разсѣянны и преслѣ-

---

[1] Нѣкоторые изъ нихъ находились въ числѣ плѣнныхъ зуавовъ, взятыхъ Гарибальди въ плѣнъ при Монте-Ротондо.

дуемы по окружающимъ улицамъ разъяренными папскими наемниками.

IV.

ПОРАЖЕНІЕ.

Между тѣмъ Кайроли и ихъ геройскіе товарищи заплатили своей кровью за благородный патріотизмъ и преданность своимъ союзникамъ, произведшимъ возстаніе въ Римѣ.

Утро 24 октября было хладное, мрачное, предзнаменовавшее новыя несчастья злополучной Италіи; оно грустно освятило юное, благородное лице Энрико, этого новаго Леонида, и лице его брата Джіовани, лежавшихъ въ лужахъ крови рядомъ съ своими столь же мужественными товарищами. Первый изъ нихъ умеръ съ улыбкой презрѣнія на устахъ, презрѣнія къ той наемной сволочи, которая умертвила ихъ въ безчестномъ бою десятерыхъ противъ одного. Джіовани, смертельно раненный, лежалъ подлѣ бездыханнаго трупа его любимаго брата, окруженный другими страдальцами, славныя имена которыхъ исторія занесетъ на свои страницы.

Мало уцѣлѣло изъ храбрыхъ Семидесяти, и тѣ, оставивъ поле битвы или, лучше сказать, бойни, присоединились къ другимъ своимъ товарищамъ, которые въ тоже время сражались съ чужестранными легіонами внѣ стѣнъ Рима. Предпріятіе Гверцони, хотѣвшаго овладѣть складомъ оружія у воротъ Сан-Паоло, было ведено съ тою же храбростью, которую онъ выказалъ въ сотнѣ битвахъ; оно не удалось по той простой причинѣ, что римскіе юноши подъ его предводительствомъ были плохо вооружены и не могли устоять передъ огнемъ усовершенствованныхъ ружей папскихъ наемниковъ. Послѣ тысячи мужественныхъ усилій онъ и Кастелацци были отброшены въ общемъ смятеніи разсѣяннаго во всѣ стороны народа. Дѣлать было нечего, имъ оставалось только скрыться до новой возможности помѣряться съ врагами за освобожденіе Рима.

Куки, Босси и Адамоли во главѣ своихъ отрядовъ совер-

шили чудеса храбрости. Они овладѣли частью казармъ зуавовъ, сражаясь только револьверами и простыми ножами. Кромѣ того происходили безконечныя стычки между папскими войсками и народомъ, который за неимѣніемъ оружія избивалъ до смерти палками враговъ своей родины. Но и здѣсь, какъ вездѣ, имъ пришлось уступить многочисленности, оружію и дисциплинѣ своихъ враговъ. Здѣсь такъ же, какъ въ другихъ мѣстахъ, восходящее солнце освѣтило груды труповъ и раненыхъ.

Такимъ образомъ колеблющійся престолъ Намѣстника Христова былъ возстановленъ рѣзней несчастнаго римскаго народа наемной сволочью всѣхъ націй, поддерживаемой штыками солдатъ Бонапарта.

V.

КАТАСТРОФА.

Намъ еще остается разсказать подробности осады фабрики.

Приступъ былъ неминуемъ. — „На мѣста, ребята, на мѣста!“ воскликнули въ одинъ голосъ Ораціо, Аттиліо и Муціо. И не успѣли они отдать эту команду, какъ папскія войска хлынули на главныя ворота фабрики. Внутри вездѣ потушили огонь и потому осаждающіе не могли разсмотрѣть въ темнотѣ бойцевъ за свободу; напротивъ, первые изъ нихъ, которые рѣшились взобраться на барикаду, были убиты на мѣстѣ страшными топорами Ораціо и Муціо, саблей Аттиліо и другими орудіями храбрыхъ защитниковъ.

Но хотя они и отбили непріятеля, осажденные понесли важную потерю: пистолетная пуля пронзила сердце мужественнаго Ораціо, который, презирая всякой засадой, стоялъ на самой вершинѣ барикады подъ выстрѣлами враговъ и палъ, нанося смертельный ударъ топоромъ одному изъ папскихъ солдатъ. „Князь римской кампаніи“ грохнулся на землю, какъ могучій дубъ его родныхъ лѣсовъ, сжимая даже и въ смерти правой рукой свое смертоносное орудіе.

„Ирена!“ была его послѣдняя мысль и послѣднее слово, вы-

рвавшееся изъ его помертвѣвшихъ устъ. И этотъ крикъ пронзилъ сердце Ирены, ибо всѣ три наши героини, хотя не принимали участія въ защитѣ барикады, были невдалекѣ отъ своихъ возлюбленныхъ. Ирена первая бросилась на этотъ предсмертный зовъ, а за ней тотчасъ послѣдовали ея подруги. Тѣло Орацiо находилось еще на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ палъ, и потому Ирена, не смотря на опасность, мгновенно взобралась на барикаду, но въ туже самую минуту непріятельская пуля поразила ее въ лобъ: ибо папскіе наемники, взбѣшенные своей неудачей, стрѣляли теперь безъ всякаго толку въ открытыя ворота.

Можно себѣ представить, съ какимъ горемъ въ сердцѣ уцѣлѣвшіе два товарища и ихъ возлюбленныя понесли эти дорогіе имъ трупы во внутренность фабрики, которая теперь стала жилищемъ смерти, ибо тщетно уже было начальникамъ уговаривать своихъ людей сидѣть въ засадѣ.

Бываютъ минуты, когда смерть теряетъ весь свой ужасъ и тѣ, которые бѣжали бы при видѣ одного солдата, не обращаютъ вниманія на дождь пуль, летящихъ со всѣхъ сторонъ. Въ такомъ положеніи находились и эти бѣдные, мужественные рабочіе. Не считая многочисленнаго войска, окружающаго фабрику, и громаднаго количества ружей, поддерживавшихъ огонь противъ нихъ, они смѣло отстаивали ворота, не принимая никакихъ мѣръ осторожности и совершенно ненужно подвергая себя смерти. Такимъ образомъ ряды защитниковъ быстро рѣдѣли, а число убитыхъ и раненныхъ ежеминутно возрастало.

Аттиліо и Муціо понимали теперь, что имъ оставалось только удерживать враговъ до минуты своей смерти. Но Клелія и Джулія! — Зачѣмъ имъ умирать столь юнымъ и прелестнымъ!

— Поди, Муціо, сказалъ Аттиліо: — и уговори ихъ, пока еще не поздно, бѣжать въ заднія ворота и скрыться въ вѣрномъ убѣжищѣ. Скажи, что мы послѣдуемъ вскорѣ за ними.

Въ послѣднихъ словахъ своихъ благородный римлянинъ намѣренно говорилъ неправду; онъ вкусилъ уже славы мученичества и ни за что, даже ради любви своей Клеліи, не отказался бы отъ него.

Но кто явился въ эту минуту, словно чудомъ посреди всеоб-

щаго отчаянія? Никто иной, какъ Джакъ, нашъ храбрый матросъ, которагоОраціо спасъ отъ смерти; находясь въ Римѣ во время возстанія, онъ былъ посланъОраціо, къ которому онъ былъ очень привязанъ,—для разузнанія результата возстанія въ другихъ частяхъ города. Онъ взлѣзъ въ фабрику чрезъ окно, съ ловкостью векши, и отрапортовалъ нашимъ друзьямъ обо всемъ видѣнномъ. Какъ мы уже знаемъ, эти вѣсти были нерадостныя. Онъ съ истинно-англійской отвагой и ловкостью принялъ участіе почти во всѣхъ отдѣльныхъ битвахъ и раздѣлилъ судьбу героевъ.

Аттиліо и Муціо очень хорошо сознавали что ихъ ожидало, и теперь еще узнали, что ихъ возлюбленнымъ было невозможно бѣжать задними воротами, такъ какъ для этого требовались бы ловкость и искуство юнаго матроса.

— Я передамъ имъ твои слова, сказалъ Муціо, въ отвѣтъ на замѣчаніеОраціо:—но я увѣренъ, что во первыхъ имъ нельзя отсюда уйти, а во вторыхъ, еслибъ и было можно, то онѣ не пойдутъ.

VI.

ПОДЗЕМЕЛЬЕ.

Между уцѣлѣвшими рабочими, защищавшими переднія ворота фабрики, находился сѣдой старикъ. Онъ внимательно слушалъ разговоръ предводителей и при послѣднихъ словахъ Муціо воскликнулъ:

— *Corragio, signori*! если вы желаете удалиться отсюда и спасти женщинъ, то я вамъ укажу безопасный путь.

Лучъ надежды блеснулъ въ умахъ нашихъ друзей при вѣсти, что можно было спасти ихъ возлюбленныхъ, и они рѣшились тотчасъ этимъ воспользоваться, такъ какъ нельзя было терять ни минуты, ибо непріятель готовился къ новому приступу.

Муціо подошелъ къ Джуліи и къ Клеліи, бывшимъ не вдалекѣ, и взялъ съ нихъ обѣщаніе, что онѣ укроются отъ опасности со старикомъ Дентато и Джакомъ въ подземелье. Остальныя жен-

щины должны были послѣдовать за ними, а подъ конецъ и наши друзья со всѣми уцѣлѣвшими защитниками фабрики.

А раненные? О! нѣтъ ничего ужаснѣе въ бойнѣ людей, называемой сраженіемъ, какъ оставленіе раненыхъ на полѣ битвы.— *Poveri*! Въ одно мгновеніе вы перестаете видѣть лица вашихъ друзей, вашихъ братьевъ, съ любовью ухаживавшихъ за вами, и передъ вашими глазами являются ужасныя, жестокія, торжествующія лица наемниковъ. Чего вы можете отъ нихъ ожидать? Они или обойдутся съ вами самымъ грубымъ, презрительнымъ образомъ, или просто обагрятъ свои подлые штыки вашей честной кровью. Низкіе трусы! Сколько разъ они бѣжали передъ вами, и вы благородно щадили ихъ жизнь!

Поддерживаемые двадцатью тысячами французскихъ солдатъ они собрались съ силами и забыли, что одолжены вамъ своей постыдной жизнью.

Въ Сент-Антоніо (въ Америкѣ) итальянцы сражались противъ воиновъ деспотизма и многіе были ранены, но всѣ они были перенесены на рукахъ товарищей или перевезены на лошадяхъ съ поля битвы, такъ что ни одинъ живой (1) человѣкъ не достался въ руки головорѣзовъ Розы.

А папскіе наемники развѣ менѣе жестоки? На станціи Монте-Ротондо, послѣ славнаго приступа 25 октября, лежало трое раненыхъ, выжидавшихъ поѣзда въ Терни, какъ вдругъ явились папскіе солдаты. Достойные послѣдователи инквизиторовъ, они для забавы пронзили штыками нашихъ несчастныхъ товарищей и размозжили имъ головы прикладами (2).

О, итальянцы! не оставляйте никогда вашихъ раненныхъ во власти враговъ. Это слишкомъ ужасное, возмущающее душу зрѣлище. Если ихъ не убьютъ, то они станутъ предметомъ насмѣ-

---

(1) Грустно признаться, но одинъ солдатъ, безнадежно раненый, былъ разстрѣлянъ, чтобъ онъ не попался во власть враговъ, которые обыкновенно отрубали головы всѣмъ плѣннымъ, находимымъ на полѣ сраженія.

(2) Это историческій фактъ.

шекъ и издѣвательства для тѣхъ, которымъ не новость оскорблять Италію.

Аттиліо и Муціо, не смотря на всю усталость и свои собственныя раны, не хотѣли бросить своихъ товарищей, ибо папскіе солдаты надругались бы надъ ними и ограбили бы ихъ.

Въ нижнемъ этажѣ фабрики, въ концѣ громадной залы, гдѣ мыли шерсть, была масивная, дубовая дверь, которая казалось съ перваго взгляда вела въ проточную трубу, шедшую въ Тибръ. Дѣйствительно, каналъ существовалъ, но дверь эта вела не въ него, а въ подземелье, куда проникали по мосту, перекинутому черезъ вышесказанный каналъ. Въ это-то подземелье медленно направилось шествіе изъ благородныхъ женщинъ, раненныхъ и рабочихъ.

Но въ городѣ, изобилующемъ патерами, гдѣ воспитаніе состоитъ въ обученіи людей лжи и лицемѣрію, нѣтъ недостатка въ шпіонахъ. И въ этомъ случаѣ какой-то шпіонъ бросилъ осаждающимъ изъ верхняго этажа записку, въ которой извѣщалъ папскую армію, что храбрые защитники свободы отступаютъ въ подземелье.

Очень естественно, приступъ долѣе не откладывали, и громадная толпа наемниковъ и полиціи бросилась на барикаду и разрушила ее.

Въ живыхъ остались только немногіе изъ защитниковъ. Еслибъ Аттиліо и Муціо думали о себѣ и искали спасенія въ бѣгствѣ, то быть можетъ они спасли бы свою жизнь; но эти благородные римляне не цѣнили своей крови. Они не бѣжали, а отчаянно боролись впродолженіи нѣкотораго времени съ постоянно увеличивавшимся потокомъ враговъ. Многіе изъ осаждающихъ усѣяли своими трупами взятую ими барикаду. Но у героевъ, какъ и у трусовъ одна только жизнь. Осаждающихъ было несмѣтное количество, и мужественные бойцы римской свободы пали рядомъ геройскою смертью.

Дентато, присутствовавшій при этой послѣдней сценѣ и видя, что все было кончено, отправился незамѣтно, благодаря окружающей темнотѣ, въ прачешную, а оттуда въ подземелье, затворивъ за собою дверь и старательно ее заложивъ.

Папскіе наемники, не имѣя другой цѣли, какъ грабежъ и убій-

ство, наводнили фабрику, надѣясь утолить свою жажду мести и найдти богатую добычу. Они не подумали о дубовой двери, въ которую спаслись защитники итальянской свободы. Когда же видя во всемъ зданіи одни только трупы, они наконецъ вспомнили о подземельѣ и послѣ долгихъ поисковъ и распросовъ отыскали ведущую туда дверь—то уже было поздно, бѣглецы успѣли спастись.

Въ первыхъ дняхъ ноября 1867 г. три женщины, старикъ и юноша, цвѣтущій молодостью, вышли изъ вагона на Ливорнской станціи. Впереди всѣхъ шла одна изъ тѣхъ дочерей Альбіона, возвышенная, благородная красота которыхъ вселяетъ въ сердце новыя мысли о достоинствѣ и счастьѣ въ жизни. Она однако была очень грустна и вся въ траурѣ. Ея подруга, столь же прелестная и грустная, представляла совершенно иной, но изящно женственный южный типъ, напоминающій Форнарину, Рафаэля. Третья женщина была также замѣчательно хороша, но горе изрѣзало ея чело глубокими морщинами и придало ея грустнымъ чертамъ какое-то блуждающее, безчувственное выраженіе.

Старикъ Дентато, котораго Джулія не хотѣла бросить въ горѣ и нищетѣ, хлопоталъ около багажа. Джакъ съ проворствомъ шестнадцати-лѣтняго юноши предложилъ свою руку дамамъ, выходившимъ изъ вагона; а потомъ отыскалъ въ толпѣ капитана Томсона и жену его, синьору Орелію, дожидавшихся Джулію. Одинъ Джакъ былъ въ состояніи разсказать имъ о всемъ случившемся.

— О! воскликнулъ онъ со слезами: — я нашелъ ихъ тѣла и покрылъ ихъ поцѣлуями.

Вслѣдъ за этимъ онъ разсказалъ о томъ, какъ предали погребенію дорогихъ для него Орацію и Ирену, его спасителей и покровителей.

Женщины обнялись, безмолвно плача, и не были въ состояніи промолвить ни одного слова. Черезъ нѣсколько минутъ капитанъ Томсонъ, котораго вся эта сцена очень тронула, подошелъ къ своей госпожѣ и, снявъ шляпу, сказалъ:

— Сударыня, яхта ожидаетъ вашихъ приказаній у мола. Желаете вы тотчасъ ѣхать на ней?

— Да, Томсонъ, отвѣчала она:—ѣдемъ скорѣе на яхту и подымемъ паруса, чѣмъ скорѣе мы удалимся изъ Италіи, тѣмъ лучше. Она стала могилой своихъ благороднѣйшихъ, прекраснѣйшихъ сыновъ.

Черезъ нѣсколько часовъ *Чайка* вышла изъ Ливорно, и Джулія съ своимъ новымъ семействомъ отправилась въ Англію, гдѣ окружила ихъ всевозможными попеченіями. Вскорѣ присоединились къ нимъ Манліо съ Сильвіей, которые до тѣхъ поръ оставались на островѣ *Отшельника.*

Удаляясь изъ Италіи, Джулія дала клятву никогда не возвращаться въ эту несчастную страну до тѣхъ поръ, пока Римъ, освобожденный отъ папскаго деспотизма, не дозволитъ ей воздвигнуть достойнаго, національнаго памятника милому ея сердцу и геройскимъ его товарищамъ.

КОНЕЦЪ.

ПАПСТВО

КАКЪ ТОРМАЗЪ БЛАГОДЕНСТВІЯ НАРОДОВЪ

или

КРЕСТОВЫЙ ПАУКЪ

Соч. д-ра Франца Губера

Профессора исторіи въ Бернѣ

I

ПАПЫ КАКЪ ИСТРЕБИТЕЛИ ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО РОДА

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ Д-РА М. ХАНА, ВЪ БОЛОТНОЙ УЛ. Д. № 5

1870

„Wenn Deutschland frei und glücklich werden will, so musz es vor Allem die Fesseln der römischen Tyrannei zerreiszen und sich die erdrückende Last des faulen Pfaffen-und Mönchthums vom Halse schaffen.“

Ulrich von Hutten,
gest. 29. August 1523.

„Если Германія желаетъ быть свободна и счастлива, то, прежде всего, она должна разорвать цѣпи римской тираніи и сбросить съ себя подавляющее иго лѣниваго поповства и монашества католицизма.“

Ульрихъ фонъ Гуттенъ,
умеръ 29 августа 1523 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Римскій цесаризмъ наложилъ желѣзныя цѣпи на древній міръ, захвативъ при этомъ и оазисы элинской цивилизаціи. Онъ заставилъ умолкнуть духъ свободы, національности, патріотизма, знанія въ разслабляющихъ объятіяхъ необузданнаго сладострастія, и такимъ образомъ низвелъ народы на степень трусливыхъ, тупоумныхъ стадъ, рожденныхъ единственно для того, чтобы съ самоотверженной покорностью служить богоподобнымъ императорамъ. Самая наглая роскошь и утонченнѣйшій развратъ свирѣпствовали въ то время, попирая ногами спину порабощеннаго человѣчества.

Тогда-то христіанство вдругъ открыло этимъ страдающимъ массамъ идею равенства всѣхъ людей въ правахъ и въ обязанностяхъ, и обѣщало имъ полныя блаженства небесъ, взамѣнъ земнаго міра, исполненнаго страданій. Съ довѣріемъ и надеждой устремились угнетенные и несчастные въ его спасительное лоно. И такъ, если бы „пастыри“, вѣрные духу истинно христіанскаго смиренія и братства, постепенно и вмѣстѣ съ тѣмъ энергически направляли „паству Господа“ на стезю истинно гражданскихъ добродѣтелей въ духѣ свободы и мира, то бѣшеный потокъ тираніи древняго Рима и грубаго варварства, постепенно смягчаясь въ чистыхъ и кроткихъ струяхъ любви къ ближнему и благоденствія народовъ, вскорѣ совершенно бы исчезъ. Но вмѣсто этого, пастыри весьма скоро сдѣлались могущественны и богаты; и подстрекаемые духомъ властолюбія и любостяжанія, забыли о своихъ кроткихъ обязанностяхъ смиренія и братской любви. Прилѣпившись къ свѣтскому деспотизму, они въ воображаемомъ качествѣ „намѣстниковъ Бога“ требовали слѣпаго повиновенія отъ народовъ и наконецъ даже вассальнаго себѣ подчиненія отъ владѣтельныхъ лицъ. Такъ по крайней мѣрѣ дѣйствовали римскіе папы послѣ того, какъ они уничтожили раздоры въ своей средѣ посредствомъ императорскихъ декретовъ, добытыхъ лестью и угодливостью.

Они старались основать всемірную римско-католическую державу, въ которой свѣтскіе властители и правительства должны были играть роль пасивныхъ автоматовъ въ рукахъ папскаго всемогу-

щества. Они не останавливались ни предъ какими средствами для достиженія этой высокомѣрной цѣли. Самое грубое суевѣріе вскорѣ заглушило послѣднія человѣчныя проявленія элинскаго искуства и просвѣщенія; свѣтъ разума былъ помраченъ и преданъ осужденію, и языческая вѣротерпимость быстро преобразилась въ самое свирѣпое преслѣдованіе противъ лицъ, имѣвшихъ другой образъ мыслей. Представить народамъ эту *травлю еретиковъ* въ общей и по истинѣ ужасающей картинѣ составляетъ главную задачу настоящаго труда.

Пусть каждый безпристрастный человѣкъ узнаетъ что значитъ отклониться отъ пути истинной гуманности и единственно изъ высокомѣрія сдѣлаться обманщикомъ и палачемъ своихъ ближнихъ.

Но пусть также онъ убѣдится, что теперь самое время отречься отъ суевѣрія, которое было причиною столькихъ несчастій и кроваваго позора какъ для лишенной воли паствы, такъ и для самихъ *„непогрѣшимыхъ пастырей“*. ***Папство не можетъ и не захочетъ*** признать рядомъ съ собою какое нибудь другое вѣрованіе, а постоянно будетъ стараться возстановить въ прежнемъ блескѣ господство Рима на обломкахъ уничтоженной реформаціи, основать царство тьмы и суевѣрія на развалинахъ цивилизаціи, и такимъ образомъ снова водворить времена варварства, инквизиціи и аутодафе.

И такъ во имя свободнаго разума, гуманности и цивилизаціи, во имя истины, справедливости и добродѣтели, во имя равноправности людей и любви къ ближнему — этихъ главныхъ основаній гражданской свободы и прочнаго мира, соберитесь вы друзья разума, истины, справедливости и добродѣтели, сторонники равноправности людей и любви къ ближнему, поборники свободы народовъ и всеобщаго мира, и старайтесь положить преграду вліянію римскихъ поповъ!

Да, соберитесь во едино и, забывая мелочные раздоры, противопоставьте сомкнутому воинству римско-поповской іерархіи такое же единодушное воинство подъ знаменемъ благоразумной свободы!

Желаю вамъ успѣха.

Бернъ 10 марта 1869 г.

Д-ръ **Францъ Губеръ.**

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Объясненіе заглавія книги.

Они высиживаютъ яйца василисковъ и ткутъ паутину. Съѣвши ихъ яйца,умрешь; если же раздавить ихъ, то оттуда выползетъ ужъ. Ихъ паутина не годится на платья, а ихъ ткань не годится для покрышки, такъ какъ ихъ работа есть мученье, а въ рукахъ ихъ преступленіе. Ихъ стопы направляются на пути къ злу и они торопятся проливать невинную кровь; ихъ мысли суть заботы; ихъ пути исполнены суеты и пагубы. Имъ невѣдома стезя мира, и нѣтъ правды въ ихъ путяхъ; они ложны въ своихъ путяхъ; кто идетъ по нимъ, тотъ никогда не будетъ пребывать въ мирѣ.

„Золотой Капитолій стоитъ весь въ грязи. Всѣ храмы римскіе покрыты слоемъ копоти и обвиты паутиной.“

Эти преувеличенныя ликованія „святаго“ Іеронима, обращенныя къ его ученицѣ Летѣ (1), послѣдній поэтъ римлянъ Клавдіанъ опровергъ вполнѣ, когда въ 403 году онъ одновременно съ Іеронимомъ сопровождалъ императора Гонорія въ „вѣчный городъ“ и, стоя на крышахъ императорскихъ дворцевъ, восхищался „неописаннымъ великолѣпіемъ древней столицы, ея многочисленными храмами съ золотыми кровлями, ея тріумфальными арками, украшенными трофеями, ея колонами и статуями, поднимав-

(1) Hieronimi Epistol 107 ad Laetam de institutione filiac (о воспитаніи дочери) Т. I. стран. 642.

шимися до облаковъ, и ея громадными зданіями, въ гигантскихъ фундаментахъ которыхъ человѣческое искуство собрало всѣ богатства природы"; присовокупляя что „его стихи были только слабымъ отголоскомъ восторга по поводу того, что нельзя было выразить словами!"

Черезъ двѣсти лѣтъ послѣ него, епископъ Григорій стоялъ на каѳедрѣ собора св. Петра и въ своей проповѣди сравнивалъ передъ лицемъ выродившихся римлянъ „когда-то неизмѣримый городъ съ глинянымъ сосудомъ, и когда-то всемогущій народъ съ ощипаннымъ орломъ, который ослабѣлъ отъ старости и умирая сидитъ на берегу Тибра."

Черезъ 800 лѣтъ послѣ Григорія, во времена папы Мартина V Поджіо Брачіолини стоялъ на развалинахъ Капитолія. Съ грустью глядя на древній Римъ, отъ котораго не сохранилось уже ничего, кромѣ нѣсколькихъ гигантскихъ развалинъ, остатковъ разрушенныхъ храмовъ, низвергнутыхъ архитравовъ, зіяющихъ и растреснувшихся сводовъ, и валяющихся во прахѣ черепицъ отъ зданій форума, и на мѣстѣ котораго въ его время уже пасли скотъ, онъ предавался размышленіямъ о превратностяхъ счастія (1).

Да, Римъ, „чудо" и владыко міра, котораго „храмы возносились до небесъ;" — „Римъ, обиталище закона, училище знаній, вершина свободы, единственный всемірный городъ, въ которомъ только варвары и рабы чувствовали себя чужими," — Римъ, „обладавшій даромъ неизъяснимо сладостной рѣчи, разносившейся по всему свѣту, Римъ, котораго разрушеніе было равносильно разрушенію всего міра (2)," этотъ Римъ подвергся и долженъ былъ подвергнуться разрушенію: потому что этотъ Римъ, воздвигнутый обоготворимыми императорами „изъ добычи и даней, изъ пота и крови ограбленныхъ провинцій" и тѣмъ глубже погрязавшій въ наслажденіяхъ и порокахъ, чѣмъ болѣе его подтачивалъ червь дес-

(1) Ср. Gregorovius Geschichte der Stadt Rom im Mittelalter. T. 1, стр. 13 и 14.

(2) Ср. Cossidorus, Var. Lib. X, 7 и VII, 15. — Apoll. Sidon. Epist. 1, 5. p. 12 и 9 p. 22.—Sactantius: Divin. Institut., VII, 25. — Далѣе прощальное стихотвореніе префекта Рутилія; эдиктъ Готскаго короля Теодорика и проч.

потизма, — не могъ уже устоять, когда обѣднѣвшія провинціи, уступая дикому народу такъ называемыхъ варваровъ, болѣе и болѣе удалялись отъ чужеядныхъ объятій „гигантскаго цвѣтка“ и жившіе внѣ Рима властители должны были заботиться о внѣримскихъ интересахъ.

Римляне создали и въ теченіе цѣлыхъ столѣтій поддерживали цѣлый міръ и съ разрушеніемъ этого міра долженъ былъ въ теченіе вѣковъ разрушиться „священный властелинъ міра, золотой и вѣчный Римъ.“

Пусть пламенный поклонникъ класической древности оплакиваетъ падшій „міръ красоты“, истинный другъ человѣчества, напротивъ того, имѣлъ бы право порадоваться, если бы „языческіе“ храмы были превращены въ залы для проповѣдей и въ высшія школы истины и гуманности; дворцы и дома—въ почтенные семейные очаги и фабрики; разгульныя и другія разнаго рода увеселительныя заведенія — въ полныя дѣятельности мастерскія; цирки и театры—въ мѣсто приличныхъ увеселеній и общественнаго отдыха; слишкомъ многочисленныя бани въ благотворительныя заведенія для больныхъ и бѣдныхъ, для вдовъ и сиротъ всякаго возраста и вѣроисповѣданія; и если бы на форумахъ творился правый судъ, равный для всѣхъ и каждаго. Но этого не произошло на самомъ дѣлѣ; напротивъ того, человѣческая слабость и себялюбіе дѣлали другое.

Базилики и храмы сдѣлались мѣстами христіанскаго богослуженія, бани и дворцы — мужскими и женскими монастырями; прочія же зданія, не смотря на изображенный на нихъ крестъ, остались по большей части тѣмъ, чѣмъ были прежде, т. е. жилищами суевѣрія, лицемѣрія, разврата и, — что у язычниковъ случалось рѣже, — поповскаго любостяжанія и соблазна. Мѣста общественныхъ увеселеній и отдыха, вмѣсто того чтобы подвергнуться нравственнымъ преобразованіямъ, опустѣли и разрушились, между тѣмъ какъ форумы заросли травою, золотой капитолій почернѣлъ отъ грязи и наконецъ всѣ остальные памятники римской роскоши и величія покрылись копотью и паутиной.

Однако же въ тоже время стали процвѣтать благотворитель-

ныя заведенія, почти совершенно неизвѣстныя язычникамъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми неизвѣстными до тѣхъ поръ добродѣтелями и способностями: мраморныя скамьи въ ваннахъ, на которыхъ языческое тщеславіе и сладострастіе располагались такъ широко, были отчасти пощажены и превращались въ римскія епископскія каѳедры, на которыхъ съ теченіемъ времени высокомѣріе и порочность римскаго духовенства должны были превзойдти прежнихъ хозяевъ—нехристіанъ даже и въ утонченномъ развратѣ.

Но всѣхъ превзошелъ тотъ первосвященникъ въ Латеранѣ, который при посредствѣ своихъ подчиненныхъ священниковъ и монаховъ опуталъ мыслительныя способности отдѣльныхъ личностей и народовъ такою крѣпкою тканью оцѣпенѣлой вѣры, что они, подобно неосторожнымъ мухамъ, уже около двухъ тысячъ лѣтъ находятся въ плѣну, въ мрачныхъ стѣнахъ *латеранскаго крестоваго паука* и на всѣ свои исполненные мольбы или угрозъ крики объ освобожденіи отъ папскаго ига, или, по крайней мѣрѣ, объ облегченіи его—получаютъ все одинъ и тотъ же отвѣтъ:

„Non possumus!“

Но прежде изложенія причинъ, которыя такъ настоятельно запрещаютъ папѣ-королю сойдти съ своего жреческаго трона, я представлю еще характеристику паука, дабы не могли сказать, что заглавіе этой книги не имѣетъ значенія и выбрано случайно или съ злымъ намѣреніемъ.

Пауки, также какъ и католическіе священники, не имѣютъ ни крыльевъ, ни щупальцевъ (Fühlhörner). У нихъ есть только голова и брюхо, но нѣтъ груди, а потому нѣтъ и сердца для любви къ ближнему и влеченія къ семейной жизни. Не смотря на это, у нихъ есть самки и дѣтеныши, которыя, будучи сначала свѣтложелтаго цвѣта и веселаго нрава, дѣлаются потомъ все темнѣе и мрачнѣе, пока наконецъ не сдѣлаются совершенно похожими на своихъ родителей. Однако же каждый паукъ, едва вышедши изъ гнѣзда, живетъ одинъ въ своей собственной паутинѣ или

щели, за исключеніемъ времени половаго сближенія. Ихъ пищепріемные органы снабжены крючкомъ, изъ отверстія котораго льется ядъ въ прокушенную рану. Ихъ ноги снабжены когтями. Почти всѣ они ткутъ паутину и имѣютъ свое мѣстопребываніе или посреди ея, или же по сосѣдству, въ углу, откуда съ жадностью высматриваютъ добычу. Едва она попадется къ нимъ въ сѣти, какъ паукъ уже очутится возлѣ нея, стараясь нанести ей ударъ ядовитымъ крючкомъ. Если же плѣнникъ непокоренъ или почему нибудь опасенъ, то паукъ благоразумно ретируется, давая ему время утомиться и болѣе и болѣе запутаться въ паутинѣ. Когда же наконецъ опасность пройдетъ, то паукъ снова приближается и опутываетъ свою жертву новыми нитками, которыхъ ткань бываетъ иногда такъ густа, что сквозь нее узника уже не видно; другими словами—паукъ, такъ сказать, замуравливаетъ его.

Паукъ обыкновенно высасываетъ свою жертву; при изобильной пищѣ онъ быстро тучнѣетъ, но онъ также можетъ долгое время голодать и постовать, если этого потребуютъ обстоятельства. Въ городахъ и деревняхъ, въ домахъ и конюшняхъ этихъ пауковъ не любятъ, потому что они неопрятны и безобразны, польза же, которую они оказываютъ ловлею мухъ и комаровъ такъ незначительна, что на нее не обращаютъ вниманія; напротивъ того, вредъ отъ нихъ бываетъ непоправимъ, если паукъ попадетъ въ супъ и поселитъ раздоръ между мужемъ и женою. *Въ особенности ядовиты и вредны пауки испанскіе и итальянскіе.*

Пауки растягиваютъ свои сѣти повсюду, гдѣ можно поживиться чѣмъ нибудь: на листьяхъ, кустахъ и деревьяхъ, въ трещинахъ стѣнъ и разсѣлинахъ земли, подъ камнями, въ конюшняхъ и хижинахъ, въ домахъ и дворцахъ; даже подъ водою и на кроватяхъ, гдѣ совсѣмъ имъ не мѣсто, — всюду можно найдти этихъ безсердечныхъ, но не лишенныхъ чувственности насѣкомыхъ.

Въ особенности опасенъ волосатый, темнокоричневый паукъ съ красноватыми оконечностями ногъ, который охотно сражается съ такъ называемою адскою осою (caballito del diabolo); его боятся болѣе, чѣмъ гремучей змѣи, такъ какъ даже люди умираютъ отъ его укушенія. Его любимую пищу составляютъ молодыя птички;

напротивъ того, бархатно-черный паукъ любитъ больше молодыхъ жареныхъ курочекъ.

Крестовый паукъ совершенно похожъ на другихъ пауковъ, но только онъ немножко *пузатѣе* и *пестрѣе*. Онъ переливается всѣми цвѣтами, такъ что нерѣдко кажется будто онъ украшенъ жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. Въ особенности хороши синіе и кармазинно-красные крестовые пауки, которыхъ сѣть обыкновенно такъ велика и раскинута такъ ловко, что они весьма рѣдко голодаютъ. Они-то именно прожорливѣе всѣхъ другихъ, почему и ткутъ себѣ болѣе обширную паутину.

Изъ другихъ видовъ паука, я упомяну еще о коричневомъ или, пожалуй, черномъ болотномъ паукѣ, котораго грудь и лобъ.... нѣтъ: грудь и задняя часть — обыкновенно отмѣчены бѣлою перевязью. Въ этомъ насѣкомомъ удивительнѣе всего то, что оно не мокнетъ въ водѣ (¹).

Однако латеранскій крестовый паукъ долженъ объяснить намъ что означаетъ его однообразное изреченіе—„Non possumus!“

ГЛАВА ВТОРАЯ.

NON POSSUMUS.

„Verachte nur Vernunft und Wissenschaft,
Des Menschen allerhöchste Kraft!
Lass nur in Blend-und Zauberwerken
Dich von dem Lügengeist bestärken
So hab' ich dich schon unbedingt!“

Mephistopheles.

Презирай только разумъ и знаніе, эту величайшую силу людей, позволь только духу лжи поддерживать тебя въ ослѣпленіи и чарахъ — и ты будешь безусловно въ моей власти.

„Non possumus!“ то и дѣло восклицаетъ Пій IX во имя папства, съ высоты своего колеблющагося трона.

(¹) Dr. H. Othm. Lenz: Gemeinnützige Naturgeschichte, Bd. III, S. 150 ff.

„Non possumus! потому что свѣтское владычество святаго престола даровано римскому папѣ по особеннымъ цѣлямъ божественнаго промысла. Оно необходимо для того, чтобы папа, не будучи подчиненъ никакому государю и никакой свѣтской власти, могъ съ полнѣйшею свободою пользоваться высшимъ... могуществомъ и авторитетомъ (1).

„Non possumus! потому что церковь есть сама себѣ властительница и не можетъ... быть заключена въ границахъ какого бы то ни было государства, а, напротивъ, должна распространяться до крайнихъ предѣловъ земли и управлять всѣми народами и націями, чтобы показать имъ путь къ вѣчному блаженству (2).

«*Потому что внѣ... римской церкви никто не можетъ спастись* (3)!

„Да будутъ же единодушны всѣ народы въ упроченіи этого общаго (?!) интереса христіанскаго міра, и даже всего общественнаго строя.

„Пусть короли и свѣтскіе властители познаютъ и научаются, что дѣло папы (!) есть также дѣло всѣхъ свѣтскихъ правительствъ (4).

„Пусть наши вселюбезнѣйшіе (!) сыны, государи... памятуютъ, что королевская власть дарована имъ *не для управленія міромъ, а главнымъ образомъ на защиту церкви.*

---

(1) „Der Papst und die modernen Ideen," vom Iesuitenpater Schrader. Wien 1864. 5. 8. Возваніе отъ 9 іюня 1862 г. Бреве объ отлученіи отъ церкви. Тамъ же стр. 106 и 107. Такъ какъ ни одинъ іезуитъ не можетъ издать или дозволить никакого сочиненія безъ одобренія своихъ начальниковъ, то это обнародованіе папскихъ манифестовъ и проч. доказываетъ съ очевидностью, что Пій IX выражался въ нихъ совершенно въ іезуитскомъ духѣ, или, другими словами, самъ сдѣлался въ нихъ рабомъ іезуитовъ.

Мѣста, обозначенныя точками я выпустилъ, какъ потому что они заключаютъ въ себѣ столько же неправдъ сколько словъ, такъ и потому что хотѣлъ яснѣе выказать самую сущность этихъ манифестовъ или стремленіе папы къ деспотическому насилію надъ государями и народами.

(2) Тамъ же стр. 28. Возваніе отъ 9 дек. 1854.

(3) Тамъ же, стр. 33.

(4) Тамъ же стр. 23. Адресъ епископовъ къ папѣ. Значитъ и остальные епископы тоже—рыцари іезуитовъ.

„Пусть они прилежно подумаютъ о томъ, что все, *сдѣланное ко благу церкви*, служитъ для ихъ царствованія и спокойствія; и пусть они убѣдятся, что дѣло вѣры *должно быть имъ ближе къ сердцу, чѣмъ дѣло ихъ царства* (1).

„Потому что католическая церковь учитъ королей заботиться о народахъ (?) и увѣщевать народы покоряться королямъ (2), лишь бы только не было приказано что нибудь противно законамъ... церкви (3); или какъ благоволитъ выражаться Пій VI... „однако не въ ущербъ праву католической религіи" (4).

Такъ гласитъ ученіе римскаго деспотизма.

Да, такъ взывалъ и взываетъ въ теченіе цѣлыхъ столѣтій гласъ съ высоты Ватикана, обращаясь къ слуху вѣрующихъ властителей и народовъ; и этотъ гласъ раздается изъ устъ „раба рабовъ божіихъ", который разпоряжается, сіяя тщеславнымъ блескомъ, въ то время, какъ его голова, вскормленная динаріями Петра, дарами вдовъ и сиротъ, и увѣнчанная тройною тіарой самодовольства, суевѣрія и отупѣнія, горделиво и весело поворачивается изъ стороны въ сторону. Да, такъ взывали и взываютъ уста первосвященника едино ведущей ко спасенью церкви, который въ своемъ іезуитскомъ высокомѣріи напрасно старается побороть оглушительными и омрачающими разумъ ударами средневѣковаго фанатизма и гнусной анаѳемы свѣтлые лучи разума и гуманности. Да, такъ гласятъ и гласили уста папы-короля и „пастыря божественной любви", который, при помощи чужеземныхъ наемниковъ навязываетъ своему ропщущему народу законы повиновенія и вѣрности, безчеловѣчно терзая свободномыслящія сердца, и на столько без-

---

(1) Тамъ же, стр. 86. Энциклика отъ 9 ноября 1846 г. и энциклика Григорія XVI, «Mirari vos». Также сравн. тамъ же. Тетр. IV: «Der Papst und die Freimaurer» 5. 15—«Конституція» Бенедикта XIV, 59.

(2) Тамъ же, Тетр. I, стр. 88.

(3) Тамъ же, стр. 46.—Энциклика при восшествіи на престолъ 9 ноября 1846 г.

(4) Тамъ же, стр. 79. — Естественно, римскіе патеры бунтовали съ народами противъ владычества государей и правительствъ, а съ государями и правительствами дѣйствовали противъ свободы, смотря потому, что именно нужно было для ихъ плановъ.

стыденъ, что торжественно заключаетъ эту травлю людей благодарственнымъ "Te Deum laudamus!"

„Противъ этого возстали и соединились въ шайки,—проповѣдуетъ тотъ же папа-король и рабъ іезуитовъ, — враги креста Христова, тѣ зачинщики козней и лжи, которые посредствомъ пагубныхъ и діаволскихъ ухищреній пятнаютъ и оскверняютъ всякую науку, приготовляютъ смертельный ядъ для погибели душъ, поддерживаютъ самый необузданный произволъ въ жизни, даютъ пищу всѣмъ дурнымъ похотямъ, подрываютъ религіозный общественный строй и стараются уничтожить всѣ идеи справедливости, истины, правосудія, честности и религіи (1)... Это обманщики, которые идутъ путемъ беззаконія, слѣдуя только своимъ собственнымъ побужденіямъ... безстыдные люди, которые имѣютъ главною цѣлью опутать вѣрующихъ посредствомъ философскаго суемудрія и обмана (2)... тѣ, въ высшей степени хитрые люди, которые называютъ свѣтъ мракомъ, а мракъ свѣтомъ, которые посредствомъ крамолъ и тайныхъ собраній стараются осмѣять Бога и всѣ высшія власти, и которые, провозглашая себя, на торжищахъ и въ другихъ мѣстахъ, истинными друзьями всеобщаго благосостоянія, тѣмъ не менѣе хотятъ все погубить и ниспровергнуть. Это медоточивые льстецы, которымъ Іоаннъ запрещаетъ не только давать пріютъ, но даже кланяться (это очень милостиво и человѣколюбиво со стороны апостола любви!) и которыхъ наши предки не задумываясь называли первенцами діавола, которыхъ законъ есть ложь, религія—сатана, а жертва—срамота (3). Это проклятыя общества, въ которыхъ точно въ помойной ямѣ (ахъ!) соединилось все что есть святотатственнаго, позорнаго и богохульственнаго въ ересяхъ и самыхъ отвратительныхъ сектахъ; въ нихъ ликуютъ безбожіе, безстыдная наука, необузданная распущенность (4)... Это

(1) Тамъ же, Тетр. I, стр. 2.—Возваніе 9 іюня 1862 г.

(2) Тамъ же, Тетр. IV, стр. 24 и 31.—Указъ Пія VII противъ карбонаріевъ отъ 13 сент. 1821 г.

(3) Тамъ же, стр. 45 и 51. — Указъ Льва XII противъ разныхъ обществъ отъ 13 марта 1825 г.—Энциклика Пія VIII отъ 24 мая 1829 г. и Возваніе Пія IX отъ 25 сент. 1865 г. Сравн. также Іоанна гл. 10.

(4) Тамъ же, стр. 55 и 56.—Энциклика Григорія XVI отъ 15 августа 1832 года.

предтечи и сообщники антихриста, которые, посредствомъ свободы печати, свободы вѣроисповѣданія и разныхъ тому подобныхъ свободъ поносятъ Бога, церковь и всѣхъ вѣрующихъ обитателей неба и земли (ого!) и ратуютъ противъ нихъ; это люди, несмѣтная масса лжи которыхъ подобная всепожирающей тучѣ саранчи (великолѣпно!) помрачаетъ солнце правды и уничтожаетъ всѣ добрыя сѣмена въ сердцахъ людей. Люди, которые подобно частому граду стрѣлъ безостановочно и безъ перемежки низвергаются на все доброе, истинное и благородное, дабы умертвить его своими отравленными остріями (1), люди, которые посредствомъ ученій, въ особенности же въ философской дисциплинѣ, самымъ плачевнымъ образомъ обманываютъ и губятъ непредостереженное юношество и подносятъ ему драконову желчь въ вавилонскихъ сосудахъ (2).“

Но оставимъ эти сумасбродства, которыми папская наивность и высокомѣріе, на потѣху вѣрующаго стада (3), осмѣливается запятнать всѣхъ тѣхъ, которые безстрашно высказываютъ свое убѣжденіе на счетъ равенства всѣхъ людей въ правахъ и обязанностяхъ; которые, руководясь чувствомъ истиннаго человѣческаго достоинства, возводятъ одинъ только разумъ на степень критеріума истины... словомъ всѣхъ тѣхъ, которые на столько прозорливы, чтобы видѣть какъ ученіе католическихъ духовныхъ сдѣлали людей неспособными къ мышленію, а вслѣдствіе этого и совершенно лишенными воли.

---

(1) Тамъ же, Тетр. IV, стр. 94.
(2) Тамъ же, Тетр. I, стр. 73. Энциклика Пія IX, отъ 9 нояб. 1846 г.
(3) Fideles oves, говоритъ энциклика отъ 8 декабря 1849 г.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Папы какъ истребители человѣческаго рода.

Пусть останется нерѣшеннымъ вопросомъ: правы ли тѣ „многіе“, которые утверждаютъ, будто бы духовное и свѣтское владычество римско-католическихъ епископовъ было исторической необходимостью для грубыхъ нецивилизованныхъ и беззаконныхъ столѣтій средневѣковой эпохи. За то не подлежитъ никакому сомнѣнію, что это первенство было вызвано никакъ не истинно-христіанскимъ духомъ равенства правъ и обязанностей или общечеловѣческаго братства. Въ римской имперіи оно первоначально достигло своего „чудеснаго торжества“ только тѣмъ, что оно съ одной стороны потворствовало деспотическимъ затѣямъ владѣтельныхъ лицъ, а съ другой присоблялось къ слабостямъ народовъ и къ фанатизму различныхъ сектъ. Такимъ образомъ пристрастіе тѣхъ вѣковъ ко всему видимому и матеріальному облекало ученіе католической церкви въ суевѣрный, весьма распространенный культъ, разсчитанный на возбужденіе и очарованіе чувствъ; простые нравственные принципы превращались въ какое-то таинственное ученіе вѣры, проникнутое духомъ исключительности и фанатизма, весьма похожимъ на тотъ, которымъ нѣкогда былъ проникнутъ законъ левитовъ и римская республика. Римлянинъ-республиканецъ смотрѣлъ на національности, жившія за предѣлами его отечества, съ надменностью, равнодушіемъ или же по крайней мѣрѣ съ чувствомъ мелочной политической зависти, часто подававшей поводъ къ ожесточеннѣйшимъ воинамъ. Римскій же попъ вскорѣ сталъ смотрѣть съ полнѣйшимъ блаженнымъ высомѣріемъ, воображаемой непогрѣшимостью, пренебреженіемъ и, мало того — съ презрѣніемъ даже на правовѣрнѣйшихъ изъ свѣтскихъ людей, обвинялъ всѣхъ мыслившихъ иначе въ неправдѣ и ереси и, въ заключеніе всего, объ-

являлъ преступникомъ и достойнымъ смерти всякаго, противившагося его мнѣніямъ (1).

Этимъ римскіе епископы, конечно, поддерживали единство католической вѣры, „потому что безъ абсолютной церкви, безъ римскаго духа епископовъ, которые съ энергіею Маріевъ и Сципіоновъ подавляли каждое крамольное поползновеніе провинцій отпасть отъ ортодоксальнаго ученія, оно легко распалось бы на сто религій и выдумокъ народной фантазіи (2).“—При этой же системѣ римско-таколическая церковь сдѣлалась настоящимъ центромъ христіанства (?) и духъ, распространяемый ею, проникъ во всѣ житейскія отношенія и по крайней мѣрѣ *придалъ колоритъ* тѣмъ учрежденіямъ, которыя не были имъ созданы. Цехи (?), ленная система, монархія, общежительные привычки народа, его законы, его стремленія, даже его удовольствія,—все получило свое начало отъ церковнаго ученія и какъ бы олицетворило собою церковный образъ мыслей. Мало того: „такъ какъ католицизмъ соединялъ въ себѣ самые противоположные и анархическіе элементы, возникшіе вслѣдствіе разгромленія римской имперіи, онъ проникалъ христіанство идеею объединяющаго союза, стоявшаго выше національныхъ подраздѣленій, идеею нравственной связи, выше самой власти; онъ смягчилъ рабство до степени крѣпостничества и уровнялъ путь къ окончательной эманципаціи труда; посредствомъ всего этого положилъ настоящее основаніе современной цивилизаціи. Подъ его вліяніемъ образовалась даже самая удивительная изо всѣхъ организацій —громаднѣйшая сѣть политическихъ, муниципальныхъ и соціальныхъ устройствъ, которая доставила большую часть матеріаловъ почти для каждой современной формы общеизвѣстнаго строя. Католицизмъ въ то время находился въ полнѣйшемъ соотвѣтствіи со всѣми умственными потребностями Европы“ (3).

---

(1) См. August. Epist. lib. I, c. 19 и далѣе с. 9.—Epist. 105, 158, 160, 166 ect. Срав. Deuteron. 17, 2—5.

(2) Gregorovius I. c. T. I стр. 118.

(3) W. E. Hartpole Lecky: исторія происхожденія и вліянія просвѣщенія въ Европѣ.

Всѣ эти увѣренія могутъ быть отчасти или даже вполнѣ справедливы съ тою прибавкою, что римскіе духовные своимъ нравственно политическимъ извращеніемъ дѣйствительно вызвали, если не прямо и непосредственно, то хоть косвеннымъ и посредственнымъ образомъ все это столь сильно ненавистное имъ „современное просвѣщеніе“. Но что вообще ихъ ученіе когда либо находилось въ полнѣйшемъ согласіи съ умственными потребностями Европы — это было бы уже слишкомъ рискованнымъ увѣреніемъ, если сообразить, съ какимъ рвеніемъ римскіе епископы всегда старались заодно со свѣтскимъ деспотизмомъ подавить всякое противорѣчившее имъ движеніе мысли какъ въ отдѣльныхъ личностяхъ, такъ и въ цѣлыхъ народахъ, изгнать его изъ своей области или даже уничтожить посредствомъ огня и меча и крови и взамѣнъ навязать свое собственное мнѣніе.

Но мнѣніе, навязанное такими средствами, не есть собственное убѣжденіе, между тѣмъ только такое убѣжденіе можетъ быть принято въ разсчетъ, когда идетъ рѣчь о полнѣйшемъ единодушіи многихъ отдѣльныхъ личностей, обществъ или народовъ. Этому-то собственному убѣжденію всегда и вездѣ съ безсовѣстною жестокостью противодѣйствовали всѣ главные и второстепенные священники римскіе съ сообщниками своими.

Папскій духъ касты вездѣ и повсюду направлялъ и направляетъ свои мысли и усилія только къ тому, чтобы наложить мѣдныя цѣпи на мозгъ и помышленія людей и съ властолюбивымъ опасеніемъ устранять отъ нихъ новыя идеи. Вслѣдствіе этого римскіе попы и ихъ сообщники съ давнихъ временъ держали народныя школы въ застоѣ, да и теперь охотно бы желали, чтобы метода обученія во всѣхъ университетахъ, коллегіяхъ, семинаріяхъ, общественныхъ и частныхъ школахъ вполнѣ согласовалась съ ученіемъ римско-католической религіи, и чтобы всякое другое вѣроисповѣданіе было окончательно изгнано и запрещено. „Потому что воспитаніе, желающее безъ помощи римско-католической религіи и нравственной дисциплины образовать нѣжныя души юношей и ихъ сердца, которыя такъ легко склоняются къ злу (слушайте!), должно произвести поколѣніе, которое, будучи руководимо и увлекаемо только дурными страстями и эгоизмомъ, принесетъ

несчастіе семьѣ и государству... Поэтому надлежитъ преимущественно и заботливо учить въ народныхъ школахъ дѣтей всѣхъ сословій тайнамъ (!) и предписаніямъ римско-католической религіи. Да, въ этихъ народныхъ школахъ преподаваніе закона Божія должно занимать рѣшительно первое мѣсто, *такъ чтобы другія знанія, которыя преподаются тамъ юношеству, имѣли видъ только второстепенныхъ предметовъ*" (1).

Великъ вредъ, который происходитъ отъ этого для самихъ католическихъ поповъ, такъ какъ подобная система подавляетъ естественное развитіе ихъ физическихъ и духовныхъ силъ: но для человѣческихъ поколѣній безконечно пагубны и невознаградимы послѣдствія, проистекающія изъ педантски ортодоксальнаго, фанатическаго воспитанія простодушныхъ народовъ, въ особенности въ тѣхъ,—увы, частыхъ—случаяхъ, когда папская тираннія и свѣтскій деспотизмъ съ безсовѣстностью и жестокостью дѣйствуютъ за одно къ отупѣнію и погибели народовъ.

Плачевнѣйшіе примѣры того, до чего можетъ довести націи эта страшная система римскаго духовенства при союзѣ его съ свѣтскимъ деспотизмомъ — представляютъ намъ двѣ прекраснѣйшія страны въ Европѣ—Италія и Испанія. Тамъ даже въ настоящее время изъ 20 миліоновъ людей умѣютъ читать и писать только 3 миліона; въ особенности плохо грамотна Испанія, которая, не смотря на свое прекрасное географическое положеніе и формацію почвы, въ общей дѣятельности народовъ играетъ очень незначительную роль.

Да повсюду, гдѣ жадное властолюбіе и падкое къ наслажденіямъ католическое духовенство омрачаетъ и отравляетъ веселую и свободную жизнь и ясный дневной свѣтъ, *являются препятствія для умственнаго развитія національнаго духа*, и повсюду, гдѣ царствуетъ католическое духовенство „народъ долженъ выродиться нравственно и физически." Такъ какъ способность властвовать и управлять *предполагаемъ* невозможна безъ знанія

---

(1) Возваніе Пія IX отъ 5 сентяб. 1851 г.

человѣка, его потребностей и условій его благосостоянія, а все воспитаніе католическаго духовенства направлено совершенно въ противоположную сторону; — то поэтому управленіе фанатическихъ священниковъ можетъ произвести только несчастіе и пагубу, потому что духъ, проникающій общественное и домашнее воспитаніе и форма этого воспитанія тѣсно связаны съ управленіемъ и законодательствомъ страны. Въ странахъ, управляемыхъ *деспотически*, все направлено къ тому, *чтобы сдѣлать изъ людей*, *рабовъ*, поэтому *страхъ* (передъ земными и адскими наказаніями) дѣлается главнымъ основнымъ правиломъ воспитанія, а *шпіонство* служитъ сильнѣйшимъ вспомогательнымъ средствомъ, и затѣмъ память утруждается на счетъ всѣхъ другихъ умственныхъ способностей. Это лучшій путь лишить человѣка его оригинальности, и сдѣлать его совершенно несамостоятельнымъ и немыслящимъ и слѣдовательно абсолютно послушнымъ (1).

Такимъ образомъ свободные люди,—стоитъ только напомнить о германскихъ племенахъ,—превратились въ низкопоклонныя, лакейскія души, которыя—не говоря уже ни о чемъ другомъ—находили и находятъ себя совершенно счастливыми, питаясь объѣдками и остатками, оставшимися отъ государствъ, находящихся подъ вліяніемъ римскаго католическаго духовенства. Во всѣхъ странахъ и во всѣ времена попы, „какъ корпорація" постоянно возставали противъ всѣхъ радостей жизни, которыя имѣютъ нравственное значеніе для счастья большей половины человѣческаго рода. Римское духовенство поставило на пьедесталъ божество имъ самимъ созданное, которое оно выставляло какъ существо любящее эпитимію, самопожертвованіе и умерщвленіе плоти, чтобы потомъ сдѣлать изъ этого предлогъ для запрещенія наслажденій, не только невинныхъ, но даже вполнѣ похвальныхъ. Потому что *всякое наслажденіе*, *которое ни для кого не вредно*, *можетъ считаться невиннымъ*, *и каждое невинное наслажденіе похвально*, потому что оно способствуетъ къ распространенію духа довольства и благопо-

---

(1) Eduard Reich: Über die Entartung des Menschen. Erlangen 1868 p. 403—468. Benjamin Ridge: „Health and disease, their laws etc." London, 1858 p. 286.

*

лучія — поддерживающаго добрыя намѣренія и благотворительность относительно другихъ. Но католическое духовенство наоборотъ поощряло совершенно противоположное настроеніе, и когда только власть находилась въ его рукахъ, оно запрещало множество пріятныхъ наслажденій по той причинѣ, что подобныя дѣйствія не угодны Божеству... Да, въ тѣ счастливые для него дни, когда оно стояло на вершинѣ, когда въ его рукахъ находилось никѣмъ не оспариваемое владычество, когда легковѣріе господствовало повсюду, а сомнѣніе было неизвѣстно, римское духовенство приносило человѣчеству всевозможныя несчастія. Оно научило свои простодушныя и несвѣдущія жертвы разнымъ родамъ умерщвленія плоти, бичеванію, нанесенію себѣ ранъ и подавленію своихъ естественныхъ влеченій и наклонностей (1).

Горе тому, кто осмѣлился бы критиковать или что еще хуже осуждать безпримѣрную самонадѣянность, нахальство, глупость, жестокость и испорченность „духовныхъ начальниковъ", потому что въ такомъ случаѣ, если не онъ самъ, то произведеніе его немилосердно были присуждаемы къ уничтоженію посредствомъ огня.

Какъ извѣстно, уже императоръ Діоклетіанъ приказалъ сжечь рукописи христіанъ. Точно въ отмщеніе за это, первые соборы настойчиво предавали проклятію еретическія книги и уничтожали ихъ посредствомъ слѣпо-повиновавшагося имъ „свѣтскаго правосудія." Такъ согласно постановленію Никейскаго собора императоръ *Константинъ* (337 год.) отдалъ приказаніе объ уничтоженіи аріанскихъ сочиненій, а затѣмъ *Аркадій* (408 г.) порѣшенію константинопольскаго собора запретилъ распространеніе сочиненій *Евномія*, написанныхъ также въ аріанскомъ духѣ. *Θеодосій* (450 г.) запретилъ послѣ эфесскаго собора сочиненія епископа константинопольскаго *Несторія*, а римскаго епископа *Целестина* считалъ даже неспособнымъ обсуждать догматическіе вопросы, о которыхъ шла рѣчь (2). Подобная же судьба

(1) H. Th. Buckle: Исторія цивилизаціи въ Англіи, нѣмецкій переводъ Арнольда Руге. Лейпцигъ и Гейдельбергъ 1864 — 1865 . Т. 2. стр. 391 и друг.

(2) Кирилъ, говоритъ Несторій, обратился къ Целестину, какъ къ

постигла при томъ же императорѣ, согласно приговору константинопольскаго собора, сочиненія пресвитера *Евтихія*.

Въ прежнія времена церковь только *произносила приговоры*, исполненіе которыхъ передавалось въ руки свѣтской власти; но уже въ 443 году римскій епископъ Левъ I собственною властью сжегъ сочиненія манихеевъ. Такимъ образомъ до реформаціи, одно за другимъ, были уничтожены инквизиціею въ потокахъ пламени всѣ еретическія книги, пока наконецъ въ 1510 г., когда кельнскіе попы хотѣли сжечь всѣ еврейскія книги, за исключеніемъ Ветхаго Завѣта, Рейхлинъ не возвысилъ противъ этого голоса гуманности и цивилизаціи и не поднялъ политической бури, которой наконецъ долженъ былъ уступить нелѣпый законъ о книгосожженіи. Взамѣнъ этого римскій папа Павелъ IV основалъ 1559 г. знаменитый *Index exspurgatorius*.

Въ Италіи тоже была объявлена открытая война академіямъ и книгамъ: со времени вторичнаго введенія инквизиціи въ Римѣ 21 іюля 1542 г., академіи просто были закрываемы, какъ напримѣръ въ Неаполѣ и Моденѣ, а книги подвергались строжайшему надзору. Такъ въ 1543 году кардиналъ *Карафа*, впослѣдствіи папа Павелъ IV, приказалъ, чтобы на будущее время ни одна книга, какого бы то ни было содержанія, старая или новая, не напечаталась безъ разрѣшенія инквизиціи. Кромѣ того, книгопродавцы должны были представлять инквизиторамъ списки всѣхъ своихъ книгъ и безъ инквизиторскаго разрѣшенія не могли ничего продавать. Сборщики податей въ таможнѣ получили приказаніе—не отсылать по назначенію никакихъ рукописей или печатныхъ книгъ, не представивъ ихъ предварительно инквизиціи. Но не однимъ только типографщикамъ и книгопродавцамъ были объявляемы эти законы, даже частнымъ людямъ поставилось въ обязанность совѣсти заявлять о существованіи запрещенныхъ книгъ и способствовать ихъ уничтоженію. Съ невообразимою строгостью

такому человѣку, который слишкомъ простъ для того, чтобы основательно обсудить значеніе догматовъ (quippe ad simpliciorem, quam qui posset vim dogmatum subtilius penetrare). ср. Giessller Kirch. l, 2 C. 141—Christ. Bauer. Die Christliche Kirche vom Anfang des 4 bis zum Ende des 6 Jahrhund, p. 246.

слѣдили за исполненіемъ этихъ мѣръ. Во сколькихъ бы экземплярахъ ни было распространено сочиненіе „О благодѣяніяхъ Христа“, оно совершенно исчезло и его уже нельзя найдти. Въ Римѣ сожигали цѣлые костры отобранныхъ книгъ (1). Не смотря на всѣ эти книжные пожары, мы хвалимся тѣмъ, что имѣемъ безпристрастную исторію!

Вообще, когда идетъ рѣчь о благодѣяніяхъ христіанства въ смыслѣ *римской* церкви, происходящихъ отъ ученія его о всеобщемъ братствѣ, человѣколюбіи, благотворительности и самопожертвованіи, слѣдуетъ также вспомнить о тѣхъ потокахъ крови, которые наводняли почти всю Европу въ теченіе многихъ столѣтій—или вслѣдствіе непоредственной иниціативы и при полномъ одобреніи римскихъ епископовъ и папъ, или же при тяготѣніи общественнаго мнѣнія, которое, будучи направляемо римскимъ духовенствомъ, было настоящимъ мѣриломъ его вліянія.

Испанецъ Присцилліанъ, возведенный своими приверженцами въ санъ епископа города *Авилы*, былъ вмѣстѣ со многими изъ своихъ учениковъ первымъ, который, будучи преслѣдуемъ епископами и осужденъ гражданскою властью, долженъ былъ поплатиться жизнію за преступленіе ереси. Они избѣгали всякой мясной пищи, питались одними овощами, подобно манихеямъ, отвергали бракъ и, какъ всѣ враждебные браку фанатики и сектанты, существующіе до настоящаго времени, вознаграждали себя за дневное воздержаніе ночными оргіями, при которыхъ мужчины и женщины являлись нагими и совершали даже грѣхъ кровосмѣшенія (2).

Присцилліана и самыхъ знатныхъ его приверженцевъ подвергли пыткѣ, гдѣ вынудили у нихъ такого рода признанія, какихъ желали мстительный епископъ Соссубы *Итаціусъ* и любостяжательный императоръ *Максимъ*. Присцилліанъ былъ обезглавленъ (въ 385 г. по Р. Х.) въ Трирѣ и его сокровища тотчасъ же были присоединены къ императорской казнѣ по совѣту

---

(1) Ср. L. Ranke: Die römischen Päpste и проч., im 16 и 17. Jahrhund. T. I. стр. 211.—Bromato vita di Paolo, libr. VII, 9.

(2) Dr. E. Chris. Bauer, I c. p 78 и 292. Сравн. Gfrörer, Allgemeine Kirchengeschichte II. 2. p. 572.

Итація. Подобной же участи подвергались клирики Азаринъ, Аврелій, Фелициссимъ, Арменій, мирянинъ Латроніанъ и богатая вдова Евхротія.

И такъ извѣстныя уклоненія отъ ортодоксальнаго ученія католической церкви въ концѣ IV вѣка по Р. Х. уже наказывались смертію, однакоже были и такіе церковные пастыри, которые, подобно римскому епископу *Сирицію*, *Амвросію* Майландскому, епископамъ турскимъ *Феогнисту* и *Мартину*, громко порицали подобный образъ дѣйствій; но для Льва Великаго ничего не значило прибѣгать къ подобнымъ мѣрамъ, для того, чтобы страхъ тѣлеснаго наказанія тѣмъ дѣйствительнѣе подкрѣплялъ силу духовныхъ лекарствъ (1).

Изъ безчисленнаго множества преслѣдованій язычниковъ я укажу только на ужасное смертоубійство, совершенное въ 416 г. въ Александріи надъ прекрасной *Гипатіей*. Она была дочь математика *Теона* и съ такимъ успѣхомъ предавалась ученымъ занятіямъ, что была всѣми признаваема за перваго философа того времени. Такъ какъ Гипатія была язычница или считалась таковою, то великое уваженіе, оказываемое ей, возбудило сильную зависть между католиками. Въ особенности же епископъ александрійскій *Кириллъ* обрушилъ на нее весь свой гнѣвъ. Однажды на нее бросилась толпа разъяренныхъ католиковъ. Они съ бѣшенства вытащили ее изъ носилокъ и, повлекши ее въ близлежащую церковь, разрубили тамъ несчастную на части и потомъ сожгли ея члены, такъ безбожно растерзанные. Церковный чтецъ, по имени Петръ, былъ руководителемъ этого постыднаго дѣла, а зачинщикомъ общественное мнѣніе положительно считало архіепископа Кирилла (2).

Однако *принципъ преслѣдованія за религіозныя* убѣжденія былъ принятъ и приведенъ въ дѣйствіе только тогда, когда, со временъ Константина, католическая церковь достигла также и свѣтской власти, и прежде всего начали преслѣдо-

---

(1) Dr. Fr. Chr. Bauer, I c. p. 293.
(2) Sokrates; Kirchengeschichte, VII, 15. — Ср. также Gfrörer I c., II I p. 403.

вать евреевъ и язычниковъ. Но вскорѣ и христіанскія секты, какъ-то аріане и донатисты, также подверглись жесточайшимъ преслѣдованіямъ. Ихъ церкви были разрушены, собранія запрещены, епископы изгнаны, сочиненія ихъ, какъ уже сказано, сожжены и всѣмъ, хранившимъ ихъ книги, грозили смертію.

За подавленіемъ язычества и первыхъ сектъ въ римской имперіи послѣдовалъ промежутокъ въ нѣсколько вѣковъ, во время которыхъ преслѣдованія по поводу религіи были весьма рѣдки. „Нѣсколько еретиковъ, которыхъ ученія были осуждены какъ магія, двое или трое, сожженные Алексѣемъ Коменомъ, нѣкоторые другіе, погибшіе на кострахъ во Франціи въ началѣ одиннадцатаго столѣтія и нѣсколько сектантовъ, сожженныхъ въ Кельнѣ и Италіи—вотъ всѣ или почти всѣ, лишившіеся жизни въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій до появленія альбигойцевъ“ ([1]).

Это весьма естественно; потому что все и повсюду благоговѣйно лежало во прахѣ въ суевѣрномъ ужасѣ передъ палачами, или говоря иначе, изъ боязни духовныхъ и свѣтскихъ властей. Тогда разумѣется некого и нечего было сжигать. Когда же съ окончаніемъ крестовыхъ походовъ и съ успѣхами наукъ начали шевелиться и вспыхивать также и реформаторскія идеи, тогда снова загорѣлись и задымились повсюду костры, на которыхъ сотнями тысячъ погибали ужаснѣйшею смертію безстрашные передовые бойцы новой религіи и свободной науки.

Самымъ лучшимъ доказательствомъ служитъ испанская инквизиція, которая по увѣренію Ллоренте въ одной Испаніи сожгла отъ 1481 до 1808 г. 31,912 живымъ и 17,659 въ изображеніяхъ, да кромѣ того положило строжайшія эпитиміи на 291,456 человѣкъ. Тутъ не приняты въ разсчетъ многочисленныя жертвы, которыя пали отъ руки инквизиціонныхъ судовъ въ Мексикѣ, Лимѣ, Карѳагенѣ, Вестъ-Индіи, Сициліи, Сардиніи, Оранѣ и Мальтѣ. Іезуитъ Маріана повѣствуетъ, что въ годъ введенія инквизиціи въ одной Андалузіи было сожжено 2000 человѣкъ,—а историкъ Бернальдезъ разсказываетъ, что между 1482—1489 г. въ

([1]) Hartpole Lecky, l. c. p. 21 и слѣд.

одной Севиллѣ погибло на кострѣ 700 человѣкъ такъ называемыхъ еретиковъ, не говоря уже о томъ, что надпись, сдѣланная надъ дверью инквизиціоннаго трибунала въ Севиллѣ въ 1524 г. объясняетъ, что со времени изгнанія евреевъ въ 1492 г. погибло въ огнѣ почти 1000 еретиковъ.

Какъ быстро и немилосердо расправлялась инквизиція съ ненавистными ей людьми противуположныхъ мнѣній—это яснѣе всего доказываютъ невообразимые аутодафе въ городѣ Сіудадъ-Реаль въ 1484 году. Тамъ было сожжено 13 февраля 750, 2 апрѣля 800, 7 мая 750, 16 августа 27, 12 мая 950 и, слѣдовательно, всего въ пять дней 3377 (1). При этомъ жертвы предварительно въ теченіе трехъ дней подвергались невообразимымъ истязаніямъ пытки и затѣмъ сожигались не быстро, а непремѣнно „*на медленномъ огнѣ, живьемъ, для того, чтобы бѣдные грѣшники имѣли болѣе времени для раскаянія въ своихъ грѣхахъ* (2). Такимъ образомъ принуждены были умолкнуть не только еврейскія и магометанскія, но такъ же и протестантскія мнѣнія. Съ 1570 года только одни иностранцы были привлекаемы къ суду инквизиціи за протестантизмъ (3).

Въ виду этихъ, хотя и немногихъ историческихъ фактовъ,—вслѣдъ за которыми мы представимъ еще и другіе,—я не понимаю какимъ образомъ возможно утверждать, что римскій католицизмъ когда либо находился „въ полной гармоніи съ умственными потребностями Европы.“ Напротивъ того, я утверждаю, что подобной гармоніи никогда не существовало, такимъ же точно образомъ какъ слова и дѣла римскаго духовенства вообще никогда не согласовались съ истиннымъ духомъ христіанства; истинный духъ хри-

(1) Fernando Garrido: Нынѣшняя Испанія и пр. Нѣмецкій переводъ подъ названіемъ Das heutige Spanien Арнольда Руге, стр. 3 примѣч.

(2) Срав. Eymericus: Directorium Inquisit. p. 335.

Кастелліо приводитъ горькія жалобы современнаго ему попа фанатика, когда видѣлъ, что кого нибудь душили, а не сожигали на медленномъ огнѣ «(Si quem videat stangolari ac non vivum lenta flamma torriri)»— Joach. Cluten: «De haereticis persequendis» въ предисловіи М. Белліуса (1610).

(3) M'Crie History of the progeess and suppression of the reformation in Spain, p. 336.

стіанскаго ученія и любви все болѣе и болѣе утрачивалъ и наконецъ исчезъ совершенно, подъ истребляющими руками римскихъ папъ и ихъ кровожадныхъ экзекуторовъ въ капюшонахъ и гражданскихъ мундирахъ. Хотя въ настоящее время уже не скрипятъ орудія пытки и не пылаютъ костры, но отложить не значитъ отмѣнить,—и навѣрное они заскрипѣли бы и запылали бы снова, если бы латеранскому крестовому пауку удалось, съ помощью своихъ второстепенныхъ консисторскихъ пауковъ снова охватить мракомъ быстро и смѣло разрастающій духъ свободы и братства и въ этомъ мракѣ предать избіенію всѣхъ свободно мыслящихъ.

Не ужели удастся это „черное дѣло"? Не ужели государи и народы „смиренно и глупо" снова преклонятся передъ іезуитскою загнутой шляпой и станутъ раболѣпно цѣловать напоенную кровію туфлю его свѣтѣйшества?

Нѣтъ, нѣтъ—и снова нѣтъ! Свѣтъ разума сіяетъ слишкомъ ярко и пульсъ свободы бьется слишкомъ сильно.

* * *

Да, нехристіанское папство вмѣстѣ съ своею равно нехристіанскою инквизиціей, пыткой и медленнымъ сожиганіемъ еретиковъ уже скоро исчезнетъ въ потокѣ временъ и развѣ только въ книгахъ исторіи будетъ отмѣчена какъ грустный памятникъ человѣческихъ заблужденій и безумія священниковъ.

Только однако же ради исторической правды не слѣдуетъ забывать, что ни язычество, ни Моисей, ни Христосъ, не признавали инквизиціи, пытки и сожженіе медленнымъ огнемъ *за религіозныя убѣжденія*. Язычество вообще никого не преслѣдовало изъ за одной религіи, но терпѣло всевозможные культы и религіозные обряды, если ихъ приверженцы не были *политическими революціонерами* и не старались, вслѣдствіе этого, распространять ученій и волненій *вредныхъ для государства*. Совершенно иначе было у евреевъ, такъ какъ законъ Моисея запрещалъ идолопоклонство и ересь: цѣлому *„избранному народу Божію"* подъ страхомъ уничтоженія и распаденія, а отдѣльнымъ лицамъ подъ страхомъ побіенія камнями. Израильтянамъ вообще было внушаемо при ихъ военныхъ походахъ уничто-

жать всюду на своемъ пути изображеніе идоловъ и никакимъ образомъ не терпѣть въ своей странѣ присутствія язычниковъ: равно избѣгалъ близкихъ гражданскихъ и политическихъ союзовъ съ идолопоклонническими народами,—даже одно уговариваніе къ отправленію идолослуженія влекло за собою смертную казнь. Но при этомъ въ моисеевомъ законѣ были неизвѣстны *мучительныя казни, также какъ и пытка въ видѣ средства къ судебному разслѣдованію;* напротивъ того, всѣ казни, соотвѣтственно времени и національности, были мягки и человѣчны и исполнялись всегда *весьма быстро*, въ прежнія времена самимъ народомъ, а при царяхъ обыкновенно ихъ тѣлохранителями или кѣмъ нибудь изъ приближенныхъ ([1]).

„Всѣ наказанія (моисеева закона) носятъ на себѣ видимый отпечатокъ кротости, причемъ они съ одной стороны были соразмѣрны преступленіямъ, за которыя назначились, если въ особенности обратить вниманіе на характеръ народа, для котораго они были установлены и сравнить ихъ съ уголовнымъ законодательствомъ другихъ древнихъ народовъ; а съ другой не имѣли послѣдствіемъ *инфамаціи* (такъ лишеніе чести совершенно чуждо моисееву праву) и при этомъ относительно тѣлесныхъ наказаній и казней, были совершенно чужды мучительныхъ истязаній ([2]).

Людямъ Ветхаго завѣта *пытка* была дѣломъ вполнѣ неизвѣстнымъ; впервые она введена была при Иродахъ ([3]). И не только пытка, но и сожженіе заживо, а также распятіе на крестѣ отнюдь не были обычными, уголовными наказаніями у израильтянъ, а по всей вѣроятности занесены въ Іудею вмѣстѣ съ римскимъ владычествомъ. Примѣръ сожженія живьемъ встрѣчается впервые въ исторіи царя Ирода, равно какъ и жестокосердые римскіе судьи впервые въ Египтѣ начали предавать евреевъ сожженію живьемъ ([4]).

([1]) Исаія 7. 24, 26.—1. Самуилъ 22, 16 и 2. Сам. 1, 15.
([2]) Dr. G. B. Winer: Biblisches Realwörterbuch Bd. II p. 537.
([3]) Ioseph Bell. jud., 1, 30, 3. Срав. Матѳ. 18, 34 и 5, 26;—далѣе Ioseph. Ant. 16, 8, 4, 16, 10, 3, 59, 17, 4. 2.
([4]) Ioseph. Bell. jud., 1, 33. 4;—и Philo, II, 542; сравн. 527.

А Іисусъ? Не говоря уже о пыткѣ, Іисусъ не хотѣлъ и слышать о преслѣдованіи иновѣрцевъ и сожженіи еретиковъ. Доказательствомъ служитъ то, что онъ запретилъ своимъ ученикамъ призывать огонь на невѣрующихъ. Это подтверждается также притчею о сострадательномъ самарянинѣ (1).

Только со временъ Константина Великаго карательные законы сдѣлались строже и кровопролитнѣе. Хотя, во имя религіи, безнравственныя зрѣлища, кровавыя битвы гладіаторовъ и были отмѣнены, судьба узниковъ и рабовъ смягчена, женскій полъ получилъ болѣе правъ, вдовы и сироты начали пользоваться покровитетьствомъ церкви и государства, но вмѣстѣ съ тѣмъ пытка, которая въ древней Греціи употреблялась только для государственныхъ измѣнниковъ, а по древне-римскимъ законамъ не могла коснуться тѣла свободнаго человѣка, и которая во времена самаго дикаго деспотизма, не взирая на историческую жестокость римскаго народа, даже при императорахъ подобныхъ Тиверію — примѣнялась только къ рабамъ или — самое большее — къ отпущенникамъ, отнынѣ стала примѣняться въ дѣлахъ объ оскорбленіи Величества ко всѣмъ подданнымъ безъ изъятія, не исключая даже лицъ самыхъ высшихъ сословій. А такъ какъ при постоянной подозрительности безцеремонной тиранніи и при постыдномъ предательствѣ, награждаемомъ сверху, никто не могъ поручиться, что не будетъ запутанъ въ подобный извѣтъ въ качествѣ свидѣтеля или обвиняемаго, то мечъ висѣлъ надъ головами всѣхъ, въ особенности же знатныхъ и богатыхъ. Это состояніе всегдашняго страха, разумѣется, должно было способствовать развитію всеобщаго порабощенія и безхарактерности (2).

Вмѣстѣ съ свѣтской тиранніей вскорѣ пошелъ рука объ руку и духовный деспотизмъ *единой, дающей спасеніе, церкви*, и такимъ образомъ произошло, что начиная съ Августина, пытка и гоненіе на язычниковъ, іудеевъ и еретиковъ получили право гражданства. Присцилліане сдѣлались, какъ мы уже знаемъ, пер-

---

(1) Луки 9, 53 — 56. Сравн. также Taylor: Liberty of Prophesying, sec. 22.
(2) A. Tr. Gförer, l. c., II. 1, 5. 23 и д.

выми несчастными жертвами этого безчеловѣчнаго образа дѣйствій.

До Августина въ *христіанской церкви* еще существовало мнѣніе, имѣвшее главными представителями своими Тертулліана и Лактанція, что *христіанинъ* ни въ какомъ случаѣ не долженъ убивать своего ближняго, будетъ ли это въ качествѣ судьи, воина или палача. Однако вскорѣ затѣмъ, а именно послѣ того, какъ *„святой“* Августинъ изъ словъ Писанія „принудь ихъ войдти“ вывелъ заключеніе о посильномъ обращеніи иновѣрцевъ и о преслѣдованіи еретиковъ (1), дѣйствіе этого запрещенія убійства, которое и безъ того не было никогда строго соблюдаемо, ограничилось только однимъ духовенствомъ. Міряне и свѣтская власть правительства могли преслѣдовать и убивать иновѣрцевъ и еретиковъ, ссылаясь на левитское правило въ книгѣ Второзаконія— „Кто же будетъ дѣйствовать своевольно, такъ что не захочетъ слушаться священника или судью, тотъ долженъ умереть, затѣмъ чтобы весь народъ это зналъ и убоялся и болѣе не грѣшилъ“, и опираясь на законъ Ѳеодосія „De Haereticis“, гдѣ также въ первый разъ встрѣчается выраженіе „инквизиторы религіи“ (2). Духовенство должно было передавать подобныхъ преступниковъ свѣтскому суду, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно должно было ходатайствовать передъ нимъ о томъ, чтобы бѣдный грѣшникъ не былъ наказанъ смертію или увѣчьемъ. Но вскорѣ властолюбіе и возраставшее могущество изгладили и послѣднюю тѣнь христіанской любви и кротости въ сердцахъ римскихъ епископовъ и священниковъ, такъ что это обязательное ходатайство служило только прикрытіемъ кровожаднаго стремленія къ преслѣдованію и такимъ образомъ низошла на степень безсовѣстнаго притворства. Уже папа Левъ *„Великій“* (461 г.) одобрилъ избіеніе присцилліанъ посредствомъ меча свѣтскаго правосудія и Бонифацій VIII (1303 г.), насилователь своихъ племянницъ, рѣшилъ, что каждый епископъ

---

(1) Луки 14, 23. Сравн. S. August. Epist. I. Bonifacio; и De civit. Dei, lib. 19, c. 6.

(2) Milman: History of Christianity T. II, стр. 372. — Palmer: On the Church, T. II, стр. 25.—Lecky, l. c., T. II, стр. 11, примѣч. 2.

можетъ безнаказанно предавать еретика уголовному суду, „даже если онъ знаетъ, что его посредничество будетъ оставлено безъ вниманія.“

Къ чему же въ такомъ случаѣ это ходатайствующее посредничесто? Римскіе священники, какъ высшіе, такъ и низшіе, будучи кровожадны какъ звѣри, были вмѣстѣ съ тѣмъ на столько хитры, чтобы прикрыться совершенно противоположными чувствами и предоставлять свѣтскимъ властямъ постыдную обязанность исполнителей. Вѣдь даже сами до омерзѣнія жестокіе инквизиторы всегда представляли свое лицемѣрное ходатайство, хотя сами пытали воображаемыхъ еретиковъ и осуждали ихъ на смерть, и хотя очень хорошо знали, что богатый дѣтьми Иннокентій VIII (1492 г.) угрожалъ папскимъ проклятіемъ всѣмъ свѣтскимъ судьямъ, *которые отмѣнили бы свои смертные приговоры или допустили бы пройдти болѣе чѣмъ шесть дней до ихъ исполненія* (1).

При этомъ слѣдуетъ еще замѣтить, что не только судъ надъ еретиками, но и пытаніе ихъ были примѣняемы къ дѣлу не иначе какъ на основаніи положительнаго повелѣнія папъ. Такимъ образомъ папа *Иннокентій IV*, убѣдившій Манфреда, сына нѣмецкаго императора Фридриха II отравить своего отца, и кромѣ того наводнившій Германію, Италію, Англію, Европу и Азію всевозможными ужасами, въ особенносси же убійствами отца и братоубійствами, серьезно и ясно внушалъ инквизиторамъ, что *всѣхъ еретиковъ, которыхъ можно захватить, какъ похитителей душъ и убійцъ, какъ воровъ предателей божественныхъ таинствъ и христіанской вѣры, слѣдуетъ пытать даже подъ опасеніемъ изувѣченія и смерти, чѣмъ они могутъ быть приведены къ сознанію своей собственной вины или къ выдачѣ другихъ еретиковъ*. Подобную же буллу издалъ *Климентъ VI*, который растрачивалъ церковные доходы на внѣшнюю роскошь,

---

(1) Th. Trauttmansdorf: Tolerantia eclesiastica;—далѣе Limborch: Historia Inquisit., pp. 365—367 и 372.

блистательные праздники и куртизанокъ и зашелъ такъ далеко въ продажѣ мѣстъ, что избиралъ въ епископы несвѣдущихъ міранъ, напр. секретаря англійскаго короля и удивилъ при этомъ случаѣ кардиналовъ, давъ имъ слѣдующій успокоительный отвѣтъ: *Вслѣдствіе особенныхъ соображеній* (т. е относительно мѣшковъ съ деньгами) *я возвелъ осла въ санъ епископа.*" Этотъ же самый папа наводнилъ потоками крови въ особенности Италію, Германію и Богемію, и говорятъ будто бы онъ же заплатилъ за тотъ ядъ, который пресѣкъ богатую дѣяніями жизнь *Людовика баварскаго.*

И вотъ такъ называемый еретикъ могъ быть по желанію истязуемъ совершенно „законнымъ образомъ" не только за свою собственную вину, но и ради того, чтобы онъ предалъ другихъ еретиковъ: Мало этого: *съ согласія папы* инквизиторы пытали еретика даже послѣ сдѣланныхъ имъ признаній, *дабы онъ указалъ на своихъ сообщниковъ.* Далѣе: пытка могла быть *продолжаема* въ теченіе трехъ дней, но не возобновляема, за исключеніемъ случаевъ, когда открывались полныя улики вины (1).

А вѣдь какъ легко было безсовѣстнымъ попамъ найдти новые улики преступленій, если имъ только хотѣлось этого!

Что же касалось до распространенія пытки на разныя сословія, то она употреблялась во всѣхъ классахъ общества. Потому что „пытать за преступленіе ереси можно всѣхъ тѣхъ, которые подвергались истязанію за оскорбленіе величества, такъ какъ оскорблять величіе божіе есть преступленіе гораздо болѣе тяжкое, чѣмъ оскорблять свѣтскую верховную власть. По этому за ересь и преступленія противъ величества могли подвергаться пыткѣ дворяне, солдаты, офицеры, доктора, словомъ всѣ, какія бы то ни было привилегированныя сословія. Лица моложе 25-лѣтняго воз-

---

(1) Si questinatus decenter nomerit fateri veritatem... poterit ad terrorem vel etiam ad veritatem, secuuda dies vel tertia assignari ad continuandum tormenta, non ad iterandum, quia iterari non debent, nisi novis supervenientibus indiciis contra eum, quia tunc possunt. Eymericus Direct. inquis. p. 314. Appond. p. 9. Carena; De Inquisit., p. 69 и слѣд.

раста могли быть пытаемы по поводу простаго подозрѣнія въ ереси и оскорбленіи величества и даже позволялось истязать несовершеннолѣтнихъ моложе 14 лѣтъ и до смерти засѣкать ихъ ремнями и розгами (1).

При этомъ въ дѣлѣ пытки высказывали не только самую изысканную жестокость, но вмѣстѣ съ тѣмъ искуство и разнообразіе, подобныхъ которымъ мы напрасно стали бы искать въ цѣлой всемірной исторіи внѣ духовныхъ судовъ. Да, „благочестивые" инквизиторы изощряли все свое остроуміе на изобрѣтеніе всевозможныхъ видовъ человѣческаго страданія и всѣхъ родовъ соотвѣтствующей этому пытки, до того, что они наконецъ сдѣлались совершеннѣйшими артистами въ живодерствѣ (2). Къ каждой тюрьмѣ „святой оффиціи" распятія и орудія пытки стояли рядомъ. По этому сицилійскому попу *Парамо* пришла въ голову наивная фантазія сравнить инквизицію со „святая святыхъ" въ скиніи Зальта, *„гдѣ также лежало рядомъ жезлъ Аарона и манна кебесная"*, или же, какъ будто въ насмѣшку надъ любовью къ ближнему,—съ добрымъ самаряниномъ, „потому что на страны, уязвленныя ересью, изливаетъ вино укрѣпляющей строгости, смѣшанное съ цѣлительнымъ елеемъ божественннаго милосердія." (3)

Относительно разнообразія видовъ пытки, я ограничусь замѣчаніемъ, что одинъ изъ живодеровъ инквизиціи, Марсилій, славился тѣмъ, что онъ изобрѣлъ ужасную пытку совершеннаго лишенія сна и что эта пытка была въ высшей степени любима инквизиторами Церковной области, какъ въ особенности достигающая цѣли. Этого замѣчанія здѣсь будетъ достаточно, такъ какъ въ разныхъ мѣстахъ моего труда мнѣ придется еще чаще и опредѣлительнѣе говорить объ этомъ предметѣ.

---

(1) Suarez de paz: Praxis eclesiast. etc., p. 158.

(2) Относительно необычайной утонченности и распространенности средневѣковой пытки см. Lacroix: Le Moyen—âge et la Renaissance, т. III.—Marsilius Tractatus de Quaestionibus; — Chartario: Praxis interrog. Rerum, p. 198;—Simancas: De cathol. Institutionibus — Eymeridus: Directorium Inquisitorum и мн. друг.

(3) Paramo: De Orig. Inquisit., p. 153.

* * *

Такъ называемое преслѣдованіе еретиковъ, какъ я уже выше замѣтилъ, разрасталось все обширнѣе и быстрѣе вмѣстѣ съ возрожденіемъ наукъ и развитіемъ индивидуально-умственной жизни, пока наконецъ въ пятнадцатомъ и шестнадцатомъ столѣтіи не достигли крайнихъ предѣловъ безчеловѣчія.

Со времени возрожденія науки и пробужденія первыхъ стремленій къ реформаціи, „римскій католицизмъ,“ имѣвшій цѣлью достиженіе невозможнаго, сдѣлался принципомъ ретроградпымъ. Съ этой же самой минуты онъ пустилъ въ ходъ всевозможныя пружины, создавшія ему настоящее его положеніе и оказавшія ему великія услуги (относительно деспотизма) для воспрепятствованія развитію человѣческаго разума, распространенію знаній и погашенію свѣта свободы въ потокахъ крови.

Для этихъ цѣлей кровожадный папа *Иннокентій* III, уже въ 1208 г., основалъ инквизицію и въ буллѣ, относившейся къ этому дѣлу, угрожалъ проклятіемъ, отлученіемъ отъ церкви и потерею трона каждому государю, *который станетъ противиться уничтоженію еретиковъ въ своихъ владѣніяхъ*.

Въ 1209 году, по повелѣнію этого же папы, *Симонъ Монфоръ* принялся за истребленіе альбигойцевъ. Въ томъ же году авиньонскій соборъ далъ всѣмъ епископамъ наставленіе — *призвать на помощь свѣтскую власть, для уничтоженія еретиковъ*,—а въ 1215 г. четвертый латеранскій соборъ даже обязалъ всѣхъ „правовѣрующихъ“ государей *къ публичной присягѣ*, „что они серьезно и до крайнихъ предѣловъ своей власти будутъ стараться *уничтожить всѣхъ тѣхъ, которыхъ римская церковь объявитъ еретиками* (1).

Но пусть не думаютъ однако, что суды надъ еретиками были съ покорностью приняты повсюду и въ особенности въ Италіи, какъ позднѣе (въ 1481. г.) они были приняты въ Испаніи, гдѣ вскорѣ стали смотрѣть на сожженіе евреевъ и еретиковъ, какъ на религіозное торжество, какъ на представленіе или официальный празд-

(1) Rohrbacher. Geschichte der Katolischen Kirche, Bd. XVII, p. 220—Eymericus: Direct. Inquisit. p. 60.—Lecky, l. c. т. 2. стр. 23.

никъ. Сильнѣйшимъ доказательствомъ этому служитъ существующая еще до сихъ поръ картина, представляющая процессію множества направляющихся къ костру евреевъ и евреекъ, которые были сожжены въ 1680 г. въ Мадридѣ, въ присутствіи короля, его невѣсты, двора и мадридскаго духовенства, во время праздниковъ, слѣдовавшихъ послѣ свадьбы Карла II. Большая площадь была устроена въ видѣ театра и наполнена толпами въ парадныхъ костюмахъ; король сидѣлъ на возвышеніи, окруженный главными представителями аристократіи; генералъ-инквизиторъ, епископъ *Фалдаресъ* былъ главнымъ предсѣдателемъ этой сцены. Между жертвами 1680 г. находилась дѣвушка еврейка, которой не было еще 17 лѣтъ и дивная красота которой привела въ восторгъ всѣхъ присутствовавшихъ. На пути къ костру она обратилась къ королевѣ съ слѣдующими словами: „Великая королева, неужели ваше присутствіе не въ состояніи смягчить моего несчастія? Примите въ соображеніе мою молодость и то, что меня сожгутъ изъ-за религіи, которую я всосала съ молокомъ матери". Фанатичка-королева отвратила свой взглядъ и промолчала (¹).

Но „Молодая Италія" стала энергически сопротивляться—какъ мы вскорѣ увидимъ—противъ введенія инквизиціи. Съ тѣхъ поръ, какъ сынъ плотника изъ Тосканы, *Григорій* VII, приказалъ своему легату собирать вассальную подать съ дворовъ государей, римская теократія вознеслась до самой высшей степени. Подъ сѣнію, но помимо воли этого могущества, на половину разрушившаго силу и вліяніе нѣмецкихъ императоровъ, итальянскій муниципалитетъ возродился къ новой жизни и заявилъ себя какъ драгоцѣнный остатокъ латинскаго законодательства, въ которомъ, какъ въ священномъ ковчегѣ, хранились зародыши будущей цивилизаціи (²).

Увлеченіе новой свободой такъ сильно воспламенило сердце итальянскаго народа, что начинавшій возвышаться феодализмъ

---

(1) Llorente. Исторія инквизиціи, III, p. 3 и 4., Limborch—Geschichte der Inquisit. c. 40.—Hartpole-Lecky, l. c., p. 90. Подобное же торжественное сожженіе происходило 6 апрѣля 1724 г. въ Палермо. Подробное описаніе его можно найдти у лѣтописца Монджиторе въ журналѣ „Europa", годъ 1869, № 7.

(2) Rotteck и Welcker „Staatslexicon". Bd. VII, § 451.

былъ повсюду побѣжденъ и разрушенъ. Италія быстро покрылась республиками, въ которыхъ міръ, можетъ быть впервые, узрѣлъ неограниченную демократію, образовавшуюся подъ вліяніемъ христіанскаго ученія, а именно демократію безъ рабовъ, которые руководились въ своихъ дѣйствіяхъ всеобщимъ равенствомъ людей и братскою любовью.

Въ доказательство гражданскаго благосостоянія того времени достаточно упомянуть, что около 1492 г. въ одномъ Миланѣ считалось 14,600 лавокъ и 70 суконныхъ фабрикъ.

Папамъ стоило бы только продолжать это дѣло, такъ прекрасно начатое народомъ въ духѣ истинно христіанскомъ. Еслибъ они, по примѣру Христа, — котораго намѣстниками хотѣли они быть,—посредствомъ мудраго наставленія, добраго примѣра и также, если возможно, посредствомъ кроткихъ наказаній, сдерживали человѣческую натуру, которой при ея наклонности къ почестямъ, могуществу, пріобрѣтенію и наслажденію, гораздо пріятнѣе властвовать, чѣмъ убѣждать, и которая охотнѣе всего старается распространить свою жадность, насколько только можетъ дѣлать это безнаказанно; — если бы такимъ образомъ, въ свободѣ и мирѣ, они вели разрозненные члены Италіи къ федеративному единству,—то сколько человѣческихъ бѣдствій и крови было бы сбережено!

Но римскіе епископы, какъ не разъ было замѣчено, уже давно изгнали изъ своихъ надменныхъ сердецъ христіанскій духъ смиренія и любви и оттолкнули его отъ себя какъ наклонность, годную только для черни. Подобно древнимъ цезарямъ, они, какъ „намѣстники Бога на землѣ“, домогались рабскаго поклоненія, и какъ свѣтскіе деспоты — безусловнаго послушанія. Кромѣ того, вслѣдствіе скандалезной, всеобщей распущенности и порочности римско-католическаго духовенства, постепенно были разъѣдаемы основанія общественной и частной нравственности, какъ это будетъ указано въ свое время; и подобно тому какъ *внѣ Италіи* они натравливали другъ на друга сильныхъ міра, такъ точно *внутри Италіи* старались разъединить мелкій людъ для того, чтобы извлекать пользу изъ ненависти и междоусобій.

Хитрость, ложь и испорченность, соединившись съ утонченнѣй-

шею жестокостью, стали повсемѣстно господствовать по прежнему, а измѣна и убійство были во всякое время и во всякомъ видѣ желательны и пріятны для лишенныхъ всякой совѣсти „верховныхъ жрецовъ любви и божескаго правосудія, если только это способствовало къ упроченію папскаго трона и распространенію могущества католической церкви, „едино ведущей къ спасенію". Правда, воинственный Юлій II, уже близившійся къ могилѣ, произнесъ слова: „Прочь варваровъ!" и приказалъ выставить на нѣкоторыхъ знаменахъ патріотическое изреченіе: „Italia ab exteris liberanda! (Италія должна быть освобождена отъ чужеземцевъ!)" — однако тотъ же самый Юлій II еще раньше этого, вслѣдствіе своекорыстія, призвалъ этихъ же самыхъ чужеземцевъ „ко вреду и погибели почтенной Венеціи, а Карла VIII въ убѣдительныхъ выраженіяхъ подстрекалъ къ войнѣ противъ Неаполя."

Вполнѣ патріотичнымъ папой былъ, какъ говорятъ, гордый *Александръ III*, онъ основалъ не только ломбардскую лигу, но и охранялъ всеобщую свободу тѣмъ, что отъ имени втораго латеранскаго собора велѣлъ провозгласить слѣдующія слова: „Каждый христіанинъ долженъ быть освобожденъ отъ рабства!" Я повторяю: счастливъ былъ бы міръ и счастлива Италія, если бы онъ и его преемники соединили страну въ одинъ союзъ противъ всеобщаго врага и удовольствовались только однимъ нравственнымъ огражденіемъ интересовъ всѣхъ народностей. Если простодушный монахъ, подобный Джіованни да Виченца, могъ уничтожить своею проповѣдью старинную закоренѣлую ненависть между гражданами многихъ городовъ, то чего не могли бы сдѣлать папы, еслибъ ихъ сердцу было близко благородное дѣло объединенія Италіи!

Но это было не такъ; даже самъ Александръ III дѣйствовалъ не изъ любви къ свободѣ и независимости Италіи, а ради удовлетворенія собственнаго властолюбія и любостяжанія. Поэтому онъ не уступалъ своимъ противникамъ, папамъ, а напротивъ того выпрашивалъ войска и деньги у греческаго императора, также какъ и у сицилійскаго короля, для противодѣйствія германскому императору, и предалъ Италію вмѣстѣ съ Римомъ на разгромленіе.

„Папа," отвѣчалъ Александръ III императору, — „*стоитъ*

выше приговора людскаго!" и не явился на соборъ въ Павіи, который по желанію императора долженъ былъ рѣшить законность его избранія.

Вслѣдствіе этого полились потоки крови и проклятія посыпались на голову императора и его приверженцевъ, пока онъ, побѣжденный и всѣми покинутый, не припалъ къ стопамъ папы, который, разумѣется, въ качествѣ представителя смиренія, положилъ на униженно согбенную спину государя свою ногу въ золотой туфлѣ, сопровождая это весьма страннымъ пожеланіемъ: „*Да будешь ты ходить по аспидамъ и василискамъ и бороться со львами и драконами!*

„*Я слушаю не тебя, а святаго Петра!*" съ неудовольствіемъ проворчалъ Барбаросса, на что „рабъ рабовъ Божіихъ" гордо и насмѣшливо отвѣтилъ: „*Меня* и Петра!"

Тотъ же самый „христіанскій смиренный" папа до тѣхъ поръ отказывалъ англійскому королю *Генриху III* въ отпущеніи грѣховъ, пока тотъ не согласился на униженіе, совершенно неприличное королевскому сану — получить по пяти ударовъ розгами, будучи совершенно обнаженнымъ, отъ всѣхъ собравшихся монаховъ. И изъ-за чего? Единственно изъ-за того, что англійскій король произнесъ нѣсколько словъ, которыя, по мнѣнію папы, будто бы способствовали къ убіенію архіепископа *Томаса Бекета*. Наконецъ это былъ тотъ самый „христіански-смиренный" и вмѣстѣ съ тѣмъ, по словамъ большинства историковъ, „либеральный" папа, который продалъ королевскій титулъ герцогу португальскому Альфонсу за скромный доходъ въ 200 золотыхъ марокъ и — что̀ еще постыднѣе и достойнѣе порицанія — изъ ненависти къ ереси напустилъ на мирныхъ и привѣтливыхъ обитателей долинъ Дофино, Виваре, Лангедока и Гюйены всѣ ужасы фанатизма и варварства.

Да, этотъ „либеральный" папа Александръ III подалъ первый сигналъ ко всѣмъ убійствамъ, кровопролитіямъ, войнамъ и безчеловѣчнымъ проявленіямъ ярости въ преслѣдованіи вольнодумцевъ, предпринятомъ въ *огромныхъ размѣрахъ*. Вслѣдствіе этого не только всѣ тѣ провинціи, но цѣлый римско-католическій міръ, въ теченіе многихъ столѣтій, покрывался потоками кро-

ви, которыя были тѣмъ обильнѣе и ужаснѣе, что истребителямъ еретиковъ напередъ прощались всевозможные грѣхи и злодѣйства посредствомъ отпущенія со стороны „первосвященника терпимости и любви."

Преемники Александра III призывали еще чаще и гораздо многочисленнѣйшія полчища чужихъ наемниковъ въ прекрасную страну, гдѣ цвѣтутъ апельсины, и все ради осуществленія своихъ честолюбивыхъ, властолюбивыхъ и любостяжательныхъ плановъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и внутри Италіи папы и ихъ сторонники старались поддерживать ненависть и несогласіе и насильно лишили прежней свободы эти республики, сдѣлавшіяся вообще слишкомъ смѣлыми и равнодушными въ дѣлахъ іерархическаго главенства.

Хотя Павелъ III, Павелъ IV, Сикстъ V и многіе другіе папы содрогались отъ ужаса при мысли о чужеземномъ владычествѣ, а въ особенности объ испанскомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ никогда не хотѣли сдѣлать возваніе къ угнетеннымъ итальянскимъ народамъ, *потому что они едва ли боялись чужеземнаго ига въ большей степени, чѣмъ ненавидѣли свободу, реформу и независимость народовъ, и вслѣдствіе этого, по мѣрѣ силъ, старались поддержать парализованную „теократію"* (¹) *или лучше сказать господство папъ съ помощью фанатическихъ монашескихъ орденовъ, упрощенныхъ братствъ, безчеловѣчныхъ инквизиторовъ и мошенниковъ іезуитовъ.*

Да, за небольшими исключеніями, римскіе папы были самыми безчеловѣчными палачами разума и ярыми угнетателями свободы народовъ и частныхъ лицъ: поэтому не только итальянцы, но и всѣ вообще сторонники человѣческаго развитія и гражданскаго благоустройства должны безустанно стремиться къ тому, чтобы римское папское владычество по возможности скорѣе близилось къ давно заслуженному имъ концу. Тогда только, повторяю опять, прочный миръ и истинная свобода будутъ въ состояніи соединить народы въ благодатный союзъ.

(¹) Тамъ же, Bd. VII, p. 456.

* * *

Уже въ 1235 г. папа *Григорій IX*, не довольствуясь тѣмъ, что подъ предлогомъ уничтоженія язычества онъ натравливалъ однихъ людей на другихъ, Европу на Азію, и тѣмъ, что въ борьбѣ съ нѣмецкимъ императоромъ Фридрихомъ II вооружалъ христіанъ противъ христіанъ, Италію противъ Италіи, родителей противъ дѣтей и дѣтей противъ родителей, для измѣны и убійствъ ввелъ еще инквизицію въ Италіи и сдѣлалъ принятіе этого учрежденія непремѣннымъ условіемъ своего союза съ вольными городами. При этомъ главнымъ пособникомъ его былъ упомянутый выше монахъ *Джіованни изъ Виценны*, который впрочемъ называлъ себя „апостоломъ мира, а не преслѣдованія, и примирилъ многихъ враговъ,“ и одинъ разъ собственноручно сжегъ на большой площади Вероны 60 человѣкъ (1).

Но во всякомъ случаѣ доставить какое нибудь значеніе инквизиціи въ Италіи было въ высшей степени трудною и непріятною задачей, потому что приверженные къ свободѣ итальянцы, какъ уже сказано, сильнѣйшимъ образомъ противились этому.

Такимъ образомъ бури, поднимавшіяся въ Средней и Сѣверной Италіи противъ наплыва римскаго, папскаго ига, а въ особенности инквизиціи, грозили почти уничтоженіемъ Милану въ 1242 и Пармѣ въ 1279 г.

Поэтому папы, озабоченные душевнымъ спасеніемъ своей вѣрующей паствы“, напрягали всевозможныя усилія къ тому, чтобы доставить „святой официіи“ необходимое уваженіе вмѣстѣ съ свободнымъ полемъ для его кровавой дѣятельности, — и для того, чтобы пріобрѣсти сговорчивыхъ палачей, предоставляли чиновникамъ инквизиціи то же самое отпущеніе грѣховъ, какъ прежде крестоносцамъ, затѣмъ трехлѣтнее отпущеніе — вѣдь эти отпущенія рѣшительно ничего не стоили „святому престолу“ — всѣмъ, которые, не будучи сами инквизиторами, такъ или иначе способствовали ко взятію еретика подъ арестъ, его приговору или возведенію на костеръ; затѣмъ папы, одержимые остервененіемъ противъ еретиковъ,

---

(1) Sismondi, Histoire de la renaissance de la liberté etc. Vol. 1, p. 108—109.

громили проклятіями всѣхъ тѣхъ, которые хотѣли какимъ бы то ни было образомъ воспрепятствовать инквизиціи въ исполненіи ея гнусной обязанности.

Все это творилось и повторялось въ Италіи съ тѣхъ поръ, какъ тамъ стали одерживать верхъ „реформаторскія препирательства о таинствахъ, сомнѣніе въ огнѣ чистилища и другія ученія и мнѣнія, неблагопріятныя для римскаго исповѣданія.“

Дѣло въ томъ, что тогда римскій первосвященникъ Павелъ III, который—скажемъ къ слову—за кардинальскую шапку свелъ одну изъ своихъ сестеръ съ чудовищемъ папою Александромъ VI, убилъ свою мать и своихъ племянниковъ изъ корыстолюбія, а другую сестру развратилъ и затѣмъ отравилъ также изъ корыстолюбія, — этотъ убійца въ тройномъ вѣнцѣ, сдѣлалъ вопросъ кардиналу *Караффѣ*, у котораго вслѣдствіе фанатизма „впали глаза“: какое средство посовѣтовалъ бы онъ противъ реформаціи, вторгающейся уже и въ Италію?

„Повсемѣстную инквизицію!“ отвѣчалъ мрачный доминиканецъ и былъ поддержанъ въ этомъ жаждущемъ крови еретиковъ мнѣніи своемъ столь же мрачнымъ собратомъ по ордену, кардиналомъ бургосскимъ, Хуаномъ Альваресомъ изъ Толедо. По совѣту этихъ „суровыхъ друзей человѣчества“, а равно и потому, что *прежняя доминиканская* инквизиція уже не достигала своей цѣли, былъ теперь учрежденъ, буллою отъ 21 іюля 1542 г., по образцу „правовѣрующей“ Испаніи, *„всеобщій высшій судъ инквизиціи“*, отъ котораго, разумѣется, должны были зависѣть всѣ другіе суды. „Подобно Петру, — говорилъ Караффа,—побѣдившему перваго іересіарха не гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ, а именно въ Римѣ, преемники его должны также уничтожать всѣ ереси въ Римѣ“ (¹). И іезуиты еще и до сихъ поръ вмѣняютъ себѣ въ особенную честь, что основатель ихъ ордена, Лойола, поддержалъ этотъ постыдный совѣтъ своимъ особеннымъ ходатайствомъ.

Естественно, что для всякаго деспотизма, какъ свѣтскаго, такъ

(¹) Bromato, Vita di Paolo IV. libr. VII, § 3 — у Ranke, l. c. Bd. 1. p. 206.

и духовнаго, главная суть состоитъ въ единообразномъ веденіи или полнѣйшей централизаціи дѣлъ, какъ кровавыхъ, такъ и не кровавыхъ.

Вышеупомянутая булла назначала шесть кардиналовъ, — въ томъ числѣ Караффу и Альвареса, — комисарами апостольскаго престола и инквизиторами, какъ обыкновенными, такъ и верховными по эту и по ту сторону горъ. Она давала имъ право облекать подобною же властью духовныхъ лицъ повсюду, гдѣ они найдутъ это нужнымъ, произносить приговоры по апелляціямъ на дѣйствія этихъ лицъ и дѣйствовать даже независимо отъ духовнаго судилища ордена.

Каждый, безъ всякаго исключенія или какого бы то ни было вниманія къ общественному положенію или сану, былъ подверженъ ихъ суду; люди подозрительные подвергались тюремному заключенію, виновные—лишенію жизни, а затѣмъ конфискаціи и продажѣ ихъ имуществъ. Такимъ образомъ „богобоязненные кардиналы“ должны были по своему усмотрѣнію все дѣлать, устраивать и выполнять, „дабы подавлять и съ корнемъ вырывать всѣ заблужденія, возникшія въ нѣдрахъ христіанской общины.“ Папа оставилъ за собою только *право помилованія раскаявшихся еретиковъ*, можетъ быть для того, чтобы въ глазахъ безсмысленной толпы придать себѣ при случаѣ видъ мягкосердія или извлечь изъ этого свою пользу (¹).

Караффа не терялъ ни минуты, и будучи самъ не богатъ, все-таки немедленно нанялъ на свой счетъ домъ, устроилъ также на свой счетъ комнаты для должностныхъ лицъ и помѣщенія для узниковъ, щедро снабдилъ эти помѣщенія крѣпкими замками и задвижками, блоками, цѣпями и кандалами, а равно и самыми изысканными орудіями пытки,—и наконецъ назначилъ генеральныхъ комисаровъ инквизиціи для различныхъ провинцій, съ опредѣлительнымъ внушеніемъ — „въ дѣлахъ вѣры ни минуты не медлить и не дѣлать ни малѣйшаго снисхожденія, а при малѣйшемъ подозрѣніи дѣйствовать съ крайнею строгостью. При этомъ не

(¹) Bromato, Vita di Paolo IV. lib. VII, § 3. y Ranke, Bd. I, p. 206.

обращать никакого вниманія на государей и прелатовъ, какъ бы высоко они ни стояли, но еще съ большею строгостью дѣйствовать противъ тѣхъ, которые старались бы оградить себя поддержкою лицъ, власть имущихъ. Только съ тѣмъ, кто сдѣлаетъ полнѣйшія признанія, слѣдуетъ обращаться съ кротостью и отеческимъ состраданіемъ; но относительно еретиковъ, и въ особенности протестантовъ, не должно унижаться до какой бы то ни было терпимости (1).

Реорганизованныя такимъ образомъ „святыя офиціи“ начали затѣмъ свою постыдную работу и всюду—прежде всего въ Италіи—распространились преслѣдованія и ужасы. Ненависть партій подоспѣла на помощь инквизиторамъ и рука свѣтской власти помогала суевѣрнымъ монахамъ положить печать вѣчнаго молчанія на всѣхъ мыслящихъ людей. Даже Неаполь, который до сихъ поръ сильнѣйшимъ образомъ сопротивлялся всѣмъ инквизиціоннымъ планамъ и попыткамъ испанцевъ, долженъ былъ, наконецъ, примириться съ папскими судилищами палачей.

Такимъ образомъ даже самыя слабыя движенія уклонявшихся отъ католицизма религіозныхъ мнѣній были постепенно подавлены въ самыхъ сердцахъ итальянцевъ и доведены до молчанія. Только въ Венеціи, главнымъ образомъ изъ корысти была предоставлена нѣкоторая свобода иностранцамъ, именно нѣмцамъ, которые находились тамъ для торговыхъ и ученыхъ цѣлей; мѣстные же жители были принуждены отречься отъ своихъ мнѣній и сходки ихъ были запрещены. Многіе бѣжали, и мы встрѣчаемъ этихъ бѣглецовъ во всѣхъ городахъ Германіи и Швейцаріи. По словамъ Антоніо Пальяричи сдѣлалось почти невозможнымъ „оставаться христіаниномъ и спокойно умереть на своей постелѣ,“ потому что тѣ, которые не хотѣли ни покориться, ни бѣжать, подвергались наказанію, состоявшему въ Венеціи въ томъ, что несчастныя жертвы римскаго фанатизма были выпроваживаемы на двухъ баркахъ изъ лагунъ въ открытое море. Между барками клали доску и на нее сажали осужденныхъ. На-

(1) Caracciolo, Vita di Paolo IV Ms. c. 8;—у Ranke, l. c., B. 1 p. 207.

конецъ, по данному знаку, обѣ барки вдругъ расходились въ разныя стороны, доска падала въ воду и „осужденные вольнодумцы“ умолкали навѣки „in majorem Dei gloriam“ въ холодныхъ объятіяхъ волнъ.

Но въ „вѣчномъ Римѣ“ на глазахъ „его апостолическаго святѣйшества“ не довольствовались быстрымъ потопленіемъ еретиковъ, а торжественно и медленно сожигали ихъ предъ San Maria alla Minerva. Нѣкоторымъ удалось во время спастись бѣгствомъ, остальныхъ же травили какъ дикихъ звѣрей, выгоняя ихъ изъ города въ городъ, пока наконецъ они не исчезли безъ слѣда отъ кровожадныхъ рукъ сыщиковъ „святой офиціи.“ Даже герцогиня феррарская, которая, если бы не существовалъ салическій законъ, сдѣлалась бы наслѣдницей французскаго престола, не была ограждена своимъ рожденіемъ и высокимъ саномъ. Самый супругъ ея былъ ей противникомъ, — и такимъ образомъ произошло, что разъ попавшись въ руки неумолимой инквизиціи, она уже не видала болѣе никого, „кому могла бы пожаловаться: горы раздѣляли ее съ друзьями и напрасно она смѣшивала свои вопли съ слезами“ (¹).

Наконецъ, гдѣ собственная „домашняя сила“ и „святыя судилища“ оказывались уже недостаточными для подавленія порывавшейся воспрянуть Италіи, папы призывали туда чужеземныхъ властителей и чужеземныя войска, съ помощію которыхъ они, „съ христіанскою любовію“, низвергали все что противилось ихъ власти и не хотѣло съ рабскимъ уничиженіемъ цѣловать ихъ напоенную кровію туфлю.

Съ тѣхъ поръ какъ на всю Европу раздался вопль *Савонаролы* противъ притязаній и пороковъ папства и нашелъ себѣ громкій отголосокъ въ хижинахъ и дворцахъ, —римскіе папы-короли слишкомъ хорошо убѣдились, что наступило время или задушить могучею десницей ропотъ возмущенія, или же добровольно отказаться отъ своего могущества и самимъ сойдти съ престола, самовластно присвоеннаго.

(¹) Marst y Ranke, l. c., s. 213.

Не смотря на свою вѣру въ догматы, итальянцы оказались весьма стойкими и рѣшительными въ одномъ пунктѣ, а именно въ томъ, что они всегда считали свѣтскую власть папы пагубною и достойною порицанія. Въ особенности римляне въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ мужественно и упорно защищали свою свободу и старались сбросить съ себя иго папской власти. Не говоря уже о прежней борьбѣ, они въ 980 г. возстановили строгую республику. Папа *Бонифацій VII*, этотъ извергъ, задушившій своего предшественника въ тюрьмѣ замка Ангела, убѣжалъ въ Константинополь съ сокровищами св. Петра, собственноручно украденными, и тамъ превратилъ ихъ въ деньги. Затѣмъ онъ возвратился въ Римъ съ массою денегъ, подкупилъ самую низкую сволочь, при содѣйствіи которой овладѣлъ своимъ противникомъ, папой Іоанномъ XV, избраннымъ римлянами въ его отсутствіе, приказалъ ослѣпить его и затѣмъ лишить жизни въ той же темницѣ въ замкѣ Ангела посредствомъ яда или голодной смерти. Но убійца не долго наслаждался своею побѣдой: онъ умеръ скоропостижно, проклинаемый римлянами, которые съ восторгомъ толкали по улицамъ его опозоренный трупъ, привязанный за ноги веревкой, и наносили ему удары пиками.

Не говоря о возмущеніяхъ при Иннокентіи II, Евгеніи IV, Николаѣ V, я еще прибавлю, что по смерти неумолимаго возстановителя инквизиціи — бывшаго кардинала Караффы, а впослѣдствіи папы Павла IV, случившейся лѣтомъ 1559 г. —римляне съ ожесточеніемъ разломали тюрьмы инквизиціи, сожгли ея акты, сбросили съ пьедестала и разбили статуи кровожаднаго папы, наполнившаго Европу и Италію пламенемъ фанатизма, и потомъ въ теченіе трехъ дней таскали его голову вмѣстѣ съ тіарою и правой рукой по улицамъ города, и затѣмъ съ криками восторга бросили ихъ въ Тибръ. И самый трупъ его не избѣгъ бы мести оскорбленнаго народа, еслибъ не былъ огражденъ сильною стражей; его, подобно статуѣ, таскали бы по улицамъ „святаго города“ и наконецъ, истерзавъ, бросили бы въ Тибръ, подобно тому, какъ гербъ семейства Караффы былъ разбитъ въ дребезги разсвирѣпѣвшимъ народомъ.

Колонны, Орсини, Чезарини, Массини и многія другія наибо-

лѣе знатныя фамиліи, смертельно оскорбленныя клятвопреступникомъ папой, принимали участіе въ этихъ безпорядкахъ.

Такимъ порывамъ свободы и возмущеніямъ римлянъ и итальянцевъ противъ папскаго ига слѣдовало положить сильную преграду,—и если этого нельзя было достигнуть собственными силами, то слѣдовало, какъ уже замѣчено выше, призвать постороннихъ покровителей и пособниковъ тираніи. Пусть прекрасная почва Италіи вмѣстѣ со своимъ энергическимъ народомъ все глубже и глубже погружается въ бездну гибели, лишь бы ненасытные первосвященники Рима имѣли вмѣстѣ съ нескончаемымъ хвостомъ клерикальныхъ негодяевъ „богато сервированный столъ и мягкое ложе, полныя чаши вина и хорошо наполненные дома *разгула.*“

Въ этомъ убѣжденіи сладострастный отравитель, *Александръ VI*, сравнительно съ которымъ самый отвратительный дьяволъ показался бы ангеломъ, не постыдился призвать въ Италію Людовика XII и всѣми средствами облегчалъ ему путь, потому только, что этотъ покровитель и союзникъ тираніи далъ властолюбивому первосвященнику 15,000 войска, для того чтобы задушить послѣдніе остатки итальянской свободы и помочь „представителю христіанскаго самоотверженія и любви“ въ покореніи Романьи и другихъ итальянскихъ провинцій. „Но это вторженіе французовъ послужило поводомъ къ столькимъ войнамъ, возмущеніямъ и раздорамъ, и возбудило такія междоусобія“, что Карлу V вскорѣ удалось остаться побѣдителемъ на полѣ брани и когтями корыстолюбія и властолюбія раздирать немилосердно нѣдра прекрасной страны.

Да, поводомъ къ паденію Италіи въ XVI столѣтіи было главнымъ образомъ безграничное честолюбіе и ненасытимое любостяжаніе и властолюбіе римскихъ первосвященниковъ,—и несчастный день, въ который Франческо Ферручи былъ настигнутъ смертію у воротъ Флоренціи, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ эпохою, со времени которой свобода и гражданскія доблести Италіи были потоплены въ крови ея народа и погребены на долгое время.

Наконецъ, въ исходѣ XVII столѣтія, Италія по винѣ папъ—какъ ясно увидимъ впослѣдствіи—утратила всѣ свои преимущества и сдѣлалась кровавою игрушкой иностранныхъ государствъ. Торговля, промышленность, науки, ученость, богатство, національ-

ная сила, величіе и стойкость характеровъ, все ретировалось по ту сторону Альпійскихъ горъ. Возмущеніе Массаніелло было единственнымъ пламенемъ, которое вспыхнуло передъ глазами Европы, чтобы показать ей, что въ Италіи есть еще волканическая почва.

Я можетъ быть слишкомъ долго останавливался на плачевной участи несчастной страны, но мнѣ хотѣлось съ самаго начала противопоставить этому „*non possumus*“ римской куріи доказательство, что по крайней мѣрѣ свѣтское могущество папъ — какъ уже говорено выше — никогда не дѣйствовало въ духѣ ни римскаго, ни итальянскаго народа.

Убѣжденіе это выразилось яснѣе всего въ 1831 году въ устахъ римлянъ, когда они въ бурномъ негодованіи провозгласили, „*что царство папъ не отъ міра сего.*“ И дѣйствительно, безъ товарищеской тиранской помощи австрійскихъ штыковъ, римляне уже тогда весьма быстро и на вѣчныя времена заставили бы пасть хотя по крайней мѣрѣ свѣтскій тронъ римскихъ папъ, — чего онъ уже давно заслужилъ, — протащили бы его по городу и, разбивъ, бросили бы въ Тибръ.

Но мы теперь оставимъ Италію въ сторонѣ, чтобы показать, что и прочіе народы, не взирая на воображаемыя благодѣянія папства, имѣютъ право и даже обязаны, въ интересахъ свободнаго и благодѣтельнаго развитія, однажды и навсегда сбросить съ себя папское иго, какъ въ свѣтскомъ, такъ и въ религіозномъ отношеніи.

* * *

Относительно громаднаго числа жертвъ испанской инквизиціи уже говорено выше. Поэтому, упоминая о часто восхваляемыхъ благодѣяніяхъ папства, я хочу напомнить о тѣхъ крестовыхъ походахъ, которые, продолжаясь въ теченіе двухъ вѣковъ, превратили Сирію въ кровавую ниву и стоили Европѣ шести миліоновъ людей. Одна Франція лишилась болѣе двухъ миліоновъ мужчинъ, такъ что святой Бернгардтъ могъ уже въ половинѣ XII вѣка написать въ припадкѣ грубой поповской радости къ папѣ Евгенію III, пресытившемуся человѣческою кровію: „Франція теперь такъ богата мужчинами, что на *семь* женщинъ едва приходится болѣе одного мужчины.“

Даже женщины, большими массами, брали крестъ. Королева венгерская повела съ собою въ Палестину цѣлую толпу подобныхъ ей мечтательницъ. Мало того, многія тысячи дѣтей заражались такимъ же фанатизмомъ, и можно было видѣть длинныя вереницы этихъ невинныхъ созданій, которыхъ, опираясь на изреченіе: „Господи, да прославятъ тебя дѣти!“ уводили изъ нѣдръ семьи и вели противъ сараценовъ. Съ тѣхъ поръ они болѣе уже не видали своей родины. Половина изъ нихъ умерла дорогою отъ изнуренія и голода, прочихъ продали туркамъ ихъ безчеловѣчные путеводители.

Хотя вслѣдствіе этихъ крестовыхъ походовъ завязались болѣе тѣсныя сношенія между европейскими народами, дворянство обѣднѣло и этимъ было подготовлено возвышеніе средняго сословія. Знакомство съ востокомъ открыло новые пути для торговыхъ сношеній, въ Европу перешло множество новыхъ знаній и искуствъ, такъ что настоящее состояніе Европы есть по большей части косвенный результатъ крестовыхъ походовъ; но все это сдѣлалось рѣшительно помимо воли и безъ вѣдома римскихъ папъ, которые желали только, какъ это и дѣйствительно произошло вслѣдствіе крестовыхъ походовъ, распространить значеніе и въ особенности владычество духовенства, усилить отупѣніе и суевѣріе, чего тоже они достигли, потому что безполезные католическіе монастыри выростали по всюду, какъ ядовитые грибы; они хотѣли въ ненасытной жадности пополнить свои собственныя сокровищницы динаріями св. Петра, что вполнѣ имъ и удавалось. Тупоумные міряне раздавали монахамъ и священникамъ все свое добро и достояніе на „тихія обѣдни“ и т. д., вооружались и, преисполненные фанатизма и христіанскаго высокомѣрія и — какое странное противорѣчіе! — проникнутые духомъ смиренія, всепрощенія и братской любви къ ближнимъ, отправлялись въ Палестину для избіенія людей. Другіе міряне, менѣе богатые, но равно фанатичные, продавали или закладывали свои имущества и, внимая слову римскаго духовенства, дѣлали то же самое для прославленія имени св. Петра. Наконецъ подати и налоги вслѣдствіе крестовыхъ походовъ сдѣлались до такой степени тягостны и разорительны „для простолюдиновъ“, что водворилась повсемѣстная бѣдность.

Выше поименованныя выгоды до такой степени поглощаются сейчасъ приведенными ущербами, что не говоря уже о языческихъ душахъ, отправленныхъ (по мнѣнію римско-поповскихъ убѣжденій) посредствомъ крестовыхъ походовъ въ адъ, — по крайней мѣрѣ шесть миліоновъ европейскихъ жителей должны остаться на отвѣтственности „непогрѣшимыхъ“ князей церкви и ихъ слѣпо вѣровавшихъ мірянъ и прислужниковъ.

Но что значатъ *шесть миліоновъ* жизней для настоящей римско-поповской души? Рѣшительно ничего! Очевиднымъ доказательствомъ этого служатъ безустанно продолжавшіяся преслѣдованія еретиковъ и вслѣдъ за тѣмъ уже упомянутое выше убіеніе альбигойцевъ по *приказанію папы.*

Ужасный „святой“ *Доминикъ*, родомъ испанецъ, по приказанію и подъ покровительствомъ *Иннокентія III*, предавался наслажденію—преслѣдовать бѣдныхъ альбигойцевъ огнемъ и мечемъ и разнаго рода истязаніями. Помощниками его были „высокопреподобные“ убійцы и легаты „его римскаго святѣйшества— *Мило и Арнольдъ*, абатъ изъ Сито, бывшіе исполнителями всякихъ ужасовъ и жестокостей, на которые только способны изступленный фанатизмъ и бѣшеная жажда преслѣдованія. Въ 1209 г. открылся крестовый походъ противъ несчастныхъ, снова съ папскаго согласія и съ приманкою полнѣйшаго отпущенія всѣхъ грѣховъ и постыдныхъ дѣлъ, которыя (слушайте!) будутъ совершены во время преслѣдованія еретиковъ.“ Такимъ образомъ „слѣпо вѣрующія овцы“ или, лучше, звѣри, подъ предводительствомъ Симона де Монфора, могли грабить, позорить, жечь и рѣзать сколько угодно было ихъ душѣ, что они дѣйствительно и дѣлали въ обширныхъ размѣрахъ. Въ особенности пострадали отъ нихъ Лангедокъ и Дофине, гдѣ въ глазахъ папскихъ легатовъ, архіепископовъ и прелатовъ происходили необузданныя варварства.

Первымъ городомъ, попавшимъ въ безпощадные когти этихъ привилегированныхъ папскихъ разбойничьихъ полчищъ, этихъ смертоубійцъ и поджигателей въ мантіяхъ и колетахъ, былъ Безьеръ. Этотъ злополучный городъ былъ превращенъ въ груду пепла, а его несчастные жители или перебиты, или сожжены. Страшные вопли жертвъ напрасно доносились до слуха ужаснаго Доми-

ника и его гнусныхъ сообщниковъ. Пожары и убійства длились неслыханно долгое время. Благочестивые убійцы имѣли въ карманѣ папское отпущеніе и апостольское благословеніе. По крайней мѣрѣ двадцать, а по свидѣтельству нѣкоторыхъ даже шестьдесятъ тысячъ народа зарѣзано или сожжено въ этой бойнѣ безъ различія возраста, пола и вѣроисповѣданія. Прекраснѣйшіе города и мѣстности южной Франціи, какъ-то Тулуза, Каркасонъ, Альби, Кастельнодари, Нарбона, Сенъ-Жиль, Арль, Авиньонъ, были разграблены, опустошены или сожжены.

Эта нечестивая рѣзня длилась двадцать лѣтъ; только въ 1229 г. былъ заключенъ миръ Григоріемъ IX. Завоеванная страна была любезно повергнута къ стопамъ отчасти франкскаго короля Людовика IX, отчасти же его бездѣтнаго брата Альфонса, чтобы сдѣлать ихъ обоихъ друзьями и покровителями инквизиціи, которая была тамъ теперь введена съ обязательствомъ, чтобы оставшихся тамъ еретиковъ или обращать на путь истинный, или просто на просто лишать жизни посредствомъ пытки или медленнаго сожженія: ярко пылали повсюду костры и только небольшому остатку когда-то многочисленныхъ альбигойцевъ удалось ускользнуть въ Боснію.

* * *

Затѣмъ, говоря о воображаемыхъ благодѣяніяхъ римско-поповскаго господства, нужно вспомнить о „парижской кровавой свадьбѣ,“ по поводу которой папа Григорій XIII торжественно возсылалъ къ небу благодарственныя молитвы, подобно тому, какъ въ новѣйшее время Пій IX по поводу кровопролитія при Ментанѣ. Этотъ безчеловѣчный папа, палачъ протестантовъ, громко ликовалъ, благословляя ту кровавую ночь, въ которую не избѣгъ насильственной смерти даже престарѣлый Колиньи. Коварная іезуитская женщина Катерина Медичи и ея гнусный сынъ Карлъ IX послали римскому верховному жрецу въ знакъ глубочайшаго высокопочитанія и слѣпаго повиновенія окровавленную голову благороднаго адмирала. Папа принялъ ее съ радостнымъ смѣхомъ и въ припадкѣ восторга приказалъ изобразить умерщвленнаго Колиньи въ картинѣ и для него написать слѣдующія постыдныя слова:

„Папа одобряетъ и хвалитъ умерщвленіе Колиньи.“

Эта позорная картина, которую еще и теперь можно видѣть въ Ватиканѣ, служитъ очевиднымъ доказательствомъ того, что и преемники Григорія XIII, въ томъ числѣ и Пій IX, одобряли и одобряютъ помянутое убійство и проникнуты такими же грубыми и мстительными чувствами, какъ ихъ, жаждавшій протестантской крови, предшественникъ. Въ противномъ случаѣ картина эта, какъ позорная для папскаго престола, давно уже была бы уничтожена.

Но не объ одной „парижской кровавой свадьбѣ“ слѣдуетъ вспоминать, говоря о такъ называемыхъ благотворныхъ результатахъ папскаго владычества.

Надлежитъ припомнить всѣ преслѣдованія противъ протестантовъ и гугенотовъ, которыя съ мая 1560 года, т. е. со времени эдикта Роморантина, отнявшаго у парламента право суда въ религіозныхъ дѣлахъ и предоставившаго разбирательство дѣлъ объ ересяхъ *епископамъ*, въ теченіе двухъ столѣтій позорили Францію и лишили ее лучшихъ рабочихъ силъ.

Еще до знаменитой Варѳоломеевской ночи 24 августа 1572 г., большею частію по наущенію римскаго духовенства, тысячи кальвинистовъ и гугенотовъ были убиты въ открытомъ сраженіи или умерщвлены предательскимъ образомъ. При этомъ папа Пій V не только послалъ на помощь французскимъ католикамъ небольшой военный отрядъ, но и далъ начальнику его, графу Сантафіоре неслыханное наставленіе: *„не брать въ плѣнъ ни одного гугенота, но убивать всякаго попавшагося въ руки“* (1).

Въ самую же Варѳоломеевскую ночь въ сумерки были подсылаемы вооруженные люди въ жилища почетнѣйшихъ протестантскихъ гражданъ и дворянъ, которые и были умерщвлены предательскимъ образомъ. Рѣзня длилась въ столицѣ три дня и три ночи; въ провинціяхъ же, въ особенности въ Мо, Орлеанѣ, Ан-

---

(1) Catena, Vita di Pio V, p. 85,—у Ranke, l. c., Bd. I, p. 373.—Сравн. къ этому Rotteck und Welcker: Strats-lexikon, Bd. VII, Art. „Hugenoten.„—Далѣе Dr. G. Weber: Geschichtliche Darstellung des Calviisnmus etc.,—Сисмонди: Исторія Франціи.

жерѣ, Труа, Буржѣ, Лашарите, Ліонѣ, Тулузѣ, Руанѣ она свирѣпствовала въ теченіе двухъ мѣсяцевъ. Число убитыхъ протестантовъ, по самымъ умѣреннымъ свидѣтельствамъ, простиралось до 30 тысячъ человѣкъ. Сюлли насчитываетъ ихъ до 70, а другіе даже до 100 тысячъ. Безстыдный злодѣй Карлъ IX самъ стрѣлялъ по бѣжавшимъ гугенотамъ и открыто въ парламентѣ объявилъ себя главнымъ виновникомъ Варѳоломеевской ночи.

О потрясавшихъ воздухъ папскихъ отлученіяхъ и проклятіяхъ,—объ осадѣ и взятіи главнаго оплота кальвинистовъ — Ла Рошели, при которыхъ погибло около 12,000 жителей,—о похищеніи дѣтей, когда у протестантскихъ родителей силою или хитростію отнимали мальчиковъ и дѣвочекъ, чтобы отправлять ихъ въ монастыри и воспитать въ римско-католической вѣрѣ,—объ ужасныхъ *обращеніяхъ* гугенотовъ на смертномъ одрѣ, совершавшихся по королевскому повелѣнію фанатическими монахами,—о драгонадахъ или о вынужденномъ грубою папскою силою возвращеніи ихъ въ лоно римско-католической церкви, причемъ повсюду распространялись бѣдствія, опустошенія и ужасы, и число протестантовъ въ одномъ Бордоскомъ округѣ, въ теченіе одного мѣсяца, понизилось со 150 до 10 тысячъ человѣкъ,—о запрещеніи кальвинистамъ эмигрировать, вслѣдствіе котораго Франція, со всѣхъ сторонъ обставленная стражею, уподоблялась громадному огражденному стѣнами парку для охоты, гдѣ появлялись гугеноты и были вытравливаемы какъ дикіе звѣри въ полѣ, и даже объ ожесточенной борьбѣ въ *севенахъ*, о стойкости *комисаровъ*, о севенскихъ блузникахъ—я упоминаю только для того, чтобы поставить вопросъ: „что произошло бы, если бы, вмѣсто этихъ продолжительныхъ преслѣдованій и ужасовъ, во Франціи была провозглашена свобода совѣсти?“

По всей вѣроятности, и тутъ самымъ блистательнымъ образомъ выказались бы неисчислимые благотворные результаты, замѣчаемые повсюду, относительно умственнаго развитія и стремленія освободиться отъ средневѣковыхъ узъ, какъ послѣдствія свободнаго, совмѣстнаго жительства лицъ, принадлежащихъ къ различнымъ и равноправнымъ исповѣданіямъ. Позднѣйшія проявленія фанатизма, іезуитскія козни, драгонады, война въ Севеннахъ, даже можетъ

быть, самая французская революція, сдѣлались бы невозможными, потому что тогда Франція не потеряла бы вслѣдствіе избіенія еретиковъ сотни тысячъ способнѣйшихъ, прилежнѣйшихъ, но и либеральнѣйшихъ своихъ гражданъ.

Уже въ 1562 году имѣлось во Франціи 2150 реформатскихъ церквей, образовавшихся не вслѣдствіе правительственныхъ распоряженій, а по свободному убѣжденію ихъ исповѣдниковъ. „Преслѣдуемыя и угнетаемыя государствомъ, эти религіозныя общины должны были сами устроивать свои дѣла; они не имѣли никакихъ начальниковъ кромѣ тѣхъ, которыхъ сами ставили надъ собою, и всѣ члены общины пользовались одинаковыми правами и подвергались одинаковой опасности. Пріученныя находиться во враждебныхъ отношеніяхъ съ правительствомъ, эти общины должны были заботиться объ единодушіи въ собственной своей средѣ. Они составляли федеративную республику среди монархическаго государства, такъ какъ ихъ церковное устройство простиралось и на ихъ гражданскія отношенія.“ Изъ столь могущественнаго начала вмѣстѣ съ свободой совѣсти могла бы мирно распространяться во Франціи и свобода гражданская. Но свѣтская тираннія въ соединеніи съ поповскимъ фанатизмомъ подавила свободу и наконецъ довела до барикадъ деспотически измученное и опозоренное человѣчество.

„Драгонады и уничтоженіе эдикта, говоритъ Лекки, были самыми выдающимися фактами періода, въ высшей степени пагубнаго для Франціи, и эти мѣры имѣли столь быстрыя и пагубныя послѣдствія для всеобщаго благосостоянія, что негодованіе народонаселенія достигло крайнихъ предѣловъ. Упадокъ французской арміи, усиленныя подати, которыя тяжелымъ гнетомъ ложились на народъ, обезсиленіе промышленности, умственное угнетеніе и почти монастырская строгость при дворѣ способствовали къ увеличенію неудовольствія и къ направленію всей тяжести этой непопулярности противъ каждаго отдѣльнаго элемента тиранніи до такой степени, что это движеніе приняло форму революціи, которая въ области религіи произвела терпимость, а въ политикѣ органическое преобразованіе“ (¹).

(¹) H. Lecky, l. c. T. II, стр. 51.

Да, не реформація, какъ лгутъ іезуитскіе сторонники, а римско-католическая нетерпимость въ пагубномъ союзѣ со свѣтскимъ властолюбіемъ, любостяжаніемъ и влеченіемъ къ наслажденію дала въ руки французскому, долго колебавшемуся народу, кровавое оружіе — революцію!

Почти такъ же безчеловѣчны, какъ травля гугенотовъ, были *преслѣдованія нидерландскихъ протестантовъ. Гроціусъ*, приводя цифру тѣхъ, которые лишились жизни при Карлѣ V только вслѣдствіе своихъ религіозныхъ убѣжденій, считаетъ ее въ 100,000 человѣкъ, а *Сарпи* въ своей исторіи Тридентскаго собора насчитываетъ ихъ 50,000. Среднее число—75,000.

По меньшей мѣрѣ столько же человѣкъ лишилось жизни при сынѣ Карла. Да 16 февраля 1568 г. приговоръ святой официіи объявилъ *всѣхъ жителей Нидерландовъ* подлежащими смерти, какъ еретиковъ. Только немногія лица, всѣ подробно и поименно названныя, были избавлены отъ всеобщаго приговора. Королевскій указъ, обнародованный десять дней спустя, подтверждалъ этотъ декретъ инквизиціи, безсмысленный по своей неисполнимости, и приказывалъ немедленно привести его въ исполненіе... Такимъ образомъ, какими нибудь тремя строчками было приговорено къ смерти на эшафотѣ три миліона людей — мужчинъ, женщинъ и дѣтей (1).

И тутъ опять римскіе главные священники не только ободряли нидерландскія кровавыя судилища, но еще посылали свои благословенія и почетные подарки забрызганнымъ кровью палачамъ инквизиціи. „При безпокойствахъ въ Нидерландахъ Филиппъ II сперва колебался, какимъ образомъ ему слѣдуетъ дѣйствовать относительно провинцій; папа *Пій* V посовѣтовалъ ему прибѣгнуть къ вооруженному вмѣшательству. Его деспотическимъ правиломъ было: „Дѣйствуя безъ подкрѣпленія оружія, приходится подчиняться законамъ; имѣя же его въ рукахъ, самъ можешь ихъ предписывать.“ (2) Тотъ же самый папа, бывшій инквизиторъ въ Комо, также одобрялъ кровавыя мѣры *Альбы* и въ знакъ признательности

(1) Срав. Motley: Rise of the Dutch. Republ., vol. II, p. 155.
(2) L. Ranke l, c. Bd. 1, p. 373.

послалъ этому фанатическому палачу протестантовъ „освященную шляпу и шпагу.“

* * *

Духъ, указывавшій на крестовые походы какъ на дѣло, заслуживающее вѣчнаго блаженства, разумѣется представлялъ евреевъ враждебными, не вѣрующими, которыхъ уничтоженіе есть заслуга. Это народное заблужденіе, усердно распространяемое и энергически поддерживаемое римскимъ духовенствомъ, было причиною того, что бѣдные сыны Израиля не разъ подвергались рѣзнѣ, подобной кровопролитію парижской Варѳоломеевской ночи. Такъ въ Майнцѣ, въ 1096 г., лишились жизни болѣе 14,000 евреевъ. Въ 1285 г. суевѣрная мюнхенская чернь обвинила евреевъ въ убіеніи мальчика христіанина, напала на несчастныхъ, убила многихъ изъ нихъ и наконецъ подожгла ихъ синагогу, вслѣдствіе чего погибло въ пламени 180 евреевъ, искавшихъ тамъ спасенія.

Въ 1331 году жители *Иберлингена* напали на живущихъ тамъ евреевъ и когда 300 человѣкъ изъ нихъ скрылись въ одномъ домѣ, то этотъ домъ зажгли такъ, что большинство этихъ несчастныхъ погибло въ пламени, а тѣ, которые хотѣли спастись, были убиты среди страшныхъ истязаній.

Въ 1337 г. въ Деккенбахѣ, *въ Баваріи*, самъ магистратъ, подстрекаемый фанатическими попами, сталъ во главѣ народной толпы, чтобы мучить евреевъ, которые будто бы осквернили гостію, и пригласилъ одного сосѣдняго рыцаря, *Гартмана фонъ Дегенбаха*, къ участію въ преслѣдованіи ихъ. По условленному знаку отворились ворота для этого рыцаря-звѣря, сопровождаемаго толпою убійцъ, которые немедленно напали на несчастныхъ евреевъ и перебили ихъ съ истязаніями или сожгли живьемъ. Для прославленія этого „богоугоднаго дѣла“ была построена церковь гроба Господня, сдѣлавшаяся „знаменитымъ мѣстомъ поклоненія благочестивыхъ пилигримовъ.“ Герцогъ *Гейнрихъ* въ Ландсгутѣ издалъ особый одобрительный документъ, которымъ онъ утверждалъ право убійцъ на владѣніе награбленнымъ. Папа далъ *полнѣйшее отпущеніе въ грѣхахъ убійцамъ*. Вскорѣ и другіе города Баваріи, въ особенности Штрау-

бингъ, послѣдовали этому примѣру преслѣдованія евреевъ, удостоившемуся награды отъ герцога и благословенія отъ папы.

Нѣсколько лѣтъ спустя, появилась опасная эпидемія въ родѣ чумы, распространившаяся на бо̀льшую часть Европы и уничтожившая, по свидѣтельству современныхъ писателей, цѣлую треть народонаселенія. Вскорѣ образовалось пагубное заблужденіе, будто евреи, посредствомъ злонамѣренныхъ дѣйствій, напр. отравленія колодцевъ, произвели чуму на погибель христіанъ. По свидѣтельству хроникера Якова Кенигсгофена, вслѣдъ за этимъ 13 февраля 1349 г. было сожжено въ одномъ Страсбургѣ 2000 евреевъ, а ихъ имущество также было отдано убійцамъ, въ видѣ награды за понесенные труды.

Этотъ факелъ, постоянно раздуваемый фанатическими попами, скоро распространилъ пламя по всему Эльзасу и по многимъ городамъ на западѣ Германіи, какъ то: Базелю, Шпейеру, Гейдельбергу, Оппенгейму, Майнцу и Франкфурту. Въ этомъ послѣднемъ городѣ, гдѣ еще до 1150 жили уже еврейскія семейства,—въ 1240 году погибло множество евреевъ вслѣдствіе обвиненія попами, что *родственники* одного еврея, желавшаго перейдти въ христіанство, *старались этому воспрепятствовать*, и только равинъ и 20 человѣкъ его соотчичей были пощаены, единственно въ томъ вниманіи, что, въ смертномъ страхѣ, требовали крещенія.

Сто лѣтъ спустя, а именно въ 1349 году, толпа бѣшеныхъ фанатиковъ, которые пріобрѣли такую печальную извѣстность подъ именемъ *бичевателей*, хлынула къ Франкфурту. Невообразимыми подстрекательствами они старались возбудить народъ противъ евреевъ и, потерпѣвъ въ этомъ неудачу, произвели пожаръ, который, разумѣется, опять былъ приписанъ евреямъ. Эта мошенническая хитрость увѣнчалась желаемымъ успѣхомъ. Обвиненные были растерзаны въ куски, женщины и дѣти погибли въ пламени. Суевѣрный, фанатизированный народъ воображалъ, что невозможно ничѣмъ лучше почтить наступавшій какъ разъ въ то время какой-то юбилей. *По совѣту духовенства, добыча была употреблена для такъ называемыхъ благочестивыхъ цѣлей*, напр. на постройку собора въ Шпейерѣ. Въ Магдебургѣ и

Галле тамошній архіепископъ Рупертъ изъ фамиліи графовъ Мансфельдовъ, во время еврейскаго праздника кущей, велѣлъ заключить въ тюрьму знатнѣйшихъ евреевъ, чтобы вынудить отъ нихъ 100 тысячъ марокъ *для уплаты Риму архіепископской дани за мантію.* Онъ велѣлъ разломать ихъ сундуки и взялъ оттуда все золото и серебро, не превращенныя въ монету. И разумѣется, по мнѣнію главныхъ и подчиненныхъ поповъ, въ этомъ дѣйствіи не было ни несправедливости, ни вымогательства, ни воровства, ни грабежа, такъ какъ оно было произведено для „благочестивыхъ цѣлей," а обогащеніе папской куріи и клира развѣ не есть несомнѣнно благочестивая цѣль? Такимъ образомъ добивавшійся мантіи епископъ Рупертъ Магдебургскій былъ вмѣстѣ съ тѣмъ увѣреннымъ провозвѣстникомъ іезуитскаго принципа: *„Цѣль освящаетъ средства!"*

Въ 1388 г. обвиненіе, будто одинъ еврей швырнулъ чѣмъ-то въ причастіе, которое священникъ несъ къ больному, было причиною избіенія всѣхъ евреевъ въ *Прагѣ.*

Въ 1428 г. въ *Регенсбургѣ* были сожжены многіе евреи, потому что они будто бы убили мальчика, трупъ котораго былъ найденъ въ лѣсу съ признаками насильственной смерти.

Въ Австріи, гдѣ въ 1370 г. евреи были переловлены въ одинъ день, лишены своего имущества и цѣлый мѣсяцъ должны были томиться въ тюрьмѣ, гдѣ въ 1415 г. былъ установленъ тягостный налогъ на нихъ, въ 1421 г. „вслѣдствіе толчка свыше", т. е. не больше какъ со стороны придворныхъ поповъ, сильное возобновилось гоненіе на евреевъ. Обвиненіе, направленное противъ весьма богатаго еврея въ Эмсѣ, будто онъ покупалъ гостію отъ жены сакристана въ приходской церкви св. Лаврентія, для того, чтобы наругавшись надъ ними насмѣяться надъ христіанскимъ праздникомъ Пасхи, служило къ этому поводомъ. Въ *одинъ и тотъ же день* всѣ евреи въ цѣлой *Австріи* были заключены въ тюрьмы и лишены своихъ имуществъ, которыя сдѣлались собственностью государства. Затѣмъ простые евреи были только высланы заграницу, а знатнымъ и *богатымъ* предоставляли выборъ между *крещеніемъ* и *мучительною смертью.* Многіе сами лишили себя жизни, или же заставили своихъ близ-

кихъ перерѣзать имъ жилы. Въ Вѣнѣ ярко горѣли костры и прахъ несчастныхъ жертвъ разсѣянъ былъ по рѣкѣ, въ то время, какъ ихъ дома всемилостивѣйше дарилъ городу герцогъ Альбрехтъ.

Въ 1453 году прибылъ изъ Италіи въ Бреславъ *Іоаннъ Капистранусъ*, францисканскій монахъ, впослѣдствіи *объявленный святымъ*. Въ проповѣди, продолжавшейся нѣсколько часовъ, онъ обвинялъ евреевъ въ оскверненіи св. даровъ и увлекъ народъ къ избіенію воображаемыхъ преступниковъ. Избѣгнувшіе избіенія были впослѣдствіи сожжены. Прочія истязанія евреевъ, как напр. налогъ на тѣло, равнявшій бѣдныхъ евреевъ съ скотами, сюда не относятся.

Изъ преслѣдованій евреевъ внѣ Германіи, я укажу только на то, что въ 1160 году епископъ города *Безье въ южной Франціи* наканунѣ вербнаго воскресенья, въ проповѣди своей о страданіяхъ Спасителя, уговаривалъ народъ отмстить за кровь Христа на его убійцахъ, и подъ конецъ подстрекнулъ чернь къ убійству тамошнихъ евреевъ, чѣмъ и удовольствовался до конца Святой недѣли. Покровительство, о которомъ просили и которое получили преслѣдуемые слишкомъ поздно, они должны были купить посредствомъ громадной денежной суммы и обѣщаніемъ ежегоднаго пожертвованія для поддержанія „единой, ведущей ко спасенію“ церкви. Позднѣйшая исторія Франціи указываетъ, среди ужасныхъ подробностей, на многократное изгнаніе и призваніе обратно этихъ людей, обреченныхъ на проклятіе скитальчества, разумѣется сопровождавшагося страшными притѣсненіями. Только французская революція положила конецъ этому позорному для человѣчества живодерству, освободивъ, по примѣру Сѣверо-американскихъ Штатовъ, послѣдователей Моисеева закона, не имѣвшихъ до тѣхъ поръ никакой осѣдлости.

Исторія Англіи прибавляетъ только нѣкоторые штрихи къ мрачной картинѣ о преслѣдованіи евреевъ. Такъ, въ особенности при *Ричардѣ I* въ 1189, были убиты фанатизированнымъ народомъ многіе евреи, которые хотѣли при коронаціи короля поднести ему подарки; въ другихъ городахъ повторялись такія же преслѣдованія. Въ Іоркѣ народъ осадилъ крѣпость, въ которой ко-

мендантъ далъ убѣжище преслѣдуемымъ, чтобы ихъ спасти, но они взаимно перебили другъ друга. Генрихъ III продалъ евреевъ въ своемъ королевствѣ въ 1355 г. за 5000 марокъ своему брату Ричарду, герцогу корнваллійскому, чтобы этотъ послѣдній, по выраженію хроникера, „начисто выпотрошилъ тѣхъ, съ которыхъ король уже содралъ кожу.“ Наконецъ Эдуардъ I изгналъ этихъ несчастныхъ числомъ около 15,000 человѣкъ и конфисковалъ ихъ недвижимыя имущества (¹).

Что касается до Пиренейскаго полуострова, то онъ поставлялъ самый многочисленный контингентъ изгнанныхъ, замученныхъ и медленно сожженныхъ евреевъ. Въ доказательство этого я опять сошлюсь на упомянутыя уже сожженія массами еретиковъ въ Испаніи, въ которыхъ погибли на медленномъ огнѣ тысячи бѣдныхъ евреевъ. Извѣстно также великое изгнаніе евреевъ при *Фердинандѣ* и *Изабеллѣ Католическихъ* въ 1492 году, когда 300,000 человѣкъ этого племени были объявлены изгнанниками и лишены своей собственности. Цѣлыя тысячи ихъ были умерщвлены изъ любостяжанія и фанатизма; и убійцы этихъ „проклятыхъ враговъ Христа“ рылись въ ихъ внутренностяхъ въ ужасной надеждѣ найдти тамъ проглоченное золото. Тысячи мужчинъ, женщинъ и дѣтей умерли отъ голода, такъ какъ „собакамъ-евреямъ“, при ихъ выселеніи, отказывали въ пристанищѣ и пищѣ всѣ добрые католики, которые притомъ не желали и сами подвергнуться подозрѣнію въ ереси и попасться въ безпощадные когти „святой официи“, постоянно употреблявшей самыя горячія усилія къ тому, чтобы потопить разцвѣтъ столь щедро одаренной природою Испаніи въ теплой крови ея наилучшихъ дѣтей.

Великое изгнаніе евреевъ принадлежитъ также къ числу тѣхъ знаменитыхъ художественныхъ подвиговъ, посредствомъ которыхъ римскіе попы погубили Италію, въ особенности въ земледѣльческомъ и промышленномъ отношеніяхъ.

Да, единственно на ихъ совѣсти лежатъ всѣ причиненныя этимъ изгнаніемъ бѣдствія и позорныя дѣянія; потому что Фердинандъ

(¹) Rotteck и Welcker, Staatslexicon. Bd. VII, Art. „Judenschutz“, гдѣ указаны относящіеся сюда источники.

и Изабелла Католическіе, обольщаемые грудами золота, которыя предлагали имъ евреи за отмѣну эдикта объ изгнаніи, хотѣли уже отмѣнить его, но тутъ великій инквизиторъ Торквемада, этотъ фанатикъ и кровопійца, нынѣ, по милости Пія IX, провозглашенный блаженнымъ, бросился къ царственнымъ супругамъ съ распятіемъ въ рукахъ и вскричалъ: „Нѣкогда Іуда предалъ и продалъ Спасителя за тридцать сребренниковъ; неужели и вы хотите предать и продать Господа за презрѣнное золото?“ —Царственные супруги, какъ добрые католики, въ смущеніи умолкли, и травля евреевъ была пущена въ ходъ дерзкими попами.

Передъ этою чудовищностью блѣднѣетъ тотъ фактъ, что въ 1506 году въ Лиссабонѣ было убито много тысячъ евреевъ.

Исторію преслѣдованія евреевъ въ другихъ странахъ, именно въ Италіи, я оставляю до дальнѣйшей главы, но я не могу удержаться, чтобъ не передать общую ужасающую картину мѣткими словами Кирхнера. О судьбѣ евреевъ во Франкфуртѣ онъ говоритъ слѣдующее: „Все что можно сказать о состояніи здѣшнихъ евреевъ до 1519 года, легко передать въ короткихъ словахъ. Годы 1240 и 1349 будутъ навсегда соединены для нихъ съ печальными воспоминаніями. Но и прежде и послѣ этихъ ужасныхъ сценъ жизнь ихъ была въ опасности, положеніе непрочно, имущество не гарантировано. Стоило кому либо, изъ личнаго интереса, взвести на нихъ какое либо преступленіе, какъ ихъ немедленно бросаютъ въ тюрьму или подвергаютъ пыткѣ, чтобы вынудить у нихъ признаніе во всемъ что вложитъ въ ихъ уста изобрѣтательный палачъ. За этимъ, вымученнымъ пыткою признаніемъ немедленно слѣдуетъ наказаніе,—и какое! Можно вообразить себѣ уголовное право того времени, отравленное *суевѣріемъ*. То что крещеный преступникъ искупалъ выставленіемъ его у позорнаго столба, стоило жизни еврею. Его, ради удовольствія, вѣшали за ноги, помѣстивъ по обѣимъ сторонамъ его необузданныхъ негодяевъ, которые сопровождаютъ могильнымъ завываніемъ *приговоръ монаховъ* (¹).

(¹) Kirchner, Geschichte der Stadt Frankfurt, Thl. I Сравн. также Florian's Chronik von Frankfurt, 1644. p. 285.

Но мнѣ могутъ возразить: вѣдь евреевъ ненавидѣли главнымъ образомъ за ихъ ростовщичество, и преслѣдованія противъ этого племени происходили большею частію изъ жадности къ ихъ богатству.

Не ссылаясь на изреченіе Лессинга, всѣмъ извѣстное и вполнѣ справедливое:

„Христіанинъ сдѣлалъ еврея тѣмъ, что̀ онъ есть“,—
я охотно допускаю, что ненависть къ ростовщикамъ и жадность были отчасти причинами травли евреевъ; но главнымъ поводомъ и дѣйствительнымъ основаніемъ ея постоянно былъ фанатизмъ римскихъ духовныхъ. Будучи наставниками народовъ, совѣтниками государей, они были обязаны дѣйствовать въ духѣ христіанской любви и кроткимъ ученіемъ, также какъ и хорошимъ примѣромъ обуздывать грубость вѣка какъ въ высшихъ, такъ и въ низшихъ слояхъ общества.

Но что̀ я говорю?.. Какъ могли хотѣть провозглашать и распространять кротость и человѣколюбіе ярые и закоснѣлые враги человѣчества, которые, ради собственнаго честолюбія, властолюбія, жадности и стремленія къ наслажденіямъ поджигали и направляли эту грубость, воспитали эту ненависть къ еретикамъ и евреямъ, „для того, чтобы низвергнуть храмы и синагоги сатаны“!

Напротивъ того, эта истинно христіанская кротость и человѣколюбіе относительно людей другихъ убѣжденій стали постепенно входить въ ученіе и въ жизнь не со времени возрожденія наукъ и самостоятельнаго гражданства, а именно со времени реформаціи и революціи, къ великому негодованію этихъ, я повторяю, давно переставшихъ быть христіанами, римскихъ поповъ. Такимъ образомъ нюренбергецъ *Бекъ* могъ написать въ 1741 году, что „и къ евреямъ также относится естественное право, которое не исключаетъ ни одного человѣка изъ общества людей, и *что терпимость есть единственный признакъ всѣхъ цивилизованныхъ народовъ, которымъ они отличаются отъ варваровъ.*“

* * *

Можно было бы подумать, что въ настоящее время уже изсяк источникъ мерзостей, которыми „римляне“ долго наполняли Евро-

пу и цѣлый міръ; но на самомъ дѣлѣ это никоимъ образомъ не вѣрно, напротивъ того, для законченности мрачнаго цѣлаго мы должны развернуть картину убійствъ, которая почти столько же богата трупами и лужами крови, какъ и преслѣдованія противъ еретиковъ и евреевъ.

Въ древнееврейской вѣрѣ до вавилонскаго плѣненія не были извѣстны ни *сатана, ни демоны въ догматическомъ смыслѣ*, такъ какъ *нравственное зло, считаясь дѣломъ рукъ человѣческихъ*, разсматривалось въ смыслѣ субъективномъ и конкретномъ, — а несчастіе по правиламъ теологіи ниспосылалось за грѣхи, какъ наказаніе со стороны справедливаго божества (1). Такимъ образомъ на Бога, каравшаго грѣховность людей, евреи стали смотрѣть какъ на настоящій исходный пунктъ всѣхъ человѣческихъ несчастій, а на ангеловъ какъ на исполнителей божественной кары.

Праматерь рода человѣческаго, по сказанію Моисея, согрѣшила, не будучи принуждена къ тому непреоборимой властью злагдемона, а вслѣдствіе увѣщаній хитраго змія (2). Такимъ же образомъ самъ „Господь“ устами пророковъ провозгласилъ себя „творцомъ мрака и свѣта, ниспосылающимъ миръ и создающимъ зло (3).

Напротивъ того, евреи еще до плѣненія вавилонскаго были уже знакомы съ привидѣніями, населявшими по ихъ повѣрью пустыни, но не включали этихъ понятій въ общую систему религіозныхъ представленій. Это включеніе произошло уже во время плѣненія, когда евреи ознакомились съ мидійско-персидскимъ религіознымъ ученіемъ.

Такимъ образомъ Исаія (13, 21) допускаетъ, что Вавилонъ, великолѣпнѣйшее изъ государствъ, „дивное чудо халдейцевъ“, разрушенъ Богомъ, послѣ чего тамъ „только кошки водворяются, совы устраиваютъ тамъ свои гнѣзды, страусы живутъ тамъ и скачутъ тамъ *полевые духи.*“

Согласно съ мидійско-персидскимъ ученіемъ, котораго происхо-

---

(1) Winer: Bibl. Realwörterbuch, Bd II. p. 383.
(2) Moses 3, 1—6.
(3) Исаія 45, 7. Сравни Моисея 1, 4; Амоса 3, 6; Михея 1, 12.

жденіе новѣйшія изслѣдованія относятъ къ XIII вѣку до Р. Х., все мірозданіе дѣлилось на два царства: міръ чистаго свѣта, надъ которымъ властвовалъ *Ормуздъ*, повелитель всего великаго; сюда принадлежало все доброе, чистое и святое,—и на *міръ тьмы*, управляемый *Ариманомъ*, замышляющимъ всякое зло, міръ въ которомъ гнѣздится все пагубное, порочно, и нечистое.

Божеству свѣта, добродѣтели и счастья служатъ и повинуются шесть „святыхъ безсмертныхъ" *амшаспандовъ* (архангеловъ) и безчисленное множество „чистыхъ духовъ" или *фраваши* (ангеловъ), имѣющихъ мѣстопребываніе на востокѣ вблизи животворящаго солнца и звѣздъ, между тѣмъ какъ злые духи *дэвы* и *друдши*, въ качествѣ служителей Аримана, живутъ въ Туранѣ на холодномъ сѣверѣ или на западѣ, въ темныхъ преисподнихъ подъ землею, *въ мрачныхъ вмѣстилищахъ ада*, и замышляютъ зло.

Если Ормуздъ при посредствѣ своихъ *фреверовъ* (ангеловъ хранителей) старается удержать людей на стезѣ добродѣтели, правдивости и нравственной чистоты, то Ариманъ съ своими дэвами (чертями) подстерегаетъ удобную минуту, чтобы закрасться въ сердца людей и направить ихъ на путь порока, лжи и всякаго зла (1).

И такъ, эти мидо-персидскія вѣрованія, вмѣстѣ съ другими религіозными возрѣчіями, не были непосредственно въ своемъ первобытномъ видѣ введены въ систему вѣрованій израильтянъ, но они тѣмъ не менѣе способствовали главнѣйшимъ образомъ къ образованію у нихъ демонологіи или ученія о діаволѣ изъ старыхъ національныхъ преданій, какъ зендавестскіе амшаспанды отразились въ іудейско-христіанской ангелологіи и ученіи объ ангелахъ.

Это вліяніе на евреевъ первоначально высказывается всего явственнѣе въ *Книгѣ Мудрости* (2, 24), гдѣ діаволъ служитъ истолкованіемъ того змія, который соблазнилъ Еву, потому что и мидо-персидскій князь тьмы Ариманъ якобы проникалъ все-

---

(1) Всеобщая исторія Беккера, изданная Адольфомъ Шмидтомъ. 8 изданіе, стр. 251 и др.

ленную въ образѣ змія и наполнялъ ее злыми духами, вредными животными и пороками всякаго рода.

Напротивъ того, у египтянъ и *древнихъ* іудеевъ змій былъ болѣе эмблемою мудрости, хитрости и ловкости и эти свойства могли быть упрочены за нимъ тѣмъ легче, что Востокъ съ древнихъ временъ имѣлъ случай удивляться гибкости змѣй, напр. ихъ прыганью подъ руками „заклинателей“.

Кромѣ того къ представленіямъ эпохи послѣ вавилонскаго плѣна скоро примѣшалось принадлежавшее къ предшествовавшему времени народное вѣрованіе въ привидѣнія вмѣстѣ съ мидо-персидскимъ ученіемъ о демонахъ или дьяволахъ. Такъ Варухъ призываетъ огонь на враговъ Іерусалима и пророчествуетъ, что дьяволъ овладѣетъ ихъ жилищами.

Подобно древнееврейскимъ духамъ и персидскимъ дэвамъ, демоны живутъ въ дикихъ мѣстахъ и пустыняхъ или подобно языческимъ богамъ имѣютъ мѣстопребываніе подъ развалинами опустошенныхъ домовъ и городовъ. Такъ у Исаіи мы читаемъ: „Тамъ (въ опустошенныхъ мѣстахъ, городахъ, дворцахъ и замкахъ язычниковъ) будутъ гоняться другъ за другомъ куницы и коршуны, и полевые дьяволы будутъ встрѣчаться другъ съ другомъ; и бѣсъ будетъ тамъ имѣть убѣжище и находить свой покой.“

Едва ли не яснѣе апостолъ Павелъ въ посланіи къ коринѳянамъ показываетъ, согласно іудейскимъ понятіямъ, тожество языческихъ боговъ съ дьяволами слѣдующими словами: „Говорю вамъ, что язычники, принося жертву, приносятъ ее не Богу, а дьяволамъ. Но я не хочу, чтобы вы были въ сообществѣ дьяволовъ.“

Такимъ образомъ подъ демонами и дьяволами эпохи до плѣна вавилонскаго разумѣются вообще языческіе боги или только древнееврейскіе духи въ обстановкѣ мидо-персидскихъ понятій о преисподней; они смѣшиваются съ людьми, вселяются въ нихъ какъ духи мучители и могутъ быть изгнаны только таинственными средствами.

Но о сатанѣ не имѣли понятія ни Варухъ, ни Товій, ни Іосифъ, за то послѣдній зналъ демоновъ, которые овладѣвали человѣкомъ въ видѣ мучителей, были причиною тяжелыхъ, неизлечимыхъ, въ особенности физическихъ болѣзней и также могли быть

изгоняемы только волшебными формулами или таинственно действующими средствами."

По возрѣнію древнихъ евреевъ демоны вращаются въ царствѣ тьмы, носятся по воздуху и, будучи одинъ хуже другаго, имѣютъ власть надъ всѣми людьми, отвращающимися отъ Бога, вселяясь въ которыхъ, они причиняютъ имъ разнороднѣйшія болѣзни. Самыми ужасными изъ нихъ считаются: 1) *эпилепсія* или падучая болѣзнь, называемая также лунатизмомъ, такъ какъ уже въ раннія времена были дѣлаемы наблюденія, что эта болѣзнь у многихъ лицъ бываетъ одновременно съ измѣненіями мѣсяца, соединяясь съ временнымъ душевнымъ разстройствомъ, и 2) соединенное съ меланхоліей и доходящее до бѣшенства *безуміе* (1).

Что касается леченія этихъ болѣзней у древнихъ язычниковъ и евреевъ, то оно было хотя и грубо, но тѣмъ не менѣе человѣчно. Такъ нѣжный и чувствительный Орфей излечилъ свою возлюбленую Эвридику отъ меланхоліи звуками своей арфы, а Гомеръ хвалилъ вывезенное будто бы Еленою изъ Египта средство уничтожать всякую тоску и меланхолію, подразумѣвая подъ этимъ, по всей вѣроятности *„маковый сокъ"*.

Полибій превозноситъ, какъ весьма мудрое предписаніе законодателей Аркадіи, то что они указывали на музыку, какъ на врачующее средство для гражданъ, страдавшихъ меланхоліей. *Мелампусъ* же вылечилъ *безумныхъ* дочерей короля *Претуса* тѣмъ, что давалъ имъ чемерицу и затѣмъ, по словамъ Аполлодора, заставлялъ здоровыхъ юношей гнать ихъ фанатическими звуками и вдохновенными танцами съ горы Апезы въ Арголидѣ на протяженіи 150 стадій или 3/4 географической мили. Болѣзнь этихъ дѣвушекъ, считавшихъ себя коровами, состояла, по мнѣнію Гезіода, въ душевномъ разстройствѣ, причиненномъ бѣлою проказою. Эта бѣлая проказа у грековъ и бѣлый баррасъ у арабовъ часто имѣли послѣдствіемъ психическое разстройство. Метода Мелампуса въ такихъ случаяхъ обыкновенно усиливала испарину въ тѣлѣ, ускоряла накожныя отдѣленія и такимъ образомъ достигала излеченія.

---

(1) Сравн. Winer 1 c., Bd. 1, p. 163.

Пиѳагоръ признавалъ и рекомендовалъ (за 600 лѣтъ до Р. Х.) психическое вліяніе музыки при душевныхъ болѣзняхъ, *Гиппократъ* (†370 г. до Р. Х.) лечилъ отъ умопомѣшательства посредствомъ чемерицы и *Филотимъ*—сумасшедшаго, одержимаго однимъ пунктомъ помѣшательства—будто онъ обезглавленъ, излечилъ посредствомъ головной покрышки изъ свинца, причемъ, вслѣдствіе тяжести и давленія свинцовой шапки, больной постепенно убѣждался въ существованіи своей головы. *Діоклесъ* лечилъ купаньемъ бѣшеныхъ, которыхъ ничѣмъ нельзя было укротить. Такимъ же образомъ старался Асклепіадъ (100 л. до Р. Х.) излечивать сумасшедшихъ посредствомъ ваннъ и музыки, работы и изощренія памяти, любви и другихъ психическихъ средствъ. *Физическихъ принудительныхъ мѣръ*, напротивъ того, онъ старался всячески избѣгать.

По словамъ А. Корн. *Цельза* (во время римскаго императора Августа), его предшественники старались излечивать помѣшанныхъ посредствомъ держанія ихъ во мракѣ, такъ какъ темнота успокоительно дѣйствуетъ на душу, посредствомъ бритья головы, обливанія ее водою, въ которой были сварены освѣжающія травы, посредствомъ нюханья рутоваго уксуса и средствъ, возбуждавшихъ чиханіе. Самъ Цельзъ придавалъ большое значеніе тренію тѣла и въ особенности заботился о хорошемъ снѣ сумасшедшихъ, достигаемомъ посредствомъ омыванія головы водою, настоенною маковыми головками. При этомъ, вмѣстѣ съ легкой діэтой, безъ употребленія вина, и тѣлесными упражненіями, предписывалось непремѣнно и психическое леченіе, такъ чтобы люди застѣнчивые и боязливые дѣлались смѣлѣе, бѣшеные укрощались, а грустные развеселялись и развлекались при помощи музыки и шумнаго веселья. Выздоравливающимъ Цельзъ предписывалъ путешествовать по крайней мѣрѣ годъ.

Аретей Каппадокіецъ совѣтовалъ ставить банки на сторонѣ печени и предписывалъ, чтобы въ комнатахъ помѣшанныхъ стѣны были гладкія, безъ картинъ, такъ какъ картины безпокоятъ больнаго и производятъ иллюзіи. Авреліанъ (около 117 г. по Р. Х.) придавалъ весьма большое значеніе сну сумасшедшихъ, въ особенности при ихъ выздоравливаніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ хотѣлъ

занимать каждаго соотвѣтственно степени его развитія,—людей образованныхъ посредствомъ разговоровъ и чтенія, необразованныхъ посредствомъ игръ и т. п. *Константинъ Африканскій* изъ Карѳагена († 1087 въ монастырѣ Монте-Кассино) въ особенности обращалъ вниманіе на психическое леченіе умалишенныхъ посредствомъ разумныхъ убѣжденій, дружескихъ бесѣдъ и пріятныхъ развлеченій. При этомъ философы и доктора тѣхъ временъ подводили всякое разстройство умственныхъ способностей подъ двѣ главныя категоріи: меланхолію или тоску, и манію или сумасшествіе.

Изъ арабскихъ докторовъ *Разесъ*, начальникъ лазарета въ Багдадѣ († 923 по Р. X.), совѣтовалъ для излеченія меланхоліи шахматную игру и, говорятъ, даже изобрѣлъ ее съ этою цѣлью,—а Эбн-Зина (въ Авиченѣ † 1036 по Р. X.) порицалъ тѣхъ докторовъ, которые старались излечить душевныя болѣзни посредствомъ раскаленныхъ металловъ, какъ напр. желѣза.

Я уже упоминалъ объ употреблявшейся у евреевъ методѣ леченія „одержимыхъ бѣсами,“ къ каковому разряду сперва причислялись люди, страдавшіе *эпилепсіею, проказой*, паралитическимъ искривленіемъ, нѣмотою, глухотою и слѣпотою, вмѣстѣ съ сумасшествіемъ и бѣснованіемъ: при этомъ употреблялись коренья, травы, камни и проч. въ сопровожденіи разныхъ заклинательныхъ формулъ. Кромѣ того въ этихъ случаяхъ прибѣгали къ извѣстнаго рода амулетамъ, особеннымъ заговариваніямъ, необыкновеннымъ волшебнымъ повязкамъ и преимущественно къ возложенію рукъ. Евреямъ также извѣстно было цѣлебное или даже успокоительное дѣйствіе музыки при психологическихъ страданіяхъ. Это мы видимъ на безумномъ меланхоликѣ царѣ *Саулѣ*, котораго мрачное настроеніе хотя не излечивала, но по крайней мѣрѣ хоть временно успокоивала игра Давида на арфѣ; „какъ только вселялся въ него духъ, Давидъ брался за арфу и началъ играть,—тогда Саулъ оправлялся, ему становилось лучше и злой духъ оставлялъ его“ (¹).

(¹) Samuel 16, 23.

Незадолго до Іисуса Христа и также въ его время, а равно и у позднѣйшихъ врачей, мы нигдѣ не находимъ грубаго обращенія; нигдѣ нѣтъ помину о цѣпяхъ и узахъ, нигдѣ нѣтъ темницъ и истязаній посредствомъ пытки для одержимыхъ дьяволомъ и бѣсами, для помѣшанныхъ и другихъ больныхъ этого рода. Напротивъ того, до и послѣ Христа повсюду существовалъ раціональный способъ леченія, причемъ средства исцѣленія были въ высшей степени просты и естественны. Могущество музыкальныхъ звуковъ, дающее другой тонъ расположенію духа и увеселяющее его, сила возбуждающихъ травъ, напр. чемерица въ пилюляхъ или въ сиропѣ, далѣе — живыя движенія тѣла или гимнастика, а равно магнитическія вліянія въ соединеніи съ твердою вѣрою,—таковы были, по большей части, способы леченія; и даже въ тѣхъ случаяхъ, когда противъ нѣкоторыхъ очень упорныхъ болѣзней искусство не находило никакого вѣрнаго, дѣйствительнаго средства, съ больными не обращались грубо и дурно, и нисколько не пренебрегали ими, а напротивъ того, ухаживали за ними, берегли ихъ и лелѣяли.

При такъ называемой *скифской* болѣзни, гдѣ мужчины будто бы были обращены въ женщинъ мстительною богинею Афродитою, въ наказаніе за разграбленіе и опустошеніе ея храма, или какъ разсказываетъ Гиппократъ — вслѣдствіе Melancholia metamorphosis (¹) считали себя превращенными въ женщинъ и поэтому одѣвались и держали себя какъ женщины,—съ этими женщинами не обращались дурно и не презирали ихъ, а напротивъ того, сограждане оказывали имъ величайшее уваженіе и почти молились на нихъ. Каждый боялся подобнаго несчастія и не хотѣлъ прогнѣвить божество тѣмъ, что сталъ бы безчестить наказанныхъ имъ людей или ругаться надъ ними. Но подобнаго рода почести доставались только на долю страдавшихъ душевными, а не физическими болѣзнями.

„Считать людей, одержимыхъ душевными болѣзнями и оказывающихся неизлечимыми, посредствомъ обыкновенныхъ и естествен-

---

(¹) Vrgl. Dr. Schilling, Psychiatrische Briefe, p. 148 ff.

*

ныхъ медицинскихъ средствъ, чѣмъ-то сверхъестественнымъ и священнымъ—это совершенно въ порядкѣ вещей и сообразно съ ходомъ умственнаго развитія народовъ. Древній міръ находилъ во всемъ необыкновенномъ и необъяснимомъ что-то неземное, которое стали опредѣлять словомъ чудо."

Вѣдь даже по словамъ Гете—„чудо есть любимое чадо вѣры!" Поэтому у древнихъ, также какъ и у магометанъ настоящаго времени, одержимые душевными болѣзнями и именно сумасшедшіе считаются личностями необъяснимыми и таинственными, существами сверхъестественными, или же находящимися подъ вліяніемъ и вдохновеніемъ боговъ и демоновъ, и вслѣдствіе этого имъ оказывается уваженіе (1).

Какую громадную разницу усматриваемъ мы изъ этого въ положеніи подобныхъ больныхъ во времена до-христіанскія и даже въ первое время по Р. Х. сравнительно съ послѣдующимъ съ ними обращеніемъ въ позднѣйшія времена среднихъ вѣковъ! Именно эта-то огромная разница и происходящее отсюда полнѣйшее одичаніе и безпримѣрная грубость римскаго поповства заставила меня посвятить такъ много мѣста языческо-еврейскому леченію помѣшанныхъ и одержимыхъ бѣсами. Никакая глава всемірной исторіи не показываетъ нынѣ явственнѣе глупость, грубость и злобное упрямство римскаго духовенства, идущаго наперекоръ болѣе просвѣщеннымъ свѣденіямъ, которыя были у него подъ рукою и къ которымъ слѣдовало только обратиться для леченія несчастныхъ больныхъ, составлявшихъ категорію одержимыхъ бѣсами и околдованныхъ. Въ прежнія времена этихъ несчастныхъ — какъ уже говорено выше — при содѣйствіи хорошихъ врачей или окончательно излечивали посредствомъ веселящей сердце музыки, тѣлесныхъ упражненій и растительныхъ лекарствъ, или по крайней мѣрѣ дѣлали попытки къ ихъ исцѣленію, а если леченіе не удавалось, то ихъ считали подъ особеннымъ покровительствомъ божіимъ и считали священными. Напротивъ того, въ позднѣйшія времена даже не было дѣлано попытокъ для дѣйствительнаго излеченія ихъ,

---

(1) Carus. Psychologie der Hebräer.

а повсюду только мерещился въ самыхъ мрачныхъ краскахъ сатана и цѣлые легіоны адскихъ духовъ, и поэтому прямо, безъ милосердія, присуждались къ костру бѣдные больные, будто бы отвергнутые Богомъ, и подвергавшіеся демонскимъ истязаніямъ, въ видѣ искупленія бремени грѣховнаго. Когда же послѣ реформаціи повѣяло болѣе человѣчными идеями, ихъ приговаривали по крайней мѣрѣ къ пожизненному тюремному заключенію.

Чѣмъ болѣе захватывалъ почвы и получалъ значенія грубый фанатизмъ, въ особенности послѣ разрушенія древняго Іерусалима въ 70 г. по Р. Х., тѣмъ сильнѣе полупомѣшанные или злобно-властолюбивые священники распространяли мидо-персидскій миѳъ объ адѣ и сказаніе о дьяволѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ образовалось пагубное заблужденіе, что какъ только Богъ отступается отъ грѣшника, этотъ послѣдній тотчасъ же попадаетъ во власть дьявола, а соединяясь съ адскими духами, пріобрѣтаетъ необыкновенную силу, или, говоря другими словами, можетъ научиться колдовству и волшебству.

Это, по истинѣ, дьявольское суевѣріе, подобно чумѣ, распространялось съ такою неимовѣрною быстротою, что вскорѣ уничтожило всѣ ученыя свѣденія прежнихъ столѣтій относительно вѣры и знанія народовъ, и вѣра въ сношеніе съ дьяволомъ, почти совершенно исчезнувшая въ классической древности, возвысилась до степени деспотической тиранніи, принявъ гораздо болѣе отвратительную и опасную форму.

Такимъ образомъ, не говоря уже о безсмыслицѣ болѣе давнихъ вѣковъ, во времена Каролинговъ въ особенности господствовало заблужденіе, что тайные жрицы богини *Фрейя*, служеніе которой въ прежнія времена совершалось въ извѣстныя ночи — а именно въ вальпургову ночь, суть хранительницы магическихъ силъ, которыя, какъ союзницы діавола, обладали способностью накликать непогоду и извращать души своихъ ближнихъ. Это, разумѣется, было на руку кровожаднымъ римскимъ поповскимъ душамъ, и единая ведущая къ спасенію церковь ополчилась противъ этихъ адскихъ навожденій, клонящихся къ помраченію и порабощенію міра, „и будучи слишкомъ слабою сама по себѣ, призвала на помощь руку свѣтскаго правосудія.“

И вотъ начались процесы о волшебствѣ и колдовствѣ и наполнили цѣлыя столѣтія невообразимыми ужасами. Мужчинъ и женщнъ—даже дѣтей, не имѣвшихъ понятія о томъ, чего добивается латеранскій крестовый паукъ вмѣстѣ съ подвластными ему пауками въ своей превыспренней непогрѣшимости—провозглашали одержимыми злымъ духомъ, пытали и, сознавались они или нѣтъ, ихъ приговаривали къ медленному сожженію. Даже прокаженные и страдавшіе душевными болѣзнями были привлекаемы къ суду римскими обскурантами, такъ какъ ихъ считали одержимыми дьяволомъ и припадки ихъ сумасшествія принимались за доказательство того, что „они находятся во власти злаго духа."

* * *

И такъ, рука объ руку съ преслѣдованіемъ еретиковъ шли процесы о колдовствѣ и чародѣйствѣ. Являясь первоначально въ видѣ одиночныхъ случаевъ, они съ теченіемъ времени умножились въ числѣ до огромныхъ размѣровъ, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ папа Григорій IX, желая дать болѣе простора страшному могуществу „святой"—гораздо правильнѣе сказать—нечестивой—официіи, предоставилъ ужасному эксперту по еретическимъ дѣламъ *Конраду Марбургскому* неограниченную власть „привлекать къ ея страшному трибуналу даже и тѣхъ, которыхъ онъ только подозрѣвалъ въ чародѣйствѣ, а тѣхъ, которыхъ онъ считалъ дѣйствительно виновными, тотчасъ же возводить на костеръ. Это повелѣніе было обнародовано, какъ извѣстіе, въ знаменитой буллѣ 1454 г., посредствомъ которой, къ несчастью, и въ самой Германіи было открыто свободное поле дѣйствій для процесовъ о колдовствѣ.

Правда, въ началѣ обнаружилось сопротивленіе. Свѣтскія власти отказывали инквизиторамъ въ своихъ услугахъ и даже проповѣдники имѣли мужество увѣрять народъ, что „никакихъ колдуновъ и чародѣевъ не существуетъ, или, по крайней мѣрѣ, они не имѣютъ никакой власти надъ божіими созданіями."

Но для воспрепятствованія этимъ свѣтлымъ проблескамъ мысли появилась не менѣе знаменитая булла папы *Иннокентія VIII* въ 1484 г., признанная *Максимиліаномъ* 6 ноября 1486 г.

въ Брюсселѣ и навязанная всѣмъ принадлежащимъ къ имперіи. Этою буллою была дарована инквизиторамъ истинно пагубная власть противъ такъ называемыхъ сообщниковъ сатаны—вѣдьмъ и чародѣевъ. „До слуха главы церкви,—говорится въ буллѣ (1),—дошло, что въ Германіи многія лица предаютъ себя дьяволу и посредствомъ своихъ чаръ, стиховъ и заклинаній и другихъ колдовскихъ пороковъ и злодѣяній губятъ плодъ, зачатый женщинами, дѣтенышей животныхъ и плоды нивъ и дерѐвьевъ; они приготовляютъ мученія для людей и скота, препятствуютъ рожденію дѣтей и т. д.; что инквизиторы въ своихъ мѣрахъ, предпринимаемыхъ противъ подозрительныхъ лицъ, въ заключеніи въ тюрьму и въ наказаніи ихъ встрѣчаютъ тамъ и сямъ сопротивленіе, какъ со стороны мірянъ, такъ и со стороны духовныхъ, вслѣдствіе чего въ нѣкоторыхъ мѣстахъ виновные остаются безъ наказанія, къ очевидной пагубѣ душъ и къ утратѣ вѣчнаго блаженства. Посему, тѣ лица, къ какому бы званію, состоянію или сану они ни принадлежали, которыя будутъ противиться инквизиторамъ, подвергаются угрозѣ отлученія и наказанію; и дабы эти послѣдніе могли управлять тѣмъ, что̀ относится къ ихъ должности, передъ ними должны исчезнуть всѣ преграды изъятій и привилегій“.—Подобныя же буллы были издаваемы въ 1504 г.—Юліемъ II, и въ 1523 г.—Адріаномъ VI.

А вѣдь это положительно значило давать неограниченную власть для совершенія убійствъ! Да, римскіе главные жрецы положительно не отступали ни передъ какою мѣрою тамъ, гдѣ дѣло шло объ утвержденіи и распространеніи ихъ деспотической власти надъ владѣтельными лицами и народами, и въ позднѣйшее время іезуиты дѣйствительно возвели въ правило то что папы съ давнихъ временъ примѣняли на практикѣ. „Святые отцы“ общества Іисуса взяли на себя отчасти трудную задачу—систематически и софистически оправдать предъ лицемъ еретиковъ какъ свою собственную испорченность, такъ и развращеніе римскихъ первосвященниковъ и всѣхъ подчиненныхъ имъ духовныхъ чиновъ.

---

(1) См. Rotteck und Welcker: Staatslexicon. Bd. VII. Artikel „Hexen“.

Не смотря на грозившее проклятіе и отлученіе, тамъ и сямъ продолжалось сопротивленіе процесамъ о волшебствѣ, до тѣхъ поръ, пока, въ 1489 г., не появился наконецъ просмотрѣнный и одобренный кельнскими попами „Молотъ Колдовства“ (Malleus maleficorum), въ которомъ слово *diabolus* (чертъ) весьма остроумно было производимо отъ *duo* (два) и *bolus* (кусокъ), потому что *тѣло и душа суть два куска для черта.* Далѣе въ „удивительномъ“ молотѣ колдовства было какъ дважды два доказано, что инквизиторамъ слѣдуетъ оказывать безусловное послушаніе и полнѣйшее подчиненіе, *„такъ какъ нѣтъ сомнѣнія“*, что колдуны состоятъ въ союзѣ съ дьяволомъ.

Вслѣдъ за этими поповскими разъясненіями, процесы о колдовствѣ вскорѣ стали разрастаться въ размѣрахъ, которымъ не предвидѣлось границъ, такъ какъ обвиняемыя жертвы, зараженныя всеобщимъ суевѣріемъ, часто сами находились подъ вліяніемъ убѣжденія, что они дѣйствительно одержимы дьяволомъ и потому открыто въ этомъ признавались. Но даже и невѣрующихъ или такихъ, которые никакъ не желали быть одержимыми дьяволомъ, весьма скоро доводили до сознанія или до вѣчнаго молчанія посредствомъ пытки; истязаніе продолжалось, въ большей части случаевъ, до тѣхъ поръ, пока не являлось сознаніе въ преступленіи или не наступала смерть. Такимъ образомъ одного обвиненнаго пытали *двадцать разъ*, пока онъ наконецъ не сознавался, что онъ оборотень, и затѣмъ его тащили на костеръ и жгли.

Если кто нибудь отказывался отъ своего признанія, вымученнаго пыткой, то истязанія начинались снова, и духовные, также какъ и свѣтскіе чины, употребляли всевозможныя усилія принудить несчастную жертву отказаться отъ отреченія. Тогда приговоры были исполняемы на третій или четвертый день, а процесы продолжались никакъ не долѣе двухъ или трехъ недѣль ([1]).

Сообразивъ накопленіе процесовъ о колдовствѣ, изъ этого можно вывести добросовѣстное заключеніе, что должностныя лица „святой офиціи“ работали гораздо ревностнѣе, чѣмъ всѣ уголовные

---

(1) Dr. H. Schreiber, Die Hexenprozesse zu Freiburg im Breisgau. Freiburg 1837, 5, 17.

судьи нашего времени, въ особенности тамъ, гдѣ инквизиторы должны были довольствоваться такъ называемыми Sporteln (т. е. сборами съ самыхъ процесовъ на счетъ судимыхъ лицъ), потому что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ инквизиторы не получали другаго содержанія, кромѣ поголовной на каждаго платы по 4 или 5 талеровъ. Въ этихъ-то случаяхъ не приходилось долго раздумывать, если хотѣлось жить честно, какъ подобаетъ истинному инквизитору, а нужно было помышлять о томъ, какъ бы въ молодости *насожигать* себѣ состояніе для того, чтобы при помощи его существовать въ старости; *по поводу этого милые теологи повсемѣстно* аплодировали, произносили пламенныя увѣщанія и съ своей стороны съ величайшею любовію прислуживались вязаночками дровъ (¹).

Для того, чтобы представить нѣкоторое понятіе и вообразить себѣ слабую картину въ высшей степени безчеловѣчной жестокости, господствовавшей при подобныхъ процесахъ, достаточно вспомнить ужасную судьбу несчастнаго *Грандье*. Этотъ римско-католическій духовный былъ обвиняемъ въ томъ, что околдовалъ урсулинокъ въ Лудени и предалъ ихъ дьяволу. Когда онъ сталъ отрекаться отъ взводимаго на него преступленія, то подвергся пыткѣ. Ноги обвиняемаго были втиснуты между двухъ досокъ, которыя были крѣпко на крѣпко стянуты веревками, а между ногами и досками вбиты были молоткомъ клинья. Когда судьѣ клинья эти показались слишкомъ слабыми, то онъ сталъ грозить палачу, въ случаѣ „если онъ не принесетъ болѣе крѣпкихъ“, и успокоился только тогда, когда палачъ поклялся, что „у него нѣтъ другихъ клиньевъ.“

Нѣкоторые попы, произносившіе заклинанія надъ орудіями пытки, жаловались на мягкость палача, и, утверждая, что „дьяволъ легко можетъ противиться ему, какъ не посвященному,“ схватывали молотокъ и сами вбивали клинья. Отъ мученій жертва нѣсколько разъ лишалась сознанія. Удвоенные удары снова приводили ее въ себя. Вбивались новые клинья до тѣхъ поръ, пока ко-

---

(¹) Peter. Frank: Medicinalpolizei.

сти несчастнаго не были раздроблены и изъ нихъ не полился мозжечекъ. Затѣмъ его повлекли къ мѣсту казни и сожгли живьемъ. Одного несчастнаго обвиняли въ томъ, что будто бы онъ заключилъ съ дьяволомъ слѣдующій договоръ:

„Господинъ и повелитель Люциферъ! Я признаю тебя моимъ богомъ и обѣщаю служить тебѣ во все продолженіе своей жизни. Я отрекаюсь отъ Бога, Іисуса Христа и всѣхъ святыхъ, отъ римско-апостольской церкви и всѣхъ ея таинствъ, отъ молитвы и всякихъ за меня предстательствъ и обѣщаю тебѣ, насколько будетъ возможно, дѣлать зло и, кого можно, совращать ко злу. Я отказываюсь отъ всѣхъ заслугъ Христа и его святыхъ, и совершенно предаю жизнь мою твоему произволу, въ случаѣ еслибъ я пересталъ служить и поклоняться тебѣ и трижды въ день приносить жертву.“ Это условіе было обнародовано при слѣдующемъ объясненіи: Подлинникъ, подписанный кровью колдуна, находится въ аду, въ углу земли, въ кабинетѣ Люцифера (¹).

Но глупѣе и хуже всего было то, что если жертва лишалась жизни среди пытки, палачи приписывали это видимое убійство могуществу дьявола. Такъ въ протоколѣ процеса, веденнаго въ Вазунгѣ въ Геннебергской области 22 августа 1668 г. говорится: „Когда она--пытаемая—нѣсколько минутъ просидѣла такимъ образомъ, то ей стали грозить, что если она не сознается добровольно, то пытку будутъ продолжать, и затѣмъ немного приподняли ее вверхъ. Но когда она проговорила что-то совершенно невнятно, и думали, что она будетъ продолжать свои показанія, то ее снова спустили внизъ и увидали, что съ ней творится что-то недоброе. Поэтому палачъ натеръ ее стоявшимъ тутъ виномъ, но когда увидали, что дыханіе прежде сильное, значительно ослабѣваетъ, то ее положили на землю на доску, и она, немного пошевельнувшись, испустила духъ. *По всей вѣроятности злой духъ переломилъ ей шею, для того, чтобы она не могла сдѣлать никакого признанія.*“

(¹) Merkwürdige Rechtsfälle als ein Beitrag zur Geschichte der Menschheit. Nach dem französischen Werke des Pitaval von Schiller. Thl. I.

По донесеніи объ этомъ дѣлѣ, сообщенномъ герцогу, онъ положилъ слѣдующаго рода резолюцію: „Изъ вашего донесенія мы усмотрѣли какъ поступаете вы съ подозрительными лицами, которыя сидятъ подъ стражею за колдовство и что вы желаете получить инструкцію на счетъ тѣла жены Павла Моценса, умершей во время пытки. А какъ, согласно вашему донесенію, при пыткѣ не было употреблено со стороны палача никакихъ крайностей, и что равнымъ образомъ противъ нея инквизиція получила улики и что, наконецъ, вы добились только общаго признанія, хотя сдѣланнаго при пыткѣ и по вопросамъ палача и изъ онаго по соображеніи всѣхъ обстоятельствъ пришли къ заключенію, что *ея шея была оторвана злымъ духомъ*,—то по сему, въ виду такого положенія вещей, вы должны тѣло тотчасъ выбросить и велѣть закопать подъ зданіемъ суда."

Когда истязуемые теряли наконецъ языкъ отъ безчеловѣчныхъ мученій пытки, то это приписывалось тому, что дьяволъ сдѣлалъ ихъ нѣмыми, чтобы они не могли сдѣлать признанія; если пытка не могла вынудить никакого признанія, то слѣдователи прибѣгали къ другимъ вспомогательнымъ средствамъ. Такъ по поговоркѣ „колдуны не плачутъ", отсутствіе слезъ принималось за доказательство виновности, и только въ позднѣйшее время ученые юристы рѣшились высказать скромное сомнѣніе на этотъ счетъ, утверждая согласно съ приговоромъ врачей, что чрезмѣрность въ мученіяхъ пытки часто препятствуетъ проливать слезы (1).

Столько же извѣстно, какъ и распространено было разрѣшенное папою Евгеніемъ II *испытаніе посредствомъ воды*, при которомъ обвиненнымъ связывали накрестъ руки и ноги и, обвязавъ имъ веревку вокругъ стана, бросали ихъ въ воду. Если они немедленно опускались въ воду, то были признаваемы невинными, если же по несчастію они нѣкоторое время оставались на водѣ, то ихъ находили виновными. Такимъ образомъ въ Касселѣ, въ 1596 году одна женщина была обвинена въ колдовствѣ и затѣмъ, закутавшись въ шубу, добровольно бросилась въ р. Фульду,

---

(1) Hert, Opuscula, tom. II. 1737. p. 383.—Rotteck und Welcker 1. c., 5. 4. u. ff.

въ доказательство своей невинности. Но такъ какъ несчастная, не смотря на всѣ свои усилія, не потонула, то ее вытащили изъ воды и казнили мечемъ (¹).

Однако же до XII, и даже можно сказать, до XIV столѣтія сожиганіе чародѣевъ и особенно колдуній являлось только въ видѣ отдѣльныхъ случаевъ. Но потомъ повсюду распространилось гоненіе на колдуновъ, такъ что въ періодъ времени между 1320 и 1350 годомъ въ Каркасонѣ во Франціи 400 человѣкъ были обвинены въ колдовствѣ и большинство ихъ было приговорено къ смерти. Тамъ же въ теченіе одного 1357 года болѣе 30 человѣкъ было казнено на основаніи такого же обвиненія, а жители Тулузы въ одинъ прекрасный день насладились ужаснымъ зрѣлищемъ 400 колдуній, сожженныхъ за одинъ разъ на большой площади города. Въ Дуэ въ одинъ годъ было сожжено 50 жертвъ.

Парламенты парижскій, тулузскій, бордосскій, реймскій, руанскій, дижонскій и ренскій, состоявшіе почти исключительно изъ духовныхъ и ихъ слугъ, постановили по этому предмету рѣшенія, которыя всѣ имѣли своимъ послѣдствіемъ кровавую жатву. Казни, совершенныя въ Парижѣ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, были почти безчисленны. Всѣ, бѣжавшіе въ Испанію, были тамъ заключены инквизиціею въ тюрьму и сожжены.

Николай Реми хвалился тѣмъ, что онъ видѣлъ какъ въ герцогствѣ *Лотарингскомъ* въ теченіе пятнадцати лѣтъ 800 человѣкъ были возведены на костеръ за колдовство. Въ Курфирствѣ *Трирскомъ* въ теченіе относительно немногихъ лѣтъ подверглись процесу и казнены 7000 человѣкъ, въ качествѣ колдуній и бѣсноватыхъ.

Въ *Брауншвейгѣ* часто въ одинъ разъ сожигалось отъ 10 до 12 несчастныхъ, такъ что, по свидѣтельству одной хроники, „мѣста казни, по причинѣ множества костровъ, имѣли видъ небольшаго лѣса.“ Въ епископствѣ Бамбергѣ пятилѣтнее судопроизводство поглотило 600, а въ Вюрцбургѣ—двухлѣтнее отъ 1627—1629 г. 157 жертвъ, которыхъ число однако же скоро увели-

(¹) Rommel, Geschichte von Hessen, Bd. V.

чилось до 900, въ томъ числѣ были дѣти (!) отъ 10 до 12 лѣтъ отъ роду. Знаменитый Христофъ Рантцаускій въ своихъ имѣніяхъ въ Гольстиніи за одинъ разъ сжегъ 18 колдуній. Какъ мало нужно было для того, чтобы насильственнымъ образомъ лишиться жизни и отправиться „въ адъ“ -- этому примѣромъ служитъ злополучный фокусникъ, который въ 1486 г., вздумавши попытать счастія во Франкфуртѣ на Майнѣ, былъ обвиненъ въ колдовствѣ и потопленъ въ волнахъ Майна.

„Къ странамъ Германіи, въ которыхъ пламя костровъ постоянно освѣщало ночь духовъ, принадлежала въ особенности *Баварія*. Достаточно назвать изъ многихъ случаевъ только одинъ, бывшій въ 1589 — 1592 годахъ въ тогдашнемъ графствѣ Варденфельсъ, относящійся къ процесу о колдовствѣ, кончившійся тѣмъ, что на 7 судебныхъ уголовныхъ засѣданіяхъ 48 женщинъ, послѣ ужасающихъ пытокъ, были приговорены къ сожженію, и дѣйствительно сожжены отчасти живьемъ, отчасти послѣ предварительнаго задушенія. Еслибъ слѣдствіе продолжали рвеніемъ, съ которымъ оно началось, то по простодушному замѣчанію слѣдственнаго судьи въ его донесеніи отъ 15 января 1592 г. „въ цѣломъ графствѣ только нѣкоторыя, весьма немногія женщины спаслись бы отъ пытки и сожженія.“ Казнили также и дѣтей. Такимъ образомъ еще въ 1754 г., въ Верхней Баваріи была обезглавлена 13 лѣтняя дѣвочка, а два года спустя въ Ландсгутѣ 14 лѣтняя, потому что она имѣла сношеніе съ дьяволомъ, околдовывала людей и распоряжалась погодой.

Почти такія же сцены происходили въ Савоіи и Швейцаріи. Такъ напр. въ савойскомъ городкѣ *Валери* погибло въ пламени 80 человѣкъ, обвиненныхъ въ колдовствѣ; въ Женевѣ, которая въ тѣ времена была управляема епископомъ, въ теченіе только трехъ мѣсяцевъ было казнено 500 уличенныхъ колдуній, въ Констанцѣ или Роленсбургѣ 80 лицъ подверглись подобной же грустной участи.

Еще въ 1782 г. въ реформатской части кантона *Гларуса*, гдѣ жители въ тогдашнія времена погрязали въ грубости и невѣжествѣ, „вслѣдствіе того, что лица, власть имѣвшія, остерегались, вслѣдствіе собственнаго эгоизма, покровительствовать образованію

и обученію, — одна работница была обвиняема въ околдованіи ребенка своей госпожи и въ томъ, что она, посредствомъ необыкновенныхъ и непостижимыхъ ухищреній, опять сняла съ него колдовство.“ Доведенная до сознанія, при помощи пытки, она была казнена посредствомъ меча. Одинадцать лѣтъ спустя, въ великомъ герцогствѣ Познанскомъ погибла, какъ кажется, послѣдняя жертва существовавшаго въ Европѣ помѣшательства на колдунахъ. Но нѣтъ, я ошибся. Въ 1807 г. жители Майны, въ юго-западной Франціи, арестовали одного нищаго за колдовство, терзали его и сожгли живьемъ, и еще въ 1850 г. гражданскій трибуналъ въ Тарбесѣ обвинилъ мужа и жену *Суберви* въ смерти госпожи *Бедуре.* Нѣжные супруги вообразили, что она колдунья, и объявили будто имъ сказалъ священникъ, что она виновница тяжкой болѣзни г-жи Суберви; поэтому они затащили г-жу Бедуре въ отдѣльную комнату, стали держать ее подъ горящей соломой и приложили ей къ губамъ до-красна раскаленное желѣзо. Несчастная женщина вскорѣ умерла въ страшныхъ мученіяхъ. При веденіи процеса, супруги были атестованы самымъ отличнымъ образомъ. Было разъяснено, *что они къ несчастію дѣйствовали такимъ образомъ изъ суевѣрія и слѣдуя примѣру высшихъ духовныхъ сановниковъ.* Такъ какъ присяжные просили о ихъ помилованіи, то они были приговорены только къ 25 франкамъ ежегодной пени, выплачиваемой мужу убитой и къ тюремному заключенію на 4 мѣсяца.

Подобно еретикамъ, и волшебниковъ также имѣли обыкновеніе сожигать „*на медленномъ огнѣ*“, причемъ весьма часто принимались за дѣло съ величайшею жестокостью. Такъ въ 1514 г. поступили въ Галле съ евреемъ, принявшимъ христіанство, *Іоанномъ Пфеферкорномъ.* Изщипавъ его предварительно щипцами, привязали къ колу посредствомъ цѣпи, обвернутой вокругъ тѣла, но устроили это такъ, что онъ могъ ходить кругомъ кола. Затѣмъ его окружили сильнымъ пламенемъ отъ зажженныхъ углей, которое постепенно приближали къ нему, такъ что бѣдный еврей положительно былъ изжаренъ и постепенно превращенъ въ уголь.

Въ это время палачи пировали за роскошно сервированными столами, при раздирающихъ крикахъ своихъ жертвъ, страшно из-

мученныхъ пыткою и погибающихъ медленною смертію. Этотъ фактъ доказывается приложеніемъ къ актамъ о процесахъ колдуній въ Варденфельсѣ, носящимъ слѣдующее заглавіе: Сіе — суть реестры тому что сожрано и пропито тогда, когда женщины сидѣли подъ арестомъ въ замкѣ Варденфельсѣ и затѣмъ были сожжены какъ колдуніи."

Да и почему было не „жрать и не пьянствовать" при процесахъ о колдовствѣ, когда тоже самое велось при судѣ надъ еретиками и во время крестовыхъ походовъ, въ виду пылавшихъ костровъ и городовъ, преданныхъ пожару? Такъ, послѣ разбойничьяго завоеванія Авиньона, въ началѣ XIII столѣтія, папскій легатъ *Мило* пировалъ съ своими любовницами за роскошнымъ столомъ, въ то самое время, когда страна подвергалась разоренію, а жители грабежу. Законный владѣлецъ, графъ Раймондъ VI, только защищавшій свое законное наслѣдство и достояніе противъ поповъ-разбойниковъ и поджигателей, по приказанію этого же Мило, стоялъ босоногій и обнаженный по поясъ въ церкви св. Эгидія и при пѣніи благодарственныхъ псалмовъ за удачный грабежъ—вспомните о Ментанѣ!—съ веревкою, накинутою на графскую шею былъ таскаемъ грязными попами, которые при этомъ наносили ему удары розгами.

Пагубное заблужденіе свирѣпствовало не въ одной только Германіи и Франціи, но и во всѣхъ странахъ Европы, только не въ одинаковой степени. Такъ было, напримѣръ, въ Испаніи, гдѣ Торквемада свирѣпствовалъ такъ же безчеловѣчно противъ колдуній, какъ и противъ еретиковъ, — въ Италіи, гдѣ въ одномъ только Комо, въ теченіе одного года, было казнено 1000, а въ Швеціи, гдѣ въ 1670 г. приговорено къ смерти семьдесятъ человѣкъ, большею частію преданныхъ сожженію.

„Всѣ народы охватила настоящая нравственная эпидемія" и даже самый вѣкъ, видѣвшій во всѣхъ помѣшанныхъ, фокусникахъ и прокаженныхъ, людей непремѣнно одержимыхъ бѣсами и колдуновъ, дѣйствительно былъ какимъ-то смутнымъ, полнымъ заблужденій — *сумасшедшимъ*. „Поэтому-то весьма часто бѣдные больные, пораженные нравственной заразой того времени и раздѣлявшіе мрачное суевѣріе толпы, считали себя именно тѣмъ, чѣмъ

выставляли ихъ другіе, а именно одержимыми бѣсами, околдованными или колдуньями ([1]).

Вѣдь проявленія и формы безумія суть только отраженія господствующаго духа времени; больной бредитъ обыкновенно о главныхъ впечатлѣніяхъ дня. Ленау превосходно выражаетъ эту мысль, говоря о сумасшедшемъ Тюбалѣ:

Ob auch der alte Jude rase
In seinen Reden graus und wild,
Auch im zerbrochnen Spiegelglase
Zeigt sich von unsrer Zeit das Bild.

* * *

На вопросъ: откуда появилось это несчастное умопомраченіе — *Гормайръ* отвѣчалъ: это было изъ того образованія, которое привилось къ законодателямъ, юристамъ и руководителямъ народа, также какъ и ко всѣмъ ученымъ, вслѣдствіе двухсотлѣтняго *менторства іезуитовъ.*

Отвѣтъ этотъ въ особенности справедливъ относительно Баваріи, но онъ никакъ не сондируетъ раны до самой ея глубины. Эту операцію счастливо произвелъ великій *Томазій*, назвавъ процесы о колдовствѣ *исчадіемъ папства*, основаннаго на *баснѣ, образовавшейся изъ язычества и іудейства.* Уже съ той самой минуты, когда мидо-персидское суевѣріе проникло въ іудейство послѣ плѣненія вавилонскаго, и оттуда перешло къ іезуитамъ, то на земную жизнь стали смотрѣть не какъ на борьбу съ одной только природою и ея созданіями, и съ собственною своею плотью и кровью, но какъ на борьбу „съ хитрыми навожденіями дьявола, съ князьями и сильными міра, а именно съ властелинами мірозданія, которые царствуютъ во маркѣ здѣшней юдоли земной, съ злыми духами преисподней. Съ той самой минуты, это пагубное помраченіе умовъ стало все болѣе и болѣе овладѣвать мозгомъ и затемнять мысли легковѣрной толпы, пока наконецъ съ вѣдома властолюбивыхъ и любостяжательныхъ папъ и фанатичныхъ монаховъ во всѣхъ странахъ, гдѣ свило себѣ гнѣздо римское поповство, сдѣлалось такъ адски темно, что на несчастную человѣче-

---

([1]) Dr. A. Schilling. Der Standpunkt der Irren etc. p. 23.

скую личность стали смотрѣть въ тѣ монашескіе вѣка не какъ на „подобіе Божіе", а напротивъ того—за исключеніемъ отмѣченныхъ правильною тонзурою „слугъ Господнихъ", какъ на вмѣстилище и сосудъ дьявола,—того дьявола, который въ образѣ человѣка или какомъ либо другомъ съ рогами, когтями и клыками неистово бросался во всѣ стороны, заключалъ договоры съ людьми, отбиралъ подписки, дѣлалъ женщинъ беременными, а иногда въ видѣ шутки позволялъ себѣ похищать ихъ, усадивъ верхомъ на скамью, или на помело, и выпроваживалъ черезъ трубу на гору Блоксбергъ.

Намъ могутъ, разумѣется, возразить, что не одни только католики, но и протестанты сожигали еретиковъ и предавали пламени колдуній!

Протестантскія церкви, дѣйствительно, преслѣдовали иновѣрцевъ. Такъ напр. въ Англіи подвергали пресвитеріанъ въ теченіе цѣлаго ряда годовъ тюремному заключенію, клейменію, истязаніямъ и выставленію у позорнаго столба. Многіе католики были пытаемы и повѣшены подъ вымышленными предлогами; анабаптистовъ и аріанъ сожигали живьемъ.

Тоже самое происходило и въ *Шотландіи*. Если въ какомъ нибудь домѣ было религіозное сборище, то священникъ подвергался смертной казни—а если оно сходилось подъ открытымъ небомъ, то слушатели подвергались одинаковой участи со священникомъ. И тутъ также пресвитеріанъ преслѣдовали жестокимъ образомъ и гнали черезъ горы или ссылали въ Барбадосъ, сперва оторвавъ имъ уши и пальцы или заклеймивъ ихъ каленымъ желѣзомъ. Другимъ раздробляли ножныя кости, посредствомъ испанскихъ сапоговъ и, вообще, придумывали какъ эти, такъ и другія невообразимыя страданія, напуская на нихъ разъяренныхъ солдатъ, которыхъ подзадоривали испробовать при подобныхъ случахъ свою ловкость въ пыткахъ. Даже женщинъ публично гоняли плетьми по улицамъ (¹).

Когда въ Шотландіи реформація одержала верхъ, то тотчасъ

(¹) Wodrow's History и Neal's History of the Puritans, vol. II, p. 695—696.

было запрещено всѣмъ католическимъ священникамъ служеніе, а всѣмъ свѣтскимъ слушаніе мессы подъ страхомъ: въ первый разъ — лишенія собственности, во второй — изгнанія и въ третій — смерти (1). „Месса", восклицаетъ *Ноксъ*, „для меня ужаснѣе высадки 10,000 вооруженныхъ враговъ, въ которой нибудь части государства." Почти одинаковыя преслѣдованія воздвигались во *Франціи* и *Швеціи*; всѣ тѣ, которые какимъ бы то ни было образомъ уклонялись отъ аугсбургскаго исповѣданія, были изгоняемы изъ страны (2), а въ тѣхъ городахъ, гдѣ администрація находилась въ рукахъ протестантовъ, католическое богослуженіе и смѣшанные браки были запрещены.

Далѣе всѣмъ протестантамъ было запрещено присутствовать при свадьбѣ и похоронахъ тамъ, гдѣ свадебный или похоронный обрядъ былъ совершаемъ католическимъ священникомъ (3).

Въ протестантской Швейцаріи многочисленные анабаптисты погибли отъ потопленія, вольнодумецъ Жантилисъ былъ обезглавленъ, Серве, обращенный изъ іудейства, сожженъ на кострѣ.

Подобное этому происходило въ Америкѣ и въ Голландіи, но въ этой послѣдней странѣ притѣсненія были слабѣе, *„потому что здѣсь народная свобода была велика и признанное могущество духовенства было въ высшей степени незначительно."*

Право свѣтскихъ властей наказывать за ересь вообще было признаваемо вѣроисповѣданіями Швейцаріи, Шотландіи, Бельгіи и Саксоніи. *Лютеръ* положительно подтвердилъ это право въ своемъ отвѣтномъ письмѣ къ Филиппу Гессенскому, равно и въ другомъ своемъ посланіи къ виртенбергскимъ теологамъ (4). Кальвинъ, Беза и Жюрье написали цѣлыя книги о законности преслѣдованія еретиковъ. Ноксъ, ссылаясь на ветхій завѣтъ, объявилъ, что виновные въ идолопоклонствѣ могутъ, въ силу права, быть приго-

---

(1) Buckle, I c. Vol. II, p. 224.
(2) Macauley: Essay. Vol. II. p. 140.
(3) Buckle I c., vol. I. Отдѣленіе II. стр. 48—63.
(4) Henry: Life of Calvin, vol. II, p. 232—242.

вариваемы къ смерти (1) и лордъ Гафтонъ при одномъ спорѣ въ палатѣ лордовъ 15 іюля 1864 года сослался на то, что м-ру Фроуду при его изслѣдованіяхъ удалось найдти адресы обѣихъ палатъ Конвокаціи, въ которыхъ королеву Елисавету просили какъ можно скорѣе казнить Марію Стюартъ, что̀ сдѣлать она имѣла *полное право, такъ какъ Марія была идолопоклонница.*" Наконецъ въ слѣдственной коммиссіи объ анабаптистахъ, вмѣстѣ съ четырмя другими епископами, засѣдали также Кранмеръ и Сидней, и Эдуардъ VI, какъ повѣствуютъ, только вслѣдствіе продолжительныхъ и горячихъ настояній Кранмера, далъ согласіе на сожженіе Джона Бочера (2).

Изъ этого видно, что принципъ преслѣдованія еретиковъ былъ поддерживаемъ протестантами такъ же сильно какъ и римско-католиками, что первые столько же неуклонно ему слѣдовали и столь же упорно его защищали, какъ и послѣдніе; но вмѣстѣ съ тѣмъ надо прибавить, что протестантскія преслѣдованія еретиковъ, при всей своей жестокости, никогда не были кровавы до такой степени, какъ римско-католическія.

Не такъ было относительно преслѣдованія колдуній.—Въ этомъ пунктѣ протестантскіе и римско-католическіе ревнители стояли на одинаковой суевѣрной почвѣ и съ одинаковою охотой зажигали костры. Даже самъ *Лютеръ* питалъ сильную ненависть къ колдуньямъ. „Я не хочу имѣть никакого состраданія къ этимъ колдуньямъ, — вскричалъ однажды съ запальчивостью бывшій августинскій монахъ, — „я хочу, чтобы всѣ онѣ были сожжены!" и такимъ образомъ оставилъ въ наслѣдство своимъ прозелитамъ пагубное заблужденіе.

Поэтому еще долгое время послѣ введенія реформаціи въ колыбели ея — Саксоніи, происходили сожиганія колдуній. Да, число казней все увеличивалось. Такимъ образомъ—кромѣ упомянутыхъ случаевъ отъ 1597—1676 г. въ однихъ геннебергскихъ судахъ было сожжено 197 воображаемыхъ колдуній.

---

(1) M'crie Life of Knox. p. 246, далѣе Knox's works, Laing's edition. vol. IV, p. 500—515.
(2) Neal: History of the Puritans, vol. I, p. 40 — 41. Hartpole Lecky l. c., т. II, стр. 31 и слѣд.

*

„Слѣдовало предполагать, — писалъ *Томазіусъ*—что вслѣдствіе лютеровой реформаціи, избавившей людей отъ многихъ суевѣрныхъ понятій относительно папства, они освободятся также отъ воображаемаго союза волшебниковъ съ дьяволомъ; но этого-то именно и не случилось. Напротивъ того, это мнѣніе, до тѣхъ поръ не имѣвшее права гражданства, было при курфирстѣ Августѣ включено въ число дѣйствующихъ законовъ посредствомъ слѣдующихъ совершенно ясныхъ словъ: „Если кто нибудь, забывая о своей христіанской вѣрѣ, заключаетъ союзы съ дьяволомъ, имѣетъ съ нимъ знакомство и ведетъ съ нимъ дѣла, то сію особу, хотя бы не сдѣлавшую никакого зла своимъ колдовствомъ, слѣдуетъ предать смерти посредствомъ огня и меча.“ А такъ какъ курфистръ саксонскій былъ однимъ изъ знатнѣйшихъ лютеранскихъ князей, то нисколько не удивительно, что затѣмъ это понятіе вскорѣ перешло и въ другія лютеранскія и реформатскія стороны (1).

И это дѣйствительно было такъ; даже въ самой Англіи,—хотя и не вслѣдствіе этого рескрипта, изданнаго курфирстомъ, но по причинѣ собственныхъ наслѣдственныхъ предразсудковъ,—введеніе реформаціи послужило лозунгомъ къ немедленному проявленію суевѣрія и тамъ, равно какъ и повсюду, уменьшеніе его со стороны духовенства считалось непосредственнымъ слѣдствіемъ и вѣрною мѣркою успѣховъ религіознаго скептицизма. Въ *Шотландіи*, гдѣ реформатское духовенство имѣло вліяніе болѣе значительное, чѣмъ гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ, и гдѣ процессы о колдуньяхъ почти исключительно находились у него въ рукахъ, преслѣдованія сравнительно проявлялись въ ужасающихъ формахъ. Да, преслѣдованіе колдуній перешло вмѣстѣ съ пуританствомъ даже въ *Новый свѣтъ* и казни въ *Массачусетсѣ* составляютъ одну изъ самыхъ мрачныхъ страницъ въ исторіи Америки (2).

Такимъ образомъ и протестанты преслѣдовали колдуновъ и колдовство, убивали и мучили еретиковъ и колдуній! Но на нихъ

---

(1) Thomasins. Kurze Lehrsätze von dem Laster der Zauberei, p. 55.
(2) H. Lecky I, c. Bd. I, p. 6.

падаетъ самая незначительная доля отвѣтственности: развѣ они были виноваты, что поповское суевѣріе и католическое отупѣніе, весьма часто подстрекаемыя этимъ злонамѣреннымъ эгоизмомъ въ теченіе пятнадцати вѣковъ, проповѣдовали и распространяли ученіе о ненависти къ еретикамъ и колдуньямъ?!

Это могъ бы отрицать только тотъ, кто не знаетъ, что всѣ извѣстные въ исторіи папы, такъ же какъ и бо̀льшая часть всеобщихъ и мѣстныхъ соборовъ, постановляли рѣшенія то о преслѣдованіи еретиковъ, то о преслѣдованіи колдуній а часто и о томъ и о другомъ вмѣстѣ, что всѣ обширныя сочиненія, о казняхъ еретиковъ и колдуновъ написаны духовными лицами, и что всѣ сочиненія мірянъ по этому предмету были посвящены духовнымъ сановникамъ и одобрены ими, — или тотъ кто ничего не слыхалъ о вышеупомянутыхъ сожженныхъ еретическихъ книгахъ, а равно не знаетъ, что духовные суды приговаривали многія тысячи людей къ смерти, что безчисленные епископы употребляли все свое вліяніе на то, чтобы все болѣе и болѣе увеличивать, во чтобы то ни стало, число несчастныхъ жертвъ. Даже высокія особы княжеской и герцогской крови, которыя не пользовались любовью и популярностью, были подозрѣваемы въ колдовствѣ и чародѣйствіи, и вопросы о заключеніи, пыткѣ и казни ихъ подвергались серьезному обсужденію. Словомъ, впродолженіе многихъ столѣтій вѣрили и учили, „что свирѣпствовавшія по всей Европѣ преслѣдованія должны быть поддерживаемы со всею силою.“

За болѣзни, всосанныя ребенкомъ съ молокомъ матери, взрослый человѣкъ отвѣтственъ такъ же мало, какъ и за ученія, вбиваемыя въ его голову всѣми правдами и неправдами. Но отвѣтственны тѣ, которые изобрѣтали эти ученія и, подъ видомъ божественнаго откровенія, навязывали ихъ простодушнымъ людямъ; отвѣтственны тѣ, которые, вопреки внушенію здраваго смысла и собственному убѣжденію, изъ гордости, своекорыстія, властолюбія, любостяжанія, жажды наслажденія, наклонности къ тираніи, роскоши и распущенности, упорно стояли за устарѣлое суевѣріе и старались держать въ его мракѣ народы и правительства своимъ ученіемъ и примѣромъ, а равно и тѣмъ, что они безпощадно преслѣдовали, гдѣ только имѣли власть, умы всѣхъ націй, стремив-

шіеся къ истинѣ, свободѣ и справедливости, употребляя огонь и мечъ противъ ихъ личности, или присуждая къ костру, гдѣ только было можно, ихъ сочиненія.

Папы дѣлали и то, и другое,—и поэтому эти папы, за исключеніемъ случаевъ невольнаго заблужденія, отвѣтственны передъ верховнымъ судилищемъ исторіи, не только за кровь, пролитую ими самими, но и за ту, которую, непосредственно за реформаціей, потоками проливали протестанты; потому что ни одинъ человѣкъ, какъ уже замѣчено, не можетъ однимъ вздохомъ освободиться отъ всѣхъ усвоенныхъ имъ предразсудковъ и отъ всякаго внѣдреннаго въ его душу суевѣрія.

Поэтому безсовѣстные и безпощадные мучители не имѣли права жаловаться, когда, вопреки всякому праву, безправный и попираемый въ прахѣ рабъ, въ пробудившемся чувствѣ равноправности, безцеремонно сбросилъ наконецъ съ своей шеи наглыхъ угнетателей и въ первомъ упоеніи свободы или, мучимый давно неудовлетворявшеюся жаждой мести и такъ долго сдерживаемымъ негодованіемъ на безмѣрныя оскорбленія и муки, старался воздать равнымъ за равное.

Человѣкъ при всѣхъ обстоятельствахъ и отношеніяхъ всегда остается человѣкомъ, т. е. существомъ болѣе или менѣе подверженнымъ страсти или, говоря языкомъ старовѣровъ, скорѣе подчиняется дьяволу, чѣмъ ангелу. Это доказали именно папы и почти всѣ страницы ихъ кровавой и богатой пороками исторіи съ такой поразительной ясностью, что до настоящихъ дней ни одинъ, сколько нибудь правдивый другъ человѣчества не можетъ читать этихъ страницъ безъ чувства какого-то адскаго содроганія.

* * *

Но велико, безконечно велико было бы заблужденіе тѣхъ, которые допустили бы, что на сговорчивой совѣсти римскаго главнаго и подчиненнаго духовенства лежитъ только безмѣрно и безжалостно пролитая и обугленная на медленномъ огнѣ кровь еретиковъ и колдуній. На покрытыхъ трауромъ вѣсахъ ихъ дѣлъ столько же тяжело, если не тяжелѣе чѣмъ тѣлесныя страданія, ложатся душевныя муки истерзанныхъ до смерти жертвъ и обиль-

ное слезами злополучіе близкихъ этимъ жертвамъ существъ, оставшихся въ живыхъ.

Уже одно только предположеніе, что черти вмѣшиваются во всѣ дѣла человѣческія, должно было повлечь за собою самыя смѣшныя явленія и имѣть послѣдствіемъ самые плачевные факты относительно душевнаго настроенія людей. Всѣ источники, рѣки, озера и моря кишѣли бѣсами, всѣ сады и поля, луга и лѣса, горы и долины были переполнены ими. Даже всюду проникающій воздухъ постоянно, изъ года въ годъ, до такой степени наполнялся ими, что несчастные люди не могли ни пить, ни ѣсть, ни дышать, не подвергаясь опасности проглотить, если не цѣлое полчище демоновъ, то по крайней мѣрѣ *одинъ* экземпляръ черта. Отсюда происходилъ обычай мессаліанцевъ или евхитовъ — мечтательной монашеской секты IV столѣтія — всегда и повсюду отплевываться, чтобъ немедленно избавиться отъ вдыхаемыхъ ими чертей (1), и папа Григорій I († 604), замѣчательный своимъ безграничнымъ суевѣріемъ, утверждалъ (2), что „однажды молодая монахиня, гуляя въ саду, цѣликомъ проглотила черта вмѣстѣ съ листомъ латука, потому что забыла осѣнить себя и свою пищу знаменіемъ креста.“ Если христіанинъ или христіанка отправлялись въ театръ, то чертъ тотчасъ же вселялся въ ихъ тѣло, такъ какъ эти грѣшники, пренебрегая своимъ христіанскимъ долгомъ, воспрещавшимъ имъ посѣщеніе зрѣлищъ, являлись въ домъ къ князю ада. Однажды какая-то женщина забылась до того, что позволила себѣ „нехристіанское“ удовольствіе отправиться въ театръ ради красиваго актера, что̀ и имѣло дьявольскія послѣдствія — она всю ночь грезила о саванѣ и у нея въ ушахъ раздавалось имя актера, сопровождаемое страшными угрызеніями совѣсти (3).

Нѣкоторые изъ этихъ дьяволовъ принадлежали къ толпѣ тѣхъ небесныхъ бунтовщиковъ, которыхъ архангелъ Михаилъ когда-то сбросилъ на землю и въ пропасти ада по повелѣнію божію; дру-

---

(1) Maury: Hisioire de Magie.
(2) Dialogi, lib. 1, c. 4.
(3) Tertullian: De Spectandis.

гіе причислялись къ полчищу тѣхъ забывшихъ Бога ангеловъ, которые во времена допотопнаго міра вступали въ нечестивый союзъ съ *земными женщинами* и научили послѣднихъ окрашиванію шерсти и еще болѣе ужасному преступленію—употребленію бѣлилъ и румянъ, и за это „совершенно справедливо“ были приговорены къ вѣчнымъ адскимъ мученіямъ (¹).

Вѣроятно дьяволы этого сорта до такой степени неприлично преслѣдовали женщинъ и дѣвушекъ съ роскошными волосами, что апостолъ Павелъ увидалъ себя вынужденнымъ предписать женщинамъ и дѣвушкамъ покрывать голову чалмою или вуалемъ, чтобы сдѣлать ее невидимою (₂).

Вообще же дьяволы раздѣлялись, подобно людямъ, на мужчинъ и женщинъ. Дьяволы мужскаго пола назывались *инкубами*, а женскаго пола—*сукубами*. Эти послѣдніе, кажется, считались въ особенности плодовитыми, такъ какъ относительно первыхъ серьезно увѣряли, что они обыкновенно бываютъ бездѣтны. Не смотря на это, хитроумный инквизиторъ *Нидеръ* увѣряетъ, что островъ *Кипръ* положительно былъ заселенъ сыновьями инкубовъ, а *Боденъ* говоритъ (³) объ одномъ священникѣ, который болѣе 30 лѣтъ находился въ сношеніяхъ съ сукубою, между тѣмъ какъ другой болѣе полустолѣтія жилъ въ любви и согласіи съ какою-то чертовкой. И тотъ, и другой, какъ околдованные, сперва подверглись уголовному суду и, подъ конецъ, замучены были до смерти на медленномъ огнѣ.

Эти суевѣрія, вмѣстѣ съ понятіями о колдовствѣ, по видимому, перешли къ христіанамъ отъ галискихъ язычниковъ. Язычники-галлы воображали своихъ *сульви* безбородыми геніями съ сладкими, упоительными голосами, которые по вечерамъ подстерегаютъ путешественниковъ и умѣютъ заманить ихъ посредствомъ чарующей силы, или овладѣть ими посредствомъ внушенія имъ суевѣрнаго страха. Они также думали, что ихъ *дузіи* по ночамъ нападаютъ на дѣвушекъ и лишаютъ ихъ невинности, или же за-

---

(¹) Tertulian: De Cultu foeminarum.
(₂) Sprenger: Mall. Malef. I, quaest 4, und II quaest 2.
(₃) Bodin, Démonomanie des Sorciers, p. 107.

ставляютъ спящихъ юношей наслаждаться всѣми восторгами брачной ночи. „Повсюду распространено убѣжденіе“, говоритъ Августинъ въ своемъ „Царствѣ Божіемъ“, — „что нѣкіе демоны, извѣстные жителямъ Галліи подъ названіемъ дузіевъ, дѣлаютъ безнравственныя нападенія на сонныхъ людей.“

Разумѣется, человѣчество, непомѣрно напуганное нападеніемъ чертовщины, старалось всѣми дозволенными и недозволенными средствами избавиться отъ дьявола и вмѣстѣ съ тѣмъ отъ вѣчной погибели. Амулеты, четки, особеннымъ образомъ формулируемыя заклинанія, реликвіи, мессы и т. п. служили защитою отъ всѣхъ адскихъ навожденій. Такъ, еще въ половинѣ XVIII вѣка, въ абатствѣ Пуасси ежегодно служили обѣдню для огражденія монаховъ отъ вліянія „фей“, т. е дьяволовъ въ женскомъ видѣ (¹).

Какое грустное состояніе духа должно было обнаруживаться во всѣхъ слояхъ человѣческаго общества вслѣдстіе этого помѣшательства на чертовщинѣ! Ни ѣсть, ни пить, ни бодрствовать, ни спать не могъ человѣкъ, не будучи осажденъ или осѣдланъ дьяволомъ.

Отъ этого умопомѣшательства погибли сотни тысячъ жертвъ. не возбудивъ ни малѣйшаго состраданія; ихъ мучили и терзали невообразимымъ образомъ, такъ какъ, къ несчастію, существовало еще суевѣрное убѣжденіе, что бѣдныя колдуньи обладаютъ извѣстнаго рода волшебными средствами для уменьшенія страданій пытки.

Рвеніе, выказываемое попами всевозможныхъ сектъ для надлежащаго поддержанія преслѣдованій за колдовство, было безпримѣрно. Даже существовали должностныя лица, спеціально назначенныя для розыска колдуній, какъ напр. въ Англіи, во времена республики, ихъ существовало двое. Но объ этомъ уже много было говорено прежде, и потому я только прибавлю, что при обвиненіи человѣка въ томъ, что онъ одержимъ нечистою силою, корыстолюбіе рѣдко играло какую либо роль. Обвиненія эти большею частію падали на „старыя, бѣдныя, грязныя, ничтожныя и презрѣнныя существа,“ которыя, послѣ жизни полной невзгодъ,

---

(¹) Des Mousseaux: Pratiques des Démons.

погибали никѣмъ неоплаканныя, обезумѣвшія отъ огня земнаго, съ тѣмъ, чтобы продолжать мучиться въ вѣчномъ пламени ада (1). Иначе поступали съ еретиками: жертвы, предаваемыя смерти вслѣдствіе вѣроотступничества, не были, подобно обвиняемымъ въ колдовствѣ, одинокими полупомѣшанными бабами, которыхъ мало оплакивали или совсѣмъ не оплакивали,—напротивъ того, это были большею частію люди, „находившіеся въ самомъ разгарѣ жизненныхъ силъ и дѣятельности и часто даже въ первомъ разцвѣтѣ юношескаго вдохновенія.“ Притомъ лица, которыя болѣе всего любили этихъ несчастныхъ, были вполнѣ убѣждены, что „ихъ предсмертныя страданія на землѣ — суть только начало вѣчныхъ мукъ въ будущей жизни.“ Приговоръ объ еретикахъ былъ главнымъ образомъ формулированъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Исполненный развратныхъ помысловъ, наученный и соблазненный злымъ духомъ, ты лучше желаешь погибнуть здѣсь, во временномъ огнѣ, и тѣмъ подвергнуться ужаснымъ и вѣчнымъ мукамъ ада, вмѣсто того, чтобы, послушавшись благихъ совѣтовъ, отказаться отъ твоихъ, достойныхъ проклятья, пагубныхъ заблужденій“ (2).

Въ истинѣ этого приговора къ проклятію въ особенности были вполнѣ убѣждены слабыя женщины, которыя наиболѣе сильно сочувствуютъ страданіямъ ближняго и которыхъ души патеры улавливали въ свои сѣти съ наилучшимъ успѣхомъ. Страшно, ужасно подумать что должна была выстрадать мать, жена, сестра, дочь еретика вслѣдствіе этого ученія. Она видѣла тѣло человѣка, который былъ ей дороже жизни, изуродованнымъ и корчившимся отъ невыносимыхъ мукъ; видѣли какъ огонь перебѣгалъ отъ одного его члена къ другому, пока наконецъ не охватывалъ всего его тѣла покровомъ одного общаго страданія! И когда, наконецъ, замиралъ послѣдній стонъ муки и истерзанное тѣло обрѣтало успокоеніе, тогда ей говорили, что все это угодно тому Богу, которому она поклоняется и что, кромѣ того, это есть только слабое

(1) Grillandus, De Sortilegiis c. 3. Сравн. Thiers, Traité des Superstitions; далѣе Madden, Histoire de la Magie en France; Bucle, Исторія Цивилизаціи въ Англіи. Т. I, стр. 403 и Lecky, 1 c. T. I, стр. 1.

(2) Eymericus, 1, c., p. 337.

предвкушеніе тѣхъ страданій, которыя этотъ же Богъ, *на цѣлую вѣчность*, ниспошлетъ покойнику. Для поддержанія этого ученія не щадили ничего. Оно проповѣдывалось съ каждой каѳедры, наглядно изображалось надъ каждымъ олтаремъ. Испанскихъ еретиковъ вели на костеръ въ одеждѣ, покрытой изображеніями дьяволовъ и ужасныхъ мученій пытки, для постояннаго напоминанія зрителямъ о томъ что ожидаетъ грѣшника.

Сколько женщинъ съ нѣжными и воспріимчивыми сердцами было доведено этими страшными мученіями до отчаянія и безумія и затѣмъ сами онѣ, подъ названіемъ колдуній, оканчивали свое плачевное существованіе въ подобныхъ же ужасныхъ мукахъ! Но за то и не одинъ достойный сынъ поднималъ кинжалъ для отмщенія за отца, такъ гнусно и безжалостно умерщвленнаго и, будучи, подобно дикому звѣрю, затравленъ тоже звѣрями, наконецъ исчезалъ безслѣдно въ темницахъ инквизиціи и въ пламени ея костровъ.

Послѣднее было тѣмъ болѣе вѣроятно въ томъ случаѣ, когда добрый сынъ вспоминалъ еще о внутреннихъ страданіяхъ, терзавшихъ его отца при мысли, что онъ долженъ оставить всѣхъ своихъ близкихъ и дорогихъ сердцу—жену и дѣтей, ничѣмъ не огражденными отъ ужаснѣйшихъ несчастій, голодной смерти и безчестныхъ покушеній негодяевъ! Вѣдь все имущество нераскаявшихся еретиковъ подвергалось безусловной конфискаціи, „*потому что*, вслѣдствіе приговора, обнародованнаго буллою извѣстнаго уже *Иннокентія III,—дѣти по изреченію Божію наказываются также и за грѣхи родителей*, *или*, говоря словами *Парамо*, *преступленіе еретика такъ велико, что извѣстная часть его грѣховности сообщается всѣмъ его родственникамъ и что Всемогущій Богъ*, въ качествѣ *самаго перваго инквизитора* (слушайте и содрагайтесь!) — *изгналъ изъ садовъ Эдема какъ Адама, такъ и всѣхъ его потомковъ*.“ Александръ IV обнародовалъ буллу такую же, какъ Иннокентія III.

Мы видимъ, что любостяжаніе дѣлало людей изобрѣтательными до богохульства и даже нарушало могильный покой усопшихъ: этотъ же самый Парамо заявляетъ весьма энергически, „что слѣ-

дуетъ непремѣнно вести дѣло даже объ умершихъ еретикахъ, чтобы, во первыхъ, проклинать ихъ память, а во вторыхъ для того, чтобы *посредствомъ фиска отобрать ихъ имущество отъ наслѣдниковъ или другихъ какихъ либо владѣющихъ имъ лицъ.* Только тѣ изъ дѣтей — какое гнусное исключеніе!—*которыя предавали своихъ родителей,* сохраняли свое имущество, всѣ же другія лишались положительно всего и оставались еще запятнанными клеймомъ позора, котораго въ XV и XVI вѣкахъ было достаточно, чтобы лишить ихъ всякаго сочувствія, доброжелательства и отнять у нихъ какую бы то ни было надежду. По приговору одного изъ церковныхъ учителей того времени, *„дѣти еретиковъ такъ безправны и лишены возможности получить наслѣдство, что они не могутъ имѣть притязаній ни на одинъ ліаръ изъ собственности отца; они даже, наравнѣ съ сыновьями преступниковъ противъ величества, должны постыднымъ образомъ погибнуть среди горя и нуждъ и ничто не должно быть оставлено имъ, кромѣ одной только жизни, даруемой изъ состраданія, потому что только посвященная раскаянію жизнь можетъ служить имъ утѣшеніемъ въ смертный часъ.*

Въ виду этихъ угрозъ и страданій для остающихся въ живыхъ, было ли удивительно, что тысячи, такъ называемыхъ, еретиковъ отрекались отъ своихъ убѣжденій и „проводили свою жизнь въ лицемѣрномъ исполненіи религіозныхъ обрядовъ, въ ухищреніяхъ лжи и, наконецъ, опозоривъ свой духъ вошедшимъ въ привычку лицемѣріемъ, съ ужасомъ и безъ надежды сходили въ могилу?“ Предъ открытіемъ дѣйствій инквизиторовъ въ какомъ нибудь округѣ, обыкновенно издавалась прокламація, которою съ извѣстными условіями обѣщалось прощеніе тѣмъ, которые въ теченіе 30 или 40 дней сознаются въ своей ереси и отрекутся отъ нея. Какъ велико было уже въ то время число диссидентовъ, можно, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторой степени, заключить изъ того, что по свидѣтельству *Маріаны,* когда изданы были эти прокламаціи при первоначальномъ введеніи инквизиціи въ Андалузіи, то тотчасъ же явилось 17000 человѣкъ обращенныхъ. Можно себѣ предста-

вить сколько обратилось въ католицизмъ, единственно вслѣдствіе пытки (Маріана говоритъ, кажется, 2000) и сколько погибло на кострѣ!

* * *

Можно было бы подумать, что этимъ окончится позорный списокъ страданій, посредствомъ которыхъ фанатизмъ римскаго духовенства, опираясь на ученіе „единой, ведущей ко спасенію церкви," такъ часто доводилъ слѣповѣрующихъ людей до отчаянія и, дыша яростью и мщеніемъ, возбуждалъ ихъ другъ противъ друга.

Согласно суевѣрію римскихъ поповъ, всѣ не принадлежавшіе къ римско-католической церкви, т. е. не находившіеся подъ игомъ папъ, подвергались и подвергаются вѣчному осужденію, *„дабы души, блаженствующія въ небесахъ, назидаемыя зрѣлищемъ мученій этихъ осужденныхъ, глубже чувствовали свое собственное блаженство"* (1); и притомъ это осужденіе простиралось не только на некрещенныхъ *взрослыхъ*—за исключеніемъ мучениковъ, оглашенныхъ и т. под.,— но и на некрещенныхъ *дѣтей*, даже находящихся еще во чревѣ матери. Всѣ *отцы католической церкви*, безъ исключенія, страдали этимъ воспламеняющимъ мозгъ суевѣріемъ (2), хотя Іисусъ Христосъ въ своей общедоступности, исполненной любви, сказалъ: „позволяйте дѣтямъ подходить ко мнѣ и не удерживайте ихъ, потому что имъ принадлежитъ царствіе небесное."

Еще прямѣе высказывается объ этомъ предметѣ „святой" Фульгенцій (род. въ 467) „Будьте увѣрены, говоритъ онъ (3), и не сомнѣвайтесь, что не только люди, уже достигшіе употребленія разума, но и малыя дѣти, зачатыя во чревѣ матери и тамъ умершія или тѣ, которыя оставили этотъ міръ непосредственно послѣ

---

(1) Ѳома Аквинейскій: Summa Suppl quaest., 94, art. 1.

(2) Это суевѣріе господствуетъ у «римскихъ князей церкви» еще до настоящаго времени, иначе напр. епископъ Грейтъ въ Сенъ-Галленѣ не отказывалъ бы погребать некрещенныхъ дѣтей въ «освященной землѣ».

(3) Fulgentius, De Fide, § 70.—Сравн. также Isidori, De sentent., I, p. 22.

своего рожденія, не воспріявъ таинства св. крещенія, должны терпѣть вѣчную муку неугасимаго огня, *такъ какъ, хотя они не содѣлали еще по собственной своей волѣ ни единаго согрѣшенія, но тѣмъ не менѣе они навлекли на себя проклятіе грѣха, посредствомъ плотскаго зачатія и рожденія.*" Вѣрный тому же суевѣрію, еще одинъ римскій духовный дошелъ до гнуснаго увѣренія, что „дѣти, ползаютъ въ аду на пространствѣ чуть длиннѣе ладони."

Это ужасное ученье „единой, ведущей ко спасенію церкви" о вѣчномъ осужденіи некрещеныхъ дѣтей „терзало сердце матери смертельною мукой, которую слишкомъ горько было выносить даже въ тотъ рабски покорный вѣкъ. Слабыя и суевѣрныя женщины, которымъ въ другихъ случаяхъ никогда и во снѣ не пришло бы на умъ возмутиться противъ ученья ихъ духовныхъ пастырей, не могли успокоиться на погибели своихъ отпрысковъ и поэтому старались вознаградить себя за это горе тѣмъ, что размножали суевѣрные обряды." Но бдительность римскихъ поповъ была неутомима и поэтому неоднократно всѣ способы и уловки, посредствомъ которыхъ несчастныя матери усиливались убѣдить себя, что ихъ дѣти могутъ избѣжать вѣчнаго осужденія, безжалостно были низвергнуты въ прахъ проклятіями (1), и жалкія, несчастныя женщины должны еще были радоваться, если сами уходили здравыми и невредимыми, и если ихъ любовь, часто доведенная этимъ безумнымъ поповскимъ ученіемъ до отчаянія или помѣшательства, не была названа бѣсовскимъ навожденіемъ и наказана смертію на медленно горѣвшемъ кострѣ.

Что это нелѣпое суевѣріе, вмѣстѣ съ его ужасными послѣдствіями, еще далеко не искоренено въ средѣ римскихъ поповъ, это доказываетъ недавно произведенная въ Бельгіи Цезарская операція.

И такъ, когда мы сгруппируемъ всѣ эти муки и страданія, изобрѣтаемыя весьма часто съ самою изысканною кровожадностью со стороны римскихъ поповъ и ихъ усердныхъ пособниковъ, и при

---

(1) Сравн. Thiers, Superstitions, глава: «Крещенье», далѣе Lacroix, Le Moyen-age, T. I; и Lecky, 1. c., 1, p. 282.

этомъ вспомнимъ, что большинство несчастныхъ жертвъ этого фанатическаго невѣжества большею частію были не только „вполнѣ невинныя существа, но, какъ они именно доказали своею, такъ называемою, еретическою кончиною, вмѣстѣ съ тѣмъ были люди, отличавшіеся самыми возвышенными и геройскими добродѣтелями,“ и если мы затѣмъ сообразимъ, что все это есть не болѣе какъ самая незначительная часть того громаднаго заговора между духовнымъ и свѣтскимъ деспотизмомъ, съ цѣлію насильно подавить свободное и равноправное развитіе рода человѣческаго, и въ самомъ зародышѣ задушить духъ безпристрастнаго и свободнаго анализа—этотъ самый существенный фундаментъ всякаго дѣйствительнаго прогресса и истинной науки, когда мы вообразимъ сумму всѣхъ нравственныхъ и физическихъ мукъ и достаточно измѣримъ всѣ ихъ ужасныя послѣдствія,—то, разумѣется, безъ преувеличенія можно сказать, что „римская церковь нанесла человѣчеству гораздо больше вреда и страданій, чѣмъ какая бы то ни была изъ прежнихъ и послѣдующихъ тиранній земнаго шара“ (1).

Но при этомъ ужаснѣе всего то, что всѣ эти гнусныя дѣянія были совершаемы во имя Іисуса, такъ какъ ничто не находится въ такомъ рѣзкомъ противорѣчіи съ кроткимъ духомъ христіанскаго ученья и любовью къ ближнему какъ преслѣдованіе людей другаго образа мыслей. Даже язычникамъ оно было неизвѣстно. Происхожденіе преслѣдованія еретиковъ, упомянемъ еще разъ, относится къ самымъ грубымъ временамъ „избраннаго“ іудейскаго народа.

Когда Ахасія, сынъ Агава, царствовалъ надъ Израилемъ въ Самаріи, онъ служилъ Ваалу, поклонялся ему и, подобно своему отцу и своей матери, прогнѣвалъ Господа, Бога Израиля. И сдѣлался Ахасія боленъ и послалъ своего вѣстника къ Ваалу Севуву, Богу Экронскому, съ вопросомъ, исцѣлится-ли онъ отъ этой болѣзни. Но Ангелъ Господенъ сказалъ Ильѣ Ѳесвитенину: „Иди, встрѣть вѣстниковъ царя Самаріи и скажи имъ: Неужели нѣтъ Бога во Израили, чтобы онъ безнаказанно могъ вопро-

(1) Срав. Thiers, Superstitions.

шать Ваала Севува, Бога Экронскаго? Поэтому говоритъ Господь: Ты (Ахасія) не возстанешь отъ одра своего, но смертію умрешь!“—И пошелъ Илья, а вѣстники разсказали своему царю то что они слышали. Ахасія, не довольствуясь этимъ, послалъ пятидесятника вмѣстѣ съ своими пятьюдесятью подвластными къ Ильѣ на гору, требуя, чтобы человѣкъ Божій сошелъ оттуда. Но Илья отвѣчалъ невѣрному пятидесятнику: „Если я человѣкъ Божій, то да низвергнется огонь съ неба и да пожретъ тебя и твоихъ пятьдесятъ подвластныхъ!“ Тогда низвергнулся съ неба огонь и пожралъ его и пятьдесятъ подвластныхъ ему людей.

Таже участь постигла другаго посланнаго къ Ильѣ пятидесятника вмѣстѣ съ его подвластными.

Затѣмъ Ахасія послалъ третьяго пятидесятника вмѣстѣ съ его пятьюдесятью подвластными, съ тою же просьбою къ Ильѣ. И этотъ третій начальникъ обрѣлъ милость, но не прежде чѣмъ онъ преклонилъ колѣна предъ Ильею и умолялъ о списхожденіи къ себѣ и къ своимъ рабамъ. И тогда сказалъ Ангелъ Господенъ Ильѣ: „Сойди съ нимъ внизъ и ничего не бойся отъ него!“ Илья всталъ, сошелъ съ горы и сказалъ царю: „Такъ какъ ты послалъ вѣстниковъ своихъ и велѣлъ вопрошать Ваала Севува Бога Экронскаго, какъ будто бы нѣтъ никакого Бога въ Израили, котораго можно было бы спросить, то ты не встанешь съ одра, на которомъ лежишь, но смертію умрешь!“—И невѣрный Ахасія такъ и умеръ, какъ желалъ того человѣкъ Божій и царемъ сдѣлался Іорамъ.

Совершенно иначе поступилъ Іисусъ, когда онъ, однажды послалъ посла на одинъ самарійскій рынокъ искать убѣжища: когда самаритяне не хотѣли его принять и разгнѣванные ученики спросили его: Господи, если угодно тебѣ, мы скажемъ, какъ это сдѣлалъ Илья, чтобы огонь упалъ съ неба и истребилъ ихъ,—тогда Іисусъ обратился къ нимъ съ упрекомъ и сказалъ: „Развѣ вы не знаете, какого духа вы чада есть! Сынъ человѣческій пришелъ не за тѣмъ, чтобы погубить души людей, но чтобы сохранить ихъ!“ И они пошли на другой рынокъ.

По видимому и апостолы были проникнуты тѣмъ же духомъ кротости и терпѣнія, такъ какъ и они не преслѣдовали никого

за вѣру. Но чѣмъ болѣе со времени разрушенія Іерусалима *левито-іудейскій* фанатизмъ проникалъ христіанскія общины, тѣмъ болѣе росли раздоры и укоренялись, жаждя преслѣдованія. Потому что богъ *левито-іудейской* вѣры былъ богомъ гнѣва, страха и мщенія относительно какъ грѣшниковъ, такъ и невѣрующихъ и таковыя же свойства имѣли его жрецы и пророки.

Когда однажды, по наущенію Аарона, отложились отъ Господа и стали поклоняться златому тельцу, то Моисей вошелъ въ ворота лагеря и сказалъ: „Сюда ко мнѣ тѣ, кто принадлежитъ Господу!“

Тогда собрались къ нему всѣ чада Левіи и Моисей сказалъ имъ: „Такъ говоритъ Господь, Богъ Израилевъ: Препояшьтѣ ваши чресла мечемъ, идите по лагерю и умерщвляйте вашихъ (невѣрныхъ) братьевъ, друзей и близкихъ!“—И чада Левіи сдѣлали какъ повелѣлъ имъ Моисей, и такимъ образомъ въ этотъ день погибло 3,000 человѣкъ народа.

Подобное же повѣствуетъ намъ пророкъ Исаія о гнѣвѣ и судѣ Божіемъ противъ всѣхъ враговъ вѣры. „Господь гнѣвается, говоритъ этотъ пророкъ на всѣхъ язычниковъ и ярится на все ихъ воинство: онъ изгонитъ ихъ и предастъ ихъ убіенію. И будутъ брошены убитые такъ, что горы обагрятся ихъ кровію и смрадъ отъ ихъ труповъ поднимется къ небесамъ. Не радость Іеговѣ и его жрецамъ.“

Іисусъ Христосъ, напротивъ того, училъ: «*Богъ не затѣмъ послалъ сына своего въ міръ, чтобы Онъ судилъ міръ, а затѣмъ, чтобы міръ былъ спасенъ имъ.* Ибо передъ Богомъ равны всѣ люди, *и каждый человѣкъ, къ какому бы народу ни принадлежалъ, если онъ только боится Бога и творитъ правое, угоденъ Богу.*

Наконецъ воля Бога, говоря въ смыслѣ вѣры, выражена въ его заповѣдяхъ, которыя проникнуты любовью къ ближнему. А само собою разумѣется, что любовь къ ближнему не допускаетъ ненависти и преслѣдованія ближнихъ, имѣющихъ другой образъ мыслей.

Подобнымъ образомъ думали и учили еще въ 400 г. по Р. Х. епископы донатистовъ. Такъ писалъ *Петиліанусъ*, епископъ Цирты къ святому Августину по поводу преслѣдованій донатистовъ

со стороны католиковъ: „Развѣ апостолы преслѣдовали кого нибудь, и развѣ Христосъ предалъ хоть одного человѣка въ руки свѣтской власти? Христосъ приказываетъ намъ бѣжать отъ гоненій, а ты, называющійся послѣдователемъ Христа, хочешь подражать злодѣяніямъ язычниковъ! Неужели вы думаете угодить Богу тѣмъ, что собственноручно умерщвляете насъ? Вы ошибаетесь, презрѣнные: *Господь не желаетъ имѣть палачей своими священниками!* Самъ Христосъ старался обратить людей къ вѣрѣ посредствомъ кроткихъ убѣжденій, а *не принуждалъ ихъ насильственными мѣрами.*“

Но слова донатистовъ замолкли, и „еретики“, ихъ произнесшіе, были безпощадно уничтожены, потому что рознились отъ латинянъ въ мнѣніяхъ. Но и впослѣдствіи, въ теченіе цѣлыхъ столѣтій, какъ уже упомянуто нами, съ безпощадною жестокостью налагалось вѣчное молчаніе на всѣхъ людей иныхъ убѣжденій. Кровожадное ученіе раздавалось въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ до самыхъ новѣйшихъ временъ съ каѳедръ римскихъ главныхъ и подчиненныхъ священниковъ. Они быстро и замѣтно обогащались. А богатство имѣло послѣдствіемъ могущество, результатомъ могущества было высокомѣріе, а изъ высокомѣрія проистекало желаніе властвовать, имѣвшее непосредственнымъ результатомъ преслѣдованіе лицъ различныхъ убѣжденій.

* * *

Однако же пусть не думаютъ, что въ представленной нами до сихъ поръ картинѣ изображено все кровопролитіе, лежащее на совѣсти римскихъ поповъ. Въ ней не достаетъ убійствъ, которыя совершены надъ отдѣльными личностями, каковы напр. *Арнольдъ ди Брешія*, *Іоаннъ Гуссъ*, *Іеронимъ Пражскій*, *Генрихи III* и *IV*, короли французскіе и императоръ *Генрихъ VII*, вслѣдствіе подстрекательства римскаго главнаго и подчиненнаго духовенства. Здѣсь не упомянуто также умерщвленіе императора *Филиппа* швабскаго *Оттономъ Виттельсбахскимъ*, совершенное этимъ послѣднимъ по наущенію епископа Бамбергскаго и съ одобренія папы Иннокентія III, который написалъ къ французскому королю Филиппу Августу слѣдующія гну-

сныя слова: *„Или Филиппъ долженъ лишиться своего королевства или я—папской короны!“*

Далѣе остается не упомянуто обезглавленіе герцоговъ *Конрадина* Швабскаго и *Фридриха* Австрійскаго, двухъ восемнадцатилѣтнихъ друзей, въ Неаполѣ *Карломъ* Анжуйскимъ, 26 октября 1268 года. Фридрихъ былъ казненъ первый. Конрадинъ схватилъ упавшую голову друга, поцѣловалъ ее, и затѣмъ самъ былъ казненъ.

Въ этой казни былъ виноватъ безсердечный папа. Карлъ Анжуйскій на свой вопросъ, что̀ ему слѣдуетъ дѣлать съ Конрадиномъ, получилъ отъ *Климента* IV лаконическій, но тѣмъ не менѣе вразумительный отвѣтъ: „Жизнь Конрадина есть смерть Карла; смерть Конрадина есть жизнь Карла“, чего естественнымъ слѣдствіемъ и была казнь послѣдняго изъ Гогенштауфеновъ. Кровавымъ результатомъ умерщвленія Конрадина были, во время папы Мартина IV, сицилійскія вечерни (1282), съ ихъ десятью тысячами жертвъ.

Далѣе мы умолчали о потокахъ крови, которые лились вслѣдствіе того, что,—не говоря о битвахъ испанцевъ съ маврами,—Карлъ „Великій“—блаженной памяти разбойникъ и убійца—въ качествѣ покровителя римской церкви, низвергнулъ въ прахъ и потопилъ въ крови невѣрную Европу и, ради выгодъ и интересовъ властолюбивыхъ папъ, уничтожилъ лонгобардовъ въ Италіи,—и вслѣдствіе того, что римскіе главные попы безпощадно сажали на шею отлученнымъ отъ церкви императорамъ ихъ фанатическихъ противниковъ.

„Преслѣдуйте,—писалъ папа Пасхалисъ II (1099) къ графу Геннегау,—преслѣдуйте огнемъ и мечемъ Генриха IV, главу еретиковъ и всѣхъ его приверженцевъ; безъ этого вы не можете принести Богу никакой пріятной ему жертвы.“

Мы умолчали о всѣхъ бѣдствіяхъ и кровопролитіяхъ, произведенныхъ распрями гвельфовъ и гибеллиновъ, распрями, которыя большею частію были возжигаемы папами,—мы умолчали объ ужасномъ избіеніи остатка несчастныхъ, но честныхъ и миролюбивыхъ вальденцевъ въ Ломбардіи и другихъ мѣстахъ—цѣлыя тысячи—по подстрекательству безжалостнаго папы *Климента* V,

въ началѣ XIV столѣтія,—умолчали о лужахъ крови, которыя были слѣдствіемъ нарушенія королемъ венгерскимъ *Владиславомъ* слова, даннаго имъ султану *Амурату* II. Виновникомъ нарушенія этого слова, былъ папа Евгеній IV, подстрекавшій къ нему Владислава чрезъ своего легата Юліана Чезарини. Въ послѣдовавшемъ затѣмъ сраженіи преданный султанъ вынулъ изъ за пазухи трактатъ и поднялъ его въ пылу самой жестокой схватки къ небу съ молитвой: „О Боже, ты, мститель клятвопреступленія, накажи это нарушеніе международнаго права!“

Измѣнникъ Владиславъ упалъ съ лошади, былъ изрубленъ въ куски и его голову съ торжествомъ носили по рядамъ турецкихъ воиновъ. Венгерцы обратились въ бѣгство, причемъ, какъ повѣствуютъ и презрѣнный чезарини: онъ потонулъ въ рѣкѣ, потопленный тяжестью бывшаго при немъ золота.

Мы умолчали объ избитіи тампліеровъ въ 1310 и 1312 годахъ; о вызванныхъ римскими папами, посредствомъ насильственныхъ обращеній, семнадцатилѣтнихъ гусситскихъ войнахъ, такъ же какъ и о томъ избіеніи протестантовъ, по поводу котораго племянники Павла III, кардиналъ Фарнезе и герцогъ Пармскій, хвалились, что они *„пролили такъ много лютеранской крови, что ихъ лошади могли купаться въ ней*. Но этотъ самый папа, съ такою яростью преслѣдовавшій еретиковъ, не только сводничалъ свою сестру Юлію Фарнезе, но и отравилъ свою мать, племянника, одну изъ своихъ сестеръ и своего зятя Сфорцу. Еще будучи папскимъ легатомъ въ Альконѣ, онъ обольстилъ одну честную дѣвушку тѣмъ, что выдавалъ себя за свѣтскаго господина изъ свиты легата и такъ какъ ему не удавалось достигнуть желанной цѣли никакимъ другимъ способомъ, то онъ тайно обвѣнчался съ нею. Несчастная дѣвушка, узнавъ истину и увидавъ себя обезчещенною, сошла съ ума.

Наконецъ этотъ ревностный къ католицизму папа снисходительно смотрѣлъ на существованіе въ Римѣ 45000 занесенныхъ въ списки разгульныхъ женщинъ, которыя и днемъ и ночью имѣли безпрепятственный доступъ въ его дворецъ, могли цѣловать его ноги и,—подобно тому, какъ при Сикстѣ IV, который изъ особеннаго

расположенія къ своимъ друзьямъ устроилъ домъ разврата въ своемъ дворцѣ—должны были платить проституціонную подать.

Далѣе мы умолчали о тридцатилѣтней войнѣ, въ которой хотя и не вполнѣ, однакоже большею частію виноваты папы, уже по тому, что они признавали себя совершенными и не поддавались никакой реформѣ. Но тридцатилѣтняя война обезлюдила Германію на половину и развратила ее всю. Кромѣ того, ея послѣдствіемъ были религіозное разъединеніе и грубость нравовъ, даже одичаніе, которое потомъ, въ теченіе двухъ столѣтій, не изгладилось и не смягчилось до братства и до истинно-христіанской любви къ ближнему. Да и какъ могло и можетъ это быть иначе, до тѣхъ поръ, пока римскіе попы гдѣ нибудь или какъ нибудь имѣютъ въ рукахъ свою „спасительную“ палку?

Такимъ же образомъ мы умолчали о томъ, что римскіе миссіонеры или папы затѣяли въ Японіи междоусобную войну въ 1638 г., вслѣдствіе которой было пролито множество крови и японскія гавани закрылись для всѣхъ иностранцевъ, за исключеніемъ голландцевъ протестантовъ. Вслѣдствіе подобныхъ же причинъ, китайскій императоръ *Іо-тчинъ* распорядился о препровожденіи іезуитовъ за границу своихъ владѣній, но поступилъ при этомъ ужъ слишкомъ нѣжно, снабдивъ ихъ экипажами. Пройдены также молчаніемъ ужасныя злодѣянія, которыми правовѣрные испанцы ознаменовали покореніе Мексики. Завоеваніемъ этой страны испанцами и введеніемъ тамъ христіанства былъ нанесенъ смертельный ударъ тамошней цивилизаціи. Аутодафе, устроиваемыя фанатиками попами и грубость испанской солдатчины лишили насъ большей части мексиканскихъ лѣтописей. Вообразивъ, что въ буквахъ ихъ таится удивительное волшебство, фанатики запретили ихъ употребленіе, и число лицъ, понимавшихъ литературные памятники своихъ предковъ, стало постепенно уменьшаться. Между тѣмъ, какъ *Карлъ V* находилъ нужнымъ въ 1553 г., вмѣстѣ съ двумя професорскими каѳедрами для мексиканскаго языка, устроить еще одну для объясненій мексиканскихъ іероглифовъ; одинъ мексиканскій писатель, спустя около 100 л. послѣ завоеванія Мексики испанцами, едва могъ найдти въ странѣ двухъ людей, знакомыхъ съ іероглифами.

Весьма характеристично для изображенія кровожадности папъ было отлученіе отъ церкви императора Генриха II на Ліонскомъ соборѣ въ 1245 году; по поводу этого событія римскій главный жрецъ Иннокентій IV далъ своимъ кардиналамъ *красныя шляпы*, какъ напоминаніе о томъ, что они обязаны *купаться въ крови императора и его приверженцевъ*. И дѣйствительно, этотъ соборъ былъ причиною паденія Швабскаго дома и предалъ Германію и Италію анархіи, упадку и кровавому опустошенію, въ теченіе цѣлыхъ 30 лѣтъ.

Такимъ же образомъ не упомянуты всѣ тѣ потоки крови, которые были пролиты въ защиту устарѣвшаго папства при помощи оружія испанскаго, австрійскаго и французскато, внутри и внѣ Италіи, со времени смерти *Франческо Ферукчи*, передъ стѣнами флорентинской столицы, до сраженія при *Кастельфидаро* и бойни при *Ментанѣ*—по 2 ноября 1867,—не упомянуто о тѣхъ жертвахъ, которыя погибли въ самыя недавнія времена въ тюрьмахъ свѣтской и духовной инквизиціи, или какъ напр. *Монти* и *Тоньетти* еще недавно, по приговору римскихъ поповъ, сложили головы на кровавомъ помостѣ.

Такимъ образомъ и „добродушный“ Пій IX долженъ въ минуты просвѣтленія взывать, подобно отчиму Гамлета, какъ извѣстно, бывшему убійцей своего брата: „О! дѣло мое гнило; оно распространяетъ смрадъ до самыхъ небесъ;“—иначе оправдалось бы на дѣлѣ изреченіе папистовъ, что папа въ состояніи сдѣлать изъ неправаго—правое и изъ нечего—все.

Наконецъ пройдены молчаніемъ ужасныя убійства, которыя папы и ихъ соперники лже-папы, во время борьбы за апостольскій престолъ и за свѣтское владычество, совершали надъ своими противниками и даже надъ ближайшими родственниками, единственно изъ любостяжанія. Со времени *Дамазуса* и *Урсинуса*, которые уже въ 366 г. по Р. Х. въ необузданной борьбѣ за римскій епископскій престолъ наполнили „святой городъ лужами крови и трупами“, подобнаго рода припадки кроваваго бѣшенства были весьма нерѣдки. Такъ папа Григорій V (996—999) приказалъ предательскимъ образомъ арестовать своего соперника папу Іоанна XVIII и его приверженца Крешентія, велѣлъ выколоть имъ

глаза и отрубить нос, языкъ, уши, руки и ноги, и затѣмъ, въ такомъ, страшно обезображенномъ видѣ таскать ихъ по улицамъ города и наконецъ повѣсить.

Папа Иннокентій VII (1404—1406) велѣлъ просто на просто выбросить изъ окна своего дворца одинадцать римскихъ гражданъ, которые собирались сдѣлать ему совершенно справедливое представленіе о дурномъ городскомъ управленіи въ Римѣ.

Папа Іоаннъ XXIII (1410 — 1417) отравилъ своего предшественника, *Александра V*, и 19 мая 1415 былъ низложенъ Констанцскимъ соборомъ, потому что во время своего первосвященства онъ заклеймилъ себя противоестественными пороками, позорнымъ сладострастіемъ, святотатствомъ, клятвопреступленіемъ, атеизмомъ, тиранніею и человѣкоубійствомъ.

Чтобы пріобрѣсти Флоренцію для своего брата Іеронима, папа *Сикстъ IV* (1471—1484) умертвилъ *Лоренцо и Юліана* Медичи въ одно воскресенье, во время обѣдни, что снова повело къ большому кровопролитію, такъ какъ флорентинцы тотчасъ же начали мстить за смерть своего любимца.

Кромѣ того онъ отнялъ у Колонновъ Марино, и имѣя уже въ своей власти, велѣлъ казнить Протонотарія Колонну. Мать умерщвленнаго пришла въ церковь св. Цельзія въ Банки, гдѣ лежало тѣло, подняла отрубленную голову за волосы и вскричала: *Такова вѣрность папы!* онъ обѣщалъ, что онъ освободитъ моего сына, если мы уступимъ ему Марино, но вотъ Марино въ его власти, и сынъ мой въ нашихъ рукахъ, но мертвый. *Вотъ какъ папа держитъ свое слово!*

Александръ VI (1492—1503), „отличавшійся такою гнусностью, которая неизвѣстна была даже варварамъ," умерщвлялъ самъ и позволялъ умерщвлять сколько душѣ угодно своему сыну *Цезарю Борджіа*, главнымъ образомъ для распространенія церковнаго государства. Сперва дѣло дошло до дома Орсини и до другихъ благородныхъ фамилій. Затѣмъ Цезарь Борджіа, кардиналъ, умертвилъ своего старшаго брата герцога Кандіа за столомъ, въ глазахъ матери и сестры, и велѣлъ бросить его трупъ въ Тибръ. Онъ приказалъ также напасть на его зятя на лѣстницѣ дворца. За раненымъ ухаживали жена и сестра, и эта

послѣдняя, изъ страха отравленія, сама варила кушанье, а папа велѣлъ строго охранять домъ, „чтобы защитить зятя отъ сына.“

„Чего нельзя было сдѣлать въ полдень, то можно сдѣлать вечеромъ,“ — смѣялся про себя Цезарь. Онъ наконецъ пробрался въ комнату, гдѣ лежалъ выздоравливавшій князь, прогналъ его жену и сестру и велѣлъ его казнить.

Далѣе онъ умертвилъ папскаго любимца Перото, который, ища защиты подъ мантіею первосвященника, прижался къ „святому отцу.“ Однакоже Цезарь убилъ его и притомъ такъ ловко, что струя крови брызнула папѣ въ лице. Короче, убитыхъ находили каждую ночь. Поэтому всѣ молчали изъ страха какъ бы и до нихъ не дошла очередь, потому что противъ кого нельзя было употребить силу, того отправляли на тотъ свѣтъ съ помощью яда.

Папа Юлій II (1503—1513) не думалъ о своихъ родственникахъ, а только о распространеніи церковнаго государства. Поэтому онъ часто становился во главѣ своихъ военныхъ силъ и издавалъ буллы, въ которыхъ каждое умерщвленіе французовъ было поощряемо перспективою отпущенія грѣховъ. Во время его владычества погибло смертью по крайней мѣрѣ 200,000 человѣкъ. Но что-жъ изъ этого? Вѣдь онъ сдѣлался властителемъ Романьи; въ его рукахъ были Равенна, Имола, Фаенца, Форли, Болонья, Мирандола и другіе города. Короче, дошло до того, что Макіавелли имѣлъ право сказать объ этихъ временахъ: „Прежде ни одинъ баронъ не былъ настолько ничтоженъ, чтобы не могъ презирать папскаго могущества, — теперь же его уважаетъ король Франціи.“

Пій IV (1558 — 1566) велѣлъ задушить кардинала Карла Караффу, ночью, въ замкѣ Ангела, и обезглавить въ темницѣ графа Палліанти и другихъ неугодныхъ ему кардиналовъ.

Но довольно объ этихъ ужасахъ! Если бы мы захотѣли исчислить всѣ явныя и тайныя убійства, которыя были совершены или руками римскихъ поповъ, или по крайней мѣрѣ по ихъ подстрекательству въ Европѣ и внѣ Европы, то мы не дошли бы до конца.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Папы неисправимы.

> Люди, думающіе, что времена постыдныхъ преступленій, которыя были совершаемы суевѣріемъ и фанатизмомъ, миновали, оказываютъ слишкомъ много чести человѣческой натурѣ. Ядовитое вещество еще существуетъ, хотя ядъ остается въ бездѣйствіи. Время можетъ его развить и послать его на землю въ видѣ опустошительной заразы.
>
> Вольтеръ къ Фридриху Великому.

Но мнѣ возразятъ: эти времена мученичества миновали, такъ какъ даже въ сердца папъ проникли кроткіе лучи гуманности; преслѣдованія еретиковъ уже не существуютъ, костры колдуній и евреевъ погасли. Проклятія и отлученія пронзительно еще раздаются въ воздухѣ, но они уже не производятъ пожара.

Но папы желали бы снова зажечь пламя, если бы только они нашли для этого пригодную почву какъ встарину и для отысканія этой почвы тотчасъ послѣ реставраціи 1814 года былъ возстановленъ орденъ іезуитовъ Піемъ VII, наслѣдники же Пія VII Левъ XII, Пій VIII, Григорій XVI и Пій IX подвинули значеніе ордена въ такой степени, „что благочестивые отцы Общества Іезуитовъ“ вмѣсто того, чтобъ находиться подъ управленіемъ папъ, сами управляютъ ими. „Философія,—говорили приверженцы римской куріи,—возстала противъ владыки, лишеннаго своей опоры только потому, что вмѣстѣ съ обществомъ Іисуса рухнулъ старинный оплотъ трона и алтаря. И если только поспѣшатъ воскреснуть изъ могилы этотъ орденъ, *который лучше всякаго другаго* умѣетъ приводить народы къ послушанію отъ Бога установленнымъ духовнымъ и свѣтскимъ властямъ, то можно надѣяться возвратить заблудшихъ на путь истинный, а вѣрныхъ предохранить отъ заразы.“

Какъ на средство къ этому, прежніе іезуиты указывали на умерщвленіе еретиковъ и по ихъ ученію было все равно какимъ бы способомъ ни совершить его: посредствомъ яда, или посредствомъ кинжала ([1]). Еретиками же называются „*всѣ тѣ, которые* хотя въ малѣйшихъ вещахъ *уклоняются отъ предписаній римско-католической религіи и отъ праваго, въ смыслѣ ея* ученія, пути“ ([2]). Другіе іезуиты учатъ тоже убіенію еретиковъ. Мало того, „благочестивый отецъ“ *Дикастиль* доходитъ въ этомъ отношеніи такъ далеко, что дозволяетъ „*сыновьямъ* умерщвленіе своихъ отцовъ, находящихся подъ церковнымъ отлученьемъ, когда эти послѣдніе вредны для общины и когда ихъ нельзя устранить какимъ нибудь другимъ способомъ.“ Равнымъ образомъ, по его ученію вовсе не вмѣняется сыновьямъ въ обязанность кормить своихъ невѣрныхъ и находящихся въ крайней нуждѣ отцовъ, когда вѣрѣ первыхъ угрожаетъ чрезъ то опасность ([3]). „Что касается сыновей и отцовъ, то, конечно, касается дочерей и матерей или дѣтей и родителей вообще и обратно.“

Точно также, по ученію *Эскобаро* „римско-католическіе сыновья имѣютъ право и должны отказывать своимъ родителямъ-еретикамъ во всякой пищѣ даже тогда, когда бы такой отказъ долженъ былъ сопровождаться смертью послѣднихъ....“ Наконецъ, дѣти должны обвинять родителей въ преступленіи ереси, хотя бы они знали, что подобное обвиненіе повлечетъ за собою смерть послѣднихъ на кострѣ ([4]).

Совершенно согласно съ этимъ ученіемъ еще недавно іезуиты въ Вѣнской газетѣ „Настоящее время“ защищали ужасное умерщвленіе губернатора въ Бургосѣ слѣдующимъ образомъ: „Католическій народъ въ Испаніи вмѣстѣ съ своими властителями изгнали изъ своей среды язычниковъ евреевъ и сектантовъ, посланцевъ

---

(1) Mariana: De rege et regis institutione. c. IV.

(2) Codex Theodes., XVI, 5 и 8.

(3) Ioannes de Dicastillo: De justitia et jure etc., lib. II, tract. 2, disp. 12. chap. I. Dub. VI, № 545. p. 680.

(4) Antonius Escobar: Theologia moralis, vol. IV, lib. 31, sect. 2 de praec. IV, probl. 5, p. 239, № 55—57.

ада и въ тѣ времена, когда существовало страшное *право огня* (слушайте, слушайте!), ограждая себя отъ ихъ громаднаго напора посредствомъ этого права, столь ужаснаго *для нашихъ нѣжныхъ торгашей гуманности*" (Слушайте!). — И названная іезуитская газета находитъ совершенно естественнымъ, чтобы католическая церковь защищала себя и даже *прогоняла силу силою* и затѣмъ заключаетъ слѣдующимъ вопросомъ: „Мы желаемъ знать не выскажется ли ближайшій соборъ формально и обязательно относительно этой статьи, еще не находящейся въ Силлабусѣ?"

Не значитъ ли это—нагло и безцеремонно вызывать религіозную войну? Да, іезуиты и ихъ слуги желаютъ устроить *европейскую варѳоломеевскую ночь*. Предъ началомъ войны въ 1866 году изъ устъ „ультрамонтановъ" южной Германіи раздавалось опасное увѣреніе, что нужно уничтожить послѣдствія тридцатилѣтней войны, посредствомъ которой предоставлено еретикамъ слишкомъ много правъ.

Въ Пфальцѣ пѣлась пѣсня такого содержанія:

Die Büchsen müssen knallen
Die Ketzer müssen fallen
In der Pfalz!
(Ружья должны стрѣлять
Еретики должны погибать
Въ Пфальцѣ!)

А въ среднефранкскомъ мѣстечкѣ Герриденѣ въ ночь воскресенья 24 іюня 1866 года со стороны фанатизированной папами толпы слышался зловѣщій крикъ: „*Долой протестантскихъ собакъ*! Кровь должна литься, они должны быть выгнаны изъ города, какъ евреи въ Вюрцбургѣ."

Въ другихъ мѣстахъ раздавались угрозы: *Теперь еретики должны обратиться, иначе имъ отрубятъ шеи*," — *или: вашими протестантскими головами слѣдовало бы вымостить улицы!*»

Два слова: *прусаки и протестанты* считаются синонимами и это есть даже положительно установленный фактъ, что іезуитскіе попы, тѣмъ которые представятъ *извѣстное число прусскихъ или протестантскихъ головъ*, обѣщали, что они

прямо, не будучи обязаны пройдти чрезъ чистилище, попадутъ въ рай.“

И такъ мы спрашиваемъ: что случилось бы, если бы этотъ фанатизмъ одержалъ побѣду?

„Если бы власть папы попала въ руки ултрамонтанской партіи, то не могло бы быть рѣчи о мирномъ совмѣстномъ существованіи и о созиданіи государства въ нѣмецкомъ смыслѣ; это слишкомъ хорошо доказываютъ опыты, произведенные до побѣды Пруссіи надъ Австріею, повсюду, въ особенности же въ южной Франконіи, гдѣ ревностные папы подстрекали народъ такимъ способомъ, который напоминалъ времена гугенотовъ во Франціи (1).“ Страшная же эпоха гугенотовъ уже была нами описана.

Да, если бы іезуиты въ 1866 году одержали верхъ, то дѣйствительно ихъ ученіе объ избіеніи еретиковъ принесло бы самые кровавые плоды. Однакожъ чего нѣтъ, то можетъ еще случиться, такъ какъ „благотестивые отцы“ общества Іисуса снова сдѣлались распорядителями престола Петра и епископскихъ каѳедръ.

За возстановленіемъ іезуитскаго ордена немедленно послѣдовало громадное *осужденіе библейскихъ обществъ*, изреченное въ папскихъ бреве отъ 29 іюня и 3 сентября 1816 г. къ архіепископамъ гнѣзненскому и могилевскому. Слѣдовательно въ одно время—что достойно замѣчанія—съ повелѣніемъ Александра I о переводѣ библіи на всѣ русскія нарѣчія.

Въ этихъ бреве библейскія общества были изображены какъ зараза, какъ безбожное ухищреніе новаторовъ, какъ хитрое изобрѣтеніе для поколебанія основъ самой религіи, какъ плевелы, посѣваемые дьяволомъ. Народы слѣдуетъ предостеречь, чтобы они не попали *въ западню, которая имъ приготовлена посредствомъ этихъ обществъ* (Слушайте!). И для общаго благоденствія весьма важно уничтожить подобныя попытки, которыя для погибели всесвятой религіи будутъ сдѣланы ея врагами. Переводы священнаго писанія производятъ *болѣе вреда чѣмъ пользы* и нельзя терпѣть ни одного изъ нихъ, который не одо-

---

(1) Срав. K. C. L. Maurer: Neuer Iesuitenspiegel, p. 100.

бренъ святымъ престоломъ и не снабженъ объясненіями отцовъ церкви.“

Разумѣется такъ! Потому что, пусть только народъ прочтетъ внимательно библію, онъ увидитъ, до какой степени папы уклонились отъ духа христіанскаго ученія. Іисусъ Христосъ говорилъ: „Лисицы имѣютъ норы, а птицы гнѣзда, *сынъ же человѣческій не имѣетъ гдѣ преклонить ему голову*“,— и увѣщевалъ своихъ учениковъ: „Не носите ни *золота*, ни *серебра*, ни *мѣди* въ поясахъ своихъ, но идите и *продайте что имѣете, чтобы отдать это бѣднымъ* (¹)“.

Напротивъ того папы, подобно языческимъ императорамъ, украшаютъ свое гордое тѣло златоткаными шелковыми одеждами, вѣнчаютъ свою надменную голову тройною діадемой, покрытою драгоцѣнными камнями и перлами, пируютъ среди своей, золотомъ обшитой свиты за лакомымъ столомъ, ѣздятъ шестерней въ золотыхъ каретахъ, и позволяютъ, по примѣру язычниковъ, цѣловать свою золотомъ вышитую туфлю.

Вслѣдъ за библейскими обществами папа Пій VII проклялъ франкмасоновъ и карбонаровъ, и напротивъ того возстановилъ „низвергнутыя революціей“ конгрегаціи инквизиціи и индекса (²), а равно уничтоженные монастыри мужскіе и женскіе. И какъ привольно разрастались эти язвы человѣческаго общества! Такъ, конгрегація индекса уже въ 1815 г. запретила всѣ книги политическаго содержанія, а конгрегація инквизиціи въ самое короткое время завела 737 процесовъ о еретикахъ, между тѣмъ какъ папскимъ декретомъ 1824 г. возстановлены были 622 монастыря.

Образа святыхъ опять начали ворочать глазами, испускать жалобные вопли и проливать слезы по поводу оказываемаго имъ пренебреженія. Тоже самое произошло при вступленіи французовъ въ Церковную Область, только эти „осквернители святыни“ не

(¹) Матѳея 8. 20; 10. 9; 19. 21.

(²) Index въ римско-католической церкви значитъ списокъ книгъ, запрещенныхъ (index prohibitorius) или подлежащихъ исключенію или измѣненію нѣкоторыхъ мѣстъ (index expurgatorius). Эти списки, съ выходящими отъ времени до времени прибавленіями, публикуются съ утвержденія папы (Примѣч. переводч.).

позволили себя дурачить, они раскрыли эти обманные снаряды и уничтожили ихъ.

Рядомъ съ нечестивыми конгрегаціями инквизиціи и индекса выступили на сцену, въ дополненіе къ нимъ, по крайней мѣрѣ столько же нечестивые конкордаты съ „послушными сынами церкви“,—сперва—съ Испаніей, потомъ съ Сардиніей, Неаполемъ, Франціей, Баваріей, Австріей, Россіей, Пруссіей, Ганноверомъ, съ остальными южно-германскими государствами и наконецъ съ южно-германскими республиками, отторгнувшимися отъ Испаніи. Къ 1827 году была уже вполнѣ соткана черная сѣть, посредствомъ которой латеранскій крестовый паукъ считалъ возможнымъ снова распространить тьму въ Европѣ и сдѣлать ее своею данницей.

Въ самой Церковной Области, гдѣ вслѣдствіе введенія французской конституціи заржавѣвшія привилегіи поповъ пали и міряне тоже получили доступъ ко всѣмъ должностямъ,—гдѣ кромѣ того порядокъ и безопасность были упрочены, а торговля и промышленность вмѣстѣ съ земледѣліемъ всячески поощрялись, вмѣстѣ съ несчастнымъ возстановленіемъ папства, послѣдовалъ немедленный поворотъ назадъ.

Всѣ капитулы и монастыри не только получили обратно отобранныя во время французскаго владычества для общественной пользы, и еще не отчужденныя имущества, но кромѣ того, были вознаграждены пятипроцентными государственными облигаціями за имущества, уже проданныя. Такимъ образомъ финансовое управленіе „не только лишилось значительнаго дохода, но и было ввергнуто въ отяготительные долги и запутано въ безконечныя финансовыя затрудненія.“ Затѣмъ французское законодательство и французская администрація были отмѣнены, духовенство и дворянство возстановлены во всѣхъ своихъ обветшавшихъ правахъ, особыя провинціальныя и муниципальныя учрежденія уничтожены. Все снова должно было утаптывать туже самую „единую, ведущую ко спасенію“ тропинку, народъ долженъ былъ нести всѣ повинности и налоги, а потомъ напротивъ того представлялось обладаніе всѣми сборами и доходами.

21 августа 1823 года Пій VII умеръ, чтобы передать свою

тройную одуряющую тіару еще болѣе нечестивымъ хозяевамъ государства и церкви.

Во первыхъ Левъ XII (1823—1829) выпустилъ въ свѣтъ два въ высшей степени характеристическія сочиненія. Одно принадлежавшее перу доминиканца *Филиппа Анфосси*, объявляло, что возвращеніе *духовенству недвижимыхъ имуществъ* необходимо для спасенія лицъ, пріобрѣтшихъ эти имущества безъ соизволенія святаго престола; другимъ, которое написалъ Кароло Феа, утверждалось „верховное господство непогрѣшимаго папскаго престола, надъ свѣтскими властителями не только въ дѣлахъ вѣры, но также и въ *свѣтскихъ дѣлахъ*.“ Затѣмъ и онъ съ своей стороны проклялъ библейскія общества въ 1824 г., а франкмасоновъ съ карбонарами въ 1826. Въ 1825 г. Левъ установилъ юбилей „для прославленія Бога за побѣду надъ революціей и соединилъ съ этимъ отпущеніе грѣховъ за молитвы объ *оскорбленіи еретичества*.“ Эти индульгенціи за первую половину послѣдовавшаго за юбилеемъ года 1826 были распространены на всѣ остальныя „слѣпопокорныя стада“ его папскаго святѣйшества. Тотъ же 1825 г. „принесъ изумленному міру причисленіе къ лику святыхъ испанскаго монаха—францисканца Юліана“, чудодѣйствіе котораго однажды дошло до того, что онъ снялъ съ вертела одну на половину изжаренную птичку, снова сдѣлалъ ее живою. Отчасти этимъ „чудомъ“ Левъ оправдывалъ канонизацію Юліана. Развѣ есть что нибудь невозможное для папы?

Подобными фокусами и другими дурными продѣлками Левъ сдѣлалъ себя „ненавистнымъ для всѣхъ; отъ князей до нищихъ никто не былъ къ нему расположенъ.“ Онъ умеръ 20 февраля 1829 года; за нимъ на „апостольскій“ престолъ взошелъ старый и болѣзненный Пій VIII, который въ ноябрѣ 1830 г. уже отошелъ къ праотцамъ. Однако же и онъ имѣлъ еще довольно времени для того, чтобы предать проклятію философію, библейскія общества и карбонаровъ, которые сильно озабочивали его поповское сердце.

Ему наслѣдовалъ смѣлый папа Григорій XVI (1831—1846). Еще не одинъ изъ папъ не относился такъ враждебно, какъ онъ

къ требованіямъ и нуждамъ новѣйшаго времени; ни одинъ изъ нихъ не одерживалъ такихъ побѣдъ посредствомъ своей послѣдовательной энергіи, которую онъ противупоставлялъ непослѣдовательности и апатіи свѣтскихъ властителей. Но въ тоже время внутренняя порча и гніеніе почвы, въ которой коренится папство, при этомъ вождѣ пропаганды достигли своего апогея ([1]).

Въ тотъ самый день, 2 февраля 1831 года, когда папа Григорій надѣлъ тіару на свою „непогрѣшимую“ голову, парижская іюльская революція дошла до Церковной Области и, ликуя, разразилась прежде всего возстаніемъ въ Болоньи. Къ нему присоединились и иностранные карбонары, въ томъ числѣ и кровавой памяти „декабрьскій императоръ“ Наполеонъ III.

Но этотъ бунтъ былъ усмиренъ австрійскими штыками и затѣмъ Григорій, по видимому уступая внушеніямъ посланниковъ всѣхъ дворовъ, обѣщалъ произвести судебныя и финансовыя реформы и допустить мірянъ къ участію въ управленіи. Но папскіе подданные объявили „даже искренно замышляемыя реформы въ муниципальномъ и провинціальномъ управленіи недостаточными“ и желали устранить корень всякаго зла и совершенно отдѣлить свѣтское управленіе отъ духовнаго; потому что „царство папы не отъ міра сего.“

Поэтому вслѣдъ за удаленіемъ австрійцевъ, 2 января 1832 г. начались въ провинціяхъ новые возстанія, которыя опять не могли быть усмирены безъ посторонней помощи, не смотря на самыя возмутительныя насилія папскихъ войскъ, состоявшихъ изъ такого же отвратительнаго сброда, какъ и знаменитые „солдаты ключа.“ Снова явились австрійцы и почти одновременно съ ними въ февралѣ 1832 высадилась въ *Анконѣ* французская эскадра. „Въ Церковной Области, во всей Италіи это занятіе Анконы возбудило самыя пламенныя надежды, такъ какъ правительство Луи-Филиппа еще сохранило свой ореолъ либерализма. Жители города Анконы выказывали такую безумную радость, что папа *отлучилъ ихъ отъ церкви*. Но французская эскадра явилась подобно

([1]) Nippold: Handbuch der neuesten Kirchengesch., p. 91.

тому какъ и въ 1849 г., не за тѣмъ чтобы провозгласить свободу Церковной Области Италіи, а къ сожалѣнію за тѣмъ, чтобы не допустить австрійцевъ однихъ заслужить позорный вѣнецъ реакціи. По усмиреніи безпокойствъ съ помощью австрійскихъ и французскихъ штыковъ, со стороны возстановленнаго папскаго правительства, разумѣется, не могло быть рѣчи ни о какихъ прежде обѣщанныхъ реформахъ.

Поэтому вслѣдъ за прекращеніемъ квартированія французско-австрійскихъ войскъ въ Анконѣ и Болоньѣ въ 1838 г. тамъ обнаружились новые безпорядки, обагрившіе кровью папскую область и запятнавшіе всякими ужасами престолъ Св. Петра. Въ 1843 и въ 1844 г. швейцарскіе полки и „грубыя банды папскихъ волонтеровъ“ должны были усмирять партизанскую войну, а въ 1845 подавлять возмущеніе въ *Римини*, сопряженное съ страшною рѣзней. Тюрьма, изгнаніе и казни, наконецъ, возстановили средневѣковый порядокъ въ Церковной Области.

„Но къ чему же вело то, что большая часть образованнаго римскаго юношества томилась въ тюрьмахъ или въ изгнаніи? Какой результатъ достигался тѣмъ, что постоянный абсолютный произволъ по видимому показывалъ, что нечего больше бояться? Какая польза была отъ того, что препятствовали сооруженію желѣзныхъ дорогъ, не допускали существованіе ученыхъ обществъ и отдали все образованіе въ руки іезуитовъ? Отъ этого нисколько не улучшились дѣла въ Церковной области. Въ теченіе пятнадцатилѣтняго правленія Григорія государстненный долгъ увеличился съ 20 на 40 миліоновъ скуди; нѣкоторые статьи доходовъ понадобилось заложить на нѣсколько лѣтъ впередъ, и все-таки остался годовой дефицитъ отъ 2 до 3 миліоновъ. Число же политическихъ арестантовъ возрасло наконецъ до 6000 человѣкъ (¹).

Еще съ большею близорукостью, чѣмъ во внутренней политикѣ, дѣйствовалъ *Григорій* относительно непреодолимыхъ требованій гуманности и цивилизаціи. Если его учебный эдиктъ отъ 12 сентября 1831 года переполненъ былъ умственною ограниченностію

(¹) Fr. Nippold. p. c. L 93.

и нетерпимостью, то его энциклика, изданная въ августѣ 1832 г., превосходила всякія произведенія подобнаго рода, сочиненныя его предшественниками; только энциклика Пія IX въ декабрѣ 1864 г. по своему грубому безстыдству отодвинула ее на второй планъ.

Въ этой то энцикликѣ Григорій „объявлялъ войну всѣмъ свободнымъ наукамъ и всякому либеральному возрѣнію какъ въ церковныхъ, такъ и въ политическихъ дѣлахъ.“

„Причина широко распространеннаго невѣрія и возмущеній противъ церковныхъ догматовъ,“ говорится тамъ, „есть *ложная наука*. Въ академіяхъ и гимназіяхъ раздаются новыя ужасающія ученія, посредствомъ которыхъ не только тайно и скрытно возстаютъ противъ католической религіи, но и прямо и явно стараются побороть ее въ безбожной борьбѣ. Нравственность юношей портится вслѣдствіе преподаванія и примѣра учителей, и происходитъ неслыханный упадокъ религіи и развращеніе нравовъ (Слушайте, слушайте!). Поэтому, для отстраненія отъ церкви всѣхъ подобныхъ нововведеній, слѣдуетъ рѣшительно поддерживать принципъ, что только *одному папѣ* принадлежитъ право произносить приговоръ относительно *ученія* и *управленія* всей церкви; и такъ епископы должны сомкнуться вокругъ римскаго престола и священники быть послушны епископамъ. Одобренная церковію дисциплина не должна подвергнуться осужденію, а тѣмъ паче находиться въ зависимости отъ правительственной власти. Говорить объ *обновленіи церкви* нелѣпо,—нападать на законъ о безбрачіи, и сомнѣваться въ нерасторжимости брачныхъ узъ—отвратительно. Въ особенности же слѣдуетъ ратовать противъ индиферентизма или заблужденія, *будто бы можно быть спасеннымъ во всякой вѣрѣ*; изъ него проистекаетъ то *помраченіе разума*, которое заставляетъ предполагать, что каждому человѣку слѣдуетъ предоставить *свободу совѣсти*. Этому пагубному заблужденію прокладываетъ путь непомѣрная *свобода мнѣній*, господствующая повсюду на погибель церкви и государства. Отсюда проистекаютъ измѣненія убѣжденій, испорченность юношества, презрѣніе къ религіи и ея законамъ въ народѣ, и погибель, грозящая всему общественному строю. Источникъ всѣхъ этихъ революціонныхъ движеній, ниспровергающихъ всѣ права

властей и приносящій народамъ рабство подъ видомъ свободы — суть прежде всего преступныя и безумныя тенденціи вальденцевъ, беггардовъ, виклефитовъ и другихъ подобныхъ сыновъ Веліала. И всѣ нынѣшніе нововводители напрягаютъ свои силы единственно ради того, чтобы вмѣстѣ съ Лютеромъ доказать, что они свободны отъ всякихъ законовъ; а для достиженія этого легчайшимъ и скорѣйшимъ способомъ, они не отступаютъ ни передъ какими постыдными дѣлами! „Со всѣмъ этимъ связана и та гнусная несказанно позорная *свобода печати*, вслѣдствіе которой легко распространяются самыя безсмысленныя и нелѣпыя ученія и заблужденія; и безумно утверждать, что дѣйствіе дурныхъ книгъ можетъ быть уничтожено отдѣльными противопоставленными имъ полемическими сочиненіями. Поэтому-то *римскій индексъ есть благодѣтельное учрежденіе* и—велико заблужденіе тѣхъ, которые отказываютъ церкви въ правѣ наложенія запрета на книги. Вслѣдствіе этого епископамъ предписывается энергически противиться всѣмъ нововведеніямъ, а *властителей* просятъ поддерживать первыхъ, такъ какъ спокойствіе государства зависитъ отъ благоденствія церкви; пресвятая Дѣва Марія, *которая одна только подавляетъ всякія еретическія стремленія*, благословитъ всѣ эти усилія."

Не дѣлая никакихъ дальнѣйшихъ коментаріевъ на это чудовищное произведеніе папской „непогрѣшимости", я только замѣчу, что въ 1837 г. происходило полнѣйшее отпущеніе всѣхъ грѣховъ, что 1839 годъ ознаменовался пятью удивительными канонизаціями, а 1844 — особенно строгимъ проклятіемъ всѣхъ библейскихъ обществъ, съ приказаніемъ вручать епископамъ экземпляры запрещенной книги. Далѣе были возобновлены прежнія предписанія на счетъ смѣшанныхъ браковъ, объявлено проклятіе всѣмъ независимо мыслящимъ теологамъ и начата борьба со всѣми правительствами, ограждавшими права государства. И дѣйствительно, римская курія вышла побѣдоносною изъ всѣхъ этихъ стремленій. „Въ то время какъ Церковная Область становилась все болѣе и болѣе революціонною, въ то время какъ все болѣе и болѣе подрывалась вѣра народныхъ массъ католическаго вѣроисповѣданія, курія продолжала свои препирательства

со свѣтскими властями и въ концѣ концовъ повсюду поставляла на своемъ."

Когда при громкихъ ликованіяхъ римлянъ умеръ Григорій XVI 1 іюня 1846 г. Мастаи *Ферретти*, имѣвшій всего 56 лѣтъ отъ роду, занялъ папскій престолъ 16 числа того же мѣсяца подъ именемъ Пія IX. Въ лицѣ его на престолѣ Св. Петра вступилъ человѣкъ, котораго личныя достоинства, благородная наружность до сихъ поръ производятъ пріятное впечатлѣніе на тѣхъ, кто къ нему приближается. Римскій народъ привѣтствовалъ съ безпримѣрнымъ энтузіазмомъ избраніе человѣколюбиваго, благонамѣреннаго, популярнаго кардинала. А что онъ, не смотря на все это, долженъ былъ избрать тотъ путъ, по которому пошелъ впослѣдствіи, яснѣе чѣмъ что либо другое показываетъ независящую отъ лицъ судьбу возстановленнаго папства относительно современнаго міра (¹).

Сперва появился декретъ объ амнистіи, вслѣдствіе котораго 6000 политическихъ преступниковъ были выпущены на свѣтъ Божій, и возвращены жизни и дорогихъ ихъ сердцу существамъ. Затѣмъ прежній личный составъ государственнаго совѣта реакціонно-оппозиціоннаго направленія былъ замѣненъ новымъ изъ болѣе молодыхъ членовъ, и люберальный кардиналъ Джпцци назначенъ государственнымъ секретаремъ. Затѣмъ въ промежуткѣ времени апрѣля до іюля 1847 послѣдовало введеніе новаго римскаго муниципальнаго устройства государственной consulta или палаты депутатовъ и учрежденіе guardia civica, т. е. гражданской стражи. Затѣмъ печать получила болѣе свободы, дано разрѣшеніе на постройку желѣзныхъ дорогъ и позволено свѣтскимъ лицамъ занимать государственныя должности, назначенъ налогъ на монастыри и объявлено декретомъ личное освидѣтельствованіе ихъ и богадѣленъ, также какъ и расцущеніе швейцарскихъ войскъ. Наконецъ Пій IX протестовалъ противъ занятія *Феррары* австрійцами и такимъ образомъ сдѣлался, въ полномъ смыслѣ слова, идоломъ всей Италіи. Римъ, весь илюминованный въ день

(¹) Nippold, l. c. p. 97.

годовщины восшествія его на престолъ 16 іюня 1847 г. походилъ на сплошное море свѣта и даже еще въ началѣ 1848 выраженіе восторга и трогательныя сцены никакъ не могли кончиться. Папу считали счастливымъ государемъ, „котораго главныя усилія должны клониться къ тому, чтобы умѣрить проявленіе любви своихъ подданныхъ,“—и даже Маццини писалъ въ сентябрѣ 1847 г. отъ имени молодой Италіи: „существуютъ на свѣтѣ или люди суевѣрные или лживые, но человѣчество не можетъ жить безъ вѣры и религіи. Но папа, кажется, хочетъ стать во главѣ новой религіи гуманизма. А его главная задача есть устройство единства Италіи.“

При этомъ Маццини, вѣроятно, забылъ, что этотъ самый папа, въ своей энцикликѣ отъ 9 ноября 1846 года жаловался, подобно своему предшественнику Григорію, на этотъ вѣкъ, „когда сильнѣйшая и ужаснѣйшая война противъ католической религіи возбуждается тѣми, которые, соединясь въ нечестивое товарищество, чуждаясь здраваго ученія и отклоняя слухъ свой отъ слова истины, заботятся только о томъ, чтобы *отыскать во мракѣ и вывесть на свѣтъ самыя чудовищныя мнѣнія* и затѣмъ распространять ихъ между народомъ. Это дѣлаютъ не только богоотступники и богохульники, но даже и тѣ, которые осмѣливаются объяснять слова Божія по собственному благоусмотрѣнію и собственному разуму, между тѣмъ какъ Господь Богъ самъ установилъ живую власть, разъясняющую настоящій смыслъ его небесныхъ откровеній и разрѣшающую всѣ споры относительно дѣлъ вѣры и нравственности своимъ *непогрѣшимымъ* „приговоромъ.“ Въ этой самой энцикликѣ снова предаются проклятію библейскія общества, извращенное преподаваніе философскихъ наукъ, ужасная система религіознаго индиферентизма, гнусныя нападки на „священное безбрачіе духовенства и противорѣчащія самому естественному праву комунистическія ученія.“ Далѣе Пій IX въ своемъ письмѣ къ архіепископу Кельнскому отъ 2 іюля 1847 предавалъ проклятію гермесіанство, также какъ это сдѣлалъ Григорій въ 1835. Наконецъ Пій въ объясненіи отъ 17 декабря 1847 торжественно отклонилъ отъ себя требованія Маццини, присовокупляя, „что ему никогда не

можетъ прійдти въ голову уменьшить *хотя въ самой незначительной степени* значеніе святаго престола и всѣхъ относящихся къ нему постановленій, или *допускать какія нибудь преданія, кромѣ церковныхъ.*" При этомъ онъ выразилъ свое великое горе по поводу того, что многочисленные враги католической истины дерзаютъ сопостовлять или смѣшивать съ ученіемъ христовымъ самыя дикія мнѣнія и распространять безбожную систему индиферентизма; и что нѣкоторые люди *нанесли ему позорное оскорбленіе,* дѣлая его какъ бы участникомъ своего безумія, тѣмъ, что изъ нѣкоторыхъ распоряженій, не содержавшихъ себѣ рѣшительно ничего противнаго религіи и клонившагося къ увеличенію гражданскаго благосостоянія Церковной Области, а равно изъ амнистіи, провозглашенной въ началѣ его правленія, они вздумали выводить заключеніе, будто онъ имѣетъ такія благія намѣренія относительно всего рода человѣческаго, что онъ думаетъ *будто возможно спастись внѣ католической церкви.* Этимъ ему нанесено столь тяжкое оскорбленіе, что онъ даже не въ состояніи выразить словами до какой степени онъ гнушается взводимаго на него позора."

Въ этомъ съ такою поразительною ясностью выражается умственная ограниченность Пія IX, что затѣмъ ничего не остается желать. „Непогрѣшимый" папа хотѣлъ оставаться церковнымъ пашою и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлаться политическимъ реформаторомъ. Онъ не понималъ, что полная гражданская свобода заключаетъ въ себѣ и свободу совѣсти, и что только при полной свободѣ совѣсти можетъ существовать гражданская свобода въ полномъ смыслѣ этого слова. А полная свобода совѣсти существуетъ только тогда, когда человѣкъ можетъ исповѣдывать свою религію по предписаніямъ своей совѣсти, безъ ограниченія черезъ это своихъ государственныхъ и гражданскихъ правъ. Пока существуетъ папскій деспотизмъ съ своею „единою ведущею ко спасенію" вѣрою, дѣйствительная гражданская свобода, никогда не сопровождаемая полнѣйшею свободою совѣсти, никогда не осчастливитъ земные народы.

Поэтому, въ интересѣ какъ гражданской свободы, такъ и го-

сударственнаго благосостоянія, латеранскій паукъ, съ пятаго столѣтія называющійся папой, долженъ въ наискорѣйшемъ времени перестать быть духовнымъ и свѣтскимъ пашою.

Да, подобно тому какъ когда-то вслѣдствіе вестфальскаго мира и французской революціи были сметены съ лица земли миніатюрныя церковныя государства епископовъ и абатовъ, такъ и поповскій гигантскій деспотизмъ вмѣстѣ съ тіарою и, такъ называемымъ, „престоломъ св. Петра“ рухнетъ при восторженныхъ кликахъ народовъ. Когда послѣдняя монашеская ряса, и послѣдняя іезуитская мантія превратятся въ рубище бѣдности и въ изголовье нищеты, тогда „адъ и адскіе ужасы перестанутъ въ припадкахъ нетерпимости, ненависти и междоусобій разбирать и опустошать плодоноснѣйшія страны земли.“ Народы, сдѣлавшись дѣйствительно свободными, вскорѣ пріобрѣтутъ утѣшительное убѣжденіе, что истинныя радости жизни заключаются не въ блаженномъ тунеядствѣ, а именно въ живомъ трудѣ при дружественныхъ отношеніяхъ, и что *честный гражданинъ нашей земли, какой бы вѣры онъ ни былъ*, можетъ беззаботно заснуть, переходя въ тотъ міръ, откуда не возвратился еще ни одинъ изъ умершихъ, чтобы сообщить намъ объ немъ вѣрныя свѣдѣнія.

* * *

„Папа могъ, посредствомъ своихъ реформъ, поджигать революціонное пламя, которое грозило поглотить всю среднюю Европу, но затушить пожаръ онъ былъ не въ состояніи.“ Тотчасъ же съ наступленіемъ 1848 года снова началось броженіе старыхъ идей объ итальянской національности, въ особенности же въ Ломбардіи и Неаполѣ, и когда, наконецъ, въ этотъ „пороховой бочонокъ, въ раскупориваніи котораго обвиняли самого папу,“ упалъ зажигательный фитиль парижской февральской революціи, то поднялся также и Римъ, и 14 марта 1848 года была обнародована римская конституція съ реформированнымъ министерствомъ, въ которомъ находилось только два члена изъ духовныхъ лицъ. Далѣе къ кардинальской колегіи были присоединены, въ качествѣ сената, двѣ палаты съ правомъ установленія податей и изданія

законовъ. Но сильнѣйшее ожесточеніе народа относилось главнымъ образомъ къ *іезуитамъ*, которые и должны были уже въ мартѣ мѣсяцѣ покинуть Римъ и Церковную Область.

Папа хотѣлъ водворить спокойствіе, но революція требовала участія Церковной Области въ войнѣ съ Австріей и главнокомандующій войсками Церковной Области немедленно, даже безъ позволенія короля-папы, перешелъ черезъ рѣку По.

Тогда тотъ же самый Пій IX, который прославлялъ кровавую рѣзню при Ментанѣ хвалебнымъ гимномъ „Te Deum laudamus,“ въ заявленіи отъ 29 апрѣля поднялъ торжественный протестъ, объясняя, что для него, какъ преемника апостола Петра, долженствующаго съ любовію относиться ко всѣмъ народамъ, *каждая война „есть дѣло чудовищное,“* и объявилъ, что мысль будто его хотятъ поставить во главѣ итальянской республики положительно возбуждаетъ въ немъ отвращеніе. На это холодное заявленіе пламенные „подданные“ отвѣтили низверженіемъ министерства *Мамiани* и убіеніемъ новаго министра-президента графа *Росси*. Затѣмъ они стали требовать министерства демократическаго, далѣе—признанія итальянской національности, продолженія войны съ Австріей и созванія учредительнаго собранія. Сначала заупрямившись, Пій наконецъ согласился на всѣ требованія, когда пули революціонеровъ стали съ непочтительною назойливостью врываться въ самый его кабинетъ. Большинство кардиналовъ „испарилось,“ и „король-папа“ въ знаменитую ночь съ 24 на 25 ноября бѣжалъ въ Гаэту, при помощи баварскаго посланника графа Шпауера и въ его каретѣ. Изъ Гаэты онъ объявилъ новое министерство навязаннымъ ему незаконно и постановленія этого министерства, какъ не получившаго легальной санкціи, не имѣющими никакого значенія. Римъ преспокойно отвѣтилъ образованіемъ временной хунты и тріумвиратомъ *Корсини-Камерата-Галетти*, который тотчасъ же созвалъ учредительную палату.

Это созваніе такъ называемаго національнаго собранія Пій IX 1 января 1849 г. объявилъ *ужаснымъ святотатственнымъ преступленіемъ*, заслуживающимъ того наказанія, которымъ угрожаютъ ему божескіе и человѣческіе законы. По по-

ложеніямъ Тридентскаго собора слѣдуетъ налагать самое тяжкое проклятіе на всѣхъ тѣхъ, которые какимъ бы то ни было образомъ противодѣйствуютъ *свѣтской власти папы.* Его нравственная обязанность—сохранять и защищать вотчинныя права Христовой Невѣсты, но онъ при этомъ не думаетъ забывать, что онъ намѣстникъ того, который равно справедливъ и милосердъ (это на себѣ испытали Монти и Тоньетти). Потому онъ денно и нощно молится о спасеніи заблудшихъ и надѣется, что они вскорѣ возвратятся въ лоно церкви.

Не смотря на эту „сострадательную“ анаѳему, учредительная палата, открытая 5 февраля 1849 года, торжественно провозгласила уже 9 числа ***низложеніе папы какъ свѣтскаго правителя***, а папскую область объявила республикой. 18 февраля она завладѣла всѣми выморочными имѣніями, какъ національною собственностью, и приэтомъ сдѣлала энергическое заявленіе, „что слѣдуетъ вырвать съ корнемъ всякій остатокъ клерикальной системы, для того, чтобы поддержать самую религію и, такимъ образомъ, представить лучшее доказательство чистоты и святости республиканскаго дѣла.

Побѣда ***Радецкаго*** при Новарѣ уничтожила патріотическія надежды „молодой Италіи,“ не смотря на это, римское конституціонное правленіе назначило диктаторскій тріумвиратъ и во главѣ его—***Мацини.*** Пій IX снова протестовалъ и умолялъ о посредничествѣ католическихъ государей. Французская республика, подъ президентствомъ Наполеона, бывшаго „***Карбонарія***“ или „угольщика,“ отозвалась на папскіе вопли о помощи и принялась немилосердно разрушать римскую „республику-сестру“ свою. Но благодаря геройскому сопротивленію Гарибальди, это уничтоженіе стало грустнымъ, совершившимся фактомъ только въ іюнѣ 1849 г. И Пій IX, сидя въ Гаэтѣ, снова обѣщалъ 12 сентября финансовыя и правительственныя реформы и 18 числа того же мѣсяца обнародовалъ ту знаменитую амнистію, которая заключала болѣе исключеній, чѣмъ общихъ правилъ. Наконецъ въ апрѣлѣ 1850 г. онъ самъ, вмѣстѣ съ своею „легкою іезуитскою кавалеріей,“ подъ прикрытіемъ блестѣвшихъ вокругъ него французскихъ штыковъ,

возвратился къ своимъ обезкураженнымъ и холодно молчаливымъ римлянамъ.

* * *

Въ цѣлой средней Европѣ либеральныя возмущенія 1848 года были подавлены повсюду, также какъ и въ Римѣ, и напуганныя реакціонныя правительства, убѣжденныя „въ солидарности *консервативныхъ* интересовъ,“ удвоили свои прежнія любезности относительно римской куріи, какъ *„самой старшей изъ консервативныхъ властей,“* и іезуитства, какъ самаго „надежнаго оплота троновъ,“ между тѣмъ какъ въ то же время въ Россіи въ 1820 г. этотъ орденъ былъ изгнанъ изъ цѣлаго государства на вѣчныя времена за его политическія интриги, пропаганду, вредное вмѣшательство въ семейную жизнь знатныхъ домовъ и грубо-чувственную эксплуатацію слабостей женскаго пола, а Штейцъ энергически объявилъ, что всякая поддержка и ободреніе принциповъ и дѣятельности іезуитскаго ордена *не только не есть актъ справедливости, а даже измѣна* нашему собственному прошедшему и будущему и нравственная распущенность.

Даже „набожные“ протестанты, въ особенности же тѣ, которые придерживались политическаго піэтизма „Крестовой Газеты“ или принадлежали къ Лео-Гизо-Менцелевскому оттѣнку, придерживали полы мантіи римскихъ духовно-государственныхъ людей. Такимъ образомъ буллы отъ 29 сентября 1850 и 4 марта 1853 возстановили *іерархію* даже въ Англіи и Голландіи, между тѣмъ какъ верхне-рейнскій церковный споръ въ 1854 году сдѣлалъ возможнымъ установленіе господства церкви надъ государствомъ со всѣми его послѣдствіями. Конкордатомъ отъ 18 августа 1855 г. Австрія также съ вѣрноподданническимъ послушаніемъ снова повергла къ стопамъ короля папы послѣдніе остатки іозефинизма, а затѣмъ подпали владычеству римской туфли Виртембергъ, Баденъ, Гессенъ-Дармштатъ и Нассау. Высоко воздымавшіяся волны революціи, извѣстныя народныя собранія и общества были направлены въ лоно католическихъ братствъ; установленіе цѣлаго ряда нѣмецко-католическихъ союзовъ было нис-

проверженіемъ революціоннаго времени. Рука объ руку съ офиціальными обществами шли тайныя конгрегаціи и братства, а вслѣдъ за тѣми и другими появлялись *іезуитскія мисіонерства.* А что всѣ эти отдѣльныя, по видимому разрозненныя силы не расходились въ разныя стороны, а преслѣдовали одну общую цѣль—не только превратить церковь въ государство среди государствъ, но и подчинить ей всю умственную жизнь народовъ въ школѣ, бракѣ и печати—то это достигалось посредствомъ крѣпкосплоченнаго могущества епископальной власти, которая, относясь къ демократіи съ возможною осторожностью, съ первой минуты стремилась къ тому, чтобы эксплуатировать въ свою пользу всѣ результаты революціи (1).

Да, мы видимъ какъ въ пятидесятыхъ годахъ повсюду, частію изъ страха революціи, частію вслѣдствіе промаховъ этой самой революціи, „неисправимое“ духовенство пересиливаетъ государство такъ что, по видимому, снова возвратилось средневѣковое могущество папы, царившее превыше всякихъ человѣческихъ законовъ.

При этихъ счастливыхъ результатахъ для господства духовенства „Пій IX,“ говоритъ Газе, вѣроятно не предчувствовалъ во всей его горечи того трагизма своей судьбы, который ему готовился. Онъ позволялъ свѣтскимъ дѣламъ принимать то направленіе, которое казалось лучшимъ его премудрому министру съ красивой физіономіей, кардиналу *Антонелли*, происходившему изъ старой разбойничьей семьи, и снова обратился къ религіознымъ интересамъ, наполнявшимъ его сердце въ прежнее время. Онъ чувствовалъ себя священною главою церкви, во владѣніяхъ которой никогда не заходитъ солнце; онъ заключилъ конкордаты, обѣщавшіе возобновить господство каноническаго права для противупостановленія его всякому развитію преобразившагося и обновленнаго міра, и имѣлъ увѣренность, что онъ находится подъ особеннымъ покровительствомъ Божіей Матери (2).

---

(1) Fr. Nippold, 1 c. S. 101. Ср. также Knie: Die katholische Hierarchie etc. Halle 1852; und Steitz in Herzog's Realencyklopädie, VI, p. 561, Artikel „Iesuitenorden.“

(2) Hase: Handbuch der protest. Polemik. p. 198.

*

Надѣясь на это особенное покровительство св. Дѣвы, католическое духовенство рѣшилось даже на похищеніе еврейскаго мальчика *Мортары* въ Болоньѣ и въ іюлѣ 1858 отстаивало это похищеніе противъ всевозможныхъ протестовъ увѣреніемъ, что этотъ мальчикъ еще два года тому назадъ былъ окрещенъ своею отнянькой христіанкой. Еще болѣе: Пій IX имѣлъ смѣлость и отвагу объявить *себя лично непогрѣшимымъ*. Это актъ — исключительно принадлежащій правленію Пія IX, небывалый при предыдущихъ правленіяхъ. Пій IX, хотя и не разрѣшилъ теоретически вопроса о *непогрѣшимости папы* посредствомъ акта 8-го декабря 1854 года, но на практикѣ вполнѣ воспользовался имъ (1).

Пій IX послѣ возвращенія своего изъ Гаэты сдѣлался всепокорнѣйшимъ слугою іезуитовъ и поэтому будетъ энергически добиваться того, чтобы сказать обо всей римско-католической церкви то, что „святые отцы общества Іисуса“ уже въ 17 столѣтіи самодовольно объявляли относительно своего ордена:

„Члены общества Іисуса“ — говорили они — хотя и разсѣяны по всѣмъ концамъ земли и раздѣлены на столько народовъ и государствъ, сколько есть на землѣ странъ большихъ и малыхъ: но это различія только мѣстныя, а не нравственныя, только разнородность языковъ, а не мыслей, разница въ цвѣтѣ кожи, а не въ нравахъ. Въ этой семьѣ римлянинъ чувствуетъ и думаетъ такъ же какъ и грекъ; португалецъ какъ бразиліецъ, ирландецъ какъ сорматъ, испанецъ какъ французъ, британецъ какъ бельгіецъ, и во всѣхъ этихъ различныхъ головахъ нѣтъ мѣста никакому противорѣчію, раздору, — однимъ словомъ — ничему такому, изъ чего можно было бы заключить о многочисленности членовъ... *Мѣсто ихъ рожденія не имѣетъ для нихъ никакого интереса...* Одни и тѣ же намѣренія, одинъ и тотъ же планъ жизни связываютъ ихъ во едино... *Такимъ образомъ громадная тяжесть цѣлаго общества по знаку одного человѣка катится взадъ и впередъ*“ (2).

---

(1) Der Papst und die Modernen Ideen, Heft 3, p. 12.
(2) Imago primi saeculi S. J. a Prov. Flandro-Belg. ejusdem Societatis

Этотъ-то единый человѣкъ по мнѣнію и образцу іезуитовъ долженъ быть для всего католическаго міра — *папа;* здѣсь-то скрывается зародышъ „непогрѣшимости,“ которую Пій IX не высказывалъ открыто, но практически примѣнилъ къ дѣлу 8 декабря 1854 г. Римскому епископу, папѣ и рабу іезуитовъ снова должны были вполнѣ подчиниться властители, правительства и народы, и римско-католическая религія со всѣми ея правами, которыми она пользуется вслѣдствіе своего божественнаго происхожденія и по предписаніямъ священныхъ каноновъ, *должна господствовать одна по примѣру прежнихъ временъ, съ тѣмъ, чтобъ было устранено и запрещено всякое другое исповѣданіе,* и чтобы метода ученія и преподаванія во всѣхъ университетахъ, семинаріяхъ и частныхъ школахъ согласовалась съ ученіемъ римско-католической религіи (1); при этомъ всѣ прочія знанія, обыкновенно преподаваемыя юношеству, должны быть терпимы *только какъ добавочныя науки;* въ особенности слѣдуетъ преслѣдовать превратныя ученія главнымъ образомъ въ философскихъ системахъ, которыя пагубнымъ образомъ портятъ неопытное юношество, поднося ему драконову желчь въ сосудахъ вавилонскихъ. Отсюда происходитъ воззваніе къ епископамъ, именуемымъ „солью земли“ и пастырями Господа, которымъ предписывается наблюдать и заботиться, чтобы и въ преподаваніе высшихъ наукъ не вкралось ничего противнаго вѣрѣ, религіи и добрымъ нравамъ (слушайте!) римско-католической церкви (2). Вмѣстѣ съ тѣмъ 26 марта 1860 года было произнесено отлученіе отъ церкви надъ всѣми тѣми, на которыхъ подано обвиненіе въ революціи, набѣгѣ, узурпаціи и т. д.; всѣ зачинщики, пособники, совѣтники, приверженцы и всѣ тѣ, которые облегчали приведеніе въ дѣйствіе этихъ насилій

---

repraesenta. Antwerpiae 1640. Cum facultate excudendi et publicaudi librum concessa a Ioanne de Tollenare provinciali S. J. per Flandro Belg.. potestate ipsi ad hoc facta a Mutio Vicellesco Generali, cum tres S. J. theologi relegerint et edi posse censuerint. Prolegomena, p. 23.

(1) Ansprache an die Cardinële von 5 Sept 1851.

(2) S. Ansprache von 9 Juni 1862 u Anbrittcs—Encyklika von 9 November 1846.

или производиля ихъ сами; наконецъ всѣ тѣ, которые, будучи сынами церкви, достигли той точки безстыдства, что безпрестанно увѣряютъ о своей преданности и почтительности къ церкви, въ то самое время какъ нападаютъ на ея свѣтское могущество и подрываютъ ея авторитетъ!“

Развѣ это не іезуитская тирада? Вѣдь у іезуитскаго ордена съ самаго начала его дѣятельности не было иной задачи, какъ *расширить почву католицизма, за черту его предѣловъ подчинить государство церкви и склонивъ современное образованіе подъ иго средневѣковаго суевѣрія окончательно уничтожить его* (¹) или другими словами, *уничтоженіе протестантства*, подавленіе всѣхъ протестантскихъ принциповъ и идей, которые будучи діаметрально противоположны ультрамонтанизму и іезуитству, начали со времени реформаціи просвѣщать христіанскій міръ; подавленіе всякаго свободнаго, не зависящаго отъ Рима развитія на почвѣ государства, церкви, науки и образованія,—*однимъ словомъ всей современной цивилизаціи* (2).

Тотъ же самый духъ религіозной нетерпимости выражается во всѣхъ возваніяхъ и окружныхъ посланіяхъ Пія IX, а главнымъ образомъ въ знаменитой энцикликѣ отъ 8 декабря 1864 г., которая, какъ извѣстно, преслѣдуетъ всякій умственный прогресъ въ области духовной и политической, какъ „достойное проклятія заблужденіе и требуетъ возстановленія всѣхъ принадлежащихъ церкви правъ надъ государями и народами.“ Между тѣмъ какъ папа, по своему произволу, можетъ требовать къ своему разсмотрѣнью всѣ свѣтскія дѣла, государи и всякія правительства ни подъ какимъ видомъ не смѣютъ вмѣшиваться въ дѣла религіозныя,—и въ то время какъ католическая церковь одна можетъ имѣть право офиціальнаго отправленія богослуженія, *„всякое другое вѣроисповѣданіе должно быть подавляемо и ересь должна быть наказываема какъ*

(¹) Herzog. Real—Encyklopädie, Art. „Jesuitenorden,“ p. 561.
(²) Maurer l. c. p. 3.

преступленіе.“ А подъ именемъ еретиковъ слѣдуетъ—какъ уже говорено прежде—подразумѣвать всѣхъ тѣхъ, которые хотя въ самыхъ мелочныхъ видахъ отклоняются отъ мнѣній *римско-католической* религіи и отъ праваго пути въ ея смыслѣ (1).

Что же касается до наказанія ереси, то мы вѣдь уже довольно знаемъ въ какой страшной и ужасающей степени оно было примѣняемо къ дѣлу папами и іезуитами. Оно примѣнялось бы еще и теперь, если бы грубыя желанія іезуитскаго поповства имѣли необходимыя для этого боевыя силы.

Въ подтвержденіе этого я считаю долгомъ напомнить о безпокойствахъ въ Польшѣ и Бельгіи, о кровопролитіяхъ въ Торнѣ и о пожарахъ и рѣзнѣ, посредствомъ которыхъ какой нибудь *Мелакъ* хотѣлъ не на шутку обратить въ пустыню еретическій Пфальцъ. Какъ тамъ, такъ и здѣсь іезуиты или сами были предводителями при совершеніи насилій, или же будучи нравственными зачинщиками и неутомимыми двигателями фанатизма, оставались за кулисами, стараясь только объ укрѣпленіи римскаго притона и о подчиненіи всѣхъ странъ и государствъ своему могуществу и вліянію. Для достиженія этой цѣли они употребляли самыя непозволительныя средства, натравляли правителей одного на другаго; повсюду возбуждали волненіе и возстаніе въ особенности же тамъ, гдѣ сословія принадлежатъ *къ различнымъ вѣроисповѣданіямъ.* Они возбуждали подданныхъ противъ властей и власти противъ подданныхъ; подсылали всякихъ убійцъ къ королямъ и помазанникамъ Божіимъ, которые не хотѣли слѣдовать ихъ злымъ совѣтамъ; вооружали друзей одного противъ другаго; посредствомъ исповѣди, узнавая всевозможныя тайны, овладѣвали совѣстью всѣхъ людей; по примѣру тампліеровъ захватывали въ свои руки значительныя имущества, имѣли притязанія повсюду давать направленіе политическимъ дѣламъ и во что бы то ни стало повсемѣстно проводить идею—что относительно лицъ, не принадлежащихъ къ католической религіи, нисколько не обязательно быть вѣрнымъ и честнымъ. Со всѣми практическими

---

(1) Codex Thesdos XVI 5 и 28.

примѣненіями этихъ доктринъ ознакомились въ особенности Франція, Англія, Венгрія, Венеція, Голландія, и также хорошимъ примѣромъ въ этомъ отношеніи можетъ служить наше королевство Богемія. „Всѣмъ этимъ оправдывались богемскія сословія еще въ іюнѣ 1618 г. передъ императоромъ *Матвѣемъ*, послѣ того какъ они выбросили изъ оконъ пражской ратуши императорскихъ штатгалтеровъ *Мартиница* и *Славату* и изгнали іезуитовъ изъ цѣлой Богеміи,—и я вполнѣ соглашаюсь съ достойными богемцами (¹).

Вѣдь іезуиты учатъ, что *ложь, воровство* и *убійство позволительно, если они дѣлаются съ благимъ намѣреніемъ, т. е. для преуспѣянія римско-церковнаго могущества* (²). Посредствомъ этого ученія „святые отцы общества Іисуса" выказываютъ себя самыми закоренѣлыми врагами всякаго порядка, основаніемъ которому служитъ свобода и справедливость. Честность въ дѣйствіяхъ и поступкахъ вмѣстѣ съ неприкосновенностью собственности и личности, которую они отрицаютъ, словомъ и дѣломъ, должны составлять неприкосновенныя основы каждаго общественнаго союса, необходимыя для преуспѣнія общественнаго блага. Поэтому каждое правдивое правительство и каждое честное гражданское общество должно вмѣнить себѣ въ обязанность, въ интересахъ свободнаго и мирнаго развитія общественной жизни, немедленно препроводить за границу своей територіи всѣхъ іезуитовъ вмѣстѣ съ различными примыкающими къ нимъ конгрегаціями.

Какъ тѣсно связанъ напр. съ іезуитами орденъ „святой" *Урсулы*, такъ называемыхъ сестеръ-учительницъ, явствуетъ изъ правилъ и предписаній этого ордена, изданныхъ съ согласія его святѣйшества въ Фрейбургѣ, въ 1838 году; тамъ находятся слѣдующія статьи: „Сестры должны совершать всѣ религіозныя упраж-

---

(¹) Ср. Maurer l. c. p. 4.

(²) „Cum bona intentione" обыкновенно говорится въ іезуитскихъ сочиненіяхъ. Неопровержимыя доказательства этому будутъ приведены въ моемъ сочиненіи объ ученіи іезуитовъ, которое въ скоромъ времени появится въ свѣтъ.

ненія въ церкви іезуитовъ, которыхъ онѣ обязаны выбирать въ руководители своей совѣсти повсюду, гдѣ онѣ только найдутъ ихъ... *Онѣ должны подавлять въ себѣ всякія чувства къ кровнымъ роднымъ и всѣмъ тѣмъ, которыхъ обязаны любить по закону природы...* Настоятельница будетъ совѣтоваться съ почтенными отцами іезуитами въ случаяхъ особенной важности. Начальница школы должна строжайшимъ образомъ предписать сестрамъ *избѣгать науки, дѣлающей людей заносчивыми,* и сообщать ученикамъ только необходимыя свѣденія, согласуясь съ планомъ преподаванія. Ей слѣдуетъ заботиться о томъ, чтобы въ этомъ отношеніи не было дѣлаемо никакихъ нововведеній, а о людяхъ, стремящихся къ новизнѣ, доносить ордену (1).

Этимъ опаснымъ для государства духомъ и направленіемъ пропитаны и конгрегаціи „распространенія вѣры,“ „защиты религіи“, „защиты святыхъ мистерій и святыхъ таинствъ,“ также какъ и *общества* „святыхъ сердецъ Іисуса и Маріи,“ „святыхъ четокъ“, „святаго гроба“ и т. д. Во главѣ самыхъ аристократическихъ и важныхъ изъ нихъ стояли такіе мужи, какъ напр. во Франціи графъ *Артуа* и герцогиня *Ангулемская.* Высшая и средняя буржуазія, ремесленники, прислуга, солдаты и даже дѣти тоже имѣли свои собственныя корпораціи. Такимъ то образомъ постепенно очутились почти всѣ „дворы“ въ рукахъ „святыхъ отцовъ,“ а вмѣстѣ съ тѣмъ жители деревень подпали игу іезуитовъ, вслѣдствіе того, что римская курія весьма ловко отдала главнѣйшія епископскія каѳедры Франціи и Германіи въ руки воспитанниковъ и покровителей іезуитовъ.

Но, какъ уже говорено выше, іезуитамъ, считавшимся „опорою троновъ“, покровительствовали не только въ католическихъ, но и въ протестантскихъ странахъ. Такимъ образомъ съ 1848 года и въ Пруссіи были уничтожены прежнія преграды относительно этого ордена, и его колоніи, мисіонерскія странствованія и корпораціи Дѣвы Маріи нашли явныхъ защитниковъ, даже въ гим-

---

(1) Mauer, l. c. p. 7.

назіяхъ. Стоитъ только вспомнить извѣстныя рѣчи въ прусскихъ палатахъ послѣ 1849 года, народный листокъ Лео, извѣстныя статьи въ „Крестовой Газетѣ", и т. д. Результатомъ этого было то, что не только рейнскія провинціи и Вестфалія остались театромъ дѣйствій іезуитскаго коварства, но и Берлинъ, Галле и Ганноверъ были осчастливлены іезуитскими миссіями, и въ непродолжительномъ времени папскому нунцію предстоитъ торжественный въѣздъ въ „метрополіи интелигенціи". И здѣсь іезуитовъ охотно слушаютъ люди, принадлежащіе къ аристократіи, между тѣмъ какъ сельское населеніе, въ особенности въ мѣстностяхъ болѣе изолированныхъ, іезуиты водятъ на римскихъ помочахъ, посредствомъ безчисленныхъ мелкихъ газетъ. По этому, вслѣдствіе ежегодно увеличивающагося числа іезуитскихъ воспитательныхъ заведеній, вліяніе іезуитовъ на подрастающее поколѣніе все болѣе и болѣе усиливается. Правда, въ 1859 г., стремящееся впередъ италіянское королевство изгнало „благочестивыхъ отцовъ" не изъ одного укрѣпленія, казавшагося неприступнымъ, а недавно и Испанія дала имъ волчій паспортъ. Но за то „обратившіеся въ бѣгство отцы" были навязаны добродушнымъ австрійцамъ,—и такимъ образомъ вліяніе іезуитовъ все еще „является силой притязанія, которой нельзя достаточно измѣрить." Не далѣе какъ весною 1866 года, они одержали ряды побѣдъ болѣе значительныхъ, чѣмъ во всѣ предшествовавшіе годы. „Папа въ Римѣ, по случаю юбилея ихъ газеты „Civiltà cattolica", официіальнымъ образомъ передалъ имъ „главное управленіе по дѣламъ печати." Въ Майнцѣ епископъ Кеттелеръ воспользовался журнальною уткой одного радикальнаго листка, для открытой защиты всей дѣятельности ордена, противъ „клеветъ исторіи". Въ Мюнхенѣ, по проискамъ тамошняго архіепископа отцы-іезуиты получили позволеніе, въ которомъ имъ прежде постоянно отказывали—говорить великопостныя проповѣди, которыя, разумѣется, были расчитаны на мѣстное населеніе такъ же умно, какъ и проповѣди въ сѣверной Германіи. Между тѣмъ повсемѣстно въ одно и тоже время огромное большинство епископовъ и духовенства болѣе чѣмъ когда либо проводятъ утождествленіе *іезуитизма и католицизма.*

Орденъ іезуитовъ насчитываетъ въ своей средѣ уже 8000 чле-

новъ и постоянно процвѣтаетъ до такой степени, что число его послѣдователей ежедневно возрастаетъ. Къ тому присоединяется еще безчисленное множество „іезуитовъ во фракахъ и мундирахъ", вмѣстѣ со всѣми явными и тайными покровителями іезуитизма во всѣхъ слояхъ государственной іерархіи. „Ничѣмъ лучше нельзя подготовить почву для возрастающей силы ордена, какъ нежеланіемъ признать какое могущество заключается въ немъ, какъ въ корпораціи, если многія тысячи образованныхъ и отчасти ученыхъ людей, соединенныхъ въ видѣ пасивныхъ орудій для одной общей цѣли, съ помощью денежныхъ средствъ, покровительства сверху, умно расчитаннаго вліянія на массы, безпримѣрной ловкости въ употребленіи въ свою пользу всѣхъ возможныхъ отношеній, ведутъ ежедневную и ежечасную войну противъ всей новой основанной на протестантизмѣ культуры [1].

Правда, *Баденъ* уничтоженіемъ конкордата подалъ хорошій примѣръ другимъ правительствамъ и Австрія подобнымъ же образомъ съ 1866 года смѣло вступила на путь реформъ, — но если только мы вспомнимъ, что этотъ же самый *Францъ Іосифъ*, въ 1859 году, вопреки сильному протесту, поднявшемуся въ Вѣнѣ, Прагѣ, Зальцбургѣ и Тріестѣ позволилъ іезуитамъ водвориться въ имперіи и допустилъ ихъ къ должностямъ, и терпѣлъ ихъ до настоящаго времени, — если далѣе мы вспомнимъ, что Наполеонъ III, покровительствуя іезуитамъ, все болѣе и болѣе вытѣсняетъ старый галликанскій духъ и лицемѣрною набожностію старается обмануть глаза толпы, — то для насъ сдѣлается яснымъ, что и здѣсь какъ и тамъ еще никоимъ образомъ не пробилъ смертный часъ для іезуитизма. Въ первую же страстную недѣлю послѣ возстановленія имперіи въ одной клерикальной газетѣ было напечатано: „Съ одною и тою же набожностью складывались и нѣжная рука графини, и мозолистая рука работника, соединенныя одинаковымъ усердіемъ къ молитвѣ и знатный, и простолюдинъ преклоняли колѣни другъ возлѣ друга. Никто не уклонился отъ этого рвенія къ религіи. *И всѣмъ этимъ мы обязаны*

(1) Nippold. l. c. p. 81.

чувствамъ нашего августѣйшаго императора, который такимъ усердіемъ одушевляетъ религіозныя церемоніи." Постоянное возрастаніе различныхъ духовныхъ орденовъ, въ особенности женскихъ, показываетъ, что подобное же благопріятное для іезуитовъ настроеніе проникло самые верхніе и самые нижніе слои французскаго общества. При этомъ, согласно поговоркѣ, что куртизанка въ молодости бываетъ богомолкою въ старости, нисколько не стѣснялись, даже при дворѣ, эксплуатировать полусвѣтъ, въ видахъ этихъ „благочестивыхъ" интересовъ. И такъ было бы желательно, чтобы вопреки боязливой полемикѣ ультрамонтанскихъ газетъ противъ подобнаго подрыва невѣжеству, обязательное образованіе научило французовъ чему нибудь лучшему. Пока большинство французовъ не будетъ умѣть ни читать, ни писать, до тѣхъ поръ не можетъ прекратиться и господство іезуитизма во *Франціи*. Желательно было бы также, чтобы и *Австрія* противодѣйствовала римско-поповскимъ притязаніямъ съ такою же энергіей, съ какою *баденское* правительство вооружилось недавно противъ анаѳемы фрейбургскихъ поповъ, произнесенной надъ президентомъ константскаго муниципалитета, и какъ въ новѣйшее время, Испанія отпустила „благочестивыхъ отцовъ" на всѣ четыре стороны, потому что только тогда будетъ возможно достигнуть, чтобы либеральныя реформы дѣйствительнымъ и прочнымъ образомъ вошли въ плоть и кровь австрійскаго народа.

* * *

Вліяніе іезуитовъ собственно на Пія IX доказывается, кромѣ вышеупомянутаго, не только проклятіемъ франкмасоновъ и энцикликой противъ либеральнаго духа времени, но, какъ я думаю, еще болѣе причисленіемъ къ лику святыхъ іезуитовъ Петра *Клавера* (16 іюля 1850), Іоанна *де Бритто* (18 мая 1852), *Андрея Боболы* (5 іюля 1853) и *Петра Канизія* (2 августа 1854). Изъ остальныхъ часто слишкомъ смѣшныхъ причисленій къ лику святыхъ я упомяну только о канонизаціи Торквемады съ польскою братіей и горкунскими мучениками, такъ какъ эти канонизаціи ясно доказываютъ, что,

подобно іезуитамъ, и Пій IX одобряетъ умерщвленіе иномыслящихъ людей; иначе какимъ образомъ могъ бы онъ канонизировать этого кровожаднаго инквизитора? И такъ и съ этой стороны отъ папства не только нельзя ничего ожидать, но, напротивъ, всего можно бояться.

Поэтому наблюдайте, чтобы всеобщее благосостояніе не потерпѣло никакого вреда и прежде всего изгоните іезуитовъ и римскихъ поповъ изъ семействъ и школъ, затѣмъ изъ судовъ, канцелярій и съ каѳедръ и наконецъ изъ страны на какой нибудь уединенный островъ, съ котораго они не могли бы вернуться, и гдѣ бы они, не имѣя при себѣ духовныхъ дочерей, кузинъ и кухарокъ, могли научиться тому, что̀ значитъ заработывать свой хлѣбъ въ потѣ лица и ради небеснаго блаженства пренебрегать темнымъ, или, говоря языкомъ папы-короля, „отказываться отъ земныхъ интересовъ и стремиться только къ интересамъ небеснымъ.“ Что имъ дѣлать у насъ, „гдѣ все стремится къ земному и гдѣ повсюду только и говорятъ что о желѣзныхъ дорогахъ, фабрикахъ и промышленности?“ ([1]).

Знаю, что удаленіе поповъ — задача не легкая; потому что римская церковь въ числѣ 139 миліоновъ своихъ послѣдователей насчитываетъ 300,000 монаховъ и монахинь, 325,600 человѣкъ бѣлаго духовенства, 79 кардиналовъ, 12 патріарховъ, 146 архіепископовъ, 624 епископа и одного папу.

И такъ, возстаньте друзья человѣчества и любви къ ближнему во всѣхъ странахъ Европы и, забывъ мелочные раздоры, соединитесь крѣпкимъ союзомъ, бросьте перчатку этимъ постриженнымъ пьявицамъ рода человѣческаго. „Противодѣйствовать такой силѣ скептическою насмѣшкой или посредствомъ піетистическихъ сходокъ просто смѣшно.“ Столько же смѣшно ожидать отъ этихъ душъ, закоренѣлыхъ въ любостяжаніи, властолюбіи и эгоизмѣ, обращенія къ лучшему, къ свободѣ и миру, потому что—

„они должны остаться какъ они есть или же не существовать вовсе.“

([1]) Слова Пія IX къ проповѣдникамъ 1866 г.

А къ католикамъ взываю я, чтобы они хоть разъ открыли свои ослѣпленные суевѣріемъ глаза и увидали, что римское поповство и христіанство такъ различны другъ отъ друга, какъ бѣлое и черное, тьма и свѣтъ, человѣческое бѣдствіе и человѣческое благо. Потому что *истинное христіанство не желаетъ никакого язычески деспотическаго государственнаго устройства, никакого обоготворенія немногихъ ко вреду всѣхъ, но оно хочетъ быть, какъ оно и есть въ дѣйствительности, равноправнымъ союзомъ всѣхъ людей въ истинѣ и любви, въ свободѣ и мирѣ ко благу всѣхъ.*

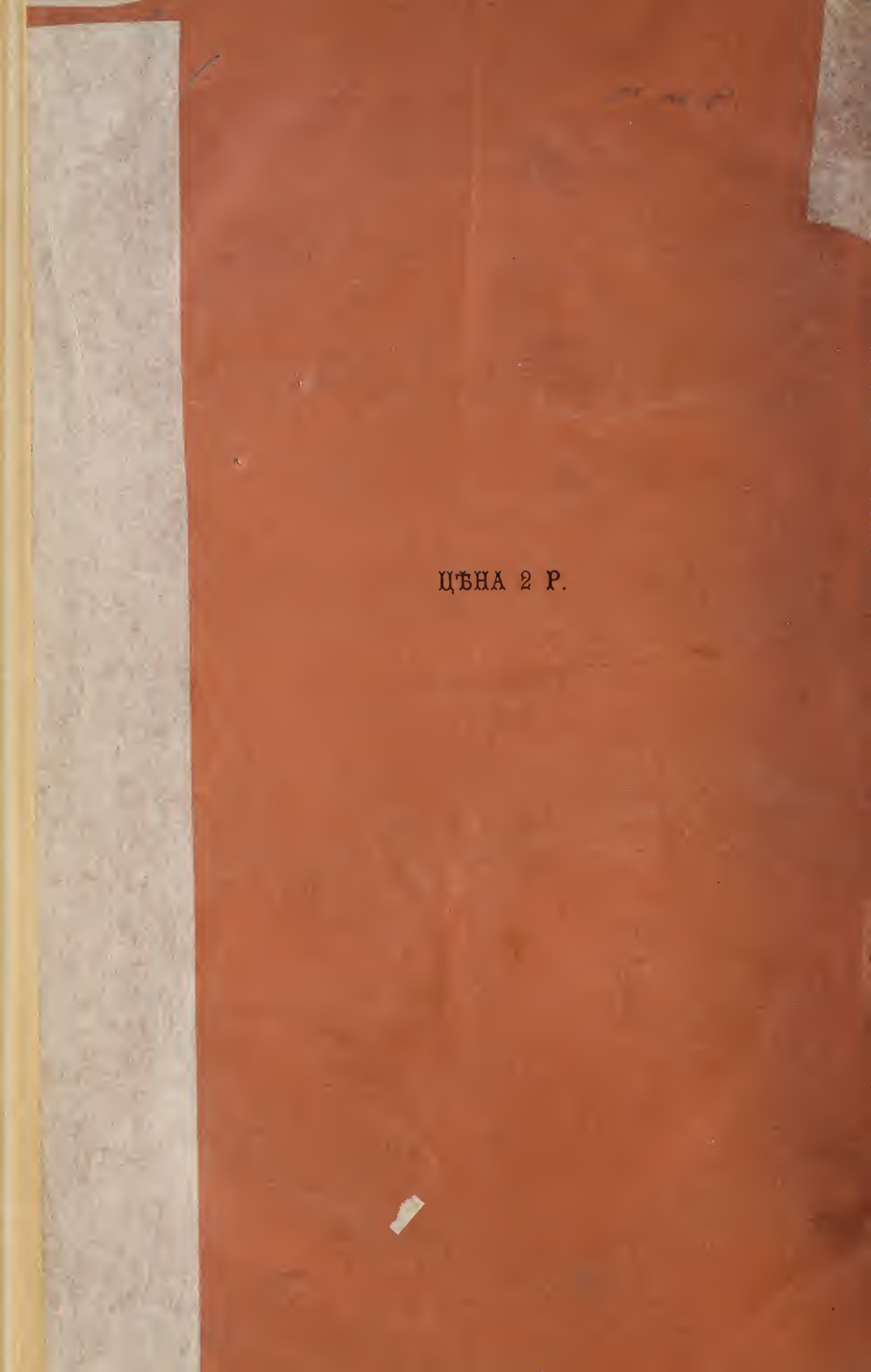
Совершить полное ниспроверженіе свѣтской власти папства и его средневѣковаго реакціоннаго вліянія легче, чѣмъ устранить его духовное могущество. Потому что „этотъ тронъ, который по большей части былъ центромъ и первообразомъ политической системы Европы, *преемникомъ императорскаго Рима*, наслѣдникомъ его духа,—этотъ тронъ въ наши дни находится въ состояніи дряхлости и сохраняетъ свое существованіе только признаніемъ своего безсилія. Поддерживаемый штыками иностранной державы и неспособный поддерживать самъ себя, онъ уже не есть живой организмъ, его наружность есть физіономія мертвеца. И этотъ тронъ поколебался и долженъ окончательно рухнуть, такъ какъ онъ несомнѣнно доказываетъ собою ту „великую истину, что правительство, желающее имѣть успѣхъ, должно сообразоваться съ вѣчно мѣняющимся умственнымъ состояніемъ общества; что политика, которая въ одномъ столѣтіи имѣетъ своимъ результатомъ высшее благосостояніе (?), ведетъ только къ погибели и бѣдствію въ другомъ.“ Онъ колеблется и долженъ окончательно рухнуть, „потому что онъ представляетъ собою союзъ политики съ теологіей, и потому что европейскій духъ провозгласилъ раздѣленіе ихъ, сдѣлалъ его анахронизмомъ.“ Онъ колеблется и долженъ окончательно рухнуть, „потому что его государственное устройство находится въ существенномъ радикальномъ противорѣчіи съ духомъ вѣка (¹), въ которомъ

(¹) Hartpole Lecky, I, c., II, 102.

секуляризація политики есть масштабъ и условіе всякаго политическаго благосостоянія или, другими словами, онъ колеблется и долженъ окончательно рухнуть, потому что онъ всегда упорно отворачивался отъ свободнаго индивидуальнаго развитія, какъ въ философскомъ, такъ и въ христіанскомъ смыслѣ, и такимъ образомъ въ теченіе времени, быстро идущаго впередъ, превратился въ политически-безжизненную мумію.

Въ такомъ же состояніи, какъ свѣтское могущество, находится и духовное главенство папства; такъ какъ и оно есть порожденіе и подражаніе языческаго деспотизма, и потому оно, убѣгая отъ благотворныхъ свѣтлыхъ лучей неутомимо-пытливаго разума, навсегда исчезнетъ въ той вѣчной тьмѣ, изъ которой оно возникло и въ которую оно желало бы навсегда загнать свободный духъ человѣческій.—*Да будетъ такъ!*

ЦѢНА 2 Р.

LIBRARY OF CONGRESS
0 020 830 966 3